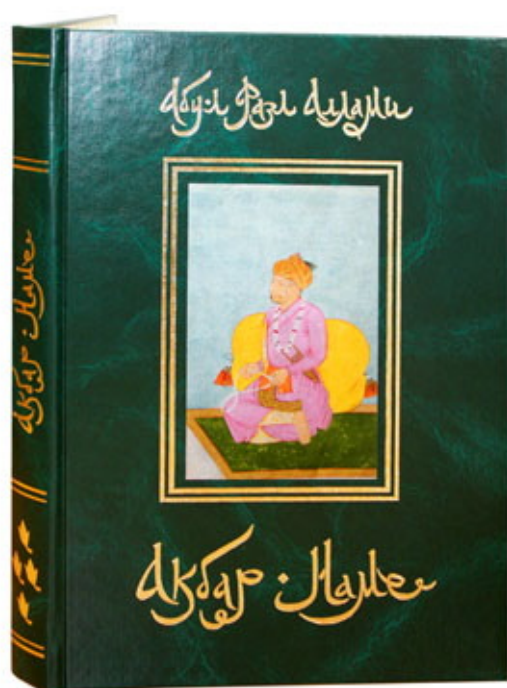

THE AKBARNAMA

of

Abu-l-Fazl

**Translated from Persian
by H. Beveridge**

Абӯ-л Фазл Аллами

АКБАР-НАМЕ

Книга четвертая

Самара
Издательский дом «Агни»
2009

ББК 63.3(5)

А17

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым
коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»*

*Издательство выражает глубокую признательность
Санкт-Петербургскому филиалу Института востоковедения РАН
и Российской национальной библиотеке
(г. Санкт-Петербург) за содействие в подготовке издания*

Научная подготовка С.Н. Воробьёвой
Перевод с английского: И.О. Клубкова, А.Е. Дунаев
Художник-оформитель Н.В. Краснова

Абу-л Фазл Аллами

А 17 Акбар-наме. Книга четвертая. — Самара: Издательский дом «Агни», 2009.
— 320 с.: ил.

ISBN 978-5-89850-114-3

Четвертая книга «Акбар-наме» — продолжение впервые издаваемого на русском языке грандиозного труда, созданного в XVI веке визирем падишаха Акбара — Абу-л Фазлом Аллами. Процесс становления государства Великих Моголов представлен в повествовании эпизодов жизни великого правителя на фоне исторического развития средневековой Индии.

Книга сопровождается подробным научным комментарием, именным и географическим указателями, проиллюстрирована репродукциями уникальной персидской и индийской миниатюры XV–XVII веков из собраний Российской национальной библиотеки и Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Книга будет интересна любителям истории, литературы и искусства Востока.

ISBN 978-5-89850-114-3

ББК 63.3(5)

©Издательский дом «Агни», 2009

Глава 46

Начало 8-го Божественного
года с момента священного
Восшествия на престол [Его Величества]
Шахиншаха — года абан первого цикла

В то время когда вечно молодой дух Его Величества Шахиншаха предавался радостям музыки и услаждал слух почитателей этого искусства, прозвучала высокая и восхитительная песнь приближения Нового года. Таким образом удовольствие выразило себя без слов.

Это время, когда сад дышит радостью,
Сотня певцов распаляет слух весны
Огнем розы, зажженной утренним ветром,
Кровь закипает в венах садовых птиц.

Всё в природе продолжало совершенствоваться благодаря питающему жизнь изобилию земли, [щебет] стай садовых птиц достигал слуха цветов. Виночерпии времени вливали напитки радости в уста века, соловьи в полуопьянении начали отбивать клювами аккорды блаженства. 182

Птицы на каждой ветке были подобны органу.
Розовый куст расцвел от звуков музыки.
Из-за чарующего напева
Музыкант прекратил играть.

Спустя девять часов тридцать восемь минут, в четверг, 15 раджаба 970 г.х. (10 марта 1563 г.), Солнце вошло в дом своего возвышения, и начался Божественный год абан, восьмой с момента Вступления на престол, а земля и ее обитатели обрели новую радость. В начале этого года Ходжа Абд-ал-Маджид Асаф-хан¹ одержал победу над раджей Рам Чандом и Гази-ханом Таннури, и была завоевана область

Панна. История этого замечательного события такова: Ходжа Абд-ал-Маджид, награжденный за свои способности титулом Асаф-хана, возвышенный от пера до меча², вставший в один ряд с теми, кто совмещает [владение] мечом с [владением] пером и является мастером как мира, так и войны. Из-за своих способностей и старательности он был готов захватить и Панну, страну, расположенную рядом с его землями. Однако поначалу направил послания с добрыми советами Рам Чанду, известному в Индии радже, чьи предки правили этой страной уже не одно столетие. Асаф-хан предложил ему сбросить чалму гордости, вставить в ухо серьгу покорности и зачислить себя в список данников. Он также предложил ему отправить ко Двору Гази-хана Таннури, который пошел дорогой мятежа и теперь укрывался у него. Рам Чанд, чело которого не было озарено благоприятным светом, остался глух к этим советам, а упоминание о покорности и повиновении только усилили его гордыню и надменность. На свое несчастье он начал готовиться к войне. Асаф-хан, поддерживаемый величием царского рода, двинулся на него во всеоружии. Раджа выступил с Гази-ханом Таннури и огромными силами раджпутов, и храбрые воины с обеих сторон омыли руки своих жизней, вступив в страшный бой.

183

Храбрецы сражались с луками и стрелами,

Бились на копьях и мечах.

Мир был наполнен дротиками с алмазными наконечниками,

Ветер от пыли и крови веял багрянцем.

В великой битве Асаф-хан вышел победителем, а Гази-хан Таннури и многие другие военачальники были преданы мечу. Раджа Рам Чанд потерпел поражение и укрылся в крепости Бандху³, самой сильной крепости в этих землях. В руках победителей оказалась огромная добыча. Одновременно по ходатайству известных раджей⁴, удостоенных особой милости благодаря долгому служению, был издан указ, что раджа Рам Чанд надел серьгу повиновения и засвидетельствовал свое почтение, и ныне он включен в число подданных порога, и на его землю запрещается вторгаться. Вследствие этих указов Асаф-хан вернулся в принадлежащие ему владения.

Глава 47

Назначение Муним-хан Хан-ханана в Кабул и события, последовавшие за этим

Так как мироукрашающий разум Шахиншаха был непрестанно обращен к делам управления Кабулом и следил за обстановкой [в этой области], ему стало известно, что Фазил бек¹, брат Муним-хана, вместе с Амир Бабусом, Шах Вали Аткой, Али Мухаммадом Аспом, Сеондж Сидхи Махи, Ходжа Хас Маликом и рядом других людей, сообщили вершине целомудрия, Мах Чучак бегим, матери Мухаммад Хакима, о злоупотреблениях Гани-хана и сделали всё возможное, чтобы выдворить его из Кабула, обители удовольствий. Потому он назначил Муним-хана наставником мирзы Мухаммад Хакима и отправил его в Кабул. Дело было так. Хотя очи Фазил бека лишились способности видеть, тело его вследствие лживой и бунтарской натуры [этого человека] смотрело во все глаза. Его всегда беспокоило и не удовлетворяло правление племянника, и на самом деле Гани-хан, сын Муним-хана, не обладал рассудительностью и здравым мышлением. Кроме того, опьянение властью свело его с пьедестала умеренности. Плохая компания — наихудшее из зол человеческих — тянула его арканом уничтожения с высот благополучия в глубины страданий. И наконец, эта шайка втянула в свои дела благородную даму, бегам. В начале шахриюра, Божественного месяца, седьмого года [середина августа 1562 г.] Гани-хан направился в Зама² посетить дынные бахчи. [Тогда] они укрепили город и заперли от него ворота крепости. Он собрал силы и подошел к [городу] напротив Делийских ворот, став лагерем на поляне Сиях Санг. Но не смог достичь своей цели. Кама-хан Кабули *котвал* отправился с посольством, думая, что сможет хитростью и уловками чего-то добиться. Вышеупомянутые лица

ответили, что Гани-хан не был назначен к управлению Его Величеством Шахиншахом, и из-за его тирании и излишеств народ оказался в тяжёлом положении. Поэтому лучше ему убраться восвояси. Если он хочет получить эти земли обратно в управление, ему следует отправиться ко Двору, где рассмотрят его поведение, и он должен принести приказ от дивана Халифата, который будет выполнен. Во время этих переговоров люди стали покидать его [Гани-хана]. Простояв там уже значительное время и поняв, что не сможет войти в город, и его вот-вот захватят, он, по совету Хамзы Араба и Мир Магис-ад-дина из Нишапура, отправился в Джалалабад. Все его имущество, оставшееся в городе, было разграблено. Причиной такой храбрости кабульцев в данном случае стало происшествие с Тулак-ханом Кучином.

Вкратце остановимся на случившемся. Гани-хан, юношеская самонадеянность и опьянение которого дополнили его природную порочность, полагал, что его достижения заключаются в чужих потерях. И вел себя оскорбительно и легкомысленно, и не придавал значения положению людей. У него были плохие, грубые манеры. Однажды он без причины арестовал Тулак-хана Кучина, известного своей отвагой приближенного придворного Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни. И заточил вместе с ним нескольких родственников в тюрьму.

Не всякий, кто творит зло, делает его вам,
Поистине, он причиняет зло самому себе.

В конце концов несколько разумных людей вмешались и освободили его. После подобного оскорбления Тулак-хан уехал в селение Мама Хатун³, свое земельное владение. Там он покрыл стопу мужества полнейшим терпением и стал ждать случая, чтобы отомстить. Тем временем ожидался караван из Балха. Гани-хан узнал о его прибытии в Чарикаран и отправился с несколькими людьми навстречу, чтобы выбрать товары, объявив, что собирается посетить Ходжа Се Яран⁴ — очаровательное местечко. Там он закатил пьяную пирушку и сыграл мелодию потворства своим желаниям. Когда Тулак-хан, всё это время думавший о мести, узнал о его поездке, то посчитал момент удобным и поспешил за ним с родными и слугами. В полночь настиг Гани-хана, уже ничего не

соображавшего от вина и пребывавшего в полусонном состоянии, и схватил свою дичь. Он пленил его и Шагуна, сына Карача-хана, и заточил обоих в тюрьму. А также излил гнев сердца в упреках. Полагая, что, захватив управителя города, сможет захватить и сам город, он повернул назад и, сокрушив ополчение Кабула, стал лагерем у Ходжа Риваша⁵, что в двух косах от Кабула. Фазил бек и Абу-л Фатх, его сын, а также люди Гани-хана приготовились к войне. Тулак-хан понял, что его предприятие не увенчается успехом, и ему не удастся захватить город. Решив удовольствоваться малым, предложил мир и раздел территории. Фазил бек счел это предложение приемлемым, ибо желал освободить племянника, и послал главу города к Тулаку. Он передал ему территорию от Мамура-и-Пай-Минара до Зухака⁶ и Бамиана, что составляло примерно пятую часть [земель] Кабула. Таким образом, погасил пламя беспорядков, спас Гани-хана из его [Тулака] когтей.

О Мудрец!⁷ Помни о длани судьбы —
 Воздастся тебе за деянья твои.
 Благополучие твое — в непричинении ближнему зла.
 Существует оживленный рынок воздаяния за добрые дела.

Гани-хан не захотел сделать Кабул обителью милосердия, а похоронил положения договора и соглашений в нише забвения. Он выступил против Тулака со всеми своими силами. А тот посчитал неразумным оставаться в Кабуле и отправился с родственниками и людьми к мирозащитающему Двору, выбрав широкую дорогу, ведущую в Индию. Гани-хан последовал за ним с большим войском. Так как у Тулак-хана не осталось пути к отступлению, он принял бой. Близ селения Зхала, что у переправы через реку Горбанд⁸, его атаковало кабульское войско и завязался бой. В итоге Тулак-хан с сыном Исфандияром и несколькими людьми и слугами отважно прорвались вперед через значительные силы [противника]. Бахаи Кучин, Мискин Кучин и некоторые слуги были убиты. Гани-хан вышел победителем и вернулся в Кабул. Там расстелил ковер тирании и самопрославления и простер руку еще большего угнетения над жителями [города]. И хотя он знал о плачевном положении дел мирзы Мухаммад Хакима, но не обращал

на это никакого внимания. Для людей мирзы и части жителей Кабула это стало последней каплей, и они присоединились к Фазил беку и его сыну Абу-л Фатху, чтобы свергнуть его [Гани-хана]. Но случилось так, что как раз в это время поспели дыни на бахчах селения Мамура, и [Гани-хан] загорелся желанием посетить их, забыв пословицу:

Ешьте дыни — какое вам дело до их грядок.

Поскольку время его падения подошло, он поехал на дынные бахчи и остался там на ночь. Абу-л Фатх бек и другие именитые люди города воспользовались возможностью и провели мирзу Мухаммад Хакима через Железные ворота, ударили в барабаны и затрубили в трубы. Великий шум поднялся среди малых и великих. Гани-хан, узнав новости, ринулся в замешательстве с несколькими своими людьми в город. Когда прибыл туда, то увидел, что расстановка фигур на шахматной доске изменилась, врата согласия заперты, а двери вражды распахнулись, и он не может приблизиться [к городу]. Если бы ему удалось подойти ближе, то, возможно, его спутники, у которых там остались семьи, покинули бы его или схватили бы и взяли с собой. Изумленный и расстроенный, он разбил палатку на склоне Сиях Санга и стал лагерем. Войско открыло по нему огонь, и по воле рока ядро ударило прямо по флангу. Когда Гани-хан это увидел, то отправился в Индию⁹ с сотней печатей позора и с тысячами неосуществимых желаний вернуться домой, к семье и управлению Кабулом. После того как Гани-хан уехал, вершина целомудрия, благородная дама Мах Чучак бегим, занялась делами Кабула и назначила Фазил бека *вакилом* мирзы Мухаммад Хакима. Так как он был слепым, его сын Абу-л Фатх занимался делами в качестве *наиб*¹⁰ отца, но поскольку не обладал ни великодушием, ни проницательностью, то забывал о справедливости при распределении земельных владений и поступал глупо. И что хуже всего, выделил лучшие земли себе и своим друзьям, а плохие отдал домочадцам мирзы и сильно притеснял его самого. Кроме того, он отдал Газни мирзе Хизр-хану, одному из предводителей хазарейцев, арестовал Бабус бека и передал последнего под его [Хизр-хана] надзор. Он также присвоил всю собственность Бабуса и рас-

тратил ее. Тот, кто лишен здравого смысла, светом которого мог бы руководствоваться в своих действиях, и не обладает острым зрением, которое предостерегло бы относительно поведения других, а также не имеет рассудительных друзей, советам которых мог бы следовать, несомненно, получит по заслугам в этом мире воздаяния. Таким образом, по прошествии двух месяцев такого положения дел достопочтенная мать мирзы и старые слуги не могли больше терпеть притеснений и препоясали чресла протеста. Некоторые из них, такие, как Вали Атка, Али Мухаммад Асп, Мирам, родственник Шах Вали, Масум Кабули, Сиондук, Иди Сармаст и многие другие, объединились против сына Фазил бека и стали ждать удобного момента. Однажды вечером они выманили его с этой целью из дома и устроили пьяную пирушку в шатре, разбитом во дворе Чахал Ситун (сорокаколонной) *диванханы*. Вино лилось рекой, бокалы наполнялись и осушались до самой ночи. Между тем Абу-л Фатх несколько раз порывался уйти. Но участники пирушки удерживали его пьяной лестью. Этот обреченный¹¹ пьяница не подозревал, что то был последний день его жизни. Когда наступила глубокая ночь и им овладел сон, [те, кто] сговорился пролить его кровь, обнажили мечи и вошли в шатер. Они убили его, и Мирам Бахадур, родственник Шах Вали, отрубил ему голову и насадил на копье. Его тело выбросили за стены крепости, и в Кабуле началось великое ликование. Когда Фазил бек узнал о судьбе Абу-л Фатха, то испугался и с помощью Мухаммад Санджара, который был сыном Хизр-хана Хазара и сын которого, Сикандар, стал зятем Фазила, собрал пожитки и хотел бежать в лагерь хазарейцев. Он отправился в путь, но несколько слуг мирзы, услышав об этом, последовали за ним. Они схватили его, привезли в крепость и предали смерти. После этого Шах Вали Атка стал верховным правителем Кабула. Вследствие собственной недалекости он наградил себя титулом Адил-шах¹² и назначил Хайдар Касима Кохбара Хан-хананом, а Ходжа Хас Малика, евнуха, сделал Ихлас-ханом¹³. Из-за высокомерия и невежества раздавал титулы, которые цари жалуют своим друзьям. Собственными руками он готовил себе конец. Очень скоро бегим заподозрила его в подготовке мятежа и отправила в обитель уничтожения. Она взяла на себя бразды правления Кабулом и из разумных соображений

назначила *вакилом* мирзы Хайдар Касима Кохбара, предки которого служили Его Величеству Гити-ситани Фирдус-макани и Его Величеству Джаханбани Джаннат-ашияни. Мы уже достаточно отклонились от нашего повествования в целях оживления рассказа.

Наконец, когда вести об изгнании Гани-хана и о плачевном положении дел в Кабуле были доставлены к возвышенному Двору, острый и пронизательный ум Его Величества Шахиншаха узрел, что Муним-хан жаждет отправиться в Кабул. Он решил назначить его опекуном мирзы Мухаммад Хакима и послать в Кабул, дабы мог отомстить за своего сына и улучшить жизнь кабульцев, а также по достоинству оценить милость и мягкость Шахиншаха. Подчиняясь этому мудрому решению, Муним-хан, отправленный ранее против *раджи*¹⁴ Меоса, был отозван из Этавы и направлен на важную службу. Многие военачальники, такие, как Мухаммад Кули-хан Барлас¹⁵, Хайдар Мухаммад-хан Атка Беги, Шах Хусейн-хан Никадари, Хасан-хан, брат Шихаб-ад-дин Ахмед-хана, Таймур-хан Икка¹⁶, и другие смелые и выдающиеся люди получили туда назначения. Поскольку Муним-хан не оценил благодеяния Его Величества и не понял, сколь велика его милость, и так как он недостаточно знал кабульцев, то посчитал это назначение великим достижением и во всю прыть помчался в Кабул¹⁷, как только получил на то разрешение. И двигался быстро, и прибыл в Джалалабад. Он делал короткие привалы, так что к нему не могли присоединиться дополнительные силы, и не оказалось поблизости Мухаммад Кули-хана Барласа, правителя Мульта, имевшего большое войско. Когда бегим узнала о приближении Муним-хана, то держала совет с кабульскими военачальниками и решила, что необходимо собрать солдат и аймаков, чтобы те вместе с мирзой выехали навстречу Муним-хану, дабы битва прошла в Ламганате. Если они одержат победу, то ни о чем лучшем и мечтать нельзя, но если их постигнет неудача, тогда они смогут присоединиться к племенам махманд и халил¹⁸, и направятся оттуда служить Его Величеству Шахиншаху, и пребудут под его защитой. В противном же случае Хан-ханан отомстит посредством всевозможных наказаний за своего брата, сына и племянника.

Когда Муним-хан достиг Дех-Гуламана¹⁹, пришли известия, что Иди Сармаст прибыл в Джалалабад и укрепляет его. Войска во главе

с Таймуrom Иккой и Ходжа Киланом были направлены туда против Иди. Тот усилил крепость и вышел дать бой. На следующий день Хан-ханан двинулся на осаду Джалалабада. Тем временем пришло донесение о прибытии Мухаммад Хакима и кабульского войска. Джабар Барди бек²⁰, некогда служивший Его Величеству Фирдус-макани и ставший дервишем, а ныне путешествующий с войском, был направлен к мирзе узнать, можно ли уладить дело мирным путем. Если нет, то решили назначить сражение на следующий день, ибо звезда находилась на горизонте²¹. Из передового отряда прибыл Таймур Икка и доложил, что численность противника невелика, и не стоит откладывать бой до завтра, так как враг может ночью уйти, и дело затянется. Хан-ханан в силу своего желания и в результате наущений Хайдар Мухаммад-хана, а также по причине любви обоих к Кабулу и высокого мнения о собственном мужестве склонился в сторону битвы. Тем временем был убит Ходжа Килан, командовавший авангардом. Мирза Хасан²², находившийся с левого фланга, не двинулся с места, а Какшалы и другие отряды, располагавшиеся с правого фланга, также не исполнили свой долг. Абу-л Маали *топчи* [пушкарь]²³, которого кабульцы наградили титулом Руми-хана, расположил фейерверк (гранаты?) вокруг своей лошади, и один заряд (*тир*) попал в Чалму Хисари и убил его. Поскольку из-за смерти Ходжа Килана люди пали духом, они бросили поводья и нетвердо держали ногу в стремени. Сражение произошло близ Чарбага²⁴, у гробницы (*мукам*) Ходжа Рустама. Муним-хан потерпел поражение, явившееся карой за то, что он не сумел оценить оказанную ему милость, и наказанием за самонадеянность — худший из грехов человеческих. Некоторые люди проявили преданность и присоединились к кабульцам. Всё имущество Муним-хана было разграблено. Баязид бек²⁵, один из приближенных сторонников Муним-хана, сообщает, что у того имелось 30 *лакхов* рупий в специях и товарах, и их разорили. Если бы враг не был так занят добычей, то Муним-хана самого схватили бы²⁶.

Потеряв всё, Муним-хан отправился в Бикрам (Пешавар) и остановился там на несколько дней, не зная, что ему теперь делать. Наконец послал Яри Тавачи²⁷ с донесением ко Двору, сообщая, что ему стыдно являться перед возвышенным порогом. И надеялся, что ему

позволят отбыть в Мекку, дабы мог в этом священном месте очистить себя от грехов, а потом приехать и поцеловать [царский] порог. Так как из-за злосчастной звезды он не понял всей глубины Высочайшей милости, то получил то, что получил. Если царь не будет столь снисходителен и не позволит ему уехать, он надеется получить на какое-то время земельное владение в Пенджабе, ибо потерял всё имущество, и ему нужно хоть что-то приобрести, а затем уже приедет и засвидетельствует свое почтение. Отправив прошение, он уже не мог больше оставаться в Бикраме. И отправился оттуда к Инду. Затем, опасаясь врагов, пересек Инд и прибыл в земли гхаккаров, где решил сделать передышку²⁸. И остался там на какое-то время, и Султан Адам отнесся к нему гуманно. Хан-ханан был очень встревожен — не мог ни ехать дальше, ни оставаться на месте. И проводил все дни в метаниях. Когда Его Величество Шахиншах услышал о его состоянии, совершенно непохожем на состояние поверхностного человека, поглощенного земными заботами, то послал милостивые распоряжения и весомыми указаниями и [истинным] милосердием освободил его от страданий. На прошение относительно земельного владения в Пенджабе он ответил, что не отбирал у него прежних владений, которые не хуже пенджабских земель, такие, как Хисар Фируза, *саркар* Этава, Хайрабад, Шахпур, Каланур, Джаландхар, Андари²⁹, и т.д. Так как не намечалось никакого похода против гхаккар, нет необходимости оставаться в Лахоре. Ему следует явиться [пред светлые очи] сразу по получении сего указа. Как только Муним-хан узнал о царской милости, то направился ко Двору. Таким образом, прибыл туда в середине восьмого года Божественной эры — в конце 970 г.х. [конец августа 1562 г.]. Милости Шахиншаха погрузили (*магнур*) его в море снисходительности и обогатили (*мамур*) на материке доброты. Пыль стыда и туман уныния оказались сметены с его чела, и он был одарен особыми царскими милостями. Так Муним-хан узнал совершенные качества Шахиншаха, и черные мысли от поездки в Кабул покинули его сердце. Он пришел в уравновешенное состояние и подпоясал чресла [поясом] усердного служения. Священное сердце Шахиншаха желало, чтобы Муним-хан остался с ним, а тот из-за своего невежества и неблагодарности не

видел этого. Наконец он понял собственную выгоду и, [вознося] сотни молитв, самозабвенно связал себя с порогом судьбы. Счастливая звезда его фортуны поднималась с каждым днем всё выше, и [Муним-хан] достиг высокого положения.

В то время случилось так, что исполненное радости сердце Его Величества Шахиншаха возжелало поохотиться, и он отправился с избранными людьми в окрестности Матхуры. Охота шла успешно. Однажды этот охотник на тигров добыл сразу семь. Пять из них были смешаны с пылью стрелами и пулями, а одного сей образец храбрости захватил живым, что стало предметом тысяч восторженных возгласов. Ещё одного поймали совместными усилиями несколько *бахадуров* [храбрецов]. До его сведения довели, что у правителей Индии уже долгое время было в обычае взимать денежные поборы с людей, приходящих на поклонение в священные места, соразмерно их рангу и состоятельности. Это (поклонение) называлось Карма³⁰. Шахиншах, по своей мудрости и терпимости, упразднил все эти налоги, что приносили *кроры* [миллионы рупий]. Он смотрел на подобное присвоение собственности как заслуживающее порицания и издал указы, запрещающие этот налог на период своего правления. В былые времена люди действовали столь низко по отношению к почитателям Бога из-за подлости, жадности и фанатизма. Его Величество часто говорил, что даже если глупость [последователей] секты очевидна, они не знают, что идут по ложной дороге, и взимание с них денег и создание препятствий на пути, который стал для них средством достижения возвышенного порога Единения, и который они считают поклонением Создателю, достойно осуждения проницательным разумом и противоречит воле Аллаха.

Когда разум [Его Величества] отвлекся от охотничьих забав, он принял решение пройти пешком восемнадцать *косов*³¹, дабы дойти за один день до столицы. И с несколькими избранными вельможами ступил на тропу мужества. Среди участников похода были Юсуф Мухаммад-хан Кокалташ, Мирза Кока, Саиф-хан, Шуджаат-хан, Мир Али Акбар³², Хаким-ал-мулк³³, Дастам-хан, Шимал-хан, Матлаб-хан и другие. Из них никто, кроме Мир Али Акбара, Хаким-ал-мулка и Шимал-хана, не мог поспеть за ним.

Глава 48

Доблестное завоевание царскими войсками страны такхаров

Поскольку мир низший и стихийный зависит от милости мира святого и небесного (и доказательство сей чудесной истины в том, что государственное и финансовое правление великих государей соединено с честностью намерений и праведным мышлением, являющихся частью небесного мира), то действиям любого оплота удачи, — который не выходит из своей сферы деятельности под влиянием внешней пышности и земного величия, каковой упражняется в воспитании сердец и обращает свой талант к умиротворению высоких и низких, и чья неизменная благодать приводит к осуществлению его замыслов во всей возможной полноте, и понимающего, что он есть страж человеколюбия, — способствует Аллах и наделяет их успехом, и день ото дня открываются всем знаки его растущего могущества, в то время как его недругам причиняют страдания даже их друзья, и [они], испытав многообразные горести, ввергаются в бездну погибели. С другой стороны, если внутренняя природа любого, являющего пример [милости] небесного царства, развращена порочными мыслями похоти и чувственности, то итогом станет обратное описанному. Свительник его владычества будет источать свет лишь короткое время, подобно горящей траве, и росток его удачи вскоре исчезнет, словно тень от дерева. Хотя мудрые сердцем и не нуждаются в подобном вступлении, однако поскольку цель сей книги, славящей Аллаха, — это руководство для большинства [людей], она обращается к прежним временам и к отдаленным землям, дабы приложить мазь к глазам близоруких и тех, чье зрение замутнено, каковыми, в силу различных замыслов

[Аллаха], всегда полон мир. Возвышенные деяния *Хедива Века* (для них) являются писаной притчей.

Итак, в том благословенном году была дана возможность лучшего различения для проникательного [лучшего] видения для близорукого — завоевание земли гакхаров. Их край лежит между Индом и Беасом, в горных теснинах, среди круч и пещер. Хотя в прежние времена правители Индии, располагая большими силами и отличным вооружением, пытались навести там порядок, они не преуспели, ибо не обладали иным умением, кроме создания видимости, а также не питали достойных намерений. Как уже было сказано, узел не удалось распутать их усилиями. Ныне, когда мир обрел благодать и украсился великолепным замыслом и безупречными деяниями Его Величества *Шахиншаха*, а обитатели земные и небесные достигли благополучия духовного и земного вследствие его существования, сие великое начинание, которое не удалось исполнить прежним правителям Индии, превосходно осуществилось благодаря удаче *Шахиншаха*. Страна перешла под власть царских слуг.

Итак, рассказ об этом великом благе. Поскольку племя гакхаров постоянно похвалялось своей верностью и прямотою, тот кладезь снисходительности и мягкости (*Акбар*) взирал на их край милостивым взглядом. Учтивым служителям великих мужей земли — если они не могут находиться в свите [*Акбара*] — надлежит время от времени пользоваться счастьем лобзания порога; Султан Адам и управляющие теми землями, осыпанные милостями *Шахиншаха*, совершенно пренебрегали сей обязанностью. Тем не менее Его Величество [*Хумаюн*] хранил воспоминание о незначительной услуге¹, оказанной Султан Адамом, и потому не замечал подобных прегрешений. Впоследствии, когда престол мирового владычества озарило сияние Его Величества *Шахиншаха*, *Камал-хан*², продолжая прошлую службу и [следуя] преданности своей семьи, высеченной в его сердце, прибыл с молящим лицом к возвышенному Двору, и, облобызав порог, придал новое основание столпу наследственной преданности, и проявил себя приверженцем победоносного стремени. Луч милости коснулся его, и он получил достойные земли. Во время борьбы между Хан Заманом и сыном Адли он держал владения

в саркаре Лакхнау и в парганах Хансва³, Фатхпур⁴ и других. Повинуясь приказаниям, [Камал-хан] также привел с собой многочисленное войско и вступил на службу. И отличился в той войне, ставшей испытанием мужей, и, когда изрекающие истину сообщили Его Величеству о его заслугах, к нему отнеслись с еще большим расположением, и доверие к нему возросло. Поэтому Его Величество с радостью изрек: «Камал-хан исполнил свой долг, теперь пришло время нам оказать ему милость; какое бы желание он ни имел, оно будет удовлетворено». В эту благоприятную пору Камал-хан передал через приближенных Его Величества, что Шахиншах осыпал его милостями, превосходящими его заслуги. Теперь же он, движимый привязанностью к родной земле, надеется, что сумеет получить от его царской щедрости управление владениями своего отца. (Ибо из-за того, что на него обрушились беды, и он был пленен Салим-ханом, его наследственные земли перешли под власть его дяди [Султан] Адама. От этого дяди (ам) он претерпел тысячи притеснений (гам).)

Вот краткое повествование об этом деле. Султан Саранг бесстрашно повел войну с Шер-ханом, однако в конце концов он и его сын Камал-хан оказались в плену. Саранг был умерщвлен⁵, а Камал-хана держали в заточении в крепости Гвалиар. Но, несмотря на такую беду, их земли не удалось захватить, и племенем управлял Султан Адам, брат Султан Саранга. Когда Шер-хан умер и настал черед Салим-хана [править], он также приложил великие старания, чтобы захватить страну, но не имел успеха. Одно из чудес произошло, когда Салим-хан приказал умертвить всех пленников в крепости Гвалиар и для этого вырыть подкоп под тюрьмой, наполнить его порохом и поджечь. Произошел взрыв, здание было разрушено, а заключенные разорваны на куски; Камал-хан находился внутри, однако судьба уберегла его от гибели. Угла, где он сидел, не достиг ни один язык пламени. Когда Салим-хан узнал об этой Божественной защите, то взял с него клятву (верности) и освободил. С того времени Султан Адам, его дядя, безраздельно правил страной, тогда как Камал-хан проводил свои дни в печали. Наконец в начале царствования Его Величества Шахиншаха он прикрепил себя к узде вечного владычества и встал на путь преданности.

Когда же описал собственные несчастья и попросил [вернуть] его родные земли, из точки восхода справедливости снизошел приказ, коему послушен мир, чтобы земли гакхаров, которые держал Султан Саранг и каковыми ныне владел Султан Адам, были поделены на две части, и Султан Адам получил бы одну, а Камал-хан — другую. Соответствующие повеления направили Хан Килану Мир Мухаммад-хану⁶, Махди Касим-хану, Кутб-ад-дин Мухаммад-хану, Шариф-хану, Джан Мухаммад-хану Бахсуди, радже Капур Део и радже Рам Чанду, которые (все?) держали земли в Пенджабе. Если Султан Адам не подчинится этим приказам, из Пенджаба надлежало выступить войску для завоевания его владений и покарать его за упрямство, дабы все необузданные крестьяне получили предостережение. Когда Камал-хан достиг предела своих надежд, то покинул возвышенный порог и явился в Пенджаб. Именные военачальники сообщили Султану Адаму о распоряжении Его Величества. Он и его сын Лашкари, управлявший всеми делами отца, отвернули голову от послушания мироукрашающему приказанию и выдумали оправдания, худшие, чем сам проступок. Они не соглашались уступить даже малейшую толику одолженной им власти или [допустить], чтобы Камал-хан получил свое наследие. Военачальники из осторожности доложили о положении дел Двору. Вновь вышел указ справедливости с величественной царской подписью (*тугра*), гласивший, что хотя [Султан] Адам с первого же мига преступил границы повиновения, однако, поскольку повелитель расположен к нему, ему будет дозволено сохранить половину территории, если другую половину он передаст сыну брата. Если же будет продолжать упорствовать, то им надлежит покарать его и утвердить Камал-хана на всей территории. Поскольку тот [вновь] проявил строптивость, войско двинулось и вступило на земли гакхаров. [Султан] Адам упорствовал в собственном безрассудстве и приготовился сопротивляться. В окрестностях городка Хилан⁷ произошла великая битва. Так как храбрость и решительность присущи характеру гакхаров, сражение было кровавым, однако, поскольку царским войскам неизменно сопутствует помощь Аллаха, сверкание победоносных мечей счистило ржавчину с поля сечи притеснителей,

и те звероподобные дикари пересекли пустыню поражения. Доброй удачей Шахиншаха стала одержанная победа, которая могла явиться достойным обрамлением великих свершений, а Султан Адама захватили в плен. Его сын Лашкари спасся и направился в горный край Кашмир. Некоторое время скитался, но затем был схвачен. Все земли гакхаров, которые не сумел завоевать никто из правителей Индии⁸, благодаря высокому вдохновению оказались покорены небольшим числом царских слуг. В согласии со священным указом военачальники передали все земли гакхаров Камал-хану и утвердили его там. Они ушли обратно, передав ему Султан Адама и сына последнего. Из-за того что Камал-хан был непоколебим и неукло-нен в своей покорности возвышенному Двору, он обрел удачу, какой не достигал даже в мечтах. И отправил Лашкари в место, откуда нет возврата, и заточил Султан Адама, и держал под надзором до конца его дней. Если бы они склонили шеи перед царскими распоряжениями, которые неизменно [нисходят] как испытания небес, их не настигла бы сия беда. И если бы они удовольствовались половиной земель, им не пришлось бы горевать из-за утраты целого. Своим постыдным непослушанием царским велениям, которые — зеркало велений Божественных, они предали разрушению свои жизни, свое достояние и свой кров.

Среди прочих событий значилось прибытие из Кашгара Ходжа Муина⁹, сына Ходжа Хаванд Махмуда, и лобызание им ковра Шахиншаха. Хвала Аллаху! Так же как благодаря растущей с каждым часом удаче Шахиншаха — год за годом, месяц за месяцем, неделя за неделей и день за днем — становилось очевидным завоевание стран, возделывание земель, безопасность на дорогах, снижение цен, так и толпы народа — турки, таджики, воины, торговцы, муллы, дервиши и прочие — приходили из семи климатов¹⁰, и касались челом мольбы порога мира, и обретали успех духовный и мирской. Среди прочих из пределов Кашгара явился Ходжа Муин, воплощение святости. Он был сыном Ходжа Хаванд Махмуда, сына Ходжа Абд-ал-лаха, известного как Ходжаган Ходжа¹¹, родного сына сокровищницы наставлений Насир-ад-дин Ходжа Убайд Аллаха¹². Ходжа Хаванд Махмуд¹³ славился среди братьев и ос-

тальных [членов] семьи замечательными качествами и нравственной чистотой. В пору своей юности, познав обычные науки, он поставил стопу на стезю изгнания, и объехал Ирак и Хорасан, и явился в Шираз. Овладев наукой медицины в школе ученого века, мауланы Джалал-ад-дина Даввани¹⁴, отправился в Самарканд и затем, во времена неурядиц в Мавераннахре, уехал в Туркестан и Моголистан. В пору восхода солнца удачи Его Величества Гити-ситани Фирдус-макани (Бабура) Ходжа пришел из Турфана¹⁵ в Кашгар. Оттуда поехал в Агру, чтобы принять участие в собраниях того монарха [Хумаюна], и здесь его окружили почестями и удостоили главного места на собраниях. Во времена изгнания из Индии приехал в Кабул и поселился там. У него было два сына. Первый — Ходжа Касим, а второй — Ходжа Муин. Последний при жизни своего почтенного отца отправился в Кашгар, и там с ним обходились с уважением. Абд-ар-Рашид-хан, сын Султан Саид-хана, поднес Ходже *рудхана-и санг-и яшаб*¹⁶, повсеместно известный как *санг-и-яшим* (река яшмы). Ходжа, узнав, что репутация его сына Шараф-ад-дин Хусейна поднялась весьма высоко, в том же году воспользовался намерением [совершить] паломничество (*хаджж*) для посещения (*каабы*) святого порога (Двора Акбара) и направился в Индию. Шараф-ад-дин Хусейн поспешил из своего владения в Нагоре навстречу и прибыл с ним ко Двору. Когда же достиг территории Агры, множество военачальников, повинуясь указанию Его Величества, выехали навстречу ему, и, едва тот приблизился к городу, Его Величество Шахиншах выступил, чтобы приветствовать его. Этим актом уважения он навеки прославил Ходжу. Со всем почтением препроводил его в столицу, и отвел почетное жилище, и обходился с ним со всем расположением, какое владыки выказывают дервишам. Ходжа поднес редкие товары из Хиты (Китая) и Кашгара. Длительное время отец и сын были осыпаемы милостями.

195

Одним из предостерегающих событий стало бегство от Двора мирзы Шараф-ад-дин Хусейна. Давний обычай Божественно великих и проницательных правителей — привлекать к себе сердца дервишей и их сыновей. И они проявляли эту склонность, что оказывалась то губительным дурманом, то прохладным вином, то

знаком почтения к предкам таких людей, а то средством проверить их истинный нрав. Если на эту историю взглянуть очами справедливости, то мудрому и зоркому сердцем станет очевидно, что милость, выказанная Шахиншахом к сим отцу и сыну, имела в основе оба мотива. Таким образом, обстоятельства, сопутствующие удаче Его Величества, в скором времени сорвали покров с лика деяний мирзы Шараф-ад-дин Хусейна, и его истинная никчемность и пустота стали очевидны для человечества. Когда Господь, охранитель мира, желает очистить пространство [вокруг] верховной власти от порочных и темных сердцем и заполнить его искренними и преданными, нежданно складывается положение, какое не создать при помощи тысячи приготовлений. Лицемеры собственными стопами покидают порог удачи и отправляются в небытие. Таков был плохо закончившийся путь мирзы Шараф-ад-дин Хусейна: под влиянием повергающего человека вина мира он не остался тверд на ногах, а оставил [надлежащее ему] место, и мысли безумия и печали положили путь в его голову. 23 михра, Божественного месяца [5 сафара 970 г.х.] (5 октября 1562 г.), он из-за подозрений и внутренней греховности, к коей имела склонность его природа, бежал от святого порога, что есть прибежище великих семи климатов, и поспешил в Аджмир и Нагор, свои *джагиры*. Некоторые нашли хронограмму этого события [в словах] *шах сафр* (970 г.х.).

196

Когда об этом неблагоприятном поступке доложили Его Величеству, тот безгранично удивился и поразился. Хотя, осведомившись о причине сего у доверенных слуг и спутников Шараф-ад-дина, не открыл ничего нового — всё ту же внутреннюю порочность и поврежденный рассудок. Он [Акбар] частенько упоминал, что питал намерение наставить мирзу, однако ограниченные способности последнего оказались не в силах выдержать сие, и тот спешно уехал, и таким образом обнаружилась его истинная природа. После этого Его Величество Шахиншах постановил, чтобы один из его верных слуг был назначен в провинцию Нагор, в противном случае опьяненный сын Ходжи по наущению льстецов посеет там раздор и вдохнет неприязнь [к Акбару] в сердца жителей. Поскольку возвысить достоинство верных — значит вознести стяги верховной

власти, а повергнуть клику неблагодарных и смутьянов — значит охранить остальной люд, что вверен Господом, а также оставить тем, кто темен сердцем, светильник руководства на пути, Его Величество Шахиншах возвел Хусейн Али бека, сына Вали бека Зул-кадра, благородного слугу, славного своей проницательностью и полезными качествами, в достоинство хана и передал ему *джагир* мирзы Шараф-ад-дин Хусейна; и, дав ему ценные наставления, он послал его в Нагор, бывший обиталищем и оплотом мирзы. Некоторое число верных, таких, как Исмаил Кули-хан, брат Хусейна Кули, Мухаммад Садик-хан, Мухаммад Кули Токбай, Мирак Бахадур и прочие, были назначены ему в подмогу. Его Величество заметил, что забывчивость и заблуждения присущи роду людскому, и если мирза пробудится от сна небрежения и устыдится своего поведения, с ним следует обойтись с царскими милостями и привезти назад ко Двору. Но если же изберет неблагодарность и недостойные замыслы, то пусть будет наказан так, чтобы это послужило предупреждением для остальных. Хусейн Кули-хан отослал свою семью в крепость Хаджипур¹⁷, и подготовился к выполнению этой важной задачи, и направился в Нагор. Когда сопутствуемая удачей армия прибыла, у мирзы не осталось времени поднять мятеж, задуманный им. Из необходимости он вверил крепость Аджимира Тархану Диване, бывшему его доверенным слугой, и отправился в Джалаур, который подчинил ранее, и там ожидал [удобного] для себя случая. Царские силы подошли к Аджимиру и осадили крепость, дабы расчистить путь для дальнейшего продвижения. Тархан Дивана действовал мудро и, заключив соглашение, вступил в царское войско. Хусейн Кули-хан передал крепость надежным мужам и двинулся далее. Шараф-ад-дин Хусейн мирза, повернувшийся спиной к верности и удаче, не отважился сопротивляться и покинул царские владения. Страна была очищена от его мглы, а крепость Миртха, самая мощная в тех землях, которую Джаймал держал с дозволения мирзы, также попала в руки Хусейн Кули-хана. В согласии с распоряжениями Его Величества ее [вновь] передали Джаймалу.

Когда умы царских слуг успокоились относительно дел мирзы Шараф-ад-дин Хусейна, они обратились к покорению крепости

Джодхпура, самой мощной в тех краях. Да не останется сокрытым, что эта крепость была столицей Рай Малдео, одного из величайших раджей Индии по своему сану, положению, и числу слуг, и обширности владений. Когда он покинул твердыню жизни, ему наследовал младший сын Чандар Сен, и [который] удерживал ту крепость. Военачальники выступили, намереваясь обложить ее, и Рам Рай, старший сын Малдео, явился и присоединился к армии судьбы, и после того был возвеличен, приветствовав возвышенный порог, который — место для лобызания прославленных со всего света. Муин-ад-дин Ахмад-хан Фаранхуди, Музаффар Могол и ряд других отправились на подмогу Хусейн Али-хану. С помощью Провидения крепость вскоре взяли. Одним из происшествий стало возведение Ходжа Музаффар Али Тарбати¹⁸ в достоинство хана и награда его платьем визиря. Подробности сего таковы. Когда дела Султаната упорядочились благосклонной судьбой, неослабным вниманием и прочими [достоинствами] Его Величества Шахиншаха, а наиболее важные вопросы решились, то — невзирая на совершенный рассудок духа века и наличие [у него] качеств мирских и духовных, и неослабную заботу о делах внешних и внутренних, и ненужность визиря или *вакила* — ради сохранения завесы и уважения к обычаям предшественников, которые суть мазь для глаз большинства [людей], а также из дальновидности и предосторожности мирозавоевывающий разум определил, что *маснад дивана* должен быть почтен присутствием мужа, преданного, ревностного к служению и сведущего в делах, дабы святая особа могла оставаться под покровом невнимания, что служит лучшим средством для испытания людей, и чтобы дела политические и финансовые, равно как подробности речей и поступков, могли быть наблюдаемы наилучшим способом и дабы сады царских владений оросились струйками его действенного пера. С этой целью внимание Его Величества Шахиншаха в начале сего года обратилось к Ходжа Музаффар Али из Тарбата, и тот был возвышен, получив назначение на эту должность. Подушка *дивана* украсилась им, и он получил титул Музаффар-хана. И выразил признательность за сию безграничную милость, и проявил талант в исполнении своих обязаннос-

тей. И надлежащим образом управлял делами казначейства, которые составляют необходимую опору верховной власти, улучшением положения землепашцев и военными делами ([действуя] сообразно тому, что было сокрыто в груди Его Величества). Благодаря доброй службе на должности визиря он поднялся до *амира*. Он оказался так же безмерно храбр, как и рассудителен, и владел как мечом, так и пером. Ранее Ходжа был слугой Байрам-хана. Во время отчуждения последнего Дервиш Узбек взял под стражу Ходжу и послал его ко Двору. Хотя недалёковидные мужи настаивали на том, чтобы его казнили, Его Величество — судья палат человеколюбия — увидел способность Ходжи к делам и даровал ему жизнь. Некоторое время он собирал налоги в *паргане* Парсарур¹⁹ и благодаря успеху был назначен *диван-и-бийютамом*. После того его возвели в упомянутую славную должность. Я превозношу прозорливость дальновидного знатока минералов, извлекающего из грязи рубины и сердолики и обращающего их в украшение престола власти.

Глава 49

Второе прибытие Шах Абу-л-маали, раздувание им недовольства и последующие скитания в пустыне гибели

Поскольку мироукрашающее Божество пожелало, чтобы внешнее величие и внутреннее величие Владыки Века запечатлелись [в умах] высоких и низких, а стяги его крепнущей день за днем власти вознеслись до небес — дабы и внешнее его развитие обрело счастливое завершение, и затерянные в глуши заблуждений оказались выведены на путь благодати, было неизбежно, что желающие зла его владычеству прежде иных низринутся в бездну гибели. И так как тот, кого украшал венец верховной власти, являл собой кладезь учтивости и доброжелательности и черпал радость во вкушении сладостей прощения, Всемогуший предопределил, чтобы недоброжелатели Богом ниспосланной власти своими же деяниями низвергли себя в пучину несчастья. Пример этой удивительной загадки, решить которую способен лишь мудрый, явлен в виде жалкого конца Шах Абу-л-маали, который не догадывался ни о собственном положении, ни о мере царского прощения. Он не обладал ни верным сердцем, ни практическим разумом.

Выше уже поведано, как сей порочный и злонамеренный неоднократно совершал недостойные деяния и благодаря присущей Шахиншаху снисходительности был спасен от смерти и осыпан милостями. Ради исправления и общего блага его послали в священную Мекку¹. В возвышенных местах, где ему надлежало обрести добродетели, всё это время он собирал искры порочности в урожай своих деяний и, став вместилищем грехов, с темными намерениями вернулся в царские владения, освещенные лучами справедливости Шахиншаха. Преисполненный злодейских дум и коварных планов, он не остался в Гуджарате,

но проследовал в Агру и Дели. Явившись в Джалаур², примкнул к мирзе Шараф-ад-дин Хусейну, погибшему для царства и веры, и предался еще более пустым и мятежным помыслам. Шараф-ад-дин Хусейн мирза также заключил с ним уговор, что выделит ему три сотни надежных мужей (*хуб-и-худ*) из [числа] доверенных сторонников, таких, как Яр Али Балуч и Мир Али Кулаби, которые поднимут беспорядки в областях (*вилаят*)³. А также пообещал, что если дела пойдут здесь (в Индии) успешно, то лично присоединится к нему. Если же события тут не увенчаются успехом, сам придет в Кабул. Он считает тот край своим оплотом и будет ожидать удобного случая.

Шах Абу-л-маали, по присущему ему скудоумию и подстрекаемый Шараф-ад-дин [Хусейном] мирзой, направился в Хаджиपुर, где находились семьи Хусейн Кули-хана и прочих военачальников [Акбара]. Достигнув окрестностей Хаджипура, не сумел всё же захватить его, поскольку Ахмад бек и Искандар бек — родичи Хусейн Кули-хана — в соответствии с распоряжениями Двора подоспели туда вслед [за ним]. Безголовый и злополучный юнец, отчаявшись взять Хаджиपुर, повернул к Нарнаулу. В то время [город] был выделен из государственных земель и доверен Шуджаат-хану, а его сын Кавим-хан стал там управителем. Мир Гесу⁴, *амил* финансов, собрался было перевезти ко Двору часть [собранных] государственных податей, но вследствие раздоров между прежними и нынешними чиновниками (*гумаштаган*) о предосторожностях забыли, и возобладала беспечность. Однажды утром, когда военачальники пребывали во сне безопасности, появился тот неблагодарный с толпой бродяг. Кавим повел себя трусливо и избрал позорное бегство, также и Мир Гесу пренебрег счастьем пролить свою кровь и попал в плен. Часть казны оказалась в руках тех подлых интриганов, а город разграбили. Едва Хусейн Кули-хан прослышал о появлении надменного негодяя, он спешно отправил Садик-хана и Исмаил Кули-хана⁵ с несколькими отрядами, дабы никакой ущерб не был причинен его достоянию в Хаджиपुरе. Когда войска подошли к границам Хаджипура, выяснилось, что злосчастный подлец спешно отправился в Нарнаул. И двинулись туда, а Ахмад бек и Искандар бек, прослышав об их приближении, прибыли и присоединились к ним. Находясь в двенадцати косах от Нарнаула, они столкнулись с Ханзада Мухаммадом,

обычно именуемым Шах-и-лаундан⁶, который покинул свой *джагир* и шел на соединение с братом. Таким образом, царские слуги завладели добычей.

200 Когда Шах Абу-л-маали узнал о прибытии войск, то бежал из Нарнаула. В пылу храбрецы устремились вслед еще быстрее. Только достигли Дахарсу, два верблюда, груженные серебром, шедшие позади [отряда] злодеев, попали в руки людей Исмаил Кули-хана и Ахмад бека. Алчная солдатня (*калакчиан*) затеяла спор о них, и разногласия зашли столь далеко, что ссоры начались и среди предводителей. Поскольку в тот день они прошли немало, привал устроили в Дахарсу. Ахмад бек и Искандар бек, раздосадованные неожиданной размолвкой, продолжили движение, а лагерь разбили позже. На рассвете они двинулись дальше, не дожидаясь Садик-хана и Исмаил Кули-хана. Некоторые бадахшанцы и все выходцы из Мавераннахра избрали позор неверности и решили поднять бунт. Некий бесчестный муж по имени Дана Кули бежал, поспешив вперед, присоединился к Абу-л-маали и сообщил ему о положении дел. Последний остановился в лесу и выжидал удобного случая. Лишь только подоспели те отважные и преданные мужи, как он выступил из засады и ударил по ним. Мятежники присоединились к нему, согласно уговору, и обратили свои мечи против собственных военачальников. Ахмад бек и Искандар бек сражались доблестно и прикончили множество бунтовщиков. Сами же испили чашу мученичества и заслужили вечную славу. Шах Абу-л-маали бежал до подхода победоносной армии. Когда он достиг *парганы* Джанджхун⁷, *шикдар* той местности закрыл ворота крепости и приготовился к сражению. Он посвятил себя стезе верности⁸. Оттуда Абу-л-маали направился в Хисар Фирузу. Баязид бек, слуга Муним-хана, принял меры для защиты крепости, и тот бешеный пес, отбитый и там, двинулся к Кабулу. В эту пору Его Величество Шахиншах услаждался охотничьей забавой в Матхуре⁹, что лежит в 15—16 *косах* от Агры. Узнав о прибытии Шах Абу-л-маали и его дурных деяниях, он немедленно повелел, чтобы несколько преданных военачальников, подобных Шах Будаг-хану, Татар-хану и Руми-хану, последовали за ним и не останавливались, покуда не схватят, дабы смести пыль мятежа и принести покой людям.

Глава 50

Поход Шахиншаха

в Дели и простирание тени зонта
удачи над [этим] городом:
проникновение шипа в подобные
лепесткам розы элементы Шахиншаха
и о его превращении в эру благодати,
а также о его [Акбара] близости
к Божественной защите

Поскольку на всех своих путях возвышенная душа Его Величества Шахиншаха принимает во внимание покой мира и безмятежность смертных, а истинная цель его разнообразнейших занятий, подобных охоте и прочим, — ознакомиться с состоянием людей без вмешательства корыстных лиц и лицемеров и принять надлежащие меры для защиты человечества, то он, узнав о мятеже Шах Абу-л-маали, направился в Дели в день асман, 27 дая, Божественного месяца, что соответствовал субботе, 23 джумада ал-аввала [971 г.х. — 6 января 1564 г.]. В день марисфанд, 29 дая, что соответствовал 25 джумада ал-аввала [971 г.х.] (8 января 1564 г.), сей город был осиян прибытием Шахиншаха. Свет славы Шахиншаха и величие царственной династии не позволили Абу-л-маали долее оставаться в Индии, и он понес бремя гибели в Кабул. Бунт, пробудившийся было с затуманенными очами, вновь погрузился в глубокий сон, и род людской простер руки к небесам в мольбе о бессмертии возрастающей с каждым днем верховной власти. Так как завистливый мир выжидает и ищет возможности поспешествовать делу порочных, достойным и чистым постоянно наносятся раны, но благодаря Божественной защите они спасены

201

от последствий этого и достигают неиссякаемого блаженства вопреки злонамеренным. Божественным начертанием также предопределено, чтобы, прежде чем неомраченная радость и возвышенное счастье снизойдут на кого-либо, тот вначале принял страдания и горести, дабы тем проникновеннее вознес он хвалу за его [Аллаха] милости, а подобная скорбь стала (отвращающим зло) путем для его мироукрашающей красоты. Пример этого был явлен, когда процессия Его Величества Шахиншаха, прибыв в Дели в день бахман [2 бахмана], Божественного месяца, что соответствовал среде, 28 джумада ал-аввала [971 г.х.] [11 января 1564 г.], отправилась посетить гробницу шейха Низам-ад-дина Авлия. Да святится его могила! [Акбар] возвращался¹ оттуда к своему жилищу, и когда добрался до перекрестка (*чахарсу*), один из обреченных на смерть неблагоприятных стоял близ медресе Махам Анаги². Когда Его Величество прошел мимо, тот пустил стрелу в эту *киблу* мира. Она попала в правое плечо Шахиншаха и вонзилась примерно на пядь. Крик поднялся и на земле, и на небесах, и преданные приближенные бросились на того негодяя. Они хотели допросить его, а не убивать тотчас, однако Его Величество повелел немедленно лишить его жизни, иначе под подозрением оказались бы некоторые верные. Вмиг они разрубили его на куски. Хотя сердца верных и умы поверхностных мирян были озадачены [мыслью] о лекарстве, сей духовный и мирской царь сохранял самообладание и утешал преданных. Он попросил своих спутников вытащить стрелу. Из славных уст (Акбара) я слышал, что вначале он решил, будто кто-то без умысла бросил с крыши обломок камня. Несмотря на такую рану, по-прежнему оставаясь на лошади, он продолжал свой путь во дворец. Поскольку Божественная защита и молитвы святых оберегали его, рана оказалась неглубокой, а повреждение неопасным. Превосходные лекари, владеющие дыханием Исы³, занялись наложением пластыря и исцелением. Особо отличились Хизр Ходжа-хан⁴ и Хаким Аин-ул-мулк⁵, объединив [усилия] для перевязки свежей раны и лечения ее при помощи сушащей повязки (*хушк-банд*). Каждый день они налагали свежий *фатила*⁶. Через неделю образовался рубец и здоровье [Акбара] совершенно поправилось.

Одним из странных событий явилась история с царской собакой. Эта сука прозывалась Махува («любимая»?). Она оставалась во дворце, когда [Акбар] покинул Агру. И со дня того ужасного происшествия выказывала признаки подавленности и печали и, покуда не пришли [добрые] известия, не прикасалась к еде и питью, и так продолжалось семь дней. Вот какую преданность и верность она проявила! Превозносящий мироукрашающую красу сего избранного не сочтет диковинным этот случай. Помимо прочего, что удивительного, если такое случилось с собакой, [ведь] их род славен верностью по всему миру.

Хотя Его Величество Шахиншах по своей проницательности и выдержке не дал времени для расследования обстоятельств [подтолкнувших] того злодея, однако было установлено, что этот самоуверенный с железным сердцем являлся рабом отца Шараф-ад-дин Хусейна мирзы и звали его Катлак Фаулад. Тот мятежник (Шараф-ад-дин) со злыми намерениями послал его из Джалаура для содействия Шах Абу-л-маали. Когда последний бежал из Индии и направился в Кабул, он послал на сие задание этого несчастного. Губя самого себя, тот (Фаулад), вложив стрелу мятежа в лук судьбы, уготовил себе чашу вечного позора и не постиг, что невозможно низким помыслам негодяев проникнуть в охраняемое святилище того, кого поддерживает Господь. Напротив, любая гнусная мысль, порожденная ими, приводит их к поражению и гибели. В какой форме сие постигает [этих мерзавцев]? А происходит так, что у них не остается ни следа чести или доброго имени, и ни частички жизни, или славы, или крова. Поэтому беспристрастным наблюдателям, пристально изучающим летопись безупречного правления этого святого владыки, хорошо известно положение ненавистников сей Богом данной верховной власти. (Им ведомо), что они становятся мишенью тысячекратных бедствий и низвергаются в пучину гибели. Если бы я решил пересчитать их, одного за другим, потребовалась бы отдельная книга. Однако в сей благородной летописи всюду упоминается о состоянии тех, чье сердце слепо, и о возмездии за их деяния.

Когда Его Величество совершенно поправился, [в день раш] 11 бахмана, Божественного месяца, что соответствовал пятнице, 6 джумада

ал-ахира [971 г.х.] (21 января 1564 г.), то проследовал в столицу, Агру. И совершал путешествие неспешными переходами. Хотя рана зарубцевалась и была почти залечена, однако учитывая, что ее нанесли совсем недавно, он не мог вынести езду верхом и большую часть путешествия проделал в паланкине (*сукасан*), что подобен лодке на твердой поверхности. Когда сень его светоносного зонта послала свои лучи на земли Агры, род людской обрел новую жизнь, и поспешил к вершине преданности, и удостоился блаженства выйти навстречу ему. Они поднесли дары его спутникам и изъявили признательность за Божественный дар его невредимости. [В день бахрам] 20 бахмана, Божественного месяца, что соответствовал воскресенью, 15 джумада ал-ахира [971 г.х. — 30 января 1564 г.], Его Величество прибыл во дворец. Он занялся отправлением правосудия и отдал надлежащие указания для упрочения государства и поддержки подданных. Талантливые [мужи] семи климатов по благосклонному взгляду Его Величества отрешились от своего уединения, и вступили в деятельную жизнь, и стали частицами крепнущей верховной власти. Порочные получили [надлежащую] кару и спешно отправились в неведомую обитель уничтожения. Мир был очищен от сора невоздержанных и возрадовался умеренности весны.

Глава 51

Начало 9-го Божественного года
с момента [священного] Восшествия
на престол [Его Величества Шахиншаха]
— года азар первого цикла

Примерно в то время, когда розовый сад мира облачился в свежую листву и наполнился музыкой от прибытия Шахиншаха в столицу, а небесный промысел пришел в состояние равновесия и направил силы на развитие правосудия, наступила весна радости, принесшая с собой известия о выздоровлении Его Величества. Спустя три часа двадцать семь минут, в ночь субботы, 27 раджаба 971 г.х. (11 марта 1564 г.), согревающее мир Солнце вошло в созвездие Овна, дом своего возвышения, и омолодило Вселенную.

Время наполнило весну красками и ароматами,
Вложило букетик цветов в руку желания.
Роза сотворила источник влюбленных,
[И] головы их вскружились.
Воздух стал влажным, как мозг мудрецов,
А время напоминало нрав сильных духом.
Жемчужины капали с облаков,
Подобно мудрости, что исходит разум мыслителей.

Одним из величайших даров, преподнесенных Шахиншахом в начале сего года, стала отмена *джизы*¹ по всей Индии. Кто оценит всю значимость этого дара? Поскольку проницательный взор Шахиншаха устремился на дела управления миром, он уделил особое внимание изданию этого распоряжения, которое можно рассматривать как основу управления человечеством. Несмотря на недовольство государственных

мужей и на большие доходы [приносимые *джизьей*], а также на разные разговоры среди невежественных людей, сей возвышенный указ был издан. Благодаря этому великому дару появились тысячи паводьев и арканов для упрямых мужей века. В прошлом этот налог был введен держателями видимой власти по той причине, что они, в силу заключенной в их сердцах враждебности, занялись оскорблением и уничтожением недружественных клик, а ради политических интересов и собственной выгоды установили в качестве компенсации сумму, которую называли *джизья*. Таким образом они достигли своей цели и получили прибыль. В наши дни, когда благодаря щедрой воли и милости Властелина Века те, что исповедуют иные религии, опоясались, подобно единомудушным и единоверцам, преданностью и служением и приложили усилия к упрочению власти, стоит ли смешивать этих отступников, чье отделение основано исключительно на привычке и подражании, а рвение и преданность налицо, с той старой братией, что лелеяла смертельную вражду, и делать их объектом презрения и убийства. Более того, основной причиной введения этого налога в былые времена являлось бедственное положение правителей и их приближенных. Сегодня, когда хранилища всемирного управления полны тысяч сокровищ, а каждый служитель порога судьбы богат и процветает, зачем справедливому и проникательному уму сосредоточиваться на взимании этого налога? И зачем ему из воображаемой выгоды двигаться по пути раздора?

Одним из знаменательных происшествий явилось наказание Абу-л-маали. Вот рассказ об этом поучительном событии. Абу-л-маали отправился с дурными намерениями в Кабул, и когда войско, выступившее ранее за ним вдогонку, дабы изгнать его из этих земель, пересекло Пенджаб и вернулось, сей несчастный негодяй послал из Синда прошение, в котором указывалось его родство с Его Величеством Джаханбани Джаннат-ашияни, Мах Чучак бегим, матери мирзы Мухаммад Хакима, обладавшей большой властью в Кабуле. Он поведал ей также о собственном плачевном положении, украсив свой рассказ стихами:

Мы пришли к Вашему порогу не в поисках чести и славы,
Мы пришли просить у Вас защиты от длани судьбы.

Когда Мах Чучак бегим ознакомилась с содержанием этого письма, то посоветовалась с доверенными людьми. Эти недалёковидные и корыстные сказали бегим, что якобы Шах Абу-л-маали — потомок великих сайидов Термиза, и правители Моголистана и принцы Кашгара заключали в прошлом союз с их семьями. Так как он искал защиты от возвышенного рода, следовало бы отнестись к нему по-доброму и возвысить его, дабы видели, что он пользуется благосклонностью и находится в большом почёте, а также отдать ему в жены её дочь — сестру Мухаммад Хакима, дабы заботился об этой семье, как о собственной, и прославил её, и принес ей пользу, и обратил вражду в согласие. В результате вероломных речей этих людей бесхитростная бегим решила осуществить сей неразумный план, и ответила² на письмо Шах Абу-л-маали в утешительной форме, и приняла последнего в Кабуле с почётом. Не испросив разрешения у Двора Его Величества Шахиншаха, она по собственному почину отдала в жены Абу-л-маали дочь Фахру-н-нису бегим, соединив сей побег рода державы и религии с этим негодяем. И вскоре пожала плоды опрометчивых действий, ибо прошло немного времени, и в результате этого союза бегим лишилась жизни.

Вот как было дело. Когда Абу-л-маали, который всегда славился отсутствием ума и ограниченностью, а также обладал другими подобными качествами, стал хозяином в этом доме, то перестал контролировать свой нрав. Его злобная натура стала ещё хуже от общения с подстрекателями. Он не обращал внимания на бегим и её положение и не следовал её веским советам. В поведении его не было ни капли благодарности и преданности. В это время несколько смутьянов, таких, как Шагун, сын Карача-хана, и Шадман, который уже давно имел зуб на бегим, присоединились к Абу-л-маали. Они уверяли, что, пока бегим жива, положение его шатко, и скоро его предадут смерти, как Фазил бека, его сына Абу-л Фатха и Шах Вали Атку. Поэтому ему следует действовать смело, и взять инициативу в руки, и воспитать мирзу Мухаммад Хакима, ещё юного мальчика, в соответствии со своими взглядами. Тогда все кабульцы склонят перед ним послушные головы в смирении. Сей негодяй, не подумавший о последствиях и внявший таким недостойным советам, предпринял шаги по осуществлению злобных

планов. У него не осталось больше ни капли разума, и он погряз в пропасти невежества. И пустил по ветру смуты (*акук*) плоды прав (*хакук*) семьи. И презрев недавние милости бегим, стал готовиться к убийству — наихудшему из преступлений!

206

Наконец он вступил в сговор с негодяем Шагуном и этим подлецом из Мавераннахра, прозванным Казизада, и отправился в дом бегим. Абу-л-маали вошел с одной стороны, а два мерзавца — с другой. В доме находилось несколько женщин, и они по ошибке пролили кровь другой дамы. Когда же поняли, что ошиблись, и это была не бегим, пошли ее искать и присоединились к Абу-л-маали. Они попытались осуществить задуманное, и когда бегим догадалась, что те затеяли, то заперла дверь своей комнаты перед их носом. С помощью соучастников Абу-л-маали выломал дверь, вошел и умертвил бегим³ — подобным злодеянием поднял флаг тирании. Это поучительное событие произошло в середине фарвардина, Божественного месяца, что соответствовало середине шаабана 971 г.х. (апрель 1564 г.). Убив бегим, лицемер отправился на поиски мирзы Мухаммад Хакима. Обнаружив его среди других мальчиков⁴, взял с собой в *диванхану*. Челядь мирзы была вынуждена прислуживать ему (Абу-л-маали). На следующий день он казнил Хайдар Касим Кохбара, чья семья верно исполняла свой долг перед династией уже не одно поколение и который в то время имел должность *вакила* мирзы и занимался управлением страной. Вместе с ним предал смерти Ходжа Хас Мулка и некоторых других. А также взял под стражу брата Хайдара, Мухаммад Касима. Марди Мухаммад Майдани, Баки Какшал, Хасан-хан и Махасан-хан⁵, брат Шихаб-ад-дин Ахмад-хана, и несколько слуг бегим объединились, чтобы убить Абу-л-маали. Один из них, Иди Сармаст, донес об этом [негодяю], и тот вместе со своими приспешниками вооружился и приготовился к битве. Смелчаки ступили на правую дорогу к крепости, в то время как Абу-л-маали выступил с противоположной стороны. Несколько человек погибли с обеих сторон, но Абу-л-маали вышел победителем и изгнал противника из крепости. Когда упала завеса ночи, все разошлись в разные стороны. Какшалы поспешили в Горбанд, Майдани в Майдан, в то время как Хасан-хан и Махасан-хан отправились в Джелалабад. Заключение

в тюрьму Мухаммад Касим, брат Хайдар Касима, бежал и направился в Бадахшан. Он сообщил мирзе Сулейману о трагедии в Кабуле и злодеянии Абу-л-маали и призвал его отправиться в Кабул. Несмотря на юный возраст, мирза Мухаммад Хаким пришел в ужас от случившегося с его матерью и по совету доброжелателей отправил послания мирзе Сулейману в надежде на помощь и с просьбой прибыть [в Кабул].

Услышав о случившемся, мирза Сулейман препоясал чресла намерения и приготовился отправиться в эту обитель удовольствия, которая всегда была объектом его желаний. Он собрал войско Бадахшана и выступил на Кабул, взяв с собой Харам бегим. Абу-л-маали пришел в смятение, узнав о намерениях мирзы Сулеймана. Полагая, вследствие собственной глупости, что мирза Мухаммад Хаким на его стороне, в качестве одного из своих прав (*даст-авез*)⁶ добился, чтобы тот сопровождал его войско. Он проявил инициативу и выступил из Кабула до того, как туда мог прибыть мирза Сулейман. Достигнув реки Горбанд, укрепился у основания моста. Очень скоро мирза Сулейман с бадахшанскими силами стал на другом берегу, и обе стороны выстроились. А справа подошло соединение из Кулаба, и Абу-л-маали выслал против них часть кабульцев. После того как противники сошлись на поле боя, Абу-л-маали сообщили, что кабульцы терпят поражение. Тогда он поместил в центре войск мирзу Мухаммад Хакима, чтобы его видел мирза Сулейман, и бросился на подмогу своим растерявшимся воинам. Воспользовавшись моментом, люди мирзы Мухаммад Хакима взяли под уздцы его коня и отвели к реке, где спешно передали мирзе Сулейману. После этого вся кабульская армия оказалась дезорганизована и разбежалась. Когда Абу-л-маали вернулся и узнал о положении дел, то пришел в крайнее замешательство и прекратил сопротивление, приняв поражение. Бадахшанцы преследовали его до Чарикарана, где схватили, и привели к мирзе Сулейману, который радостно вступил в Кабул вместе с мирзой Мухаммад Хакимом. Через пару дней он отправил этого тирана в цепях к мирзе, приказавшего его удушить. Это было осуществлено в день ормазд, в начале хурдада, Божественного месяца, соответственно, это Ид Рамазан⁷ [12 мая 1564 г.].

Своими глазами я видел, как на оживленной улице
Маленькая птичка убила муравья.
Но не успела она отвести клюв от своей жертвы,
Как прилетела другая птица и убила ее.
Не знай покоя, совершивший зло,
Ибо возмездие — закон Природы⁸.

Во время казни удушением его нечестивая натура дала себя знать, и он молил и стenal в надежде, что сможет тысячью унижений продлить себе жизнь хотя бы на несколько дней, несмотря на то что они стали бы хуже смерти. Но в результате показал лишь свой никчемный характер. Его нечистое тело захоронили несколько почтенных людей⁹ около могил вершины целомудрия Ханзады бегим и Махди Ходжи. Да славится Аллах! Мир был очищен от ненавистного существа, которое в результате собственных поступков отправилось в колодезь уничтожения. Тот, кто не ценит доброту и проявляет неблагодарность, уничтожается таким способом с позором и бесчестьем. Если кто-то спасается из когтей царских слуг, управители судьбы ниспосылают на него таких врагов, что он уничтожается в назидание мудрым.

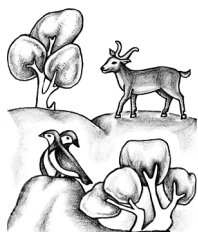
208

После этого мирза Сулейман принялся приводить в порядок дела Кабула, а также занялся образованием мирзы Мухаммад Хакима; он отправил в Бадахшан людей, велел привезти в Кабул дочь, которую отдал в жены мирзе. И пожаловал значительную часть кабульских земель бадахшанцам, и назначил Умед Али, одного из своих военачальников, *вакилом* мирзы Мухаммад Хакима, упрочив таким образом собственное влияние. Сам же вернулся в Кабул. Харам бегим советовала ему взять с собой мирзу Мухаммад Хакима и отдать Кабул бадахшанцам. Но он не согласился, посчитав, что слишком крутые меры будут плохо восприняты, и всё нужно делать постепенно.

[Мирза Сулейман] отдал три четверти территории Кабула¹⁰ в виде земельных владений своим людям, отобрав для них самые лучшие. Один из плохих участков достался мирзе Мухаммад Хакиму и кабульцам. Он полагал, что подобное распределение поможет ему удерживать Кабул в подчинении!

Глава 52

Завоевание страны Гадха Катанга¹ мечом таланта Ходжа Абд-ал Маджид Асаф-хана

Хотя Ходжа Абд-ал Маджид Асаф-хан² был таджик и происходил из сословия пишущих, однако, поддерживаемый верховной властью, обреченной с вечностью, он совершил деяния, кои заставили тюрок склониться перед ним³. О мудрый (читатель), тот, кто доказывает свои достоинства происхождением, пользуется успехом [лишь] среди черни (аамма). Избранные (хасан) мужи закрывают глаза на родовитость, и взирают на истинную природу человека, и именуют благородными тех, кто вершит великие деяния. Одним словом, Асаф-хану благодаря его отличной службе, преданности и вере в вечную власть благоволил Аллах, и [он] завоевал земли Гадхи. Вот краткий рассказ об этом.

На обширных просторах Индии есть край, называемый Гондвара, что означает «страна, населенная гондами»⁴. Это многочисленное племя обитает в основном в глуши. Избрав такое место жительства, люди предаются обжорству, пьянству и блуду. Принадлежа к низшей касте, они вызывают презрение народа Индии, полагающего, что те находятся за пределами их царств и веры. Восточная часть края граничит с Ратанпуром⁵, который относится к Джхаркханду, а западная прилегает к Райсину, что относится к области Мальва. Протяженность его равна примерно 150 косам⁶. К северу лежат земли Панны, а к югу — Декан. Ширина его составляет примерно 80 косов. Сама область носит название Гадха Катанга⁷. Это обширные территории, и здесь множество крепостей и немало многолюдных городов и селений, так что достоверные источники сообщают, что Гадха Катанга имеет 70 000 обитаемых поселений. Среди них⁸ —

крупный город Гадха, тогда как Катанга⁹ — деревня. Страна стала известна под этим двойным названием. Столицей является крепость Чаурагарха¹⁰. Прежде там не было единого правителя, напротив — множество раджей и раев. В нынешние дни, когда [колесо] времени повернулось, когда страна более не пребывает под прежней властью, раджей стало еще больше, к примеру: раджа в Гадхе, раджа в Гароле¹¹, раджа в Харье¹², раджа в Салвани¹³, раджа в Данаки¹⁴, раджа в Катхоле¹⁵, раджа в Мугде¹⁶, раджа в Мандле¹⁷, раджа в Деохаре¹⁸, раджа в Ланджи¹⁹...

Большинство воинов сражаются пешими: всадников мало. Со времен первого появления ислама [в Индии], когда великие правители завоевали Индию, при всей длине их поводьев ни у кого из них птица победы не сумела долететь до вершин этих мощных твердынь, и копыто скакуна их мысли не смогло коснуться почвы этого обширного края. В ту пору когда Асаф-хан стал *джагирдаром саркара* Карра²⁰ и завоевал земли Панны, владычество в той стране (Гадха Катанга) перешло к женщине, прозываемой Дургавати, повсеместно известной как Рани²¹. Она славилась отвагой, рассудительностью и великодушием и благодаря этим редким качествам покорила всю ту область. Я слышал от искушенных мужей, бывавших там, что под ее властью находилось 23 000 цветущих селений, и в 12 000 она держала постоянных наместников (*шикдаров*). Правители же остальных находились у нее в вассальной зависимости. Она была дочерью раджи Сальбахана из Ратхи и Махобы²², принадлежавшего роду Чанделов. Раджа отдал ее замуж за Далпата, сына Аман Даса. Хотя происходил тот из незнатного рода, однако, поскольку был богат, а раджа Сальбахан находился в стесненных обстоятельствах, последний оказался вынужден устроить этот союз. Аман Дас основательно помог Султан Бахадуру из Гуджарата при завоевании Райсина, поэтому и получил от него высокий титул Санграм Шахи²³. Он был сыном Арджан Даса, сына Сангин Даса²⁴, сына Кхарджи. Хотя исстари дом правителя Гадхи занимал достойное положение, однако у него не имелось ничего, кроме уважения (почитания). Этот Кхарджи благодаря умению и ловкости собрал дань с других правителей страны под видом *пешкаша* и набрал так сотню всадников и 10 000 пехоты. Его сын

Сангин Дас²⁵ осуществил планы отца и увеличил свое могущество, набрав 500 всадников и 60 000 пеших воинов. В число его конных и пеших ратников входило множество раджпатов. Двое рассудительных сподвижников присоединились к нему. Один — из касты Кахарчали²⁶ и уроженец Хамирпура, а другой — из касты Парихар²⁷. Благодаря врожденным дарованиям он добился в той стране значительного влияния. А затем власть перешла к его сыну Арджан Дасу, когда последнему исполнилось сорок лет. После него правителем стал вышеупомянутый Аман-хан [Аман Дас]. Сей вероломный злодей постоянно поступал наперекор воле отца и уготовил себе вечную погибель. Ради его же блага родитель держал сына некоторое время в заключении, а затем отпустил на [определенных] условиях. Недостойный вернулся к прежним привычкам и совершил постыдные деяния. Потом сбежал к Барсингх Део, деду Рам Чанда, раджи Панны. Раджа принял его. Барсингх Део вступил на службу Султан Сикандару Лоди и оставил Аман Даса с Бир Баханом, отцом раджи Рам Чанда, тогда юного. Там он для виду ступил на путь исправления. Его отец Арджан Дас, недовольный им, сделал второго сына Джогои Даса своим наследником, однако тот отнесся с почтением к правам старшего брата и не принял этого возвышения: «Несправедливо, что я буду носить этот титул при жизни моего старшего брата».

Когда никчемный Аман Дас проведал, что отец возвысил младшего сына, то немедля двинулся в путь, добрался до дома матери и укрылся там. При помощи одного из доверенных слуг раджи, с которым у него были давнишние связи, однажды ночью, воспользовавшись возможностью, убил раджу. Люди поднялись, и задержали его, и послали гонца ко второму сыну, однако тот не принял предложения, говоря, что не может умертвить старшего брата, коего он почитал как отца, и не сможет также покориться ему, ибо тот приуготовил себе вечное поражение. Уговоры оказались бесполезны. Он избрал уединение и отправился в пустыню. Двое честных сподвижников стойко держались пути преданности и отказались служить тому [Аман Дасу]. Напротив, они отписали обо всем происшедшем радже Барсингх Део и призывали его завладеть краем. [Тот] был отпущен Султан Сикандаром и вступил в эти земли с большими силами. Аман Дас укрылся в горных ущельях. Хотя в действительности не имел сил противостоять

раджа, однако передал, что по невежеству и распущенности мышления умертвил одного отца — как же теперь ему биться со вторым? Когда раджа завоевал край и возвращался, оставив своих людей для управления им, Аман Дас с немногими сторонниками встретил его на пути и засвидетельствовал почтение. После долгих стенаний [Аман Даса] раджа простил его и передал ему те земли. Аман Дас постоянно сокрушался и выражал отвращение к себе за собственный поступок. Неведомо, было это лицемерие или же он осознал свою порочность и тем выражал чувство стыда перед Аллахом и людьми. Когда же умер, власть перешла к его сыну Далпату. Он правил семь лет, а затем покинул этот мир.

211

Уже было сказано, что Санграм не имел сына и обратился к Гобинд Дасу Качвахе, своему слуге, с просьбой позволить беременной жене того перейти в его [Санграма] гарем. Если бы родилась дочь, ее забрал бы Гобинд Дас, а если сын, Санграм взял бы его как собственного. Рассказывать об этом никому нельзя. Гобинд Дас повиновался, и когда его жена разрешилась сыном, раджа взял его как своего. И дал ему имя Далпат, а Рани Дургавати отдала за него замуж. Когда Далпат скончался, его сыну Бир Нараяну было пять лет от роду. Рани Дургавати заручилась содействием Адхар Каят-ха²⁸ и Ман Брахмана и присвоила сыну титул раджи, а истинной властью обладала сама. Она не пренебрегла ни одним деянием храбрости или таланта и свершила великие дела благодаря своему дару предвидения. [Рани] дала крупные сражения Баз Бахадуру и *мия-нам* и неизменно побеждала. В бой водила двадцатитысячную кавалерию и тысячу знаменитых слонов. И завоевала сокровища раджей той страны. Она метко стреляла из ружья и лука, и без устали охотилась, и была дичь. У нее был обычай: узнав, что [где-то] появился тигр, она не пила воды, до тех пор пока не убьет его. В Индостане ходят легенды о ее подвигах и битвах. Однако она совершила огромную ошибку: медоточивые речи льстецов породили в ней гордыню, и она не изъявила покорности у порога Шахиншаха.

Когда Асаф-хан завоевал земли Панны, Дургавати, опьяненная мощью своего войска, собственной отвагой и талантом, не опасалась такого соседа. Асаф-хан, оказавшись поблизости, держал открытыми врата дружбы и доверия, однако послал к ней шпионов и опытных

купцов, дабы выведать ее доходы и расходы. Узнав истину о принадлежащих ей несметных сокровищах и тайных кладовых, загорелся желанием овладеть [всем этим], и он возжаждал невесту тех земель. А начал с заигрывания и забавы и протянул руку, чтобы коснуться пуха и родинки красавицы (Гондваны), — стал устраивать набеги и грабить селения и деревушки близ границ. Наконец [Асаф-хан] по указанию Шахиншаха снарядил 10 000 всадников и множество пеших воинов и приготовился к попытке завоевания Гадхи. Мухибб Али-хан, Мухаммад Мурад-хан, Вазир-хан, Бабаи Какшал, Назир Бахадур, Ак Мухаммад и значительное число землевладельцев той области сопровождали его, повинаясь царскому указу. Рани, одурманенная вином беспечности, пребывала в благоденствии. Внезапно пришли известия, что победоносная царская рать достигла города Дамох²⁹, одного из важнейших в стране. Камень рассеивания попал в средоточие ее гордости, и воины разбежались, чтобы защитить свои семьи. При ней осталось не более 500 бойцов. Рани, только узнав о происходящем, бесстрашно выступила навстречу Высочайшему войску и с опрометчивостью, превосходящей [даже] дерзость, двинулась, намереваясь завязать бой. Адхар, в ведении коего находилось всё управление [той землей], обратился к ней как благожелатель верховной власти и раскрыл причины, заставившие воинов дезертировать, а также численность царской армии. Рани возразила, что дезертирство — следствие его глупости, и осведомилась: разве может она, столько лет правившая страной, избрать бегство? Лучше умереть с честью, нежели жить с позором. Если бы здесь находился сам справедливый царь, ей было бы пристойно прислуживать ему. Что этот малый (Асаф-хан) знает о ее ранге? Вне всякого сомнения, ей пристало доблестно умереть... Она сделала четыре перехода навстречу победоносным силам. Асаф-хан, шедший быстро, остановился в Дамохе. Рани собрала 2 000 воинов. Ее военачальники единодушно объявили, что решиться на войну — благородно, однако недостойно храбрости и благоразумия выпускать нить осмотрительности. Следует остановиться в надежном месте и дожидаться, пока соберутся все войска. Рани, услышав эти слова, направилась к лесу к западу от Гадхи. Затем вошла в другой лес, к северу от Гадхи, и медленно двигалась по той

глуши. В конце концов достигла Нархи, что к востоку от Гадхи. Это место, к которому трудно подойти и откуда сложно выбраться. С четырех сторон вздымаются в небо горы, а перед ним протекает река, называемая Гаур. С другой стороны — бурная река Нарбада. Ущелье, по коему бурлит вода и через которое можно добраться до селения, очень узко и опасно. Асаф-хану, что остановился в Дамохе, как только получил сообщение о приближении Рани, не поступало никаких известий о ней, и хотя он и высылал людей добыть сведения, однако, в силу того что сия земля была весьма необычной, ему не удалось получить ни единой весточки. Наконец, самолично отправившись в Гадху, начал набрасывать узду покорности на деревушки и села. Узнав [где смелая воительница], оставил войско в Гадхе и бросился за ней. Прослышав о приближении армии, Рани созвала своих военачальников и устроила совет. Она объявила, что если они думали отправиться в другое место, пока не соберутся все силы, то идти надлежит сейчас; однако ее собственное желание — сражаться. Сколько еще прятаться среди деревьев? Кто хочет уйти, пусть так и сделает. Они свободны. Третьего пути не дано. Она либо падет, либо победит. В конце концов собравшиеся — их оказалось около 5 000 — решились на битву. На следующий день пришли вести, что Назир Мухаммад, Ак Мухаммад и крупное войско отважных бойцов захватили вершину над ущельем, что обеспечивало доступ [к селению], и Арджан Дас Баис, *фаудждар* слонов (Дургавати), бесстрашно пожертвовал там жизнью. Рани облачилась в кольчугу, и [водрузила] шлем на голову, и, поднявшись на слона, двинулась вперед, чтобы встретиться с героями, жаждущими сражения. Она обратилась к своим воинам: «Не торопитесь, пусть неприятель вступит в ущелье, и тогда мы ударим со всех сторон и рассеем их». Случилось так, как она предвидела, и произошла великая битва. Множество [бойцов] с каждой стороны смешались с прахом, и три сотни моголов сделали живительный глоток мученичества. Рани одержала победу, и преследовала противника, и вышла из ущелья. На исходе дня собрала военачальников и спросила, что они посоветуют. Каждый высказался сообразно собственному разуму и отваге. Дургавати сказала, что этой ночью следует предпринять атаку и добить врага. Иначе утром подоспеет Асаф-хан, и овладеет перевалом, и укре-

пит его пушками. Задача, легкая сейчас, осложнится. Никто не согласился с этим предложением. Наконец она уступила большинству и вернулась тем же путем, что и пришла, и занялась утешением тех своих людей, что лишились близких. А возвратившись, предложила совершить ночное нападение нескольким преданным сподвижникам. Никто не оказался столь же храбр. Утром же произошло то, что и предвидела Рани: подошел Асаф-хан с пушками и укрепил подступы к перевалу, и две победоносные армии вступили в горы. Предводительница, жаждающая сечи, взошла на огромного и быстрого слона, лучшего из ее животных и прозывавшегося Сарман, и выступила. Выстроив войска, распределила слонов и подготовилась к сражению. Когда армии столкнулись, от стрел и мушкетов дело перешло к кинжалам и мечам. Раджа Бир Са, сын Рани, номинальный правитель, выказал храбрость и свершил великие деяния. Шамс-хан Мияна и Мубарик-хан Билуч бились отважно. Сражение кипело до третьей стражи дня, так что если описывать его полностью, повествование окажется слишком долгим. Три раза раджа Бир Са отбрасывал победоносную армию, и в третий был ранен. Когда Рани узнала об этом, то приказала верным людям увезти его с поля битвы в надежное укрытие. Те исполнили повеление и доставили его в спокойное место. Из-за этого очень многие покинули поле битвы, и ряды воинов сильно поредел. С ней осталось не более 800 [человек]. Но решимость Рани не поколебалась, и она продолжала яростно биться бок о бок с отважными товарищами. Стрела из лука удачи вонзилась ей в правый висок³⁰, но женщина бесстрашно вытащила ее и отшвырнула прочь. Наконечник остался в ране и не выходил. Тотчас же другая стрела поразила в затылок. Ее она также выдернула рукой бесстрашия, однако потеряла сознание из-за невыносимой боли. Придя в себя, обратилась к сидевшему на слоне перед ней Адхару, принадлежавшему к касте Бакхиллов³¹ и знаменитому отвагой и преданностью: «Я всегда тщилась воспитать и возвысить тебя, дабы однажды ты мог сослужить службу. Вот [настал] день, когда меня повергают в битве; да не допустит Господь, чтобы так же повергли мои имя и честь, а я попала в руки врага; действуй, как подобает верному слуге, и умертви меня острым кинжалом». Его верное сердце было не в силах допустить такой жестокости:

214

«Как могу я поднять руку ради такого дела? Как может рука, принимавшая ваши дары, исполнить столь ужасное деяние? Вот что я могу сделать — увезти вас с этого рокового поля. И всецело полагаюсь на этого быстрого слона». Услышав эти слова, проистекавшие от мягко-сердечия, Рани разгневалась и упрекнула его: «Ты избираешь для меня такое бесчестие?» Затем достала свой кинжал, и сама нанесла себе удар, и умерла как мужчина³². Множество ее преданных приверженцев пало, служа ей, прежде всего Канур Кальян Бакхила, Чакарман Кхарчали, Хан Джахан Дакит и Махарахх Брахман. Великая победа царских слуг ознаменовалась захватом тысячи слонов и других трофеев. Наряду с захваченной богатой добычей к царским владениям оказались присоединены обширные земли, которыми Рани правила шестнадцать лет.

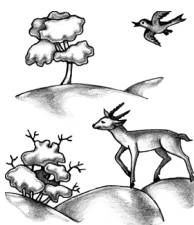
215 Два месяца спустя, после того как угас блеск правления Рани и в расцвет³³ ее власти карающая десница осыпала прахом гибели главу благородной жены, Асаф-хан — чей разум не тревожился более о стране мийянов³⁴ — отправился на завоевание крепости Чаурагарх. Эта твердыня была полна спрятанных сокровищ и редкостных драгоценностей, о накоплении каковых прежние раджи пеклись многие годы. Они полагали, что это обеспечит безопасность, однако сие в конце концов послужило причиной краха. Воины препоясались храбростью, [вознамерившись] захватить золотую крепость, и, жаждая тех сокровищ, омыли свои руки от [привязанности] к жизни и с пылом устремились за Асаф-ханом. Сын Рани, покинувший поле боя и запершийся в цитадели, при приближении армии судьбы вышел, чтобы дать сражение, однако после недолгой сечи твердыня пала. Раджа погиб, доблестно сражаясь. Он назначил Бходжа Каитха [Каятха] и Мийян Бхикари Руми устроить *джаухар*, ибо у индийских раджей бытует обычай, что в подобных случаях в назначенном месте складывают дрова, хлопок, траву, *гхи* и прочее, приводят женщин и сжигают, желают те того или нет. Это и называется *джаухар*. Двое преданных слуг — стражей чести — исполнили сию службу. Кто же по слабости духа не захотел бы (пожертвовать собой), в соответствии с их обычаем, должен быть умерщвлён. Чудесное явление произошло: через четыре дня, после того как подожгли сложенную кругом поленницу и весь урожай роз превратился в пепел, те, кто отворил двери, обнаружили двух живых женщин. Огромный ку-

сок балки прикрыл их и защитил от огня. Одной из них была Камлавати, сестра Рани, а другой — дочь раджи Пурагадхи, которую привезли для [покойного] раджи, но не успели обручить с ним. Обе уцелевшие среди бушующего пламени удостоились чести быть отправленными для лобызания порога Шахиншаха.

Итак, когда крепость пала, в руках Асаф-хана и его людей оказалась неисчислимая добыча. Там было золото в монетах и слитках, декоративная утварь, драгоценности, изображения из жемчуга, картины, инкрустированные драгоценными камнями, раскрашенные идолы, фигурки зверей, отлитые из чистого золота, и прочие диковинки. Я слышал от достойных доверия людей, что среди добра и сокровищ Чаурагарха, которыми безраздельно завладел Асаф-хан, значилась и сотня кувшинов (*дег*), полных *аишафи* Ала-ад-дина³⁵. Были и другие предметы, исчислить кои все невозможно. Когда Асаф-хан, благодаря доброй удаче, исходящей от лучей славы Шахиншаха, обрел такое богатство и стал столь могуществен, его самоуверенность возросла более, чем можно себе представить. Поскольку он не обладал здравомыслием, крадущее разум опьянение показало [истинную] меру его способностей. И окончательно покинул путь приличия, и не отослал ко Двору ни одной из этих диковин или великолепных драгоценностей, достойных взыскательного Высочайшего ока. Не уразумев, что судьба сделала те жемчуга и самоцветы каплями для кропления чела верховной власти и венцом для благостного, он, считая себя средоточием всего, посыпал пылью разрушения главу собственной чести. Сей злополучный, скрижаль сердца коего была свободна от знаков искренности или, вернее, не имела ни одной буквы или хотя бы точки [свидетельствующей о] справедливости, послал в качестве дара только 200 слонов из тысячи, попавших в его руки. Он скрыл все остальные ценности и, покоясь в неге на подушках правления Каррой и Гадхой, проводил время в беспечности. Его Величество Шахиншах благодаря своему характеру, снисходительному к миру, не обратил внимания на это (сокрытие драгоценностей) и не расспрашивал о его вероломстве. Совершив третий поход в Джаунпур, чтобы покарать Али Кули Хан Замана, он призвал Асаф-хана. Тот подчинился и отправился облобызать порог. В то время как в Джаунпуре расположились царские силы, он снискал счастье и изъясил свою покорность. Подробности этой истории будет поведаны в надлежащем месте.

Глава 53

Явление света справедливости в возмущении Шахиншаха поведением Ходжа Муаззама

Неотъемлемое свойство высочайшей службы верховной власти — являть справедливость к угнетенным без различия между другом и недругом, родичем и незнакомцем, и она вкладывает воздаяние за жестокость за ворот тирана, дабы те, кто соединен с повелителем, и те, кто связан со Двором, не сделали бы свои связи средством утеснения, и дабы, если подобное произойдет вследствие опьянения — да не допустит этого Аллах, поступающие правильно мужи не испытывали бы опасений, докладывая о притеснениях, но отважно открывали бы истину. Хвала Аллаху, ибо это превосходное свойство так ярко выражено в характере Шахиншаха, что человеческий рассудок не в силах описать его. Сие качество служения миру столь очевидно в святой сущности Его Величества, что все сословия полагаются на него и коротают свои дни в мире и безмятежности.

217 В начале этого Божественного года [9-го года правления Акбара] и в середине 971 г.х.¹, что стал вступлением к дарению справедливости, Ходжа Муаззам, сводный брат благородной госпожи Ее Величества Мириам-макани, не обладая истинным родством, сделал внешнее родство дурманящим зельем и несколько раз выказал себя примером неумеренности. В счастливое время Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни — в пору великодушия Его Величества из уважения к благородной госпоже закрывал глаза на его прегрешения. Например, в год похода на Бадахшан тот напал на дивана Его Величества Ходжа Рашиди² и мечом безудержности пролил кровь этого достойного человека. Совершив сие гнусное преступление, сбежал и уехал в Кабул. После этого ему благодаря заступничеству приближен-

ных Его Величества было дозволено вновь прибыть ко Двору, и он возобновил свои бесчинства. В конце концов Его Величество изгнал его, и тот отправился в Хиджаз. И совершив одну мерзость за другой, вернулся в Индию. Здесь он проявил прежние дурные качества. Как-то раз, когда министры и чиновники собрались во дворце Шахиншаха, безо всяких оснований напал на мирзу Абд-ал-лаха Могола³, входившего в число великих амиров. Из-за какой-то истории набросился на него, пнул и ударил кулаком. В другой раз грубо повел себя с Байрам-ханом и положил руку на свой кинжал. И вновь был изгнан. Тогда он отправился в Гуджарат и там коротал время, чиня вред себе и другим. Из-за гнусного поведения и скверных обстоятельств не смог остаться там. И обратил лик к миро-охраняющему Двору. Когда Агра стала столицей Халифата, его выслали счастьем служения и осыпали милостями и знаками внимания. Но поскольку натура его была преисполнена невоздержанности, он выказал свой характер сотнями высокомерных поступков и забвением собственного прошлого. Байрам-хан намеревался препоручить его Вали беку, дабы его доставили через Бакар в Гуджарат, когда самого Байрама исключили [из числа слуг], а Ходже благодаря его связи со священной семьей выказали величайшее расположение. Однако уловленный рукой собственной порочности, он продолжал совершать непристойные деяния. Наконец однажды Биби Фатима, бывшая ранее *урду-беги* Его Величества Джаннат-ашияни, а ныне занимавшая высокую должность в гареме Его Величества Шахиншаха, чья дочь Захра Ага⁴ находилась в доме Ходжи и вследствие грубости и мерзости последнего постоянно пребывала в темнице скорби и печали, пришла в сильной тревоге и взмолилась о помощи, ибо Ходжа собирался отправиться к себе в *паргану*, намереваясь взять и ее дочь. По причине подлости и недостойных умыслов, бывших частью его натуры, он задумал лишить жизни сию целомудренную и невинную. Вновь и вновь женщина повторяла, что в столице ему не осуществить это намерение в страхе перед правосудием Шахиншаха. Однако что произойдет, когда он заберет ее в свой *джагир*? Его Величество испытывал сострадание к преданной служанке и успокоил ее смятенный разум, сказав, что отправляется на

охоту и ради нее переправится (через реку) близ дома Ходжи⁵. Когда тот выйдет изъявить почтение, он даст ему добрый совет и воспретит забирать с собой ее дочь. Вскоре Его Величество покинул крепость и переплыл через реку на лодке. Потом направился к дому Ходжи с немногими ближайшими слугами, числом не более двадцати. Среди них — Дастам-хан, Тахир Мухаммад-хан Мир Фарагат, Катлак-хан, Макбил-хан, Шимал-хан, Пешру-хан и Хакимал-мулк. Поскольку вздорный нрав Ходжи — дело известное, Мир Фарагата и Пешру-хана послали вперед, дабы известить его о возвышенном прибытии и привести на путь прямодушия. А Дастам-хан и Макбил-хан отправились вслед за теми двумя, чтобы, если Ходжа по своему обыкновению поведет себя [подобно] утратившему рассудок, они помогли Тахир Мухаммад-хану. Когда необузданный безумец узнал от Тахир Мухаммад-хана и Пешру-хана, что Его Величество переправился через реку и прислал их, он пришел в бешенство и заявил: «Я не выйду к Его Величеству». Затем, преисполненный ярости, проследовал в женские покои и, вытащив кинжал, заколол Захра Агу, только что вышедшую из купальни и облачавшуюся в туалетной комнате, тем самым уготовив себе вечную погибель. Высунув голову из окна и швырнув запятнанный кровью кинжал туда, где стоял Дастам-хан, громким голосом крикнул: «Я пролил ее кровь, ступай и расскажи». Дастам-хан поднял окровавленный кинжал и отнес Его Величеству. Когда Шахиншах услышал о случившемся надругательстве, то закипел от гнева и вступил в дом подлеца. Безумец предстал [перед Акбаром], держась за рукоять своего меча. Его Величество гневно спросил: «Что это за выходка? Твоя рука на мече; посмей же вытащить его и получишь такой удар по голове, что душа твоя отлетит». Когда безумный узрел величие Шахиншаха, его руки и ноги утратили силу, и он рухнул [наземь]. Присутствующие взяли его под стражу. Один из гуджаратцев стоял с мечом позади Ходжи, замышляя измену. Его Величество почувствовал это намерение и велел Кадам-хану сразить того. Сей сообразительный мигом понял и так рубанул, что голова его слетела и скатилась к ногам. Какое-то мгновение туловище продолжало стоять, и шейные артерии изрыгали чёрные струи. Его Величество спросил Ходжу, за какую

провинность пролита кровь несчастной женщины. Изверг раскрыл рот и нес несусветную чушь, пока, наконец, его не заставили умолкнуть удары и пинки. Волоча за волосы и пиная, притащили убийцу к реке. Прилив ярости поднялся в океане справедливости: повинаясь приказу, слуг [Ходжи], постоянных соучастников (*хамкаса*) его беззаконий и безумств, связали по рукам и ногам и швырнули в пучину искупления. Хотя мерзкого негодяя топили в реке, тот цеплялся за жизнь и не прекращал свой бред. Зная, что поношение святых было мучительно для государя, он особенно старался в этом. Все были уверены, что [сей низкий] захлебнется в бурных волнах пучины гнева, однако жизнелюбие и крепость сердца позволили ему выжить. Его передали Макбилхану, который отослал [мерзавца] в Гвалиар, где того заключили в темницу. Там им овладела черная тоска, и он умер из-за помрачения рассудка. Его погребли на гребне горы неподалеку от крепости; однако впоследствии останки перевезены в Дели. Хвала Господу! Да славится судьба, которая подавляет мятеж, и справедливость, что истребляет насилие. Поскольку единственная цель Его Величества — явить свет справедливости и тем стереть следы притеснений, его могущество возрастает с каждым днем, как и его благоденствие.

Одним из упрочивающих верховную власть событий сего благодного года стала победа Али Кули Хан Замана над Фатх-ханом из Патны. Вот как это было. Фатх-хан, Хасан-хан, его брат, Маллухан выступили с крупным отрядом из крепости Рохтас и захватили Бихар и различные земли, принадлежавшие Хан Заману. На трон они избрали сына Салим-хана, носившего имя Аваз-хана, и подняли голову мятежа. Хан Заман и прочие военачальники той страны, такие, как Бахадур-хан, Маджнун-хан и Ибрахим-хан, двинулись, чтобы потушить сей пламень недовольства. Поскольку силы афганцев оказались велики, Хан Заман счел битву нежелательной и обосновался в крепости на берегу реки Сона, (именуемой) Андхиари-бари(?)⁶. В это время от Двора прибыли маулана Ала-ад-дин Лари, мулла Абд-ал-лах Султанпури, Шихаб-ад-дин-хан и Вазир-хан. Причиной послужило решение Его Величества Шахиншаха добрыми советами и царской благосклонностью укрепить Хан Замана на пути преданности. Милостивое расположение было также оказано Сулейману

Карарани, управителю (*хакиму*) Бенгалии, ставшему одним из военачальников Двора, и заключившему союз с Хан Заманом, и прочитавшему *хутбу* на имя Шахиншаха. Как только это показалось бы желательным и уместным, его (Сулеймана) надлежало привезти для лобызания порога — сего целительного напитка совершенства духовного и земного. Упомянутые посланцы приехали в крепость и передали Хан Заману добрые вести о царской милости. Укрепив его телесно и душевно, в эту пору тревог обручили с победой. Однажды они сидели перед Хан Заманом, когда черные сердцем афганцы подступили к крепости с [хорошо] вооруженной армией и множеством боевых слонов. Хан Заман [только] собирал свои войска, когда те приблизились и, едва подойдя, отбросили его людей и внесли расстройство [в их ряды]. Всё его войско обратилось в бегство, и афганцы принялись грабить жилища. Лишь когда сии высокомерные (то есть афганцы) сделали положение затруднительным, возрастающая с каждым днем удача Шахиншаха отразилась во внешней связи Хан Замана с возвышенным Двором и явила себя удивительным образом.

Вот краткий рассказ об этой поразительной истории. Хан Заман, поддерживаемый немногими воинами, ожидал в стенах крепости возможности для сражения или отхода. [В это время] Хасан Патни уселся на слона, прозывавшегося Бахт-буланд, и двинулся вперед во главе отряда. Люди разбежались, и Хан Заман с немногими оставшимися решил умереть. Он направился к одному из бастионов и, зарядив мортиру⁷, стоявшую там, выстрелил в наступающих, словно слоны в состоянии *маст*, самонадеянных воинов. Выстрел сразу поразил [Бахт-буланда] в голову. Тот был повержен и убит, а отряд рассеялся. Божественная помощь, ниспосланная в мгновение, [последовавшее] за сей милостью судьбы, проявилась в том, что там находился слон, прозванный Кохпара, которого Байрам-хан отдал Бахадур-хану, когда того отправили в Мальву. Этот слон стал совершенным *мастом*, и его пришлось заковать в цепи, однако [сей зверь] оставался драчливым. После того как войска Хан Замана были рассеяны, афганцы — погонщики слонов освободили животное и уселись на него. Он пришел в неистовство, повалил и убил слона афганцев, находившегося

рядом. Поднялся громкий крик, и афганцы, приняв его за клич победоносной армии, обратили спину. Также и афганцы, занятые грабежом, тотчас потеряли голову и разбежались. Когда беглецы (из войска Хан Замана) узрели сию Божественную помощь, то повернули обратно и начали преследование злополучных врагов. И захватили богатую добычу и много прославленных слонов. Лишь благодаря удаче Шахиншаха была явлена столь великая победа, после которой Хан Заман развернулся, и поехал к Джаунпуру, и из Заманийи⁸ со всем почетом отправил ко Двору посланцев.

Заметным происшествием стало прибытие Амир Муртазы. Поскольку мироохраняющие врата Шахиншаха — место встречи избранных всей земли, ибо Всемогущий Аллах вложил в священную особу царя жажду сосредоточить [вокруг себя] совершенства и сделал его собирателем свободных наук и накопителем всех видов благоприятных деяний, то уединенные семи климатов покидают родные земли, и обращают лица к сим священным вратам, и обретают там счастье. Чудесным являлось то, что когда мастер в любой науке или ремесле, будучи лучшим века в своей области — от богословия до столярного ремесла, оказывался в обществе Шахиншаха, то внимал столь тонким замечаниям о своей науке или искусстве, подобных которым никогда не слышал от собственных учителей, что поневоле уверялся в том, будто Его Величество отдал всё свое время изучению сего [предмета]. Одним словом, Его Величество благодаря безграничным дарованиям и присущему великомудрию, что проявляются безо всяких усилий и по-своему для [каждого] слушателя — от высочайшего до низжайшего, обеспечивает каждому успех духовный и земной. Среди сих был и славный Сайид Али Муртаза, происходивший из высокоученого рода Джурджани⁹ и [обладавший] выдающимися познаниями в науках рационалистических и традиционных. Он обошел места святого паломничества и ныне обрел приют у возвышенного порога, что есть *кааба* для паломников благодати и алтарь для караванов удачливости. Повинуясь справедливым указаниям, побывал на царских собраниях и обрел удачу. Хедив Века, знаток человеческих жемчужин, признал прибытие Мира за честь и осыпал его милостями и щедрыми дарами.

Глава 54

Экспедиция Его Величества в Мальву, охота на слонов, поход против Абд-ал-лах-хана, победа, вновь охота на слонов и возвращение в столицу

Поскольку высочайший долг верховной власти — всегда быть в курсе дел царства, знать о направлении мыслей и взглядов государственных мужей, особенно о настроях самонадеянных и ограниченных, что отдаляются от трона, едва достигнув успеха, и остановить их прежде, чем действия тех приведут к мятежу, следует возблагодарить Аллаха за то, что все эти чудесные качества в совершенстве проявлены в священной личности Шахиншаха. Даже мудрые мужи не могут постичь этого. Он постоянно собирает сведения о тайной жизни царства, и хоть кажется, что занят охотой и тому подобным — это всего лишь видимость, а его благородные дни проходят в беспрестанных делах веры и государства, в постоянном поклонении Аллаху и [неуклонной] заботе о подданных. Потому, прослышав, что Абд-ал-лах-хан Узбек, некогда вкусивший соль со стола судьбы, собирается поднять голову восстания в Мальве и в своем невежестве намеревается сбросить с себя груз милостей и обратиться к неблагодарности, [Шахиншах] решил под видом охоты на слонов отправиться туда. С Божьей помощью он выступил в день бахрам, 20 тира, Божественного месяца, соответствовавшего субботе, 21 зу-ль-каада [971 г.х.] (2 июля 1564 г.). Величественные знамена подошли к Нарвару¹ и Сипри², где находились слоновьи леса, в то время как гордо шествующие слоны-облака в ярости окунали время и землю в смуту и волнения, в источаемой ими ярости наводняли сушу и сравнивали горы с долинами и в своем высокомерии и надменности не обращали внимания на направляющий посох (каджак) молнии. Только обоз достиг берегов реки

Чамбал, как из-за сильных дождей наступило половодье. Чтобы переправить всё войско на лодках на другую сторону, требовалось сделать привал примерно на две недели. Когда специальные слоны пересекали бурную реку, слона Лакну из-за стремительного движения унесло водой. После этого войско стало лагерем у Гвалиара, а оттуда отправилось в Нарвар. Поскольку рядом находился лес, где обитали слоны, всё подготовили для охоты, а слуг разделили на несколько групп. Каждой назначили важного военачальника и выделили несколько прирученных слонов. Им выдали веревки, столь крепкие, что с их помощью можно было сдвинуть глыбы гор, и более того, они могли служить арканами для слонов горизонтов³. Также издали указ, чтобы сразу, как только обнаружат диких слонов, их преследовали на прирученном животном, до тех пор пока те не выдохнутся. Затем всадники, восседающие на ручных слонах — по обе стороны от дикого животного, должны набросить один конец веревки на шею дикому, а другой — ручному. Таким образом они захватят его и потащат за собой. Каждый день следует им заниматься его укрощением всё дольше и дольше и бросать перед слоном пищу, до тех пор пока не смогут на него сесть. Так и укротят его за короткое время. Самый верный способ умирения каждого дикого животного — доброта, а лучшие средства воздействия — трава, зерно и вода. По рациональности сей метод представляется наилучшим способом охоты на слонов, так как дикий зверь огромен и силен и подчиняется только более сильным слонам. Охотники отводят от себя его гнев и так одерживают победу.

Его Величество применил правила охоты на слонов в лесу Нарвара и разослал во все стороны отряды. Он лично с несколькими храбрецами принял участие в охоте. В тот день, после долгого преследования, вдали показалась слониха. Они погнались за ней и, измотав, привязали к другому слону. Адхам, сын муллы Китабдара, попал к ней под ноги и чуть не был затоптан, но смог уползти. На следующий день наступил Ид Курбан [10 зу-ль-хиджжа 971 г.х. — 21 июля 1564 г.]. Муним-хан Хан-ханан, который на той охоте являлся сопровождающим у стремян царя, и другие столпы государства явились к Его Величеству и засвидетельствовали почтение. Шахиншах по своей доброте устроил Ид за Идом⁴ и отправился на

охоту. Каждая группа направилась к указанному ей месту, и в тот день в результате значительных усилий было обнаружено стадо слоних, в котором находились два или три слона. Увидев их, Его Величество возобновил веселье Ида и захватил стадо из девяти слонов. Следующий день провел в лагере, давая указания, в которых заключается основа истинной охоты. На третий день на заре был уже в седле и до заката прочесывал лес, в который даже северным и восточным ветрам было трудно проникнуть из-за близко расположенных деревьев и густоты ветвей. Внезапно перед ним прошло стадо из семнадцати слонов. Он обрадовался и принял это за предзнаменование великого успеха. В соответствии с указаниями слонов загнали в густой лес и привязали каждого за ногу к дереву. К каждому для ухода приставили человека. Послали в лагерь за веревками, и лес, куда никогда ранее не ступала человеческая нога, и который не пересекали даже скакуны воображения, стал в ту ночь благодаря прибытию возвышенной процессии Каиром и Багдадом. Управляющие дворцового хозяйства при помощи придворных плотников соорудили платформу для царского отдыха и покрыли ее алой материей. Его Величество расположился на ней, а вокруг него разместились придворные, такие, как Юсуф Мухаммад Кокалташ, Мир Муизз-ал-мулк, Мир Али Акбар, Чалма-хан, известный под титулом Хан Алама, Мир Гияс-ад-дин Али, возвышенный титулом Накиб-хана, и другие особые приближенные. На следующее утро, когда согревающее мир солнце взошло на трон горизонтов, Его Величество Шахиншах с желанной молитвой в своем силке и чалмой успеха на устах водрузился на благословенный трон и милостиво повелел придворным сесть. Затем ради наслаждения и удовольствия послушал какое-то время, как Дарбар-хан⁵ читал историю об Амуре Хамзе⁶. Тем временем из лагеря прибыли несколько слонов со множеством веревок. Его Величество распорядился, чтобы каждого разъяренного зверя привязали между двумя царскими слонами и привели к вечеру в лагерь. Это было исполнено, и для завершения работы он провел там еще два дня. Желая поймать побольше диких слонов, повернул поводя к Мальве⁷. Из-за молний, дождей и наводнений, а также вязкой грязи, многочисленных ям и канав, характерных для этих мест, переход оказался трудным. Лошадям приходилось плыть как

гиппопотамам, а верблюдам — пересекать потоки подобно кораблям океана. Наконец, преодолев сотни препятствий, они прибыли в селение Рануд⁸ и стали лагерем. Из-за сильных дождей провели там два дня. Оттуда продолжили путь через Сарангпур⁹. Из-за ужасной грязи кони во время перехода увязали по грудь, а для верблюдов каждый волос стал обузой. Они двигались вперед, преодолевая тысячи трудностей. В тот день невозможно было установить победоносный стан, способный заполнить степи. Кроме царских шатров и пологов, возвели лишь палатки Хан-ханана, Мирзы Азиза Кокалташа, а также одного-двух великих военачальников, палатку же для царских слуг поставить не удалось. Пришлось сделать привал на один день. На следующий день повернули знамена в сторону Манду. Через пять переходов достигли широкой долины города Хирар¹⁰. Хотя во время стоянки здесь оказалось невозможно кормить животных зерном, они могли наслаждаться свежей и сочной травой, что произрастала в изобилии, и потому не проявляли к [обычному корму] никакого интереса, радостно резвясь на зеленых пастбищах.

Его Величество Шахиншах закончил наслаждаться охотой и, разбив лагерь в этом чудесном месте и поручив заботу о нем нескольким военачальникам, отправился верхом в Манду, резиденцию мятежника. В пути он выслал вперед Ашраф-хана и Итимад-хана, дабы те сообщили Абд-ал-лах-хану, который был настороже вследствие своих неблагоприятных поступков, о царской милости, привезли его для засвидетельствования почтения и не дозволили этому проходившему ступить на поля вероломства. На крыльях стремительности ринулся он [Акбар] из Хирара в Сарангпур, первый город Мальвы, расположенный на расстоянии 25 мальвских косов, равных 40 делийским косам, и совершил это путешествие в период разливов всего за один переход. У границ Сарангпура Муним Мухаммад Касим-хан из Нишапура, которому поручили управление этими землями, имел счастье выехать и встретить [Шахиншаха]. Он просил Его Величество остановиться в его доме и предложил в качестве дара от себя и своих людей около 700 лошадей и мулов. Их раздали военачальникам и слугам. На рассвете все продолжили путь в Удджайн, который в былые времена являлся столицей царей Мальвы. Когда атмосфера

Дхара¹¹ стала восхитительной (букв. «источающей аромат») благодаря прибытию [царского] лагеря, Ашраф-хан и Итимад-хан вернулись от Абд-ал-лах-хана и доложили о состоянии дел. И хотя преданные слуги исполнили поручение со всем усердием, ничто не подействовало на лицемерное сердце [Абд-ал-лах-хана]. Он отверг утешение. Отправив семью из крепости, подождал до вечера и уехал со своими людьми. Выдвинув несколько пустых требований, отослал их [послов] назад. Например, он просил, чтобы не причинили вреда ни ему лично, ни его кошельку, чтобы провинция Манду оставалась за ним, как и прежде, и чтобы Тингри Барди, Хан Кули и Инсану Бахши позволили уехать с ним. Муним-хан Хан-ханан, полагаясь на милосердие и мягкость Его Величества, попросил прощения за его [Абд-ал-лаха] оскорбления. Шахиншах по своей безграничной доброте перечеркнул линией помилования [подобную дерзость] и выполнил просьбу. Издав по этому поводу указ, снова отправил к нему Итимад-хана и Дарбар-хана.

В это время, когда тень славы упала на жителей города Дхар, пришла обиженная женщина и пожаловалась, что Мухаммад Хусейн, *курбеги* [хранитель регалий] Абд-ал-лах-хана, совершил ряд жестокостей по отношению к ее младшей дочери, разграбив принадлежащий ей дом. Его Величество своим изрекающим судьбу гласом приказал успокоиться и подождать появления огней правосудия, ибо скоро он подвергнет [обидчика] великому наказанию. Таков один из чудесных примеров пронизательности Шахиншаха, ибо это был первый человек, которого схватили и наказали. В этом городе до сведения Его Величества довели, что когда до Абд-ал-лах-хана дошли известия о походе [Шахиншаха], он, ибо предатель всегда пребывает в страхе, уверенный в том, что его уничтожат, и, представив себя уже в заточении, связанным гневом Шахиншаха, решил бежать из Манду в Ливани¹². Его Величество покинул Манду и последовал за ним. Несколько преданных военачальников, таких, как Мир Муизз-ал-мулк, Муким-хан, Мухаммад Касим-хан из Нишапура, Шах Фахр-ад-дин, Шах Кули-хан Махрам, Дастам-хан, Масум-хан Фаранхуди, Катлак Кадам-хан, Харрам-хан, Кулидж-хан, Итимад-хан, Чагатай-хан, и другие, были отправлены вперед, дабы посредством быстрого перехода догнать этого хитреца. Его Величество с несколькими приближенными совершил

великое путешествие и в день дин, 24 амардада, Божественного месяца, соответствовавшего субботе, 26 зу-ль-хидджа [971 г.х. — 6 августа 1564 г.], прибыл под вечер в селение Ливани. Злополучный негодяй уже уехал оттуда. Шахиншах провел там ночь. Тем временем Ити-мад-хану и Дарбар-хану, отправленным вслед за сим сбившимся с дороги, поручили направить на путь благополучия путника, заблудшего в пустыне невежества. На следующее утро Его Величество выступил из Ливани. Во время пути посланники вернулись и доложили: поскольку то был день его (Абд-ал-лаха) гибели, он принял их предостережения за хитрость и отвернулся от благословенной возможности предстать [перед Шахиншахом]. Случилось так, что распорядители успеха и победы привели вышеупомянутых лиц, отправленных вперед, к селению Баг¹³. Там они узнали, что злосчастный отправил семью вперед, а сам сделал привал. Из-за гористости местности многие участники погони разделились. Некоторые, например Мухаммад Касим-хан из Нишапура, Хан Алам, Шах Кули-хан Махрам, Саманджи-хан, Ходжа Абд-ал-лах, Мирзада Али-хан и Сайид Абд-ал-лах, вырвались вперед и храбро ринулись в бой, осыпая врага ливнем стрел. Абд-ал-лах-хан, невзирая на тайные силы (то есть небесных помощников Акбара), изменил тактику [бегства] вследствие отвернувшейся от него удачи и принял бой. Он сказал соратникам: «Великая армия проделала долгий путь, и нас настигло лишь несколько человек; нас много, и мы полны решимости, будем же храбры и атакуем их». С этим недобрым намерением повернулся лицом к полю битвы и яростно ринулся в бой. Воины, поддерживаемые удачей, доказали свое мужество и преданность; они отступили, лишь когда гонцы принесли известия о приближении Его Величества. Царские знамена устремились вперед. В тот день Хаксар Султан по скудоумию сделал Шахиншаху дерзкое предложение прекратить поход. Его Величество вскипел от гнева, положил руку на меч и в бешенстве бросился на него. Дурак соскочил с коня и попытался укрыться между лошадиных ног. Его Величество также спешился, подошел к нему и ударил своим мечом. Так как то был индийский кханда¹⁴, удар оказался несмертельным, и когда милосердный правитель увидел, как тот упал на землю (хак) позора, решил его не убивать¹⁵. Поистине, сей гнев проявился подобающим царскому

характеру образом, дабы каждый знал свое место и разговаривал в соответствии с оным. Ибо есть мудрое правило: не всякому подданному дозволено служить в Присутствии [царской особы]. Не каждый, будучи личным слугой, имеет право ступать на ковер чести. Не каждый, достойный этого ковра, может на нем сидеть. Не каждому, удостоенному дружбы, разрешается говорить. Еще менее это позволено тому, кто обращается к самому *Хедиву* Вселенной. Если же было даровано разрешение говорить, не годится перечить царским желаниям. Наконец, дерзкие возражения против великих планов царей и оспаривание мнения последних противоречат мудрости и не одобряются мудрецами. Но когда великие по собственной воле наделяют одного из дальновидных придворных ковра чести высоким рангом и избирают его для исполнения особой службы, тогда, изрекая со смиренным видом правду, тот поистине выполняет свой долг.

Наконец Его Величество повел в бой знамена удачи — сие украшение победы — и бросил тень престижа на искренних сражающихся. Он лично принял участие в битве и был там, где вражеские стрелы свистели над его головой. Божественная защита отвела от него копья неудачи. Справа от Его Величества находился Муним-хан, а слева — Итимад-хан. В самый разгар сражения тайное вдохновение сподвигло его повелеть забить в барабаны победы. [Шахиншах] обратился к Хан-ханану: «Не стоит больше медлить, нужно атаковать врага». Произнося это, он уже почти отпустил поводья своего коня, когда Хан-ханан с отчаянием в голосе почтительно сказал: «Идея Вашего Величества хороша, но не время ехать одному. Посмотрите, вон сколько преданных людей, давайте сражаться вместе». Шахиншах рассердился и уже было бросился в бой, но Итимад-хан в порыве преданности схватил его поводья. Его Величество прикрикнул на него и ринулся вперед, и враг стал свидетелем шахской славы и царственного наступления, которое не выдержит даже гора. Их ноги и сердца оцепенели. Божественное сияние, сопровождавшее приближение царя, рассеяло и поглотило этих жалких людишек. Несколько военачальников Абд-ал-лах-хана оказались убиты, многих захватили в плен. Победа, подобная шедевр столетий, была одержана буквально благодаря приходу в движение царской удачи. В тот победный день число слуг,

находящихся рядом с Его Величеством, не превышало 300 человек. Среди них — Муним-хан Хан-ханан, Мирза Азиз Кокалташ, Сайф-хан Кокалташ, Мукун-хан, Мухаммад Касим-хан из Нишапура, Мир Муизз-ал-мулк, Мир Али Акбар, Шах Фахр-ад-дин, Ашраф-хан, Ити-мад-хан, Хан Алам, Асаф-хан, Лашкар-хан, Шах Кули-хан Махрам, Дастам-хан, Масум-хан Фаранхуди, Кулидж-хан, Рахман Кули-хан *кушбеги*, Харам-хан, Кутлук Кадам-хан, Ходжа Абд-ал-лах, Хаджи Мухаммад-хан Систани, сын Шах Мухаммада из Кандагара Аадил, Мутталиб-хан, Чагатай-хан, раджа Годар Мал, рай Патр Дас, Хаксар, Вазир Джамил, Мурад бек. Хотя победоносное войско было немногочисленным и устало от долгого перехода, а враг подготовился и насчитывал более тысячи всадников, победу одержали благодаря Божественной помощи. Там, где имеет место величие, количество не играет роли, а если в этом принимают участие управители судьбы, разве могут простые смертные противостоять им!

Итак, после похода и водружения знамен победы Его Величество сделал привал на ночь, отправив нескольких преданных военачальников во главе с Касим-ханом из Нишапура преследовать мятежника. Так как ночью прошли сильные дожди, назначенные для исполнения этой службы люди не смогли пройти и 4—5 *косов*. Утром Шахиншах выступил лично и направил к передовому отряду гонцов с приказом любым способом вступить в бой. Верные воины ринулись вперед, и утром дня аштад, 26 амардада, соответствующего понедельнику, 28 зу-ль-хиджжа [971 г.х.] (7 августа 1564 г.), к началу третьей смены караула царские знамена прибыли в Али¹⁶. Хаким Аин-ал-мулк, лично знавший раджу Али, отправился к последнему и привел его засвидетельствовать почтение. Он [раджа] присоединился к войску и пустился вместе с ним в путь. В тот день, ставший днем проверки на храбрость, Тимур Икка показал себя трусом. Его Величество пожаловал ему особого коня и отправил вперед на разведку. Мужество покинуло никчемного человека, и он отказался под предлогом болезни. Оставалась лишь одна смена караула, когда Шахиншах, сев на коня и находясь под деревьями — так как воздух был раскален, отправил Хуш Хабар-хана за вестями о людях, высланных вперед. Он был всё там же, когда тот вернулся с новостью о победе.

Дело в том, что управители окрестных земель из преданности присоединились к войску и настроили сердца на исполнение своего долга. Храбрецы победоносной армии издали воинственный клич (*суран*)¹⁷ и напали на лагерь Абд-ал-лах-хана около ущелья, из которого виден Кампанир. Сей низкий человек, не имеющий чести, пришел в замешательство и, бросив гарем в пустыне, ускакал, прихватив с собой сына. Великие военачальники окружили его имущество, в частности женщин и слонов, и стали лагерем. Мир Муизз-ал-мулк и несколько *сирдаров* гнались за негодеем пять *косов* и благодаря быстрому передвижению настигли их. Многих рассеяли, а Мир Муизз-ал-мулк и несколько воинов были украшены ранами (букв. «их лица стали красными»). Злодей скрылся в подавленном и растерянном состоянии, еле живой. Из последних сил доскакал до границ Гуджарата. Поскольку не прозвучало подчиняющего мир указа сделать эту страну полем битвы, победоносные войска остановились. Когда хорошие вести достигли царского слуха, Его Величество отправился в путь и, возблагодарив Аллаха, прибыл на место. Преданных военачальников возвысили аудиенцией. Ему показали богатую добычу, состоящую из женщин, слонов и лошадей, а также из денег и товаров. Среди прочего с особым вниманием были осмотрены слоны Апруп¹⁸, Гаджгаджхан и Саман, ибо каждый из них являл поистине шедевр творения.

Возблагодарив Аллаха, Его Величество Шахиншах ударил в барабаны ухода в Манду. Он проделал расстояние за три перехода и в день марасфанд, 29 амардада, Божественного месяца, соответствовавшего вторнику, 2 мухаррама [972 г.х.] (10 августа 1564 г.), расположился в светлых покоях крепости Манду. Оттуда разослал сообщения о победе в царские владения и, конечно, в Агру, где делами государства занимались Ходжа Джахан и Музаффар-хан. И провел в благословенном городе почти месяц, и отдал распоряжения по управлению этой страной. А также повысил в звании военачальников в соответствии с исполняемой ими службой и способностями. Среди них был Муким-хан¹⁹, проявивший себя во время кампании и удостоенный *хилата* и титула Шуджаат-хана. Так как по всей Мальве разнеслось эхо водружения знамен победы, а звуки барабанов судьбы достигли слуха каждого, все правители и вожди пришли и засвиде-

тельствовали почтение, а владельцы земель водрузили венец удачи на свои головы, поцеловав землю. Во время сего славного пребывания [в Мальве] Шахиншаху доложили, что Абд-ал-лах-хан бежал к Чингиз-хану, что правил в то время в Гуджарате. Его Величество приказал отправить какого-нибудь разумного к Чингиз-хану с требованием прислать негодяя связанным ко Двору или изгнать его из страны. Поручение передать распоряжение было доверено Хакиму Аин-ал-мулку. Чингиз выехал к Кампаниру, чтобы получить распоряжение, проявил величайшее послушание и отправил несколько доверенных людей ко Двору с надлежащими подарками и смиренным прошением. В последнем говорилось, что он раб царя и счастлив подчиниться приказу. Ввиду того что Его Величество — [царь] всепрощающий и милостивый, его рабы были бы глубоко признательны, если бы он простил его (Абд-ал-лаха) преступление и позволил ему (Чингизу) прислать того ко Двору. Если эта просьба не будет принята, он без колебаний изгонит несчастного. Хаким Аин-ал-мулк прибыл в Агру с подарками Чингиз-хана в день, когда там уже реяли знамена судьбы.

Среди [прочих] событий отмечено следующее. Хан Кули, от-
важный слуга Абд-ал-лах-хана, оставленный последним присматри-
вать за Хандией, обратился с прошением, в котором говорилось, что
он всё еще пребывает в водовороте страха и надежды и, если его
удостоят чести личной безопасности, он станет рабом Двора. Ему
послали утешительный указ, принятый им как талисман, и он прибыл
с несколькими последователями. Там и обрел благополучие.

Случилось еще, что из Берара²⁰ приехал засвидетельствовать
почтение Мукарриб-хан, военачальник Декана. Он был принят мило-
стиво и получил *саркар* Хандия в управление.

Помимо этого, Миран Мубарик-шах, правитель Хандеша, чьи
предки владели этой территорией не одно поколение, отправил ко
Двору послов и великолепные подарки. Он передал через прибли-
женных о смиренном желании, чтобы его дочь стала еще одной
жемчужиной Высочайшего гарема. Так как Его Величество Ша-
хиншах являлся исполнителем желаний, просьбу Мирана приняли и
издали милостивый указ. Евнух Итимад-хан, из числа доверенных
придворных слуг, отправился вместе с послами Мирана исполнить

231

эту службу вместе с превосходными подарками. Когда же приблизился к крепости Асир, резиденции Мирана, тот поспешил оказать ему торжественный прием и ввел с почтением внутрь крепости. Зная, что милость Шахиншаха была свидетельством его [Мирана] собственного вечного блага, он доставил свою дочь надлежащим образом. Ее сопровождали несколько сановников. Итимад-хан прибыл на место, когда Его Величество отъехал на один переход от Манду, и передал ее в гарем. Он рассказал об уважительном поведении Мирана, чьи хорошие качества и искренняя преданность получили одобрение при Дворе.

Произошло также следующее. Так как Его Величество Шахиншах всегда расположен прощать преступления и заботиться о бедных, он отправил Хасан-хана Хазанчи, Паянда Мухаммада Панч Бхийя и Худа Бар Ятима с милостивым приказом к границам Дунгапура, дабы утешить Баз Бахадур, бывшего управителя Мальвы, скитающегося в изгнании в тех пределах, и привести его ко Двору. Когда посланники доставили вести о царской милости, Баз Бахадур, узрев в том удачу, выразил желание вернуться на службу и уже было приготовился отправиться в путь, когда из Агры приехал его глупый евнух и своими недостойными речами — средством жалких предателей — отговорил от высокого пути. Поскольку его судьба еще пребывала в темной пелене несчастий, Баз Бахадур невольно принес пустые извинения и был лишен счастья засвидетельствовать почтение. И отсрочив время великого успеха, отправил назад послов с письмом, полным стыда за свои преступления.

Итак, Манду оставался царской резиденцией почти месяц, и Его Величество, отдав ряд распоряжений по управлению этой страной, в счастливый час — в Божественный месяц шахриюр, соответствовавший мухарраму [972 г.х. — август—сентябрь 1564 г.], повернул поводья к Агре. Стоя лагерем у Нальчи²¹, назначил Кара Бахадур-хана и других военачальников управлять Манду и издал указ, согласно которому каждый, кто во время похода отказался сопровождать царскую процессию и предпочел сделать прах преступления пылью на челе служения, должен в качестве наказания остаться в Манду с Кара Бахадур-ханом и лишается на какое-то время права пребывания при

Дворе. Он задержался еще на один день, дабы закончить дела, и на третий отправился в Агру, в самый разгар сезона дождей. Преодолевая разливы, Его Величеству часто приходилось ехать на слонах *маст*²² [горячих]. Однажды он сел на слона по имени Ханди Рай, не имевшего себе равных по свирепости и упрямству, и проехал на нем до следующей стоянки. На этом подпирающем небеса слоне в период буйства с трудом могли удержаться самые сильные погонщики. Возвышенное изобретение Его Величества заключалось в следующем: конец одной плети был зафиксирован на голове слона, ее рукоять крепилась к спине, а вторую держал в руке и бил ею по слоновьей голове, когда тот не подчинялся²³. Посредством этих приспособлений удавалось обуздывать вспышки бешенства и заставлять зверя слушаться. Наблюдавшие такую чудесную силу слуги были поражены, и приняли происходящее за Божественную помощь, и разомкнули уста в молитве за долгую жизнь и правление [Шахиншаха]. Сразившись с непогодой и преодолев горы, с которых лились потоки воды, войско достигло Удджайна и после четырех переходов прибыло в Сарангпур. Проведя там неделю в удовольствиях, затем продолжили путь в Хирар. В течение двух переходов ехали по чудесной стране гор и чащ. Два дня сей лев лесов охотился на слонов и захватил несколько самок в капкан желаний. Оттуда, совершая переход за переходом, прибыл в Сипри. Там разведчики сообщили, что неподалеку есть обширный лес, в котором замечено стадо слонов. Его Величество Шахиншах из любви к охоте направился туда, как только Принц Востока и Запада (солнце) облачился в сияние зари. Приблизившись к лесу, он увидел семнадцать слонов. Среди них было одно великолепное животное. Храбрецы, оцепив лес, по сигналу погнали стадо к лагерю. И вдруг одна слониха бросилась на всадников. Она подбежала к Шах Фахр-ад-дину²⁴ и сбросила того с лошади. Затем кинулась на лошадь, оставив Мира на земле. Тем временем храбрецы вели себя мужественно. Мир же, в панике потеряв голову, приложил ко рту палец, подавая им знак хранить молчание. Этот жест Мира долгое время являлся источником шуток (для Акбара). В тот день стадо ушло. Все усилия Его Величества были направлены на то, чтобы захватить вышеупомянутого слона, и наконец того заманили в ловушку. И вот Шахиншах вскочил зверю на спину,

не обращая внимания на его силу и то обстоятельство, что животное только поймали. Абу-л Фазл, повествователь истории [жизни] этого шедевра Божественной силы, слышал из источающих жемчуг уст, что то не дикий слон, а сбежавший от местных правителей. Его Величество назвал его Хери Санг. На следующий день в том месте разбили лагерь, и Шахиншах отправился за стадом. Внезапно появилось пять слоних, и началась охота. Стараниями Его Величества оказались пойманы три самки. Пока лагерь стоял в Сипри, был издан указ, чтобы разведчики постарались найти слоновье стадо.

234 К концу дня дикий обитатель тех чащ, которого на местном языке звали *бхил*, пришел в лагерь и указал, где оно находилось. Это был слуга раджи Джагмана из Дхандхеры²⁵. Так как пересекающая мир процессия не шла через его земли, он отогнал оттуда [стадо] и сделал так, чтобы в случае появления в окрестностях [царского] лагеря стало известно, что Джагман из преданности оставил людей для охоты. Получив радостные вести, Его Величество вскочил на коня и отправился в указанное место. Было видно, как [в отдалении] двигались семнадцать великанов. Среди них один выделялся особой красотой. Храбрецы стали загонять животных. Тот слон в состоянии *маст* не обращал на них никакого внимания. Слонихи бросились на загонщиков. Одна подбежала и, сбросив Мухаммад Талиба, старшего брата Саида Бадахши, с лошади, стала топтать его. Наблюдавшие не сомневались, что его кости превратятся в пыль. Слониха, увидев, что приближаются всадники, подняла человека на бивни и побежала прочь. Когда люди подъехали ближе, бросила его и прибавила скорость. Упав на землю, тот, к всеобщему изумлению, вскочил и побежал. Но нет места удивлению, когда речь идет о чудесах Божественной силы. Итак, возвышенный гений Его Величества был занят ловлей слонов. Он отдал приказ отобрать боевое животное из особых слонов и заставить биться с [диким слоном]. Привели Бхируна, равного тому слону по силе. Начался великий поединок. После многих попыток Бхирун стал сдавать, и с трудом удалось отогнать от него дикого зверя.

Вдохновленный ум посетила великолепная идея, как с легкостью завершить охоту. Только покажется стадо, всадникам следует окружить его на расстоянии так, чтобы животные их не видели²⁶.

Барабанный бой даст (слонам) понять, что позади находятся люди. Двух слонов, так чтобы погонщиков не было видно, привели к выбранному ранее месту и привязали. В то же время медленно гнали диких слонов, пока наконец из подражательности, что является частью животной природы, стадо не приблизилось к этим двум: сами пришли и были связаны. Сей великолепный план, до того дня не приходивший в голову ни одному принцу и придуманный священным разумом, стал источником великой радости. Прозвучал приказ, чтобы войска выступили со всех сторон и, взяв упомянутых ранее диких зверей и остальное стадо, двигались к лагерю. Военачальники подчинились приказу и подобрали полы служения. Прибыв в крепость Сипри, загнали животных внутрь. Только стадо с великим слонем вступило в крепость, последний снова показал буйный нрав. Дабы наказать [упрямца], Его Величество велел привести равного ему слона Ханди Рая. Эти движущиеся горы вступили в великое единоборство и бились в течение одной смены караула. Ханди Рай почти сбил спесь с дикого животного, но слуги по знаку Шахиншаха его увели. Дикий слон мощными ударами разбил стену крепости и убежал в лес. Его Величество послал Юсуф-хана, старшего брата Мирза Азиза Коки, с людьми схватить слона, уже достаточно вымотанного. Тем временем лично принял участие в связывании стада. Сильные погонщики поставили слонов с каждой стороны. Был отдан приказ привести Ран Бхируна, сильного животного и одного из особых слонов, и поставить его перед вышеупомянутым. И опять сошлись в бою две горы. Так как дикий слон уже боролся и изнемог, он потерпел поражение. Погонщики подогнали его к большому дереву и привязали крепкими веревками. Его называли Гаджпати.

235

Его Величество, вдоволь насладившись охотой, направил свои стопы в столицу. Был выбран путь через Нарвар и Гвалиар. Когда сановники Агры слышали звуки приближения войска — сей глас органа радости, то вышли приветствовать его и засвидетельствовали свое почтение. Они обрели земное и небесное благоденствие под милостивым взором Шахиншаха. Его Величество прибыл в столицу в день замияд, 28 михра, Божественного месяца, соответствовавшего вторнику, 3 раби ал-аввала [972 г.х.] (9 октября 1564 г.).

Явлением этого счастливого времени стало рождение близнецов. Две бесценные жемчужины появились из одного чрева, две освещающие мир звезды вышли из одного асцендента, два славных ока обрели свет, две серьги (набор) были возвышены, два бесценных ожерелья засверкали, две мощные длани обрели существование, два запястья успеха появились на свет, две прекрасные брови были рождены. Миры наполнились весельем, цветники улыбнулись. Ковер отрады разостлали от берега к берегу, и радость возвестили человечеству. Звук барабана ликования разнесся по всем девяти небесам, а мелодия органа блаженства раздалась во всех шести частях света.

Череда наполненных до краев бокалов была столь велика,
Что терпению не хватило терпения, а разум лишился разума.

236 Его Величество в расцвете двух розовых бутонов увидел знак благополучия обоих миров. Он вознес хвалу Аллаху и назвал одного близнеца Мирзой Хасаном, а другого — Мирзой Хусейном. Касим Арслан составил следующую хронограмму на рождение двух царских жемчужин:

Единственный в своем роде царь имел двух
сыновей-наследников,
Две жемчужины из корзины успеха очутились в руках.

Время в поисках даты начертало следующее:

Две луны оказались в зените²⁷.

Уникальные жемчужины океана святости через месяц отошли в просторные владения мира иного. Они отдали монету собственных жизней за своего отца. Его Величество, опечаленный уходом двух ранних плодов, пошел, однако, славной стезей безмолвия и смирения, ибо для дальновидных нет иного лекарства от неизбежных Божественных установлений, кроме покорности и повиновения.

Среди событий тех дней — основание Нагарчаина²⁸ и игра в поло. Зодчий мастерской диковин и геометр чудес пожелал, дабы священная личность Его Величества Шахиншаха стала вместилищем таких совершенств, что величие его проявлялось бы во всём; повсюду у него возникали прекрасные мысли, и везде являл собой он небывалую красоту. Таким образом, Шахиншах обратил внимание на обновление и украшение селения Какрали. Эта страна цветов славилась среди других приятных мест климатом и располагалась в одном *фарсанге* от Агры. Его Величество частенько останавливался здесь, когда выезжал из города на охоту. И наслаждался этой забавой, и тешил разум ловлей зверей и птиц (соколиной охотой) в лугах. Возвратившись из Манду в столицу, он издал указ, чтобы там возвели крестьянские жилища и разбили украшающие жизнь сады. Архитекторы заложили фундаменты восхитительных домов в благополучный час и во время установленного положения звезд, благоприятного для закладки основ удовольствия. Вскоре усердные строители закончили свой труд. А военачальники и другие слуги строили жилища и разбивали сады, соответствующие их положению. Вскоре всё было так обустроено, что походило на миниатюрный город. Его Величество назвал это святое место Нагарчаином — городом отдыха. Он часто играл там в поло и наслаждался охотой.

237

В тот год прибыл посол шаха Тахмаспа, правителя Персии, и привез в подарок диковины своей страны. Султан Махмуд из Бакара попросил [через того] назначить его Ханлар-хани, то есть Хан-хананом; но поскольку имелись военачальники более достойные, чем он, которые, учитывая свое положение и достоинства предшественников, не просили об этом назначении, его просьбу отклонили. Он послал много золота шаху, ныне покойному, в надежде, что судьба начнет благоволять ему [Султан Махмуду] после рекомендации того. Шах удовлетворил его просьбу и написал по этому поводу письмо. Но поскольку Хедив Мира восседал на *маснаде* [подушке] непредвзятости и справедливости, разменной монетой должны были явиться заслуги, а не чья-то рекомендация. Особенно если учесть, что сей высокий пост занимал сам Муним-хан. Таким образом, просьбу шаха отклонили, а посла отпустили в соответствии с обычаями принцев.

Глава 55

Попытка мирзы Мухаммад Хакима обрести приют при мироохраняющем Дворе Шахиншаха, отнятие Кабула у мирзы Сулеймана и прочие удачные события

Уже было рассказано, как мирза Сулейман избавился от недостойного и злосчастного Абу-л-маали и оставил бадахшанцев в Кабуле. Он не ценил права возвышенной семьи и вершил труд врага под одеянием друга. И постоянно пытался наложить руку на Кабул и оставить мирзу Мухаммад Хакима в одном из районов Бадахшана. Хотя верные кабульцы и понимали в какой-то степени намерения мирзы Сулеймана, однако, поскольку поведение [его] выглядело странно, они не были вполне уверены в этом деле. Наконец, он не удовольствовался числом воинов, уже посланных им, и начал отряжать новых. Однажды отправил Абд-ар-Рахман бека, сына Мир Тулака Кадими, с отрядом, а в другой раз выслал войска во главе с Тангри Барди *кушбеги*. Подозрения кабульцев подтвердились, и они приняли меры, чтобы поправить дела. Главную роль в этом сыграли Ходжа Хасан Накшбанди, Баки Какшал, Сиундак, Али Мухаммад Асп, Банда Али Майдани с прочими *майдани* и *ходжа хизрияни*, Яр Мухаммад Ахунд, Фируз и Халифа Абд-ал-лах. Они послали сообщения о происходящем Мухаммад Хакиму, который пришел в годы благоразумия, и тот, находясь в затруднительных обстоятельствах из-за скупости и дурного поведения бадахшанцев, одобрил их обеспокоенность и приступил к изгнанию бадахшанцев. Он отобрал земли Газни у Кара Ятима и сына Хусейна Кабули, дарованные им мирзой Сулейманом, и передал их Касим беку *парванчи*. Бангаш забрал у Мурад Ходжи и отдал его собственным слугам. Джалалабад и его владения до Инда, которые мирза Сулей-

ман назначил Кази-хану [Бадахши], Саид-хану, Мубариз-хану и Баха-аддин-хану, [Мухаммад Хаким] сделал своими государственными землями. Мало-помалу он ослабил аркан притеснения, что бадахшанцы набросили на Кабул, и изгнал их всех с этих земель, и те были повержены и отправились к мирзе Сулейману. Беглец из Газни повстречал на перевалах Хинду Коха мирзу Сулеймана, который шел в Кабул, чтобы уладить дела, и рассказал ему обо всем произошедшем. После чего тот поспешил в Кабул. Когда Мухаммад Хаким получил известия о его приближении, то вверил крепость Баки Какшалу и нескольким преданным людям, а сам с отрядом верных сторонников отправился в сторону Джалалабада и Пешавара. Мирза Сулейман, подойдя к реке Баран, задержался там на несколько дней, чтобы дать отдых своим людям. Зная, что мирза пошел к Джалалабаду, он отложил завоевание Кабула до следующего времени года и от Дех-Минара направился в Джалалабад, собираясь захватить в плен Мухаммад Хакима. Когда последний прибыл в Даку¹, было получено ложное известие, что мирза Сулейман не преследует его, и потому Мухаммад Хаким повернул и двинулся к Кох-и-Барану².

Дочь мирзы Сулеймана, что по неразумию осталась в Джалалабаде, теперь раскаялась и присоединилась к Мухаммад Хакиму (своему мужу) на границах Басавала³ и принесла извинения за эту провинность. В то же время стало известно, что мирза Сулейман движется в данном направлении, а прошлое донесение оказалось неверным. Мирза со всей быстротой проследовал к Гарибхане⁴ и оттуда в Али Маджид, а затем в Пешавар, где остановился близ Кабила-и-Хабиба. В тот же день туда прибыл посланник мирзы Сулеймана, рассчитывая, что ему удастся заманить того [Мухаммад Хакима] в ловушку. После недолгой беседы (?) (*сир-и-су-вари*) мирза отпустил его и послал Ходжа Хасана [Накшбанди] к мирзе Сулейману, а сам меж тем направился к Инду. Тогда Хаки Галлабан (пастух), отставший [от войска], чтобы добыть верные сведения, пришел и сообщил, что мирза Сулейман достиг Джалалабада и оставил там Харам бегим с несколькими отрядами, а сам движется вперед. Мухаммад Хаким спешно пересек Инд и послал Галиб бека и Туфана Ауджи со смиренной мольбой к мироохраняющему Двору

Шехиншаха. Он обрисовал собственное отчаянное положение и попросил помощи.

239 Сам же оставался на берегу Синд-Сагара⁵. Поскольку в то время управление областью Пенджаб находилось в руках Мир Мухаммад-хана, старшего брата Атага-хана, мирза послал к нему своего дивана Ходжабек Махмуда и Максуда Джаухари с просьбой о помощи. Мир Мухаммад-хан отправил Кази Имада с дарами и ободряющим посланием. Военачальники Пенджаба также прислали дары, достойные их ранга. Когда мирза Сулейман узнал, что мирза Мухаммад Хаким переправился через Инд, то потерял надежду и возвратился в Пешавар. Он направился в Джалалабад дорогой через Караппах⁶, а по пути вступал в стычки с афганцами *шинвари*⁷. Многих из них убили, а добро, находившееся в их [подобном] базару лагере, было разграблено. Там погиб Харун Шинвари, вождь племени. Мирза Сулейман оставил в Джалалабаде отряд [во главе] с Камбаром и отправился к Кабулу, готовившемуся к осаде. Гарнизон стоял начеку и принял меры для обороны крепости. В то время, когда Нагарчаин благодаря прибытию Его Величества Шехиншаха прославился среди семи климатов, явились посланники Мухаммад Хакима и при содействии придворных были возвышены изъявлением почтения. Они донесли до царского слуха прошение мирзы. Его приняли милостиво, а поскольку причина затруднений [последнего] крылась в том, что тот не имел рассудительного и доброжелательного защитника, Его Величество в своей неизмеримой мудрости задумался о [его] охранителе и избрал для этого высочайшего поста Кутб-ад-дин [Мухаммад]-хана, славящегося природными способностями и надежностью. Также последовало распоряжение, чтобы отборные войска Пенджаба под началом Мир Мухаммад-хана присоединились к мирзе, препроводили его в Кабул и твердо усадили его там на *маснад*. Исполнив это, Кутб-ад-дин-хану надлежало остаться в Кабуле, в то время как военачальникам следовало вернуться. Мир Мухаммад-хану и таким *сирдарам*, как Мухаммад-хан, Кулихан Бирлас, правитель Мултана, Кутб-ад-дин-хан, Махди Касим-хан, Хасан Суфи султан, Джан Мухаммад Бахсуди, Камал-хан Гакхар, Фазил Мухаммад, Кули-хан, и вождям [племен] того края было

велено немедленно двинуться в путь и соединиться с мирзой на берегу Инда, двинуться с ним на мирзу Сулеймана и положить конец притеснению тем Кабула. С послами Шахиншах отправил также значительную сумму из царской сокровищницы вместе с подарками и роскошными вещами.

Когда сии распоряжения передали военачальникам, те подпо-
 ясали кушаком послушания талии верности и выступили с войском, чтобы сослужить мирзе; Кутб-ад-дин, Камал-хан, Фазил Мухаммад, Кули-хан во главе нескольких отрядов соединились с [вышеупомянутым] прежде остальных. Благодаря дождю Высочайших милостей и царских щедрот положение мирзы обрело новую славу. Они пересекли [реку] у переправы Алак Бенарес и двинулись к Кабулу. Мир Мухаммад-хан и остальные, отлично снаряженные, примкнули к мирзе близ Пешавара. Каждый поднес дары, сообразные его положению. Благодаря свету царского благоволения, сиявшему на щеке обстоятельств мирзы, его военачальники обрели великолепие, которого он никогда не представлял себе и [о котором] не мечтал, и он отправился в Кабул, преисполненный возвышенных надежд и с верными намерениями. Все они не ослабляли поводьев, покуда [армия] не достигла Джалалабада.

Так как мирза Сулейман передал власть над Джалалабадом одному из своих людей по имени Камбар, Мир Мухаммад-хан начал с того, что послал Саки Таранби и Ариф бека дать тому совет. Тот же по собственному злополучию снял с шеи ворот подчинения. Поскольку приговоренный к смерти в неведении не жалел даже жизни, герои приготовились к штурму и мощью своих войск легко распутали сложный узел. Стопой храбрости поднялись по ступеням овладения твердыней и взялись за высокие лестницы. Они приставили их к стенам крепости и попытались ворваться. Хотя бадахшанцы сопротивлялись изо всех сил, и ни в одной точке не ослабляли оборону, и осыпали атакующих стрелами и пулями, и бросали пыль и пепел сопротивления на головы восходящих к вершине победы, однако ни одна пылинка не осталась на зеркальных сердцах тех храбрецов. И если время от времени какой-то поднимающийся получал рану и падал вниз, их желание взять крепость не ослабевало настолько,

чтобы они испугались, увидев это, и не осмеливались бы идти далее. Напротив, их отвага возрастала, и они ставили ногу на его голову и избегали наверх. Благой удачей Шахиншаха взяли крепость за один астрономический час и предали мечу Камбара Али и триста его бойцов. Отпустили лишь двоих из них, чтобы те поведали мирзе Сулейману об участии, постигшей Камбара и всех его приспешников.

Голову Камбара отправили в качестве дара в крепость Кабула, и ободряющие письма отослали Баки Какшалу и кабульским жителям, дабы известить их о прибытии армии удачи. Когда вести о милости Его Величества и о [его] оказывающей помощи деснице, а также о захвате Джалалабада достигли Кабула, клич радости взметнулся ввысь, а голову Камбара выставили как украшение крепостных стен. Хотя взятие Джалалабада и гул приближающегося войска привели мирзу Сулеймана в замешательство, однако он успокоил своих охваченных паникой людей, объявив эти вести ложными. И утверждал, что то была похвальба кабульцев, до тех пор, пока наконец не явились двое бадахшанцев и не подтвердили [истинность] известий о победе. Тут нить выдержки выпала из рук мирзы Сулеймана и Харам бегим, и веревка согласия разорвалась. Удрученные, в трудном положении, они спорили, следует им сражаться с не знающей поражений армией или же стоит вернуться в Бадахшан. После споров решили бежать.

На следующий день мирза Сулейман снял осаду Кабула и повернул своих коней (букв. «подковал их задом наперед»). И двинулся в направлении Джалалабада, и прибыл к Ходжа Риваджу. Он объявил, будто идет сражаться с мирзой. С наступлением ночи забеспокоился и тронулся в путь на Бадахшан. Когда же переправлялся через реку Парван, сильно поднялась вода и унесла немало поклажи бадахшанцев. С тысячью трудностей и предосторожностей, [стараясь] чтобы никто не увидел его, он достиг Бадахшана. Победоносная армия прибыла в Джагдалик, когда Кабула достигли вести о бегстве мирзы Сулеймана. Мухаммад Хаким и военачальники пришли в Кабул. Жители, освободившиеся от тревог об обороне крепости, издали крик радости [донесшийся] до небес. Всё население возликовало и вознесло молитвы за долгое пребывание тех царских стягов, что осеняли

справедливостью близких и далеких. Через несколько дней Кутб-ад-дин-хан отправился в Газни, где обитала его семья, и взял с собой Камал-хана. Несколько дней провел в увеселениях в городе, где родился и вырос. Он проявил милость ко всему своему роду и всем друзьям, близким или далеким. И возвратился, заложив основания зданий и [разбив] сады, что являются знаками удачливости и вызывают приятные воспоминания. Уладив дела Кабула, Хан Килан неразумно решил принять должность *вакила* мирзы и остался в городе. Он распрощался с военачальниками, и те вернулись в Индию. Сакина Бану бегим, младшая сестра Мухаммад Хакима, отправилась в Индию, дабы отблагодарить Шахиншаха за его доброту, а также желая вступить в священное служение⁸. Она ехала в сопровождении Кутб-ад-дин Мухаммад-хана и обрела счастье, облобызав порог.

Поскольку природе мирзы Мухаммад Хакима не были присущи ни врожденная доброта, ни развитое здравомыслие, и [близ него] не имелось честных и преданных слуг, то едва дела Кабула оказались улажены благодаря вмешательству Шахиншаха, а Хан Килан поставлен управителем, как начались раздоры. Зачинщики мятежей сеяли в Кабуле рознь, а мирза Мухаммад Хаким из-за своей юности постоянно внимал небылицам. А Мир Мухаммад-хан, известный порывистостью и бесцеремонностью, не выбрал пути миролюбия и терял самообладание по незначительным поводам. Он управлял сурово, и потому в отношениях между ним, мирзой и кабульцами не было согласия. Хотя мирза употреблял почтительные выражения, однако решал множество важных дел, не советуясь с Хан Киланом. Вот одно из них: когда Ходжа Хасан Накшбанди проводил дни в Кабуле, мирза, не посоветовавшись с Его Величеством Шахиншахом и не известив Хан Килана, отдал свою сестру, которую ее мать обручила с Шах Абу-л-маали, замуж за Ходжу. После того как последний был почтен таким союзом, он начал вмешиваться в управление делами мирзы и совершать поступки, которые не следовало делать. Также многие мужи из окружения мирзы произносили вещи, неприятные для нрава Хан Килана. Мир Мухаммад-хан, несмотря на изъяны характера, умел распознавать людей и славился проницательностью и дальновидностью. В книге записей дня

нынешнего он мог читать перечень завтрашних событий⁹ и в получении своем счел необходимым довериться собственным чувствам, даже если бы пришлось действовать наперекор велению Шахиншаха. И понял, что черные дни надвигаются на него, и поскольку видел, что исход окажется плохим, проявил предусмотрительность. В ночь ночей¹⁰, не предупредив никого, выступил из Кабула и прямым путем направился в Индию.

243 Он также послал донесение к возвышенному Двору, где подробно поведал об интригах во дворце мирзы и происшествиях и промахах, допущенных в Кабуле. Раз Хан Килан ради собственного удовлетворения ступил на столь бессмысленный путь, то ему, знающему мир и многое иное, надлежало послать Ходжа Хасана, Яр Мухаммад Ахунда, Фируза и некоторых других с чиновниками в Индию, дабы дела мирзы не дошли в конце концов до мятежа, и ему самому не пришлось возвращаться подобным образом. Но когда Божий промысел предназначал какое-то действие, мудрый и прозорливый вначале лишается разума, и [лишь] тогда открываются сокрытые цели. Воистину, в таких делах зоркому и разумному не остается ничего, как стать наблюдателем и познавать Божественные начертания.

Одним из происшествий явилась отправка Кулидж-хана к Рохтасу для умиротворения Фатх-хана. Вот краткий рассказ об этом. В Бихаре есть крепость под названием Рохтас — из числа мощнейших в Индии и несравненное творение Создателя. Она стоит на очень высокой скале и [тем] охранена [даже] от мысли об опасности. Ее длина и ширина более пяти косов. Подъем с равнины на террасу крепости — в длину, пожалуй, больше коса¹¹. Удивительно, что, хотя крепость расположена столь высоко, хорошую воду можно найти всюду, если раскопать землю на глубину двух метров. Со времени возведения ни один правитель не овладевал ею, за исключением Шер-хана, но тот взял ее хитростью, проведя воинов в женском наряде, о чем уже повествовалось.

После она перешла в руки Фатх-хана Патни¹², одного из могущественных *сирдаров* Шер-хана и Салим-хана. Опираясь на эту крепость, тот использовал ее в ожесточенных сражениях с Сулейманом, ставшим повелителем Бенгалии. Будучи дальновидным, постоянно

заверял благожелателей царства [в надежности]. В эту пору, когда признаки неверности Али Кули Хан Замана стали очевидны для близких и далеких, Его Величество отправил к Фатх-хану, постоянно присылающему уверения в своей покорности, Кулидж-хана, дабы тот удостоверился в его расположении и утвердил его на пути служения и послушания. Ему надлежало исполнить сие, и когда знамена удачи достигли бы границ Джаунпура, Фатх-хану следовало получить награду за службу, и принести монету верности на пробу Его Величеству, и доказать всем и каждому подлинность (*сараги*) ее чеканки. Кулидж-хан достиг Рохтаса со всей возможной быстротой и укрепил вышеупомянутого на прямой стезе служения. И он [Фатх-хан] привел на службу своего младшего брата Хасан-хана Патни, дабы тот удостоился царской благосклонности, будучи допущен в Присутствие. Когда блистательная процессия возвратилась в столицу с охоты на слонов в Кархаре и Нарваре, о чем будет вкратце рассказано, они были возвышены целованием порога. Шахиншах осыпал милостями Хасан-хана.

В начале сего года вершина целомудрия Хаджи бегим, одна из непорочных жен Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни и дочь дяди его матери по женской линии, мать мирзы Аламана¹³, получила дозволение отправиться к святым местам. Его Величество устроил это паломничество с несравненной заботой, и обеспечил ее всем необходимым, и распрощался с ней. Хотя его преданное сердце не желало разлучаться, однако он уступил ее воле и удовлетворил просьбу. Множество людей воспользовались сей возможностью — удостоиться той же милости.

Глава 56

Прибытие Его Величества Шахиншаха в область Нарвар для охоты на слонов

Хедив Мира неизменно развлекался различными видами охоты и прочими утехами, дабы наблюдающий решил, что ничто, помимо сих забав, не достигает тайника его сердца. Внешне Его Величество постоянно уделяет свое внимание [земным] созданиям, а внутренне — Господу и тем определяет порядок вещей, внешний и внутренний. Он неуклонно одаряет мирян, как если бы сам был мирским и поверхностным, и [погруженных] вовнутрь, подобно мудрым, посвященным в истинную *киблу*. В ту пору он избрал своей завесой охоту на слонов, и в исфандармазе, Божественном месяце, что соответствовал *раджабу*¹, двинулся в Нарвар и Кархару². Привлекательность удовольствия привела его в Дхолпур. Поскольку климат той местности умеренный, он пересек Чамбал на слоне и направился далее через Гвалиар. Когда же достиг границ Нарвара, ловчие принесли хорошие вести, что несколько стад слонов бродят в лесу Нарвара. В то время как Его Величество с немногими спутниками вступили в лес, было приказано разбить лагерь в этом приятном месте. Два дня бродили по бескрайнему лесу, а затем вышли на слоновье стадо. Устроив ограждение по старому способу и поймав в него несколько диких слонов, возвратились в лагерь. В ходе той охоты, когда он был увлечен преследованием дичи в дебрях Нарвара, его взгляд упал на змея, который имел почти семь *газов акбаршахи*³ в длину и проглотил несколько *читалов*⁴ (животных, напоминающих оленей) и готовился сожрать еще. Его Величество повелел уничтожить зловредную тварь, так

что та получила воздаяние за содеянное. Он оставался там два дня, улаживая дела мира, и послал Лашкар-хана мир бахши к Асаф-хану в Гарху, дабы тот прислал ко Двору боевых слонов и остальное добро, которое благодаря царской удаче попало в его руки после войны с Рани [Дургавати] и было достойно взора. По [Высочайшему] приказу Ходже Гияс-ад-дину Али⁵ из Казвина следовало принять власть у Лашкар-хана на время отсутствия последнего. Его Величество посвятил себя охоте и украсил охотничьи уголья своим присутствием.

Глава 57

Начало 10-го Божественного года

[с момента священного Восшествия на престол Его Величества Шахиншаха] — года дай первого цикла

В этот сезон роста и на благоприятной почве, когда ощущение радости витало в уме судьбы, душу века охватило весеннее блаженство. Приход освещающего мир Нового года одарил изобилием землю и ее обитателей. Расцвела роза с сотней лепестков.

Роза стремилась распустить свои крылья-лепестки,
 Дабы воспарить вместе с соловьем.
 Ранние бутоны слегка раскрылись у цветоножки,
 Чтобы покорить сердца выпустивших когти птиц;
 Лицеизречение цветка и листьев помогает понять,
 Что на каждом отрезке пути дорога бежит то вверх, то вниз.
 Возьму пример я с бутонов этого сада,
 Что с сотней языков в устах хранят молчание.
 К приезду Шахиншаха разостлали они
 Ковры из роз и парчу из жасмина¹.

Через девять часов двадцать одну минуту в ночь воскресенья, 8 шаабана 972 г.х. (11 марта 1565 г.), Солнце вошло в дом своего возвышения, и начался десятый год правления — год дай первого цикла, и еще одна весна добавилась к спокойному источнику природы Шахиншаха. Его Величество всё находился на том же восхитительном лугу, украшенном художниками весенней поры, когда на следующий день пересекающие пустыню охотники объявили, что обнаружен лес, кишаший слонами. Его Величество Шахиншах обрадовался этим

вестям и поспешил на охоту. Он поймал слонов и отправил их к месту стоянки. Сам же провел ночь в лесу и на следующий день приехал в лагерь. В пути охотники сообщили, что в 8 косах от места стоянки в лесу свободно гуляют более 250 слонов. Его Величество возликовал и направил стопы туда. На исходе дня подъехал к месту, где паслись эти громадины. По его приказу слуги окружили слонов и погнали в сторону Баянвана². По прошествии половины ночи их загнали в крепость. По указанию Шахиншаха был вырыт пруд, достаточно большой, чтобы напоить облакоподобных животных, и наполнен чистой водой, дабы эти разгоряченные осушители рек насладились у источников изобилия, что доставляют радость всем — и слону, и мошке.

246

После того как поймали и связали диких животных, несколько человек послали в Нарвар, несколько — в Гвалиар, а основная часть отправилась в лагерь. Ради этого дела Его Величество провел два дня в окрестностях крепости Баянван. Без сомнения, по случаю сего восхитительного события, ранее невиданного в дивных землях Индии, наблюдавшие насладились чудесным зрелищем и обрели повод для восторга. Что за величественный план! Что за возвышенные замыслы! Как Властелин Века пленил такое количество свирепых, гороподобных, восходящих до небес животных!

Оттуда он повернул к лагерю, расположенному в окрестностях Кархары, и провел там около 20 дней. Так как близилась смена одного времени года другим и воздух был раскален, а климат этой теплой, населенной слонами страны не очень подходил для человеческого организма, заболело много людей. Его Величество проявил сострадание и приказал ударить в барабаны возвращения. И поручил нескольким спутникам изловить оставшихся слонов и проследовал переход за переходом, охотясь по пути, в Гвалиар. Там здоровье Его Величества несколько ухудшилось из-за погоды и долгих переходов. Вскоре, однако, он поправился, и на место болезни пришло здоровье (*итилал ба итидал мубуддал шуд*).

Спустя пять-шесть дней после выздоровления отправился в Агру и в счастливый час — избранный час звезд и горизонтов — отбросил свет своей тени на счастливый город.

Среди основных событий [следует упомянуть] основание цитадели Агры. Не сокрыто от умов математических и знакомых с механикой

сфер, что мудрый сердцем развил в себе способность выводить каждую отдельную жизнь из тайных [палат] потенциальных возможностей на сцену воплощения, ибо украшающий мир Создатель одарил Время и обитателей Земли существованием Шахиншаха, дабы ряды созданий могли усовершенствоваться. Сначала он подготовил составляющие правления, улучшая во благо людей землю развитием сельского хозяйства с помощью орошения и посева семян. Затем установил духовное и земное правление, используя возведение крепостей для защиты результатов трудов и преумножения чести и достоинства. Так, [Акбар] в это время отдал распоряжение построить в Агре, что располагалась в центре Индостана, большую крепость, подобающую и соответствующую величию его владений. А также приказал снести старую крепость, построенную на восточном берегу Джамны, чьи колонны пострадали от поворотов времени и ударов судьбы, а на ее месте возвести неприступную цитадель из тесаного камня. Она должна стать прочной, как основание власти возвышенного рода, и долговечной, как столпы его судьбы. В соответствии с этим многомудрые математики и искусные архитекторы заложили фундамент великого строения в час, наиболее подходящий для постройки крепости. Выкопали семь слоев грунта. Ширина стены составляла три *бадшахи газа*³, а высота — шестьдесят *газов*. В ней сделали четыре входа, и ворота власти открывались на четыре стороны света. Каждый день работало от 3 до 4 тысяч энергичных строителей и сильных рабочих. От самого основания до стенок парапета крепость сложили из тесаных камней, каждый из которых полировался до состояния отражающего мир зеркала и был красным, как щека судьбы. Они соединялись так плотно, что между ними не проходил даже кончик волоса. Эта величественная крепость, не виданная ранее ни одним геометром, восемь лет дополнялась парапетными стенками, брустверами и бойницами (*санг-андаз*) под пристальным руководством Касим-хана *мир барр-у-бахра*.

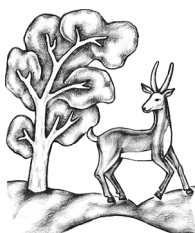
В тот год Его Величество решил, что нужно назначить на высокий пост *садра* какого-нибудь человека, отличающегося мудростью, честностью и [другими подобными достоинствами], чтобы аскетичные и набожные люди могли приблизиться к возвышенному порогу и получить денежную помощь и поддержку в соответствии со своим положе-

нием. Таким образом, они будут утешены и смогут без забот посвятить себя молитвам. Хотя подобного рода людей можно найти в любой стране, и нет ни одного климата, где бы их не было, всё же особенно много [таковых] в Индии. Необходимость требовала, чтобы во главе дела встал человек, который, во-первых, обладал бы искренностью⁴, дабы сей высокий пост не стал ареной стяжательства и раздора, и не желал добра бедных, ибо бросать вожделенный взгляд на чью-то собственность — превращаться в грабителя общественного и частного. Ужаснее всего, если бы таким способом он пытался удовлетворить утробу своих желаний! Во-вторых, он должен быть способным и разбираться в людях, чтобы его не сбивали с толку советы притеснителей, речи льстецов и собственное невежество. А также уметь оценивать каждого человека по его достоинству и, кроме того, его делам. В-третьих, ему не пристало обладать натурой вельмож (*мирза табият*) и проводить всё время в праздности и увеселениях, откладывая дела бедных на потом. Напротив, ему подобает быть усердным, не отличать ночь ото дня ради тщательного выполнения работы, а также относиться с большим вниманием к бедным.

Когда сия здравая и добродетельная идея завладела умом Его Величества, и он начал искать того, кто был бы украшен описанными выше качествами или желал бы обрести и развить их, Музаффар-хан, которому доверили дела, назначил на этот высокий пост шейха Абд-ун-Наби, послушав не разбирающихся в людях безудержных льстецов и болтунов. Доложив Шахиншаху, попросил утвердить того на посту. Властелин Века, охваченный величайшим стремлением думать о людях хорошо, положился на Музаффар-хана и утвердил назначение. Он (Абд-ун-Наби) украсил свою лавку лицемерием и притворством, и [Его Величество], пребывавший в мирной обители положительного мнения о людях, оставался им доволен. Очень скоро [Абд-ун-Наби] при помощи толпы подхалимов и корыстолюбцев, а также множества недалёковидных и невежественных продал свое ученичество за цену учительства, и его видимое обучение превратилось в глубокую мудрость. Он был внуком⁵ шейха Абд-ал-Каддуса, которого в Индии считали святым. Но поскольку Аллах сделал Его Величество пробным камнем людского достоинства, сей человек вскоре показал свою натуру, и покров оказался сорван с его действий, как об этом будет рассказано в свое время.

Глава 58

Поход Шахиншаха для подавления мятежа Али Кули Хан Замана и другие события

249

Для тех, кто испил [чашу] до осадка разума¹, не секрет, что «мир подобен вину, ибо он усиливает то, что уже существует»². Если у человека счастливая судьба, то обретение мирских вещей прибавляет ему удачливости и улучшает его нрав, что дает ему тысячи преимуществ. Если же, напротив, судьба человека несчастлива и сущность его порочна, мирской успех приносит ему тысячи бед. Его внешнее благоденствие становится причиной несчастья для рода людского, а его омраченное сердце темнеет день ото дня. Его нетвердая стопа сбивается с пути всё дальше и дальше, и он не признаёт оказанных [ему] милостей и не исполняет своего долга по отношению к благодетелю. В зависимости от того, каково его положение, он временами обманывает и лицемерит, а иногда поднимает завесу над своими поступками и становится явным либо тайным зачинщиком мятежей. Плохо закончившийся путь Али Кули Хан Замана являет тому доказательство. Начиная с прибытия в Индию и улучшения той великой страны, обретенной благодаря свету удачи Шахиншаха, он постоянно совершал недопустимые деяния. Малой вместимостью обладал сосуд его сущности, а потому опьянение стало явным, и некоторые примеры того уже были приведены.

Его Величество Шахиншах благодаря широте своих воззрений постоянно смывал с собственной чистой души записи его ошибок и преступлений водой прощения. Тот злосчастный не ценил сей милости, но продолжал копить пороки.

Когда до государева слуха дошло, что неразумная голова Искандар-хана Узбека³ заражена бунтарством, Его Величество посмотрел на сие сквозь пальцы, и, направляясь в Нарвар поохотиться на слонов, послал к нему Ашраф-хана с умиротворяющими указами и предложил явиться ко Двору, отбросить недостойные мысли и стать на благоприятный путь. Когда Ашраф-хан добрался до Уда, владения Искандар-хана, последний выказал рвение, выйдя приветствовать царские приказания, и обошелся с Ашраф-ханом уважительно. Он с почестью доставил его в свой дом. Ознакомившись с содержанием Высочайшего послания, изъявил повинование и для вида начал приготовления к посещению Двора. Так, притворяясь, провел немало времени, однако на самом деле лицемерил и замышлял иное. Наконец он сказал Ашраф-хану: «Ибрахим-хан — наш седобородый [старейшина] (аксакал) и живет по соседству. Давай отправимся к нему и вместе с ним поедem ко Двору».

С таким намерением они отправились из Уда в Сархарпур, бывший владением Ибрахим-хана, а оттуда поспешили к Али Кули-хану. Там вся шайка решила оказать сопротивление, и выступила из-под покрова стыдливости, и объявила о бунте. Они сказали друг другу: «Сейчас царская процессия далеко — все заняты охотой на слонов; разделимся на два отряда! Искандар-хан и Ибрахим-хан отправятся в Канаудж дорогой через Лакхнау и посеют там смуту, а Али Кули-хан со своим братом Бахадур-ханом проедут через Маникпур против Маджнун-хана Какшала, *джагирдара* тех земель, и разожгут там пламень мятежа. Таким образом, быть может, нам удастся побе- 250 дить». Когда в порочных умыслах те негодяи избрали такой путь, они преступным образом удержали при себе Ашраф-хана. Ибрахим-хан и Сикандар-хан [Искандар] двинулись в Лакхнау, а Али Кули-хан и Бахадур-хан выступили в сторону Карры и Маникпура.

Лишь вести о мятеже дошли до военачальников той области, таких, как Шахам-хан Джалаир, Шах Будаг-хан, Амир-хан, Мухаммад Амин Дивана, Султан Кули Халдар, Чалма Тавачи, Шах Тахир Бадахши и его брат Шах Халил-ул-лах, Гада Али *тулакчи*, Хан Кули Сарбан, Юсуф Тагаи и прочие, как они объединились и встретили мятежников. Близ местечка Нимкар⁴ меж ними [с одной стороны] и

Сикандар-ханом и Ибрахим-ханом [с другой] произошло ожесточенное сражение. Мухаммад Амин Дивана ударил по центру мятежников и многих смешал с прахом. Однако во время атаки его лошадь споткнулась, и он рухнул наземь. Негодяи набросились на него и взяли в плен. Хотя Шахам-хан и Шах Будаг-хан несколько приуныли, видя участь Мухаммад Амина, однако в конце концов, как и подобает преданным, двинулись вперед и приложили немалые старания. Они бились мужественно, и [множество] храбрецов с обеих сторон полегло на поле. Поскольку вероломные, к несчастью, превосходили их числом, царские военачальники сочли разумным отступить в крепость Нимкар и доложили об обстановке возвышенному порогу. Али Кули-хан и Бахадур-хан повернули поводья к Маникпуру и подняли там главу утеснения разбоем и грабежами. Маджнун-хан Какшал, опытный воин, счел нежелательным сражение с мятежниками и укрылся в крепости Маникпур. Он отправил посланцев Асаф-хану, призвав того примкнуть к нему, и когда последний узнал о беде, то отрядил часть своих людей для охраны области Гарха, а часть бывалых воинов взял с собой и явился в Карру. Там раздал воинам добычу, взятую в Чаурагархе, и, кроме того, поддержал Маджнун-хана крупной суммой. Последний, ободренный помощью Асаф-хана, часто посылал из крепости 251 храбрецов сражаться с силами Али Кули-хана. В это же время Маджнун-хан и Асаф-хан отрядили быстрых гонцов и доложили Двору о положении вещей. Посланцы прибывали один за другим, после того как царская процессия вернулась с охоты на слонов, и Его Величество занялся управлением делами. Поскольку подавление мятежа и раздоров приносит всем спокойствие и обеспечивает умиротворение всего человечества, Шахиншах, согласно заповедям Царя Мудрости — наместника столицы Божественной власти, постоянно уделяет свое внимание таким делам и считает их более насущными, нежели все постановления, и более достойными, нежели все прочие добрые деяния.

Как только содержание посланий военачальников стало известно Его Величеству, он — отпирающий мир ключ — решил, что колючее древо мятежа необходимо мощным порывом суровости вырвать с корнями и ветвями, прежде чем оно вознесет свою вершину до небес и прочно укоренится. Итак, было велено собрать войско, и

во избежание опоздания Муним-хана с отрядом доблестных мужей отправили вперед. В продолжение этих немногих дней Шахиншах лично занимался обеспечением снаряжения для армии с раннего утра до заката дня. Вскоре подготовили войско, какое быстрый конь воображения не в силах исчислить, скача по арене подсчетов. Когда отряды воинов один за другим стеклись под сень касающихся небосвода знамен, Его Величество повелел, чтобы на поле вывели боевых и прочих слонов. 2 000 из них отобрали для сопровождения армии.

Когда у Шахиншаха появилось свободное время для необходимых дел, он вверил правление Агры Тарсун-хану, и в день тир, 13 хурдада, Божественного месяца, что соответствовал четвергу, 23 шаввала [972 г.х.] (24 мая 1565 г.), вложил стопу верховной власти в стремя удачи и переправился через Джамну. Так как погода стояла чрезвычайно жаркая, войско шло в ночное время и, двигаясь переходами, достигло Канауджа. Муним-хан Хан-ханан, шедший впереди, засвидетельствовал там свое почтение. Кийя-хан, под влиянием несчастливой звезды примкнувший к шайке бунтовщиков, по заступничеству Хан-ханана удостоился привилегии облобызать подножие трона. Поскольку дарить жизнь в характере Его Величества, его [Кийя-хана] многочисленные преступления были брошены в пучину прощения, а он успокоен милостями и восстановлен в прежнем положении доверия. Оттуда Шахиншах отправился к берегу Ганга, и десять дней ушло на переправу войска. В это время царские разведчики принесли известия, что Искандар-хан, слышав отзыв поступки царской армии, укрепился в Лакхнау. Услышав об этой дерзости, Его Величество в гневе решил тотчас двинуться туда и лично покарать мерзавца. Поэтому оставил в лагере Ходжа Джахана, Музаффар-хана, Муин-хана и иных военачальников и в полночь отправился в путь верхом. Он провел в дороге ночь и день, и на рассвете второго дня пыль войска за клубилась на земле Лакхнау, став целебной мазью для глаз судьбы. Был дан приказ, чтобы Юсуф Мухаммад-хан Кокалташ, Шуджаат-хан и прочие герои шли в передовом отряде. Сикандар-хан, по неразумию и опрометчивости засевший в Лакхнау, пришел в замешательство, узнав о царском походе, и, посыпав пеплом позора свою голову, обратился в бегство. Его Величество простер тень удачи над Лакхнау и остановился там. Он поручил нескольким отважным

252

и умелым мужам продолжить погоню, и эти храбрецы преследовали беглецов и, где только им удавалось настичь тех, сверкающим мечом швыряли землю в чаши их черепов. Сикандар-хан, полумертвый, ускользнул и присоединился к Али Кули и Бахадур-хану. Пленным⁵ пришлось остановиться, так как лошади их страшно устали. Али Кули-хан и Бахадур-хан, стоявшие лицом к лицу с Маджнун-ханом и Асаф-ханом, были потрясены, когда узнали о происшедшем. И прекратив осаду Маникпура, в смятении направились к Джаунпуру. Перед собой везли свои семьи и пересекли Ганг у переправы Нархана⁶. Они укрылись на другом берегу в труднодоступных местах⁷. Его Величество ожидал в Лакхнау, пока обоз не добрался [до города]. После того медленно и неторопливо двинулся в Джаунпур. Когда путь оказался очищен от камней [преткновения], Асаф-хан и Маджнун-хан, а также прочие военачальники, противостоявшие Али Кули-хану, пошли путем преданности и соединились с войском Шахиншаха в двух переходах от Джаунпура. Они поднесли подобающие дары. Среди таковых одо-
253 брение Его Величества вызвали дары Асаф-хана, состоявшие из диковинок области (Гарха) и боевых слонов, а также персидских и турецких лошадей, и сияние Высочайшей милости осветило поле его надежд. Со времени, когда Асаф-хан удачей Шахиншаха завоевал земли Гархи и завладел сокровищами Чаурагархи, он так вымуштровал войска, что те стали достойны смотра Его Величества. Теперь же просил [дозволения] показать их ему, и, поскольку Повелитель Века имел великолепное обыкновение удовлетворять просьбы верных, просимое было даровано, а его надежды исполнились.

На следующий день, когда Принц Востока (то есть солнце) воссел на престоле четвертого неба и излил свет на землю, а воины ночи рассеялись, Асаф-хан расположил свои войска числом почти 5 000 бойцов посреди долины, широкой, как ладонь духа стойка, и открытой, словно лоб щедрого человека. Его удостоили царских милостей, и на следующий день [ардибихшт], 3-й день тира, Божественного месяца, что соответствовал пятнице, 14 зу-ль-хиджжа [972 г.х.] (13 июля 1565 г.), знамена развернули в Джаунпуре. Кварталы внутри крепости обрели удачу благодаря царскому прибытию, и Его Величество занялся улучшением того края, опустошенного гнетом бунтовщиков. Поскольку Али

Кули-хан и прочие бежали и переправились через Ганг, Асаф-хан и некоторые известные военачальники, подобные Маджнун-хану и Шах Мухаммад-хану Кандагари, были посланы за ними вслед. К вящей осторожности и дабы поддержать славу верховной власти, царские регалии⁸ передали Вазир Джамилу и отправили его для содействия армии удачи, чтобы [сирдары] выполнили *корниш*, и изъявили надлежащее почтение, и явили пыл в служении. Али Кули-хан и враждебные [Акбару] военачальники отступили в гористую местность (*джаи-калб*)⁹ близ Хаджипура и укрепились. Они обратились за помощью к черносердечным афганцам, таким, как Сулейман Карарани, ставший правителем Бенгалии, Фатх-хан Патни (?)¹⁰ и его брат Хасан-хан, управитель Рохтаса. Пока велись переговоры о подмоге, Его Величество решил послать одного из доверенных [людей] к Сулейману Карарани, чтобы удержать его от объединения с теми. Хаджи Мухаммад-хан Систани, известный обходительностью и красноречием, был послан для этой службы. Когда же приблизился к Рохтасу, множество строптивых афганцев, заключивших союз с мятежниками, не позволили ему ехать в Бенгалию, а привели к Али Кули-хану. Так как Хаджи Мухаммад-хан имел давние связи с Али Кули-ханом и последний желал переманить его, он обошелся с ним с почтением. Убедившись, что нет никакой надежды привлечь того на свою сторону, взял его под стражу. Хаджи Мухаммад-хан не выпустил нить верности и служения, но постоянно давал ему добрые советы. Первым следствием его пребывания среди мятежников стало то, что он удержал Али Кули от опасных шагов и подвигнул его вступить на прямую стезю послушания. И, в конце концов, [Хаджи Мухаммад-хан] привез его [Али Кули] и его мать к возвышенному порогу, что будет описано ниже.

Важным событием явилась отправка Хасан-хана Хазанчи (казначей) в Ориссу — край, лежащий на юго-востоке Индии. Со времен завоевания Индии [мусульманами] никто из правителей не вздымал своих стягов здесь. Повелители этой страны всегда были могущественны, и особенно раджа, правивший ими ныне. С той поры как афганцы простерли десницу над Бенгалией, они постоянно взращивали в саду своих стремлений древо желания захвата Ориссы, но оно ни разу не принесло плодов. Ибо на ее границах ущелья опасны, а горы

высоки, и бесчисленны кручи и склоны, и непроходимы леса, так что цепкая рука правителей [Бенгалии] не в силах была дотянуться. Войскам нелегко ступить на ту землю. Когда какой-нибудь враг Бенгалии укрывался у раджи Джаганнатха¹¹, правителю не удавалось захватить его. К примеру, уже упомянутый Ибрахим Сур укрывался у раджи Джаганнатха, и последний отвел ему для проживания земли в Ориссе. Хотя Сулейман Карарани приложил все усилия, но не сумел уничтожить названного [Ибрахима Сура]. Напротив, тот постоянно тревожил его самого. В то время когда Его Величество расположился в Джаунпуре, его дальновидный ум, что читает завтрашние события в книге записей нынешнего дня, решил отправить одного из доверенных слуг к радже, дабы милостью привлечь его в ряды послушных¹². Для этого поручения был избран Хасан-хан Хазанчи и [вместе] с ним послан Махапаттар¹³, не знающий равных в искусстве индийской поэзии и музыки. Вместе они направились в Ориссу. Как только раджа узнал о милостях Шахиншаха, то послал встретить гостей и велел с честью доставить их в свой город. Встретил их достойно и, повязав пояс служения на талию души, возвестил, что если Сулейман не вставит кольцо покорности возвышенному Двору в ухо собственной мысли, то он соберет войско и поведет Ибрахима, соперника Сулеймана, на Бенгалию. И нанесет Сулейману такой урон, что это послужит предупреждением всем зачинщикам мятежей. Раджа, в продолжение трех месяцев оказывавший гостеприимство Хасан-хану и Махапаттару, отобрал крупных слонов и иные ценные дары и отправил их ко Двору. Хасан-хан, Махапаттар и посланник раджи Мукунд Део, прозываемый Рай Пармананд, обрели честь засвидетельствовать почтение в Нагарчине, когда царская процессия прибыла туда из Джаунпура.

255

Одним из происшествий, случившихся, когда [царский] стан находился в Джаунпуре, было бегство Ходжа Абд-ал-Маджида Асаф-хана¹⁴. Милостивый Аллах! Не имеющие верного мышления миряне поспешают к гибели собственными стараниями и именуют такое поведение благоразумием. Одна из великих бед заключается в том, что вкупе со спесью и неблагодарностью они, словно ивы, дрожат над своим благосостоянием и по малейшему подозрению в одно мгновение наносят себе вред, который не в силах причинить тысячи врагов. Итак, Асаф-хан

из-за поспешности и непостоянства совершил деяние, бесчестность которого невозможно стереть трудами всех писателей мира. Хотя милосердие Шахиншаха простило те ошибки и тем очистило щеку позора от пыли прегрешений, однако след от них остался. Суть этого пролога в том, что Асаф-хан, назначенный на высокую должность, удостоился командования победоносной армией, и вследствие того что страх липнет к подолу вероломного, был сбит с толку небылицами [измышленными] возмутителями спокойствия, презрел сохранение своего положения и, охваченный беспричинным ужасом, бежал в Гарху. Вот краткий рассказ об этом деле. С того времени как Асаф-хан завоевал земли Гархи, овладел сокровищами Чаурагархи и подло и неблагодарно сокрыл их от своего царя и благодетеля, чьей милостью поднялся от пера до знамени — *аз калм-б-илм* («от пера к доспехам») — и тем самым уготовал собственное падение, он постоянно терзался опасениями. Хотя из непонимания дел рассылал взятки царским чиновникам, однако не добился успеха, ибо ничто, кроме земли (то есть смерти) не наполнит алчной пасти подобных ненасытных мужей. Они постоянно делали темные намеки. Ныне, когда он провел свою великолепную армию перед Его Величеством и снискал царскую благосклонность, сановники преисполнились зависти и принялись сочинять клеветнические измышления и небылицы. Неискушенные и недалекие друзья и болтливые возмутители спокойствия превратили одно в тысячу и заставили Асаф-хана утратить мужество. Наконец [в день ардибихшт] 3 михра, Божественного месяца, что соответствовал воскресенью, 20 сафара 973 г.х. (16 сентября 1565 г.), он бросил шатры и добро и отправился в Гарху со своим братом Вазир-ханом и несколькими друзьями и не сворачивал, пока не достиг ее. Поутру благожелатели, называвшиеся его товарищами, доложили о происшедшем Его Величеству. Их гонец достиг Джаунпура в то время, когда Шахиншах наслаждался охотой. Он передал войско под начало Муним-хана Хан-ханана и отправил Шуджаат-хана с несколькими храбрецами в погоню за Асаф-ханом. Шуджаат-хан прибыл в Маникпур и приступил к поискам Асаф-хана. Узнав, что тот достиг Карры и готовится отправиться в Гарху, Шуджаат-хан достал лодки и решил пересечь реку. С другой стороны, Асаф-хан получил сведения о подходе преследователей и развернулся со своей армией, чтобы

остановить Шуджаат-хана на берегу реки. Лодки почти достигли берега, когда Асаф-хан начал препятствовать [высадке]. Жаркая битва завязалась меж ним и воинами, бывшими в лодках. Беседа на языке стрел и пуль продолжалась в тот день до вечера. Только ночная завеса окутала смертных тьмою, Асаф-хан счел бегство наилучшей возможностью и ночью выступил. А на рассвете Шуджаат-хан, узнав о бегстве Асаф-хана, быстро усадил [людей] в лодки, переправился через реку и бросился в погоню. Настигнув отряд, оставленный Асаф-ханом, он узнал, что догнать того будет весьма трудно. Потому повернул свои поводыя, явился [ко Двору] и засвидетельствовал почтение. И был возвышен лобызанием порога в Джаунпуре.

257

Тогда же случилось так, что Кулидж-хана во второй раз отправили в Рохтас. Уже говорилось, что Его Величество [ранее] направили Кулидж-хана для умиротворения Фатх-хана и для укрепления его в преданности. Было условлено, что, когда царские силы достигнут Джаунпура, Фатх-хан прибудет для изъявления почтения и привезет с собой слона Бахт Буланда, и в это время Шахиншах вновь послал [Кулидж-хана] с тем же поручением. Дополнительной причиной этого стал тот факт, что, прежде чем царские войска покинули столицу, Сулейман отправил в Рохтас войско, дабы овладеть им при помощи Али Кули-хана. Армия Сулеймана при содействии Али Кули-хана нанесла большой урон Фатх-хану, когда пришли известия о приближении царских сил. Вслед за тем армия Сулеймана сняла осаду, а двуличный Фатх-хан начал собирать оружие и провиант, как только окрестности освободились от угрозы Сулеймана. Помимо того, он тайно отправил послание брату Хасан-хану, вступившему на службу вместе с Кулидж-ханом, передав, что теперь спокоен за провизию, и тому надлежит любым возможным способом прибыть в Рохтас. Поскольку Хасан-хану оказалось трудно уехать в открытую, он прибег к уловкам и заявил, что с ним должны отправиться несколько крупных военачальников — прибыть в Рохтас и привезти его брата к царю вместе с ключами от крепости. И так Кулидж-хана избрали для этой службы. Исполняя приказание, он прибыл в Рохтас. Хотя Фатх-хан принес лицемерные уверения [в преданности], они были ложными. Кулидж-хан увидел их никчемность и возвратился. Поскольку взятие

сей крепости и завоевание всех восточных областей свершились в иное время, я не стану говорить об этом сейчас.

Али Кули-хан, долго просидев перед победоносной армией и не сделав ничего, кроме того что посыпал голову пеплом разочарования, посвятил время, предназначавшееся для стыда и раскаяния, дальнейшему пестованию своего мятежа и недовольства. Он послал Сикандар-хана, Бахадур-хана с войском в земли Сарвара учинить грабеж и разорение. Когда Его Величество узнал об этом, то отдал Мир Муизз-ал-Мулку под начало Шах Будаг-хана, Саид-хана, Кийя-хана, Хусейн-хана, то есть Хусейн-хана Тукрийя, Баки-хана, Матлаб-хана, Масум-хана Фаранхуди, Чалма-хана, Мухаммад Амина Дивану, Бек Нур-ад-дина, Селим-хана и Фатту Афгана, повелев, чтобы армия двинулась по следам мятежников и охранила обитателей той области от пыли смерти. Царские войска не останавливались, покуда не достигли *парганы* Хайрабада. Шахиншах, прописав такое лекарство от безумия мятежа Али Кули-хана, отправился в Аллахабад. Али Кули-хан полагал, что, послав своих воинов описанным выше образом, вызовет разброс царских сил. Разочаровавшись в этом, прибег к обману и лицемерию и начал с того, что отправил к Муним-хану Биби Сарв Кад¹⁵, женщину, отличившуюся на службе у Его Величества Фирдус-макани (Бабура), которая напомнила ему об их старой дружбе. После чего послал опытных мужей предложить примирение. Муним-хан, старый слуга и простой в помыслах, удержал свою руку от искоренения непокорного. И поверил лживым словам Али Кули, и отправил ко Двору представление, настоятельно рекомендуя принять предложение. Шахиншах, полностью осознававший испорченность природы Али Кули, по своей непревзойденной милости и снисходительности внял просьбе Хан-ханана и послал Ходжа Гияс-ад-дина Али из Казвина выразить его царственную благосклонность (к Али Кули), а также выяснить и донести, что произойдет на встрече (между Муним-ханом и Али Кули).

Муним-хан, удостоенный сей великой милости, написал Али Кули-хану, что им двоим следует побеседовать без посредничества посланий или посланников и заложить основания искренности и служения. Поскольку стало известно, что некоторые преданные герои, подобные Аадил-хану и Джамал-хану Билучу, решили устроить

засаду и покончить с негодеем, Али Кули-хан весьма опасался идти к Муним-хану и пожелал, чтобы примирение произошло при помощи пи-сем и посредников. Муним-хан не согласился, и они наконец условились, что встретятся на середине реки в сопровождении двух-трех человек. Соответственно Али Кули-хан оставил семью там, где она находилась [ранее], и подошел с войском и лодками к переправе Чауза, и развернул шатры на Баксаре, напротив лагеря Хан-ханана¹⁶. С ним были Хасан Батан, Сулейман Манкали, Кала Пахар, военачальники афганцев. Стороны обменивались гонцами и посланиями, подтверждая обоюдные предложения о примирении. На следующий день Али Кули-хан сел в лодку в сопровождении трех спутников, а именно Шахрияр Кала, известного своей храбростью, Султан Мухаммад Мираба и своего *курчи*, носившего имя Аху-и-харам¹⁷ («газель гарема»), и направился к лагерю Хан-ханана. На другой стороне тот также сел в лодку, сопровождаемый тремя людьми, а именно: мирзой Гияс-ад-дином, Али Баязид беком и Мир-ханом¹⁸, состоявшим *гуламом* Султан Мухаммад Кабака¹⁹ и отданным под начало Муним-хана, — и отправился на встречу с Али Кули-ханом.

Оба войска выстроились по берегам реки. Когда лодки почти коснулись друг друга на середине потока²⁰, Али Кули-хан поднялся и произнес: «Каифийат Лег»²¹ и «Мир вам». Затем перепрыгнул в лодку Муним-хана, и они обнялись и присели. Время протекало в лицемерных причитаниях²² и повествовании Али Кули о том, как он исполнял службу (какой труд свершил на благо Акбара).

Произошел обмен клятвами, состоялось и принятие обязательств. После того условились, что мирза Гияс-ад-дин Али отправится к Шахиншаху: обрисует состояние дел и попросит, чтобы Его Величество прислал Ходжа Джахана²³, чьими советами управлялись дела в государстве, дабы разум Али Кули-хана пришел в совершенное спокойствие, и он из глубины сердца дал бы обещания верности. После этих решений расстались, и каждый направился в собственный лагерь. Эта история произошла в начале дая, Божественного месяца [середина джумада ал-аввала 973 г.х.] (в декабре 1565 г.). Мирза Гияс-ад-дин Али отправился ко Двору и доложил обо всех обстоятельствах, а Его Величество послал Ходжа Джахана, как о том просил Муним-хан. На следующий день после беседы с Али Кули-ханом Муним-хан переправился через

реку с особым отрядом и проследовал к жилищу Али Кули-хана. Его сопровождали Шахам-хан Джалаир, Мир Мунши, Хайдар Мухаммад-хан Ахта Беги, Кучак Али-хан, Таймур Икка и другие лица. Али Кули-хан устроил великолепное угощение и был очень гостеприимен. После того Муним-хан вернулся в свое жилище. Затем приехал Ходжа Джахан, и Муним-хан пожелал взять его с собой и во второй раз отправиться к Али Кули-хану. Ходжа Джахан воспротивился и без обиняков заявил, что Али Кули-хан — человек невоздержанный (джаван) и находится с ним в плохих отношениях. Он не считает целесообразным ехать в его стан. Если Муним-хан вознамерился посетить того, пусть возьмет заложников для безопасности их [обоих]. Муним-хан попросил у Али Кули-хана в качестве заложника Ибрахим-хана Узбека и получил его. Назавтра оба приехали и побеседовали с Али Кули-ханом в его шатре, а на следующий день провели еще одну встречу в жилище Ибрахим-хана. Маджнун-хан Какшал, Баба-хан Какшал и Мирза бек²⁴ присутствовали при разговоре, и меж ними и Али Кули-ханом было достигнуто примирение. Хотя много говорилось о прибытии Али Кули-хана ко Двору, ни к какому результату не пришли, и по своей лживости тот не соглашался облобызать порог. Он заявил, что, выказав такую неблагодарность, боится явиться. Пока же пошлет свою мать и Ибрахим-хана²⁵, их седобородого [старейшину]. Исполнив добрую службу, прибудет и сам. После долгих споров это соглашение было принято.

260

На другой день Али Кули-хан отправил мать, Ибрахим-хана, несколько знаменитых слонов, подобных Бал Сундару и Ачапла (?)²⁶, и прочих вместе с Мир Хади Низам Аккой. И послал Хаджи-хана Систани, находившегося у него в заключении. Хан-ханан и Ходжа Джахан оставили армию на берегу реки и, взяв с собой мать Али Кули, Ибрахим-хана и дары, отправились ко Двору.

Хан-ханан велел повесить на шею Ибрахим-хана меч и саван и вести его босым и с непокрытой головой. Благодаря его [Хан-ханана] заступничеству перо прощения перечеркнуло различные преступления этого злополучного. Святые уста обронили такие слова: «Хотя ясно, что сии [ведомые] несчастливой звездой не сдержат своих обещаний, однако, поскольку мы хотим сделать вам приятное, пусть их проступки будут прощены. Их владения будут принадлежать им, как и

ранее, но пока царские знамена находятся здесь ради охоты и отдохновения, Али Кули-хан не должен переправляться на эту сторону Ганга. Когда Двор обоснуется в Агре, пусть их представители явятся и получают жалованные грамоты для приведения в порядок своих владений. После этого они будут пользоваться ими в согласии с распоряжениями, которые последуют». Хан-ханана царской милостью вознесли на вершину славы, и велели снять с шеи Ибрахим-хана меч и саван. Добрые вести о прощении доставили матери Али Кули-хана²⁷, находившейся в гареме Шахиншаха и посыпавшей лицо пеплом скорби в ожидании царской милости. Так как деяния подлых негодяев были лицемерны — о чем небезызвестно проницательным и разумным, мироукрашающее Божество пожелало, чтобы дурная природа тех неблагодарных запечатлелась в [умах] простодушных.

261 Через несколько дней после того, как они удостоились счастья засвидетельствовать почтение, пришли известия о сражении, [данном] Мир Муизз-ал-Мулком и прочими великими военачальниками. Особенности этого происшествия таковы. Когда Бахадур-хан по наущению Али Кули-хана поднял пыль мятежа в *саркаре* Сарвара²⁸, крупные силы внезапно прибыли из царского лагеря. Узнав об этом, те [враги] пришли в замешательство, утратили мужество и прибегли к обману и уверткам. Они отправили Мир Муизз-ал-Мулку послание, вопрошая, разумно ли полагать, будто те собираются противостоять царским войскам и вступать в бой. Им хотелось бы, чтобы царские военачальники стали посредниками в искуплении их проступков, и они посылают ко Двору знаменитых слонов, попавших в их руки благодаря доброй удаче царя, таких, как любит Его Величество. И только станет ясно, что их прегрешения смыты прозрачными водами прощения, берущими начало в море его снисхождения, они тут же явятся с мольбой о помиловании. Поскольку Мир Муизз-ал-Мулк и прочие *сирдары* знали о вероломности шайки, то отвергли их оправдания (букв. «поставили клеймо отказа на чело желания тех негодяев») и написали в ответ, что летопись их преступлений невозможно стереть из свитка времен иначе как потоком крови (*туфан*) от сияющего меча. Бахадур-хан вновь отправил послание Мир Муизз-ал-Мулку и попросил о личной беседе. Тот согласился и выступил из лагеря с немногими

спутниками. Проситель, выйдя из своего лагеря в сопровождении нескольких людей, обнял Мира. Прозвучали предложения с обеих сторон, но, поскольку обман на челе непослушных проступал очевидно, соглашения не заключили, и время протекло в бесплодных разговорах.

Когда Его Величеству доложили о положении дел, он отдал приказание, чтобы Лашкар-хан²⁹ и раджа Тодар Мал примкнули со своими людьми к войску. Если они [Муизз-ал-Мулк и прочие] сочтут, что надлежит сражаться, им следует принять участие; если покажется разумным внять мольбам бунтовщиков, пускай они не допустят, чтобы те отчаялись в царской милости. Когда эти двое верных слуг прибыли с войсками, то немедленно отправили мятежникам послание со словами, что если их изъявления преданности искренни, пусть они честно явятся ко Двору. С другой стороны, не по мужски тратить время и таить в руках подвох. Поскольку у тех сердца и языки не находились в согласии, они не пошли по верному пути. Близ Хайрабада³⁰ стали еще более дерзки в своем лицемерии, и так как царская армия ничего не ведала о коварстве Али Кули и снисхождении, проявленном Его Величеством Шахиншахом, а также потому, что один отряд выказал безразличие к битве³¹, раджа и Лашкар-хан избрали войну и стянули войска. В центре [отрядами] командовали Мир Муизз-ал-Мулк, Итимад-хан Ходжасара (евнух), Мир Али Акбар³², раджа Тодар Мал, Лашкар-хан, Даулат-хан *фаудждар* и другие; правое крыло было под началом Кийя-хана, Хасана Ахты, Шер султана, раджи Маттар Сена, Карамсаи (?)³³, Михра Али, сына Устад Йусуфа и прочих. Левым крылом [управляли] Баки-хан, Шах Будаг-хан, Матталиб-хан³⁴, Фатту, Насир Кули Узбек и другие. Передовой отряд находился под командованием Мухаммад Амина Диваны, Масум-хана Фаранхуди, Катлак Кадам-хана, Шах Фанай, Сад Рахмата Узбека, Калмак Бахадура и прочих. В резервном передовом отряде (*илтмиш*) были Хан Аалам, Хинду бек Могол, Рай Сал Дарбари³⁵, Рай Патр Дас, Дауд-хан *фаудждар* и иные. С другой стороны мятежники разделились на три отряда: один — под началом Бахадур-хана, другой — Искандар-хана, а третий — Мухаммад Яра, сына брата Сикандара³⁶. Последний находился в передовом отряде. Закипела яростная битва. Авангард противника несколько продвинулся

вперед, когда резерв передового отряда [царских войск] выказал доблесть и оттеснил его. Мухаммад Яр был убит, а многие враги погибли. Сикандар, находившийся с отборными войсками позади передового отряда, повернул и обратился в бегство, преследуемый победителями, разившими всех, кого настигали, покуда не добрались до берега черного водоема.

Сикандар, страшась за собственную жизнь, кинулся в черную воду и унес свою голову с черной земли (*сиах*)³⁷. Множество его лучших бойцов погибли в той темной трясине. Победоносные войска, преследовавшие Сикандара, рассеялись, чтобы пограбить беглецов. Бахадур-хан, выжидавший в засаде с отрядом воинов, обрушился на левое крыло в тот момент, [когда все] хватали и тащили. Завязалась схватка, и Шах Будаг-хан рухнул с лошади и был захвачен в плен. Его сын Абд-ал-Матталиб не обрел славы доброго служения, а Насир Кули и несколько неблагодарных осыпали пылью вероломства свои головы и присоединились к врагам. Бахадур оттеснил [царские] силы и затем атаковал центр. Центр, не вступив в сражение, выпустил из рук нить войны и избрал позор бегства. Мухаммад Баки-хан³⁸ отошел под предлогом охраны обоза, и множество людей из лицемерия и предательства не стали сражаться и отступили. Из-за недостойного поведения армия, уже победившая, потерпела поражение. Раджа Тодар Мал, Кийя-хан, Итимад-хан и воины из резервного передового отряда объединились и держались стойко, но поскольку войска пришли в смятение, успех не был достигнут. Вот к чему привела самонадеянность!

263 Те недалекие не уразумели, с каким совершенным знанием Владыка Века указал путь примирения. Тот, кто действует подобным образом, должен самого себя благодарить за результаты³⁹. На следующий день рассеянные [накануне] воины собрались и двинулись к Канауджу. Военачальники послали донесения с описанием происшедшего. Его Величество, кладезь милосердия, закрыл глаза на столь тяжкие прегрешения, как недавно не обратил внимания на иные преступления, и послал за *сирдарами*. Те, кто, как выяснилось, вел себя неискренне, остались в немилости и лишились счастья выполнения *корниша*, тогда как искренние, невзирая на положение, в котором они очутились, удостоились особого расположения.

Следующее событие произошло в то время. Когда Его Величество находился в Джаунпуре, Шер Мухаммад Дивана⁴⁰ принялся грабить Саману⁴¹, и вскоре его настигла кара, подобающая совершённым деяниям. Сей злосчастный был одним из слуг Ходжа Муаззама. После поступил на службу к Байрам-хану, сделавшему его любимчиком благодаря приятной внешности. Когда Байрам был у власти, тот занимал ответственную должность, но лишь времена изменились, он стал на путь неблагодарности. Кое-что из этого уже рассказано в соответствующем месте. Поскольку Его Величество — источник справедливости, он, хотя это отречение и несло для него выгоду, не мог его одобрить, ибо столь гнусное поведение есть худшее из человеческих качеств. И потому Шер Мухаммад не стал особо приближенным. Одно время он жил в городе Самана. Когда Али Кули-хан и другие лица подняли мятеж и войска Шахиншаха двинулись для погашения пламени их бунта, сей негодяй, участь коего была решена, собрал толпу бродяг и принялся устраивать беспорядки. Мулла Нур-ад-дин Мухаммад Тархан, *фаудждар* той части страны, оставил в Самане для управления делами *парганы* Мир Дост Мухаммада. Как-то раз мошенник [Шер Мухаммад] пригласил Дост Мухаммада в свой дом и посреди праздника стал натачивать стрелу (для его умерщвления). Внезапно, в разгар пиршества, он вложил стрелу в изгиб лука, и пустил ее невинному в грудь, и убил его. Затем завладел всем добром и имуществом той *парганы* и поспешил в *паргану* Малер⁴². Подобным образом умертвил *шикдара* той *парганы*, принадлежавшей землям казначейства, и захватил всё добро. Бродяги стекались к нему, и он устраивал набеги на провинции, пока наконец Мулла Нур-ад-дин не собрал людей и не начал борьбу с ним. Безумец предавался усадям в селении Дханури (?)⁴³, что лежит на границе Саманы. Услышав о подходе Мулла Нур-ад-дина, не придав этому особого значения и выступил, намереваясь напасть на Муллу с малыми силами. В момент атаки его лошадь споткнулась о пень и упала. Несколько человек подбежали и схватили его. Мулла умертвил злополучного безумца и был осыпан царскими милостями⁴⁴.

264

Одним из происшествий стало прибытие Его Величества из Джаунпура в Чунар. Так как прощать обиды — природная склонность

Шахиншаха, он по настоятельной просьбе и при посредничестве Муним-хана Хан-ханана провел пером прощения по записи преступлений Али Кули-хана и прочих знатных мятежников, а затем его осенила мысль посетить Бенарес и крепость Чунар, одну из знаменитых твердынь в Индии. С этой целью он назначил Аш-раф-хана управлять Джаунпуром и выступил в день дай-ба-михр, 15 бахмана, Божественного месяца, что соответствовал пятнице, 3 раджаба [973 г.х.] (24 января 1566 г.). За три перехода добрался до Бенареса и осиял светом справедливости всех его обитателей. [Шахиншах] приказал разбить там лагерь и с несколькими доверенными слугами отправился в Чунар. Осмотрел крепость изнутри и снаружи и получил настоящее удовольствие. Тем временем охотники принесли радостные вести, что в джунглях неподалеку есть слоны, и с несколькими приближенными он отправился на поиск в эти леса. Пройдя около двух косов, вдруг увидели стадо слонов. По [Высочайшему] велению со всех сторон окружили этих гороподобных животных и затем, следуя правилам охоты, захватили десять слонов. Шеи им стянули крепкими веревками и вместе с прирученными пригнали к крепости. Оттуда он [Шахиншах] возвратился в свой лагерь около Бенареса.

265

Знаменательным событием явилось совершение Его Величеством стремительного похода против Хан Замана. Будучи талисманом неусыпной бдительности, он воспринимает любую Божественную и земную истину прежде, чем они явят себя, и возглашает их устами судьбы. Поэтому, когда Муним-хан разомкнул губы мольбы и вступился за Али Кули-хана, Его Величество произнес: «Мы прощаем его, однако будет удивительно, если он сохранит постоянство на путях повиновения». Так и оказалось спустя некоторое время. В соответствии с просьбой Хан-ханана Али Кули-хану и Бахадур-хану пожаловали их владения, но поставили условие, чтобы Хан Заман не пересекал реку, покуда лагерь Его Величества располагается поблизости⁴⁵. Также оговорили, что после возвращения царских знамен в столицу их представители прибудут туда и получат удостоверяющие грамоты на [соответствующую] службу, а затем будут даны [права] владения на земли. В тот самый день, когда Его Величество взял путь на Бенарес

и Чунар, Али Кули-хан переправился через реку, и достиг Мухаммадабада, и выслал людей в Газипур и Джаунпур. Его Величество вернулся с охоты и остановился в Бенаресе, туда и пришли известия, что негодяй нарушил договор и пересек Ганг. Засверкала плавающая мир ярость Шахиншаха, а вероломство злосчастных, на которое он указывал [ранее], стало очевидным. Царственным тоном [повелитель] заговорил с Муним-ханом об их поведении. Хан-ханан пришел в совершенное смущение и повесил голову. Его уста сомкнулись, а нить ответа разорвалась. Ходжа Джахана, Музаффар-хана, раджу Бхагвант Даса и многих верных военачальников оставили с обозом, повелев двигаться неторопливо, переход за переходом, в то время как Его Величество выступил в ночь дай-ба-дина, 23 бахмана, Божественного месяца, что соответствовало ночи субботы, 11 раджаба [973 г.х.] (2 февраля 1566 г.), дабы покарать Али Кули-хана. Его придворные и преданные сторонники, собравшись вокруг и перед зонтом царства, устроили состязание на своих скакунах и унесли мяч стремительности с северным ветром и зефиром утра. Джафар-хан Таклу и Касим-хан были посланы против Газипура. Когда они достигли ворот крепости, злополучные стражи увидели, кто прибыл, и бросились в реку со стоявшей вблизи нее башни, и отправились в Мухаммадабад, где предупредили Али Кули-хана. Тот пришел в замешательство и в панике бежал. Лишь добравшись до берега Сарвара⁴⁶, сам он и бывшие с ним сели в лодки, которые находились там в расчете на подобный случай, и ушли от опасности. Царская свита, выступив ночью, пересекла реку Джаунпур на слонах.

На исходе ночи [Акбар] на некоторое время остановил своего слона, а наутро вновь тронулся в путь. Миновала часть дня, когда, стремительно двигаясь, они нагнали обоз Али Кули. Тот побросал шатры и поклажу и избрал путь бегства. Они шли до третьего *пахара*⁴⁷. Слон Али Кули-хана Бахт Буланд стал *мастом* и попал в их руки. После этого Маджнун-хан Какшал, Мирза Наджат-хан и некоторые иные были посланы вперед. Наступил вечер, когда от них пришли известия, что Али Кули переправляется через Сарвар. Так как позади лежал длинный путь и день клонился к исходу, сделали остановку. На рассвете движение возобновили, и в тот день Аваз-хан, сын Ислам-хана и брат Фаррах Хусейн-хана, покинул врага и

примкнул к царским силам. Передовой отряд достиг берега реки и захватил лодки, оставленные Али Кули-ханом и его людьми и полные добра. От лодочников они узнали подробности приключений лицемера и затем войско двинулось по берегу Сарвара. Обыскали все окрестности, низины и возвышенности⁴⁸, однако не обнаружили следов. Заслуживающие доверия люди уверяли: если бы той ночью, когда [армия] подошла, Али Кули-хан был в Мухаммадабаде, негодя бы поймали. Видимо, то происки Муним-хана, ибо он ради собственных целей не желал, чтобы того схватили. Во-первых, воспретил нападать ночью и, во-вторых, послал ему предупреждение. Стало известно, что Али Кули лесными тропами направился в крепость Чилупара⁴⁹. Его Величество мудро закрыл глаза на поведение Муним-хана. На следующий день лодок не оказалось, а брод, что позволил бы перейти вздувшийся поток (Гогру), не был известен, поэтому войско шло по берегу и разбило лагерь напротив Чилупары. С обеих сторон грянули выстрелы⁵⁰. Когда Али Кули узнал, что напротив находится сам Его Величество, то ушел оттуда. Наутро армия двинулась вперед, и следуя вдоль реки, достигла Мау⁵¹ и разбила лагерь.

Во время этого необычного путешествия шли через леса и повстречали различных диких зверей — наземных и водных. Проворные юноши охотились на них. На глаза Его Величеству попадались разные животные. Он приказывал воинам стрелять в них. Когда царский лагерь⁵² двигался по берегу, речные обитатели, к примеру крокодилы, вылезали из воды и показывались на суше, но едва вдали поднималась пыль войска, сразу возвращались в воду. Встретилось несколько зверей, которых не взяли ни стрелы, ни пули. Словом, процессия находилась неподалеку от того города, когда пришли вести, что Бахадур-хан воспользовался возможностью отправиться в Джаунпур и спасти свою мать. Он также взял в плен Ашраф-хана и задумал напасть на величественный лагерь. И предающимся охотничьим занятиям пришлось вернуться туда.

Вот подробности этой истории. Когда отзвук похода против Али Кули-хана достиг Сикандар-хана и Бахадур-хана, и они проведали, что мать Али Кули захвачена Ашраф-ханом в Джаунпуре, и узнали, что при нем нет значительных сил, и крепостью Джаунпура овладеть

будет весьма легко, то быстро двинулись туда. Поскольку Ашраф-хан не принял мер, чтобы усилить крепость, они спалили ворота и вступили внутрь. Часть [воинов] приставили к стенам лестницы и вошли. Когда Ашраф-хан узнал об этом, нападавшие уже были внутри. Бахадур-хан пленил его, освободил свою мать и взял ее с собой. Хотя раньше Джаунпур входил в их с братом владения, и они знали многих жителей, всё-таки разграбили город и учинили насилие. Обчистив крупных купцов, он поспешил в Бенарес. Там также предался разбою, а затем отправился в Мадан Бенарес, известный как Замания. Туда пришли вести, что царские знамена развернулись, прекратив преследование Али Кули. Сикандар и Бахадур отправились к переправе Нархан, где обычно пересекали [реку], и преодолели Ганг.

Когда Али Кули, которому угрожала возвышенная армия, ушел, а вести о неурядицах, вызванных Сикандаром и Бахадуром, дошли до царского уха, Его Величество, как уже было сказано, повернул поворачивая от берега Сарвара и двинулся к лагерю, иначе, чего доброго, клубящаяся пыль мятежников достигла бы его края. Однако негодяи бежали, узнав о его приближении, и спокойствие вернулось к людям в лагере. Оттуда он последовал в Джаунпур. В день, когда [Шахиншах] достиг города Низамабад, состоялась церемония взвешивания Его Величества⁵³, и было устроено великое празднество. Род людской восхитился щедростью Шахиншаха и вознес молитвы за его долгую жизнь и царствование. После этого он возобновил движение и прибыл в Джаунпур. Когда сей богатый город украсился прибытием [Акбара], а часть царских слуг проявила огромную небрежность при искоренении мятежников, Его Величество решил 268 устроить там резиденцию, пока не будут уничтожены восставшие с их корнем и стволом и не вернется спокойствие. В согласии с приказом благородные [мужи] и столпы державы заложили основания главных зданий, а Высочайшие уста изрекли, что, пока пыль бытия притеснителей не исчезнет с рубахи тех земель, сей город будет центром государства. Было издано повеление всем военачальникам, отправившимся на отдых и безмятежно коротающим дни в своих владениях, внести имена в списки царских войск в местах, назначенных [для сбора]. Армия получила приказ вновь

выступить для преследования мятежников, и было велено не ослаблять усилия, пока Али Кули не будет схвачен.

Когда Али Кули стало известно положение дел, он послал ко Двору Мирза Мирака Резави, одного из ближайших сподвижников, и поведал о своих горестях и страданиях. И принес извинения за все допущенные провинности, и с помощью тысячи уловок и искусных речей убедил Муним-хана вновь выступить его заступником. Хан-ханан, знавший нрав Его Величества, не нашел смелости для этой службы и предложил для нее нескольких пользующихся уважением мужей, которых Шахиншах чтит в силу огромной приверженности поклонению Аллаху, — [мужей], подобных Мир Муртазе Шарифи, Мулла Абд-ал-лаху Султанпури и шейху Абд-ун-Наби садру. Полагаясь на Высочайшую снисходительность, у подножия престола они разверзли уста заступничества и рассказали [Акбару] несколько притч о прощении. Сей кладезь милосердия хотя и знал, что их (мятежников) сердца не были искренни, а истинная цель — выиграть время, всё-таки удовлетворил просьбу из милости к этим невежественным мужам (заступникам) и вновь простил прегрешения бунтовщиков при условии, что те раскаются в гнусных деяниях и в будущем никогда более не возымеют мысли противодействовать священной воле, но останутся навеки тверды на пути верности и преданности. Как только они явят признаки этого, им будут возвращены их владения. Хан-ханан и остальные изъявили признательность, и было дано распоряжение, чтобы Мир Муртаза, Маулана Абд-ал-лах и Муин-хан Фаранхуди отправились к Али Кули-хану и укрепили его в раскаянии, а также донесли до него добрые вести о прощении. После чего Его Величество отказался от намерения остаться в Джаунпуре и решил вернуться. В день дин, 24 исфандармаза, Божественного месяца, что соответствовал понедельнику, 11 шаабана [973 г.х.] (3 марта 1566 г.), начался поход в Агру. За неделю лагерь достиг Маникпура и раскинулся на берегу Ганга. Военачальники в соответствии с приказаниями Шахиншаха за день навели через широкую реку мост, такой, по которому мог пройти лагерь. Когда Его Величество вернулся в столицу, Джунаид Карарани, племянник Сулеймана и сын Имада, обрел счастье лобызания порога и был осыпан царскими милостями.

Глава 59

Начало 11-го Божественного года

[с момента священного Восшествия на престол Его Величества Шахиншаха] — года бахман первого цикла

Тысяча благодарений за то, что расцвела весна власти и вознесся флаг Нового года! Мир вновь обратил свой лик к равновесию, а силы стихий набрали новую мощь.

Пыль сада в мускус Татарии облака обратили,
Пламень розы раздул зефир,
Шариком камфары стала цветущая ветвь,
В горящий алоэ Камара темный гиацинт превратился,
[Под] стопами служанок садовой беседки
Пыль обрела подобие зеркальных вод.
Пришло время любовных взглядов и преклонения
перед красотой,
Наступила пора цветения и вина распития.
Нарцисс с бутонем розы соединили длани.
Стремись же вверить сердце заботливой руке¹.

Весенний ветерок, подобно невидимому посланцу, донес счастливые вести о победе и удаче. Врата Божественного изобилия открылись для земли и ее обитателей, а царские слуги были осчастливлены известиями о небесных победах. Спустя три часа и пятнадцать минут от наступления 18 шаабана 973 г.х. (понедельника, 10 марта 1566 г.) Солнце вошло в знак Овна и начался год бахман, а именно 11-й год первого цикла. В продолжение двух или трех дней Карра являлась учебным плацем величественных войск, и там состоялся праздник Нового года. Муним-хан Хан-ханан и Музаффар-хан с прочими были

оставлены там для решения дел Хан Замана и для [ожидания] возвращения тех, кого послали к нему, а царский лагерь проследовал к Кальпи и далее в столицу. 19 фарвардина, в день фарвардин, что соответствовал пятнице, 7 рамазана [973 г.х.] (28 марта 1566 г.), тень царского зонта простерлась над Агрой, и тем величие сего места превзошло небеса. Проведя там несколько дней, Его Величество отправился в Нагарчин, тогда [уже] построенный, и то восхитительное место было озарено его присутствием. Словом, когда Его Величество Шахиншах из любви к своим подданным направился в Агру, Муним-хан и Музаффар-хан ожидали в Карре возвращения посланцев. Когда те прибыли к Али Кули-хану, он вышел навстречу, чтобы принять их, и обошелся с ними с почестью, и завел льстивую речь. И вернулся на путь послушания, [дав] обещания и клятвы, сии свидетельства лицемеров, и затем Муним-хан и Музаффар-хан, освободившись от своих обязанностей там, переход за переходом направились в столицу. Когда они достигли Этавы, Музаффар-хан, возымев недоверие к Муним-хану, припал к [царскому] порогу и был принят с благосклонностью. Он поведал о двуличности сановников и убедил в этом Его Величество. После того ко Двору прибыли Муним-хан и остальные чиновники. Лашкар-хан лишился своей должности *бахши*, а Ходжа Джахан получил выговор. У него изъяли большую печать и отправили в Мекку². Суровость, проявленная к этим мужам и ставшая воздаянием за их поступки, заставила Муним-хана стать более осмотрительным. Репутация Музаффар-хана упрочилась, и при посредничестве придворных прегрешения Хан Джахана оказались забыты. Его Величество Шахиншах лично наблюдал за исполнением дел, и вследствие этого мир обрел новый облик.

Событием того времени стало то, что Его Величество Шахиншах явил свою мироукрашающую милость к слугам возвышенного порога и направил внимание к оценке (*джама*) [доходности] *парган*. В соответствии с его распоряжениями Музаффар-хан отказался от *джама раками*³ (налогообложения в зависимости от типа продукции?), принятого во времена Байрам-хана и в отношении которого по причине избытка (*касрат*) людей и нехватки (*киллат*) земель для видимости учитывался номинальный при-

рост. Все те (документы) остались в государственных учреждениях и считались подлинными, а стали средством для злоупотреблений рабов золота. Знатоки *канунов*⁴ и иные [мужи], знающие все царские земли, в соответствии с собственными подсчетами определили нынешнюю доходность земель и ввели новый метод оценки. Хотя это не являлось правильной оценкой (*хал-хасил*), однако в сравнении с прежней ее можно назвать таковой.

Поскольку министерство по военным делам, рассказ о котором будет приведен в последнем томе, еще не было учреждено, в это время установили [лишь] число лиц в свите для каждого чиновника и служителя порога, дабы каждый имел наготове несколько человек для несения службы. В подчинении военачальников находилось три категории рядовых воинов. Первая категория получала в год 48 000 *дамов*, вторая — 32 000, а третья — 24 000⁵.

Так случилось, что Абд-ал-лах-хан Узбек, разгромленный и укрывшийся в Гуджарате, был изгнан Чингиз-ханом в соответствии с соглашением, заключенным с Хакимом Аин-ал-Мулком. По своему злополучию он не проявил осторожности и скитался в пустыне бедствий. Вновь он подошел к границам Мальвы и поднял голову мятежа. Шихаб-ад-дин Ахмад-хан, недавно назначенный для разрешения дел Мальвы, снарядил армию и двинулся на него. Негодяй едва избегал плена. Тропой тысячи опасностей он добрался до Али Кули-хана и Сикандар-хана. Впоследствии же сошел в обитель погребели.

271

В числе происшествий было бегство Джалал-хана *курчи*. Объясняется сие тем, что, поскольку священная особа Шахиншаха чиста и непорочна, он желает, чтобы всё человечество — и в особенности близкие к нему — было ему подобно. Когда же узнал, что у Джалал-хана есть прекрасный юноша, и тот [Джалал-хан] проявляет нескромность по отношению к последнему, то выразил недовольство и разлучил их. Сей бездумный (Джалал-хан) покинул путь мудрости и однажды ночью сбежал с названным юношей. Мирза Юсуф-хан и другие, отправленные в погоню за ним, схватили его и доставили вместе с молодчиком ко Двору. Было приказано наказать его соответствующим образом. Длительное время сидел тот в заключении в галерее (*джилаухана*)⁶ и получал пинки от знатного и безродного. После чего милосердие Его

Величества вспомнило об истинном дружелюбии (*надими*) Джа-лал-хана, которым он выделялся среди всех, и ему вернули милость.

Еще одним событием стало назначение Махди Касим-хана для присмотра за землями Гархи. Уже было поведено о том, как Асаф-хан в пору службы превратился в отступника и встал на путь вероломства. Когда царский лагерь вернулся из Джаунпура в Агру, Его Величество решил отправить в Гарху Махди Касим-хана, одного из давних слуг [царской] семьи. Тому надлежало осуществлять управление территориями и взять под стражу Асаф-хана, совершившего столько провинностей. Махди Касим-хан препоясаясь решимостью и выступил, но, прежде чем его войско прибыло, Асаф-хан прослышал про это и с немалым сожалением покинул те земли. Он стал бродягой в долинах ничтожности и, словно дикий зверь, укрылся в лесах.

Махди Касим-хан прибыл в тот богатый край и, овладев им, поспешил за Асаф-ханом. Али Кули-хан, постоянно стремившийся переманить Асаф-хана на свою сторону, увидел в этом благоприятную возможность, и написал ему письма, и тем показал, что готов порвать свое соглашение (с Акбаром). Тот скудоумный (Асаф) по неразумию выступил и прибыл в Джаунпур со своим братом Вазир-ханом и принял к Али Кули-хану. Махди Касим-хан же стал правителем Гархи.

Произошло также следующее. Поскольку Его Величество ШАХИНШАХ странствовал под покровом беззаботности и постоянно ткал для себя некую приятную завесу, то в пору пребывания в Нагарчине он — как ради управления, которое способен понять мудрый, так и ради мнимых развлечений, кои в силах оценить любой, — занимался игрой в поло, воистину представляющей собой символ мирозавоевания и правления. И в пору веселья выиграл мяч удовольствия с равнины мира. С виду он казался увлечен игрой и утехами, внутренне же был поглощен истинными заботами и вершил [великие] дела. И с этой целью создал удивительные изобретения. Среди них — пылающий мяч⁷. Благодаря его свету он с легкостью предавался игре в поло темными ночами.

Клюшкой для поло, подобной полумесяцу, он забрасывал мяч превыше звезд⁸. Внешне казалось, что совершенствуются приемы игры. В действительности же ход лошади изменялся таким образом, чтобы люди приучались к тем усилиям и деятельности, что потребны для войны.

В числе событий того времени — кончина Юсуф Мухаммад-хана Кокалташа, старшего брата Мирза Азиза. Он умер от безудержного пьянства в день хур, 15 хурдада, Божественного месяца, что соответствовал 5 зу-ль-каада [973 г.х.] (24 мая 1566 г.), после пятидневной немочи. Удивительным представляется вот что: когда тело его на следующий день было перевезено из Нагарчина в Агру, оно всё ещё оставалось теплым. Его Величество Шахиншах, по великодушию своего сердца, весьма опечалился, и отнесся к оплакивающим с искренним участием, и выказал к ним великую милость.

Другим происшествием стало отправление Махди Касим-хана в Хиджаз. Уже упоминалось, что Гарха была вверена его заботам, и он получил повеление изгнать Асаф-хана. Когда эта территория без осложнений перешла в его руки, хан не сумел управиться с ней из-за ее протяженности и неустроенности. Уныние охватило его, и в середине этого года он, без царского дозволения, покинул те земли и отправился на юг с намерением отплыть в Хиджаз. Если даже близость к великим святым, коими владеет чистый дух, не благотворна, когда нет истинной сопричастности, то может ли дать что-то близость к священным местам, кои обрели святость благодаря присутствию святых, в особенности если это сопровождается неповиновением столь великому владыке? Когда об этом доложили Его Величеству, он простил безрассудство того (Махди Касима) и принял меры для управления [оставленной им] областью. Шах Кули-хан Наранджи и Какар Али-хан с несколькими героями были назначены в тот край. Благодаря их действиям распри в той земле оказались улажены. Их самих приняли с царской благосклонностью.

Глава 60

Поход Шахиншаха для подавления мятежа мирзы Мухаммад Хакима и другие благополучные события

Пока Шахиншах предавался удовольствиям в Нагарчине, его слуха достигли известия о том, что мирза Мухаммад Хаким, подстрекаемый невежественными людьми, проявил неверность и пошел войной на Лахор. А сделал это по следующей причине. После того как мирза Сулейман, услышав о приближении царского войска, бежал и обосновался в Бадахшане, он постоянно вынашивал планы о походе на Кабул. Теперь, убедившись, что там не осталось ни одного из военачальников Его Величества, решил воспользоваться случаем и в четвертый раз, собрав совместно с Харам бегим войска, отправился на Кабул. Когда мирза Мухаммад Хаким узнал о его приближении, то передал управление цитаделью Кабула Масуму¹, что среди его сторонников славился мужеством и мудростью, а сам отправился с Ходжа Хасаном Накшбанди, своим первым министром, в Шакардару² и Горбанд. Мирза Сулейман подошел к Кабулу и осадил крепость. Через несколько дней понял, что аркан его власти слишком короток, чтобы охватить стены цитадели. Узнав, что мирза сейчас в окрестностях Горбанда, задумал достичь своей цели при помощи хитрости Харам бегим. С этим злобным намерением Харам бегим, оставив мирзу Сулеймана в Кабуле, сама отправилась в Горбанд. Она послала расторопных людей к Мухаммад Хакиму с письмом, в котором говорилось, что он всегда был ей дороже собственного сына, особенно из-за ранее заключенного союза³. Вся душа ее жаждала согласия и мира с ним, а также желала заложить основы еще более крепкого союза. Цель ее настоящего приезда — поговорить и укрепить узы дружбы, а также

уберечь их от разрушения или ослабления. Мухаммад Хаким был обманут лестью бегим и согласился встретиться с ней в Карабаге⁴, что в двенадцати косах от Кабула, и заключить союз. Согласившись на встречу, он послал доверенных людей вперед, дабы они убедились, что все эти обещания не обман. После вручения посланцами верительных грамот та поклялась великими и страшными клятвами, что здесь нет никакой ловушки, сердце и язык ее будут в согласии, а деяния совпадут со словами. Люди мирзы, услышав клятвы бегим, по глупости решили посоветовать хозяину согласиться на встречу с ней в Карабаге и завязать узел сыновнего родства и согласия.

Когда бегим поняла, что план удался, то отправила гонцов к мирзе Сулейману с сообщением, что всё устроила так, чтобы люди мирзы [Хакима] привезли того в Карабаг, и ему [мирзе Сулейману] следует оставить лагерь и несколько отрядов около крепости, а самому как можно быстрее с незначительными силами приехать и устроить засаду недалеко от Карабага. Как только мирза [Мухаммад Хаким] прибудет на место, он (Сулейман) возьмет его в плен. Мирза Сулейман, услышав это, оставил в лагере Мухаммада Кули Шигали, одного из своих доверенных военачальников, руководить осадой Кабула, а сам поспешил ночью [в Карабаг]. Он устроил засаду за грядой гор близ Карабага. Посланцы Мухаммад Хакима, что вернулись, послушав великие клятвы бегим, увидели только то, что на поверхности, и не узрели скрытого вероломства, и дали мирзе положительный отзыв об обещаниях и встрече. Все люди мирзы советовали ему повидаться с ней, кроме Баки Какшала, который высказывался против, называя ее клятвы обманом и предательством. Он прямо сказал, что та притворяется, дабы заманить его в когти мирзы Сулеймана. Он разоблачил обман, задуманный этим лжецом. Несмотря на это Мухаммад Хаким ничего не смог сделать и отправился с несколькими доверенными людьми в сторону Карабага. По пути один из кабульцев, что уехал с бадахшанцами, как только мирза Сулейман сорвался с места, оставил их и присоединился к людям Мухаммад Хакима. Он рассказал им, что мирза Сулейман сидит в засаде за такой-то грядой гор с отрядом отборных людей и ждет благоприятного случая. Кабулец сам приехал с ними в ту ночь. Мирза, узнав об

этом, повернул в сторону Кабула. Мирза Сулейман, получив об этом донесение, последовал за ним и, настигнув некоторых людей мирзы, взял их в плен. Все, кто находился позади, были схвачены. Баки Какшал и его братья ехали следом за мирзой и подгоняли его. Несколько бадахшанцев почти настигли мирзу, и казалось, они вот-вот его схватят. Баки Какшал с братьями храбро сражались, стрелами и пулями сдерживая врага, чтобы мирза мог уехать подальше. Таким образом они увели мирзу [Мухаммад Хакима] из опасного места. Мирза Сулейман преследовал его до ущелья Санджад, но поняв, что мирза [Мухаммад Хаким] ушел, был вынужден сделать привал. Обоз мирзы и его людей попал в руки бадахшанцев. По наступлении ночи мирза стал лагерем в одном из ущелий Горбанда и послал в Горбанд людей привезти ему кое-какие вещи, оставленные там. Затем продолжил путь до места, что у *котала* [перевала] через Хинду Кох. На следующий день пересек *котал* и прибыл в Мазра-и-Ашраф [Мазари Шариф], принадлежавший узбекам. Оттуда прошел еще один-два перехода. Ходжа Хасан и люди из его окружения хотели отвезти мирзу к Пир Мухаммад-хану, правителю Балха, и попросить у него помощи. Но Баки Какшал не согласился и сказал, что отвезет мирзу к возвышенному Двору. Ходжа Хасан и другие отправились в Балх, а Баки Какшал с братьями и теми, кто с ним согласился, повернули назад и привезли мирзу в Горбанд. Оттуда они направились в Джелалабад через Ису⁵ и Бахру⁶. Потом прибыли в Пешавар, а затем подошли к берегу Инда. Мирза пересек реку и отправил к порогу счастья смиренное прошение вместе с докладом о случившемся. Его послы доставили письмо в Нагарчин. Поскольку судьба благоволит этому возвышенному роду, вести о неприятностях в Кабуле давно уже были получены. В то время Фаридун, дядя мирзы по материнской линии, находился в услужении у Его Величества и получил разрешение уехать в Кабул. Поскольку мирза был молод и беззащитен, Фаридуну предстояло заняться его делами и укрепить на пути преданности, а также позаботиться о том, чтобы всякие подстрекатели не получили возможность поговорить с мирзой [Мухаммад Хакимом]. Мирза Сулейман подошел к Кабулу до того, как Фаридун успел встретиться с мирзой. Когда прибыли

послы Мухаммад Хакима, Его Величество по доброте своей послал к нему Хуш Хабар-хана, одного из придворных *есаулов*, с приличной суммой денег и товарами, почетным одеянием и особым конем и приказал пенджабским военачальникам отправиться в Кабул и успокоить мирзу Сулеймана. Когда Хуш Хабар-хан приблизился к лагерью мирзы, последний вышел приветствовать послание [Шахиншаха] — прелюдию вечного счастья — и принял его с почтением. Через несколько дней прибыл Фаридун, уехавший еще до Хуш Хабар-хана. Этот недалекий человек, находящийся во власти мыслей, не собственных разумному мужу, нацелил мирзу, прибывшего после спешного перехода, на Пенджаб и заронил в его голову идею легкого захвата Лахора. Но и этого ему оказалось мало: он стал уговаривать молодого мирзу взять под стражу Хуш Хабар-хана. И хотя мирза, лишенный мудрости, соглашался со злыми планами Фаридуна, всё же на арест Хуш Хабар-хана не пошел, а однажды вечером послал за ним и повелел уехать. В те времена жил писатель по имени Султан Али, который был выдворен из Агры и приехал в Кабул, где получил титул Лашкар-хана, а также и некий Хасан-хан, брат Шихаб-ад-дин Ахмад-хана, сбежавший из-под стражи и приехавший в Кабул. Эти два негодяя объединились с Фаридуном, замышляя поднять смуту, и, наконец, речи этих льстецов подбили Мухаммад Хакима, не обладавшего дальновидным умом и преданным сердцем, пересечь Инд и направиться в Лахор. Люди его занялись разбоем в Бхере и ее окрестностях. Когда известия об этом достигли пенджабских военачальников, Мир Мухаммад-хан, Кутб-ад-дин-хан и Шариф-хан объединились и стали укреплять крепость, доложив о состоянии дел Двору. Пламя гнева Его Величества вспыхнуло от этих известий, и он приказал собрать войска. Мухаммад Хаким с порочной мыслью, что ему, может быть, удастся обманом и уловками переманить пенджабских военачальников на свою сторону, выступил из Бхеры в Лахор. И стал лагерем за городом в саду⁷ Махди Касим-хана. На следующий день подошел к крепости и стянул свои войска. Пенджабские военачальники сделали вечную удачу Шахиншаха своей твердыней и при помощи пушечного и мушкетного огня не позволили ни одной живой душе подступить к крепости. Каждый

день они соблюдали правила обороны и проявляли мужество и преданность. Его Величество Шахиншах назначил Муним-хана Хан-ханана управлять столицей, а Музаффар-хана — присматривать за мирскими делами, а сам отправился в путь в день шахриюр, 4 азара, Божественного месяца, или в субботу, 3 джумада ал-аввала 974 г.х. (17 ноября 1566 г.). Во время похода он наслаждался охотой и через десять дней прибыл в Дели. Следуя обычаем, посетил усыпальницы святых и сделал щедрые подарки хранителям, а затем побывал в мавзолее Его Величества Джаннат-ашияни. Когда Мухаммад Хаким, вынашивавший под влиянием недалёковидных людей пустые планы, услышал звуки шествия Его Величества, его охватил ужас, и он бежал к берегам Инда. В день, когда царская армия достигла Сатледжа, разведчики доложили о побеге мирзы. Войско переправилось через реку и направилось в Лахор. В счастливый час в середине месяца бахмана, соответствующего середине месяца раджаба [974 г.х.] (примерно конец февраля 1567 г.), оно подошло к городу, и жилище Махди Касим-хана возвысилось прибытием Шахиншаха. Мир и покой разлились повсюду. Верноподданные, что во время осады сражались с мятежниками и рисковали своими жизнями, были возвеличены. Хотя царские слуги настаивали на том, что кабульцев следует догнать и наказать, всё же священная личность Шахиншаха — источник доброты, и он простил Мухаммад Хакиму его глупость и прекратил преследование. Кутб-ад-дин-хан, Камал-хан и несколько военачальников были направлены к границам царства успокоить крестьян, пострадавших от кабульцев, и таким образом изгнание мирзы завершилось наилучшим образом. Получив приказ, они отправились его выполнять. Его Величество, оставшись в Лахоре, занялся делами управления и предавался удовольствиям. Войско двинулось к берегам Инда присмотреть за крестьянами, и там выяснилось, что Мухаммад Хаким отправился в Кабул, когда узнал, что мирза Сулейман оттуда ушел.

Вот что случилось с мирзой Сулейманом. Когда он совершал свой стремительный поход против Мухаммад Хакима, то оставил Мухаммада Кули Шигали с большими силами осаждать Кабул. Масум-хан выслал из крепости отряд всадников ипшодрома доблести проявить

свою отвагу. Они вступили в бой с Мухаммадом Кули и нанесли тому поражение, захватив имущество бадахшанцев. Осаждающие были рассеяны, а Мухаммад Кули увез дочерей мирзы Сулеймана, что сопровождали его в этом походе, в сад Чар-Дивар, расположенный в окрестностях, и укрепился там. Кабульцы окружили Мухаммада Кули и отправили послание Муним-хану⁸, в котором заявили, что если он спешно придет на помощь, то с легкостью захватит людей, загнанных ими в угол. Тот написал в ответ, что, раз там находятся дочери мирзы Сулеймана, с его стороны было бы неуважением повести себя таким образом, и отозвал своих людей. Мирза Сулейман вернулся из Санджад Дары в окрестности крепости Кабула, расстроенный неудачно обернувшимся походом против Мухаммад Хакима, и возобновил осаду. Каждый день Масум-хан высылал [из крепости] достойного человека с отрядом и победно бился с бадахшанцами. Последние ослабели в битвах, и среди людей и коней разразилась чума. Мирза Сулейман был вынужден предложить мир и добился при помощи Казии-хана Бадахши ничтожных преимуществ в виде условий для своего возвращения. Сначала он отправил в Бадахшан жену, а затем последовал за ней. Примерно в это время Мухаммад Хаким вернулся из Индии в Кабул, и недалёковидные обитатели этого места устыдились и оставили тщеславные мысли. Царский лагерь расположился в Лахоре и отбросил на землю тень правосудия. Слава победоносных знамен рассеяла тьму в умах и над горизонтами. В это время прошло великое празднество священного взвешивания⁹, проведенное по правилам, с золотом, серебром и другими редкостями. Богатым и бедным раздали подарки и милостыню, правители земель той страны, особенно управители и землевладельцы северных районов, коснулись головой смирения и челом повиновения пыли порога и сделали щедрые пожертвования по своим возможностям. Те, кому в то время не удалось обрести благословения поцеловать порог, направили с разумными послами детей и родственников.

В эти дни Мухаммад Баки, сын мирзы Исы Тархана и правитель Татты, прислал письмо, исполненное смирения и повиновения, вместе с достойными дарами, доставленными доверенными военачальниками. Дело в том, что его отец некогда был рабом возвышенного Двора

и поместил свою жизнь на ковер искренности и преданности. Теперь он (Мухаммад Баки) возложил главу уважения на порог повиновения, будучи тверд в верности. В это время Султан Мухаммад [Махмуд] Бакари повел себя не по закону (Чингиз-хана) и вопреки царским указам и по просьбе кандагарских мирз выслал против него войско. В связи с тем что автор письма оказался связан крепкими узами с вечной удачей (семьи Акбара), Султан Махмуд не смог наложить лапы на его земли, и его войска были разбиты. Теперь автор письма надеялся, что благодаря преданности и искренности его запишут в верные рабы, и никакая пыль разлуки не осядет на двор его воссоединения (с родом Акбара). На его прошение, доведенное до царского слуха через придворных, в соответствии с его мольбами Султан Махмуд-хану был дан подчиняющий мир приказ не переступать границ и придержать поводья своей прихоти от [вторжения] в земли, принадлежащие Баки-хану. Осыпанные царскими милостями послы получили разрешение уехать.

В то время также произошло следующее событие. Пока Его Величество Шахиншах отбрасывал свою тень на северные земли, было доставлено прошение из Агры от Муним-хана Хан-ханана. В нем говорилось, что сыновья Мухаммад Султан мирзы и Улуг мирзы, удостоенные из многих придворных взгляда благосклонности и получившие в земельное владение *саркар* Самбал, встали на путь мятежа и протянули руки к селянам, обитавшим в окрестностях Дели. Он (Муним) отправился туда, чтобы истребить их, но они узнали об этом и бежали по дороге в Манду.

Этот Мухаммад Султан мирза¹⁰ был сыном Султан Ваис мирзы, сына Байкары, сына [Султан] Мансура, сына Байкары, сына Умар Шейха, сына Его Величества Сахиб Карани Амир Тимура Гургана, а его мать — дочерью Султан Хусейн мирзы. Последний во времена своего правления занимался образованием Мухаммад Султан мирзы, который являлся сыном его племянника. После смерти Султан Хусейн мирзы вследствие случившегося в Хорасане разброда Мухаммад Султан мирза поступил на службу к Его Величеству Гити-ситани Фирдус-макани (Бабуру), и его милостиво приняли. Когда царский венец перешел к Джаханбани Джаннат-

ашияни, последний также отнесся к нему благожелательно. У него было двое сыновей — Улуг мирза и Шах мирза. Оба успешно ему служили. Несмотря на это они несколько раз проявили неповиновение, но Его Величество (Хумаюн) по присущей ему доброте закрыл на это глаза. Наконец Улуг мирза получил по заслугам во время столкновения с хазарейцами. У него осталось двое сыновей, Искандар мирза и Мухаммад Султан мирза. Когда Улуг мирза был убит, Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни отбросил тень своей милости на его сыновей и наделил Искандар мирзу титулом Улуг мирза [великий царевич], а Мухаммад Султана — Шах мирза [царь царевичей]. Когда Его Величество Шахиншах взошел на трон, он проявил расположение к Мухаммад Султан мирзе, его внукам и родственникам. Когда Мухаммад Султан мирза состарился, его освободили от воинской службы, и он получил во владение *паргану* Азимпур в *саркаре* Самбал, дабы мог провести свои дни в покое и молиться за успех Акбара. Когда же пребывал в преклонном возрасте, у него родилось несколько детей, первым — Ибрахим Хусейн, вторым — Мухаммад Хусейн мирза, третьим — Масуд Хусейн мирза, четвертым — Акил Хусейн мирза. Поскольку доброта Его Величества Шахиншаха распространяется на всех людей, каждый из этих принцев получил земельные владения в соответствии со своим положением и принимал участие в походах. Особую службу они исполнили у царских стремян во время волнений в Джаунпуре. Как только Высочайшие знамена вернулись оттуда, получили разрешение отправиться в их владения в Самбале. Когда возвышенное войско покинуло Агру и отправилось в Пенджаб тушить разгоревшееся пламя мятежа Мухаммад Хакима, Улуг мирза и Шах мирза вместе с Ибрахим Хусейн мирзой и Мухаммад Хусейн мирзой подняли знамена бунта и, собрав отряд бродяг, протянули руки грабежа к Самбалу и его окрестностям. Землевладельцы этого района объединились и выступили против них, и так как последние не смогли им противостоять, то бежали к Хан Заману и Сикандар-хану. Но для последнего их общество было неприемлемо, ибо каждый по своей глупости желал власти. Они вернулись оттуда и решили попытать счастья в Дуабе:

отправились в *паргану* Нимкар. Яршахи, сын сестры Хаджи-хана Систани, который был *джагирдаром* в тех краях, отправился усмирить этих негодяев. Так как Божественная судьба еще не намеревалась ими заняться, их уничтожение было завязано в узел другого времени года, и храбро сражавшийся Яршахи потерпел поражение. Огромное количество товаров — золота, слонов и прочее — попало в руки этих мерзавцев, и они направились к границам Дели, грабя всё по дороге. Татар-хан¹¹ укрепил Дели, а Муним-хан прибыл из Агры, чтобы дать им отпор. Эти несчастные узнали, что Мальва осталась без охраны, и направились туда. Близ Сампата наткнулись на Мир Муизз-ал-мулка, облачившегося в одежды странника¹², и ограбили его. Муним-хан посчитал, что не стоит их преследовать, и вернулся в Агру. Мятежники захватили Мальву, что в то время была вверена Мухаммад Кули-хану Барласу¹³, который, вследствие многочисленных дел, находился у стремян удачи (то есть в Лахоре в личном услужении Акбару). Его зять, Ходжа Хади, известный как Ходжа Килан, укрепил Уджайн, но несколько предателей ушли и присоединились к мирзам. Товары Ходжи оказались разграблены, но сам он избежал смерти благодаря своему высокому происхождению. Кадам-хан, брат Мукарраб-хана Деккани, находился в Хиндии. Мухаммад Хусейн мирза окружил его. Мукарраб-хан Деккани был в крепости Сантвас, и Хусейн-хан, сын сестры Махди Касим-хана, вернулся назад из сопровождения Махди Касим-хана, который направлялся в Хиджаз. Он прибыл в Сантвас, когда мирзы подняли мятеж, и укрылся там. Ибрахим Хусейн мирза продолжил осаду, и в это время Мухаммад Хусейн мирза захватил Хиндию и предал Кадам-хана смерти. Когда они выставили его голову у стен крепости Сантвас, Мукарраб-хан потерял мужество и сдался. Хусейн-хан¹⁴ тоже был побежден. Хотя Ибрахим Хусейн мирза предложил ему службу, тот отказался. Когда Его Величество Шахиншах отправился усмирять Али Кули-хана, тот вышел и обрел благо служения. Наконец, когда эти известия дошли до царского слуха, он издал приказ, чтобы Мухаммад Султан мирзу перевезли из Азимпура в цитадель Бианы и там охраняли.

Глава 61

Начало 12-го

Божественного года с момента
[священного] Восшествия на престол
[Его Величества Шахиншаха] —
года исфандармаз первого цикла

В день, когда земли Лахора обратились в розовый сад судьбы благодаря прибытию возвышенной процессии, а Его Величество Шахиншах был занят покорением сердец, землю окутала щедрая весна и задули ласковые ветры. Сады представляли собой чудесное зрелище для наблюдателей, а тюльпаны и иные цветы набрасывали арканы очарования на созерцающих.

Для павлина весны наступил рассвет,
Зов соловья донесся из сада,
Роза алая упала на траву.
Или это попугаи спрятали клювы в своих крыльях?¹

Через восемь часов пятнадцать минут, во вторник, 29 шаабана 974 г.х. (11 марта 1567 г.), Солнце вошло (в знак Овна) и начался двенадцатый год, то есть год исфандармаз первого цикла, и спокойный разум Шахиншаха пожелал заняться охотой, а именно *камаргой*, самой приятной из ее форм. Был издан указ, чтобы птиц и зверей согнали с ближайших гор и от реки Бихат (Джелам). Каждый район вверили одному из военачальников, и на каждый участок назначили *бахши*, *тавачи* и *сазаулы*. Нескольким тысячам человек из городов и деревень Лахора поручили загонять дичь. Для ловли животных была выбрана обширная территория, подобная широкому сердцу принцессы, диаметром в десять миль в пределах [земель]

Лахора. В течение месяца, пока военачальники и иной люд, низкий и великий, активно загоняли дичь, Его Величество в основном занимался закладыванием основ правосудия и развитием внутренней и внешней культуры. Наконец всё было подготовлено; собрали загонщиков и согнали большое количество животных². Сначала Его Величество Шахиншах отправился в охотничьи угодья и осмотрел их от самых границ до центра. Все вельможи и слуги, проявившие себя в этом замечательном деле, удостоились похвалы Его Величества. Затем он поместил стопу власти в стремя благополучия и ринулся на тигроподобном коне в погоню за резвым оленем. При нем имелись стрела, меч, копье и мушкет. Поначалу охотничьи угодья составляли десять миль в диаметре. Но день за днем *камарга* двигалась вперед, а территория ее сужалась. В пределах этого пространства его быстроногий скакун иногда настигал добычу на земле, а иногда он ловил молниеносного оленя при помощи аркана. Использовались различные методы охоты. Один из приближенных придворных, Мирза Азиз Кокалташ, приехал в центр *камарги* и сопровождал благословенные стремени. Военачальники установили заслоны перед своими стоянками и караулили животных, днем пребывая на чеку, а ночью — при помощи горящих факелов. С утра до вечера и с вечера до утра [все] наслаждались охотой. Через пять дней, в течение которых Его Величество Шахиншах предавался различным видам этой забавы, крупные военачальники и служители гарема получили позволение приехать сюда. Постепенно разрешили прийти придворным слугам, а затем — отдельным верховым и пешим воинам.

Примечательное событие, произошедшее в то время, было связано с тем, что Хамид Бакари (из Бхакара), *есаул*, задумал недоброе, натянул лук и выпустил стрелу в одного из придворных слуг. Последний остался жив и доложил о случившемся Его Величеству во время охоты. Его Величество в гневе приказал как следует наказать [преступника] и дал свой особый меч Кулидж-хану, чтобы тот освободил негодяя от бремени его шеи. Кулидж-хан дважды нанес тому удар этим алмазоподобным оружием, но ни один волос не упал с головы [преступника]. Уста судьбы изрекли:

Если мечи мира даже вынимаются из ножен,
Они не заденут ни одной вены, если того не пожелает Господь³.

На сей раз таинство судьбы было признано и жизнь спасена, но в качестве предупреждения голову [Хамида] обрили, а его самого посадили на осла и провезли вокруг охотничьих угодий.

Во время охоты прибыл Музаффар-хан. Он привез с собой 283
Вазир-хана, брата Асаф-хана, и попросил прощения от лица обоих братьев. Дело в том, что когда Асаф-хан на свое несчастье попал в силки общения с Али Кули-ханом и Бахадур-ханом, их общество ему претило, а высокомерие вызывало отвращение. К тому же Али Кули положил глаз на его собственность. Асаф-хан стал искать возможность уйти от них. Тем временем Али Кули отправил Асаф-хана с Бахадур-ханом, а с Вазир-хана не спускал глаз. Однажды ночью Асаф-хан оставил Бахадур-хана и отправился к Карре и Маникпуре. Вазир-хан также выехал из Джаунпура и поспешил той же дорогой. Когда Бахадур-хан узнал, что сделал Асаф-хан, он погнался за ним и настиг близ Чунара. Произошел бой, и Асаф-хан потерпел поражение и попал в плен. Бахадур-хан поместил его в паланкин на слоне и уехал. Его люди рассыпались в погоне за наживой, но в это время подоспели Вазир-хан со своим сыном Бахадур-ханом. Когда он [Вазир-хан] узнал, что Асаф-хан схвачен, то подготовился, и пока люди Бахадур-хана разошлись, подошел и храбро начал бой. Бахадур-хан не выдержал натиска и бежал, дав знак убить Асаф-хана, которого везли на слоне. Стражник ударил его пару раз мечом, отсек кончик пальца и задел нос, но тут подоспели люди Вазир-хана и освободили Асаф-хана. Они отправились в Карру и там передохнули. В этом бою Бахадур-хан, сын Вазир-хана, отличился и потому был возвышен титулом (Бахадур-хана)⁴. Асаф-хан сожалел о своей прошлой жизни, и узрел во всех собственных несчастьях и потерях последствия отдаления от возвышенного порога, и с чувством стыда отправился ко Двору. Он послал своего брата Вазир-хана к Музаффар-хану в то время, когда последний направлялся по царскому приказу из Агры в Лахор. Вазир-хан прибыл в Дели, и Музаффар-хан принял его благожелательно и взял с собой. Он

(Музаффар) смог доложить о случившемся, когда Его Величество охотился, и попросил прощения от лица Асаф-хана. Его Величество простил его и брата и издал милостивую грамоту на имя Асаф-хана, приказывая тому отправиться в Маникпур и действовать совместно с Маджнун-ханом Какшалом. Когда возвышенная процессия вернулась в столицу, он [Асаф-хан] имел честь засвидетельствовать свое почтение и был одарен царскими милостями.

Наконец, когда *камарга* завершилась, Его Величество приказал возвращаться, и они подошли к горделиво текущей, подобно океану, реке Рави, на берегу которой стоит Лахор. Его Величество Шахиншах взял в руки поводья упования на Господа и направил лошадь к реке. Сия резвая, огненная натура пронеслась через нее легко, как ветер. Сопровождающие, которым следовало находиться рядом, также направили коней к реке, пересекли ее и прибыли на берег целыми и невредимыми, за исключением Хабр-хана *есаула* и Нур Мухаммада, сына Шер Мухаммада, которые утонули. Когда Его Величество приехал в Лахор, он посвятил свои дни делам управления и свершения правосудия, что было свойственно его природе⁵.

Среди событий того времени и бой Мухаммад Амина Диваны⁶. Вкратце дело было так. Он славился среди витязей (*иккаджуанан*) мужеством и отвагой, но вел беспорядочную и невоздержанную жизнь. Когда лагерь стоял в Лахоре, он повздорил с одним *фаудждаром*⁷, ехавшим на особом слоне (*фил хаса*), и выпустил в него стрелу из колчана несдержанности. Когда Его Величеству доложили об этом безрассудстве, был издан приказ казнить его. Придворные, прикрепленные к гарему, просили за него, и Его Величество подарил ему жизнь, но приказал побить. На свое несчастье тот сошел с пути судьбы и бежал ночью к Али Кули-хану, предводителю смутьянов.

Также случилось, что Джунаид Карарани, обретший благо служения и осыпанный царскими милостями, из-за необоснованного страха бежал из Хиндауна⁸, пожалованного ему в качестве *джагира*, в Гуджарат. Несчастные, выбирающие отдаление от трона власти и судьбы, думают, что они поступают себе во благо, но на самом деле лишь множат свои невзгоды и ввергают себя в колодезь несчастий. Когда Его Величество, уладив дела Пенджаба, стал думать о возвращении

назад, из Агры прибыли вести от доброжелателей, и главное, от Муним-хана о том, что Али Кули-хан, Бахадур-хан и Искандар-хан снова свернули с пути преданности и вытянули свои шеи для мятежа. Недостойное поведение Мухаммад Хакима усугубило их безумие, и по глупости и вероломству они прочли *хутбу* в честь мирзы! Эти бестолковые, покинутые удачей люди отвели глаза от лицемерия славы Шахиншаха и ради собственных целей ввергли недалекого мирзу в водоворот разрушения.

Царствование — дар Божий, который не дается до тех пор, пока тысячи великих качеств не соединятся в одном человеке. Род, богатство и влияние на толпу недостаточны для столь высокого положения. Мудрые знают, что лишь малая толика сих священных качеств — это великодушие, возвышенная благожелательность, значительные способности, великое терпение, высокое понимание, врожденное милосердие, природное мужество, справедливость, честность, способность к напряженному труду, достойное поведение, глубокое мышление, подобающее отношение (к оскорблениям) и прощение кающихся. И даже со всеми этими совершенными достоинствами, лишь немногие из которых перечислены в древних манускриптах зрелых философов, объект сих хвалебных качеств не будет соответствовать столь высокому посту, пока не обретет мудрость, достаточную, чтобы побороть недостойные желания и неподобающий гнев. И если, достигнув высокого звания, он не устремляется к вселенскому миру (терпимости) и не смотрит на всё происходящее с человечеством, на все секты и религии одинаково благосклонным взором — не выделяя одних и не пренебрегая другими, — он не будет достоин столь возвышенного поста. Благодарение Богу! Святая личность Шахиншаха — вместилище совершенных качеств и источник священных принципов. Томов не хватит, чтобы описать достоинства Властелина Вселенной. Разве достаточно случайных примеров? Отдайте всё, что имеете, и купите глаза, и узрите мироукрашающие качества нашего духовного и земного царя, дабы познать, что такое царь и в чем суть верховной власти!

Итак, когда Его Величеству сообщили о вероломстве этой компании, его уравновешенный нрав был затронут, и он велел Хан Бакихану⁹ и Мирза Мираку Разави¹⁰, который на момент возвращения

царской процессии прибыл ко Двору, уладить дела относительно земель Али Кули и Бахадура. Его Величество решил вернуться в Агру, чтобы наказать бунтовщиков. Он спешно завершил дела в Пенджабе и распределил *парганы* этой провинции между военачальниками, такими, как Мир Мухаммад-хан Калан и Кутб-ад-дин-хан, между сыновьями и братьями последних, а также между другими преданными воинами. Общее управление провинцией было поручено Мир Мухаммад-хану, и в день тир, 13 фарвардина, Божественного месяца, соответствовавший понедельнику, 12 рамазана [974 г.х.] (23 марта 1567 г.), он повернул свои знамена в сторону столицы. Он стоял лагерем у Сарай Даулат-ханы, когда слоны Гаджгаджан и Панджпайа, отмеченные [вниманием Шахиншаха] животные, умерли в один день. Некоторые недалекие люди опечалились. Его Величество сказал: «Мы видим в этом добрый знак: два несчастных брата (Али Кули и Бахадур) окажутся в результате нашего похода в яме уничтожения». Да славится Аллах! Какой ум, какой интеллект и какая проницательность! У меня нет слов, чтобы описать глупость Музаффар-хана, поразившую всех и совершенную им, когда знамена судьбы достигли Сихринда. Дело в том, что Его Величество Шахиншах всегда был в курсе дел воинов и крестьян и проявлял отеческий интерес к исправлению поведения людей. Он оберегал их от недостойных деяний и делал всё возможное, чтобы улучшить их природу. В то время до царского слуха дошло, что Музаффар-хан начал заглядываться на гладколицего (безбородого) Кутб-хана и потерял нить рассудка. Его Величество, по свойственной ему доброте, послал за последним и передал в руки стражей, пока Музаффар-хан не попал в силки порока. Этот же одурманенный человек облачился в одежды факира и ушел в дебри [безумия]. Он не понял значения царской доброты и заботы. Его Величество Шахиншах, идеально контролирующий весы проницательности и понимания, не обратил внимания на его невежество и неразборчивость и отнесся к нему с царской благосклонностью, послав назад слугу (Кутба). Он также наставлял его весомыми советами. В течение всего похода охотился и дарил радость людям.

Во время стоянки у Тханесара возник спор между *саньяси*, закончившийся кровопролитием. Вот как было дело. Около города

находится водоем, который можно назвать миниатюрным морем. Раньше там была широкая равнина, известная как Куркхет¹¹, которую с древних времен почитали аскеты Индии. Индусы из разных частей Индии приезжают сюда временами, раздают милостыню, и там собирается огромная толпа. В год перед прибытием Его Величества собралось много народа. Там было две группировки *саньяси*: одна зовется *кур*, а другая — *пури*¹². Между ними возникла ссора из-за места. Причина аскетизма большинства этих людей не в том, что мир повернулся к ним спиной — это они охладели к этому миру. В результате же сами постоянно страдают и подвержены страстям, гневу и алчности. Ссора возникла из-за того, что у секты *пури* имелось постоянное место на берегу водоема, где они сидели и раскидывали сеть собирания милостыни. Паломники из разных частей Индии, приезжавшие омыться в водоеме, подавали им. В тот день клика *кур* пришла и насильственно заняла место *пури*, и последние не смогли противостоять им.

Их глава, Кису Пури, приехал в Умбаллу¹³, засвидетельствовал почтение и потребовал правосудия, заявив, что *куры* обманным путем пришли и заняли их место. Он добавил, что хотя у них нет сил вступить в бой, они всё равно, уповая на Бога, сразятся с ними и либо прольют свою кровь, либо отберут у них место. *Куры* [в ответ] заявили, что место принадлежит им по праву наследования, хотя *пури* и пользовались им какое-то время. Теперь они будут там сидеть, и место останется за ними до тех пор, пока жизнь теплится в их телах. Когда возвышенная процессия подошла к Тханесару, Его Величество подъехал и изрек жемчужины советов и наставления суетным душам, но это оказалось метанием бисера перед свиньями, а их глупость и невежество лишь усилились. Безумие и желание погубить себя увеличились, и они горячо молили дозволить начать бой и резню. Поскольку обе стороны, разум [представителей] которых охватил хаос, ступили на беспутье невзгод, было дано разрешение начать сражение, дабы [несчастные] наказали себя за дикое поведение и получили урок. Случилось так, что в тот день собралось огромное количество с обеих сторон. Обе секты выстроились в ряд, и от каждой стороны хвастливо вышли по одному человеку и начали биться на мечах. После этого воспользовались луками и стрелами.

Затем *пури* атаковали *куров* камнями. Так как *пури* были меньше численностью, Его Величество приказал нескольким людям, знавшим, как драться камнями, таким, как *петамчаха* из Турана и *чиру* из Индии¹⁴, помочь *пури*. Те присоединились к атаке на *куров* и бились так, что *куры* не смогли выдержать натиска и бежали. *Пури* бросились за ними вдогонку и отправили некоторых в мир иной. Они догнали их *пира* и предводителя, прозванного Ананд Кур, и умертвили этого жалкого человека. Остальные разбежались. Святое сердце — колорист почитания судьбы — получило огромное удовольствие от этой битвы. На следующий день он выступил из Тханесара.

Когда войско достигло Дели, Мирза Мирак Разави, который в Лахоре был передан в руки Джан Баки-хана и ждал решения своей участи, бежал из-под стражи. Джан Баки бросился за ним, но не смог поймать и потому побоялся прибыть ко Двору. Его Величество Шахиншах посетил усыпальницы святых и искал вдохновения. Он также раздал щедрую милостыню верующим тех мест. Татархан, управитель города, сообщил, что Мухаммад Амин Дивана, бежавший из Лахора, прибыл в город Бходжпур, и Шихаб-ад-дин-хан Туркаман, *джагирдар* тех земель, укрывал его в своем доме несколько дней, а затем дал лошадь и денег и отправил к мятежникам. После того как получили эти известия, Шахиншах, который никогда не гневается без причины, пришел в ярость и приказал Шах Фахр-ад-дину Машхади¹⁵ доставить негодяя ко Двору. На следующий день он выступил в путь и когда достиг Палвала¹⁶, Шах Фахр-ад-дин засвидетельствовал свое почтение и предъявил несчастного. Того передали Хасану Чагатаю и тут же казнили.

Когда в Агре слышали звук приближения величественной процессии, Хан-ханан и отряд преданных людей выехали вперед приветствовать Его Величество и были возвышены этим свидетельством почтения. Хан-ханан доложил о состоянии дел в стране и прочел список преступлений Али Кули-хана и Бахадур-хана, а также других мятежников, вновь поднявших головы. Можно ли сказать, что милосердие и наставления полезны тем, кто по природе своей злодей? Они приносят [лишь] вред, ибо такие люди считают, что стремление к примирению и увещевания — слабость, и только усиливают

свой мятежный дух. Таким образом, выдающиеся мудрецы не нашли иного лекарства для исцеления внутренне дурных людей, кроме яда и плетей. И если это средство не помогает злодеям, то послать их в обитель уничтожения — значит проявить милосердие по отношению к человечеству и к ним самим. Те, кому были доверены дела царства, и приближенные Его Величества сразу не узрели сей истины и поначалу не позволили *Хедиву* Века положить конец этим негодяям. Они восприняли мнение Его Величества со своей точки зрения, и покров так и не был сброшен. Когда Али Кули-хан и другие бунтовщики узнали о том, что Его Величество выступил, чтобы погасить пламя восстания Мухаммад Хаким мирзы, то по глупости посчитали это своей удачей и стали готовиться к мятежу. Али Кули-хан поехал из Джаунпура в город Сархарпур, *джагир* Ибрахим-хана. А Искандар-хан выступил из Ауда (Айодхии), чтобы присоединиться к этому бунтовщику. Все возмутители спокойствия собрались в том городе и договорились, что Али Кули-хан со своими силами двинется к Лакхнау и захватит земли до берегов Ганги, а Бахадур-хан в это время пойдет на Карру и Маникпур против Асаф-хана и Маджнун-хана; Искандар-хан и Ибрахим-хан захватят *саркар* Ауда и его окрестности. Заключив этот злодейский договор, разъехались. Али Кули-хан двинулся в *саркар* Канаудж. Они пошли на Канаудж, так как у владельцев тех земель не было вождя, который мог бы с ними бороться. Когда Али Кули-хан приблизился к Канауджу, Мирза Юсуф-хан, один из местных землевладельцев, укрылся в цитадели Шергарха. Люди разбежались, а ко Двору прибывали одно за другим послания верноподданных. Судьба готовилась выполнить свою работу.

Глава 62

Поход Шахиншаха из Агры в Джаунпур и смерть Хан Замана и Бахадур-хана на поле победы

Так как возвышенная обязанность управления миром воистину заключается в заботе и наблюдении, Его Величество Шахиншах благодаря честности намерений и вопреки обыкновению большинства властителей прошлого черпает собственное удовлетворение в умиротворении своих подданных, а радость — в спокойствии рода людского. Несомненно, неповторимая жемчужина Халифата по праву украшает корону того увенчанного, который, невзирая на подобное величие и славу, не покидает Двора Вечного и усерден в отправлении правосудия, а спокойствие человечества считает своим отдохновением. Разумеется, тот, кто отдаляется от послушания такому властителю, чинит себе вред собственными руками. Особенно если это муж, взлелеянный возвышенной семьей и благодаря ей обретший источники внешнего величия! Сколь ужасная жестокость и низость и безрассудство [присущи] тем, кто пользуется сими источниками величия для мятежа против своего же благодетеля! Когда сыщутся такой государь и такой супостат, Божественная милость поддерживает первого и обеспечивает [ему] победу во всех войнах. История Али Кули-хана и Бахадур-хана, а также истребление двух этих спесивых злодеев — пример сказанному. Вот краткий рассказ о том.

290 Когда величественная процессия вернулась с успехом в столицу из похода против Пенджаба, а о мятеже и преступлениях Али Кули-хана, Бахадур-хана и прочих главарей бунта было доложено Его Величеству, он решил отправиться в земли на востоке и потушить пламень восстания. Вверил Агру заботам Муним-хана Хан-

ханана и отобрал 2 000 слонов для сопровождения войска. Прежде чем армия выступила, приказал Музаффару Моголу, Мухаммад Кули [Барласу], Кулидж-хану, Сайид Мухаммаду Мауджи и Хаджи Юсуфу двинуться скорым маршем и помочь Мирза Юсуфу, запертому в Канаудже. Сам же вложил стопу намерения в стремя верховной власти в день аштад, 26 ардибихишта, Божественного месяца, что соответствовал вторнику, 26 шаввала [974 г.х.] (6 мая 1567 г.).

Когда он прибыл в город Сакит¹, Али Кули-хан, раздувавший недовольство вблизи переправы Канауджа на берегах Ганга, бежал, едва узнав о походе Его Величества, и отправился к Маникпуру, где его брат Бахадур-хан противостоял Асаф-хану и Маджнун-хану. Царское войско выступило из Сакита к берегу Ганга, на следующий день переправилось через эту бурную реку и двинулось дальше, переход за переходом. Когда оно достигло Мохана², Мухаммад Кули-хан Барлас был назначен предводителем, и в день дибедин, 23 хурдада, Божественного месяца, что соответствовал вторнику, 24 зу-ль-каада [974 г.х.] (2 июня 1567 г.), против Искандар-хана, разжавшего ладонь мятежа в Удхе, с ним были посланы Музаффар-хан, раджа Тодар Мал, Шах Будаг-хан, его сын Абд-ал-Матлиб-хан, Хасан-хан, Кийя-хан, Хаджи Мухаммад-хан Систани, Аадил-хан, Ходжа Гияс-ад-дин Али бахши и прочие отважные мужи. Сам Его Величество направился в Карру и Маникпур. Когда он подошел к Рай Барели, от Асаф-хана и Маджнун-хана были получены донесения, где говорилось, что Али Кули-хан и его брат намереваются напасть на Гвалиар и собираются пересечь Ганг. Узнав об этом, Его Величество решил немедленно выступить быстрым маршем. Большинство военачальников — одни из малодушия, другие из лени, третьи из опасения за свою жизнь, а иные потому, что не желали уничтожить мятежников до тех пор, пока не достигнут своих целей (букв. «пока на рынке, где они торговали собой, царит оживление»), — не одобрили этой стремительности. Мудрый Шахиншах не стал срывать завесу с поведения каждого из них, но поверил свои желания Господу, и в ночь замияда, 28 хурдада, Божественного месяца, что соответствовало воскресенью, 29 зу-ль-каада, [974 г.х.] (7 июня 1567 г.), стремительно выступил из указанного города.

291 Удивительным было то обстоятельство, что Его Величество покинул обычный тракт из-за его протяженности и избрал средний путь, где не встречалось воды, но благодаря источникам тайной помощи, дарующим изобилие войску Шахиншаха, воду обнаружили по пути в избытке. Ибо перед тем выпал дождь милосердия и наполнил водоемы. Он [Акбар] шел всю ночь и половину следующего дня и достиг Маникпура, где служил Мухибб Али, *джагирдар*. Поскольку в поход выступили в начале ночи и мало кто знал дорогу, а на пути оказался лес, войска рассеялись и потеряли верное направление, и у стремени Его Величества остались лишь немногие. Но разве страх из-за малочисленности спутников может одолеть того, кого удостоил попечительством Всемогущий Аллах? (В пути, вблизи Маникпура, Асаф-хан засвидетельствовал почтение, и его милостиво встретили.) Он был немедленно послан вперед [с приказанием] со всей возможной быстротой достичь своего лагеря, располагавшегося напротив лагеря Хан Замана. Прошло немного времени, и Хатва Меврах³, быстрый гонец и надежный разведчик, принес вести, что Али Кулихан и Бахадур навели мост через Ганг в *паргане* Синграур⁴ и преодолели [реку]. Его Величество, получив эти сведения, тотчас сел на коня и, хотя имел при себе лишь немногих людей, выступил, полагаясь на рать милости Аллаха. И вверил обоз радже Бхагвант Дасу, Ходжа Джахану и прочим, дабы они сопровождали его до города Карры, но не теряли бдительности. Он выступил из селения Шейхан, зависимого от Маникпура⁵, и на исходе дня в воскресенье пересек Ганг на слоне. Так как начинался сезон дождей и река разлилась, неописуемое волнение охватило людей, и [они испустили] крик, когда Его Величество направил своего слона в воду. Ибо невозможно было пересечь столь гибельную реку, и лишь благодаря чудесному могуществу Шахиншаха сей бурный поток позволил пройти тому кладезю святости. Без затруднений он перешел вброд реку, и очевидцы поняли, что сие было ручательством победы! Когда величественный отряд переправился, близ него [Акбара] оказалось не более одиннадцати человек, а именно М[ирза Азиз] Кока, Саиф-хан Кока, Дастам-хан, Шуджаат-хан, Хан Аалам, Ходжа Абд-ал-лах, Дарбар-хан, Шахбаз-хан, Сайид

292 Джамал-ад-дин, Адил-хан, Дилавар-хан. Кроме того, там было не-

сколько слонов. В день когда отряд пересекал Ганг и слоны ступали по дну реки, двое из них, Худа Бахш и Бал Сундар, разъярились и трубили в ярой неудержимости. Оба славилась своим бесстрашием, проворством, боевыми качествами и тем, что сокрушали ряды [противника], но, когда величественная процессия преодолела реку и приблизилась к мятежникам, ярость покинула слона Худа Бахша, и он повел себя пугливо. Погонщики и *фаудждары* опечалились, увидев такое состояние [слона], но Его Величество Шахиншах по вдохновению судьбы изрек, что осторожность столь яростного слона есть провозвестие победы, ибо успех и победа сопутствуют осмотрительному и разумному. Более того, благодаря тому что зверь сделался осторожен, он [Шахиншах] не полагался более на слонов и их свирепость. Лишь надежда на Божественную милость оставалась ему — а тот, кто надеется только на милость и великодушие Аллаха, выйдет победителем. Воистину два благородных заключения были сделаны благодаря явлению чудес⁶, достойных войти в написанные тома вдохновенного трактата. Когда настала ночь, они устроились на отдых на берегу реки, в то время как мятежники стояли в одном косе от них. Его Величество, полагаясь на Божественную помощь, приказал им [воинам] остановиться в том месте. В это время прибыли Асаф-хан и Маджнун-хан и изъявили почтение. Маджнун-хан и ряд прочих придерживались мнения, что им надлежит безотлагательно, той же ночью, ударить по лагерю злодеев. Асаф-хан возразил, что те занимают сильную позицию и окружили ее [оборонительными сооружениями], и будет ошибкой атаковать в это время. Наоборот, в дневное время люди сражаются лучше, ибо их поведение видно всем. Его мнение было одобрено, и Его Величество отпустил прибывших, напутствовав их возвышенным наказом. Он повелел докладывать ему в каждую стражу дважды и позаботиться о разведчиках, в противном случае мятежники проведут о его подходе и отступят.

Али Кули и Бахадур в своей спеси и самомнении проявили крайнюю беспечность и ни о чем не узнали. Ту ночь, когда подошла величественная армия, они проводили в пьянстве и разгуле за великим пиром (*бишкан бишкан*)⁷, и само это словосочетание было для них знаменем их поражения. Еще более удивительно, что той ночью

какой-то человек подошел к шатрам смутьянов и прокричал: «О приговоренные, знайте все, что Его Величество царь переправился через Ганг с неисчислимым войском, чтобы уничтожить вас». Поскольку чаша их жизни наполнилась, они решили, что сведения о прибытии царских знамен — это хитрость Асаф-хана и Маджнун-хана, и стали еще более дерзкими. Видимо, это предостережение исходило от невежественного верноподданного. Он опасался того, что Его Величество пересек ту реку с незначительными силами, в то время как у мятежников имелось три или четыре тысячи опытных всадников, и с помощью этой уловки хотел метнуть в них камень рассеивания, чтобы они не стали сражаться. Невдомек ему было, что невидимые армии следуют за Владыкой Мира.

Наконец, наутро в день марисфанд, 29 хурдада, Божественного месяца, что соответствовал понедельнику, 1 зу-ль-хиджжа [974 г.х. — 8 июня 1567 г.], — бывшему в действительности первым днем царского торжества и последним днем жизни тех негодяев, — Его Величество приказал облачить себя в доспехи и выступил в броне тайной защиты. Он водрузил шлем удачи на голову величия, и все храбрецы, сопровождавшие его, приготовились к сече. Центр был возвеличен присутствием Шахиншаха, правым крылом командовал Маджнун-хан Какшал, а левым крылом — Асаф-хан. Мухибб Али-хан и ряд героев входили в передовой отряд. Его Величество ехал на слоне Бал Сундаре, и М[ирза Азиз] — под балдахинном на слоне Кока, так что его положение возвысилось превыше небес. На восходе Его Величество двинулся к лагерю Хан Замана. Оказалось, что черные сердцем мятежники начали отход. Было велено, чтобы Маджнун-хан немедленно выступил со своими войсками и не выпускал их. Располагая столь мощной поддержкой, они ускорили шаг и обрушились на тыл врага. Через некоторое время Асаф-хан получил приказ быстро наступать. Поскольку воздух стал горячим, а животные двигались очень медленно, миропокоряющий принц сошел со слона и сел на лошадь. Злодеи не верили, что Его Величество Шахиншах был там лично, и полагали, что битва разгорелась из-за безрассудства Асаф-хана и Маджнун-хана. Когда сеча стала жаркой и они узрели величие армии и наступление слонов, то поняли, что имеют

дело с возвышенным отрядом Шахиншаха, и Его Величество лично вложил стопу победы в стремя завоевания, [и тогда] Али Кули-хан и Бахадур-хан открыли сердца смерти, и остановились на равнине мятежа, и, став вечными отступниками, решили дать бой. С этим черным намерением они стянули свои силы и послали часть лучших ратников против царского передового отряда и лучников (*укчи*)⁸. В это время численность всех войск, бывших с Шахиншахом, равнялась примерно 500 бойцам и 500 слонам. Расстояние между Его Величеством и передовым отрядом теперь сократилось, и Баба-хан Какшал, командир лучников, примкнул к отряду (где находился Акбар). Завязалась яростная схватка на мечах и луках, и благодаря удаче Шахиншаха неприятеля отбросили назад. Победоносные войска преследовали их и оттеснили к ставке Али Кули. Спасаясь, бунтовщики пришли в замешательство и не в силах оказались отличить голову от пня или авангард от тыла. То был перст судьбы, что при этом отступлении лошадь одного беглеца задела лошадь Али Кули-хана, так что тюрбан его слетел. Изумленный Али Кули-хан послал Бахадур-хана против Баба-хан Какшала. Бахадур-хан с лучниками подошел, и завязался упорный бой. Время от времени Али Кули получал донесения от Бахадура и посылал ему свежие подкрепления. Баба-хан, увидев, что враг полон сил, отступил. Бахадур-хан бросился в погоню и дошел до [отряда] Маджнун-хана. И тут стрела попала в его лошадь, она поднялась на дыбы и сбросила [всадника] наземь. Храбрецы армии удачи окружили его. Вазир Джамил⁹ схватил [негодяя], однако, движимый своей порочностью и жадностью, взял с него что-то и отпустил. Назар Бахадур, преданный [царю] и слуга Маджнун-хана, кинулся и [вновь] взял его в плен. Победители окружили спутников Бахадур-хана и засыпали их стрелами.

294

В это счастливое время, когда Владыка Мира стремительно носился по полю верхом на коне и воины, схватив врагов за ворота, убивали их, а Али Кули-хан стоял, чванясь неверностью и осведомляясь о положении Бахадур-хана, слон *маст*, прозываемый Читрананд, один из царских слонов, ринулся на Гадж Бханвара, особого слона, вышедшего из состояния *маста*. Гадж Бханвар не устоял и

обратился в бегство, преследуемый Читранандом. Погонщик Гадж Бханвара направил своего слона в ряды мятежников, а те двинули против Читрананда слона Удийя. Читрананд оставил Гадж Бханвара и ринулся на Удийю, и единственным, сокрушающим горы ударом поверг его в прах небытия. Великое замешательство охватило смутьянов, и многие их предводители стали жатвой меча. Семя и ствол их существования были изничтожены огнем Божественного гнева и молнией могущества Шахиншаха. Бежавших с поля битвы убили крестьяне, враждебность которых была вызвана притеснениями. Весенний зефир победы овеял питомца удачи, и облако победы [месяца] *нисана* рассыпало жемчуга по саду верховной власти. Поле сражения очистилось от пыли бунта мятежников, и воплощение победы выступило из-за завесы Божественной милости и со славой воссело на возвышенном престоле. Его Величество верхом на лошади расспрашивал о [судьбе] Али Кули и Бахадура. В этот миг перед Его Величеством предстал Назар Бахадур с пленным Бахадур-ханом, сидящим позади него на крупе [коня]. Его Величество отверз уста сострадания и произнес: «Бахадур¹⁰, что дурного причинили мы тебе, что ты стал причиной всего этого бунта и восстания?». Смущение и стыд овладели тем, он повесил голову и не ответил ничего. Когда же спросили еще несколько раз, с его неблагодарных губ сошли слова: «Хвала Аллаху, что бы ни произошло!»¹¹. Как видно, негодяй даже при последнем издыхании не уразумел своей бесчестности и порочности, иначе слова раскаяния сошли бы с его уст. Но любой, отвернувшийся от столь могущественного повелителя, гибнет физически и духовно и оскверняется внешне и внутренне. Несмотря на подобную мятежность, Его Величество Шахиншах не желал отправлять его в пучину гибели. После неотступных просьб военачальников Шахбаз-хану и Банси Дасу Камбу было приказано освободить его шею от бремени головы клинком меча. Лишь тогда воины [противника] сдались и привели Шахрияра Кула, одного из приближенных Али Кули. Его буйную голову слуги также швырнули в пыль. Его Величество Шахиншах осведомился об Али Кули-хане. Многие говорили, что тот покинул поле, а другие сходились в том, что [преступник] сражен. Меж тем привели Бату, *фаудждара* Али Кули. Когда же начали допрашивать,

он заявил, что видел, как царский слон с одним бивнем убил Али Кули, и описал приметы животного и его погонщика. По приказу привели всех слонов из передового отряда, и тот муж указал на имевшего один бивень [по имени] Наин Суха (Радость глаз) со словами, что это и есть тот слон, который умертвил Али Кули. После чего было отдано распоряжение, что каждый, кто принесет голову мятежного могола, получит золотой *мухур*, а за голову индуса — рупию. Множество [людей] бросились за головами, и принесли, и получили свою плату. Знавшие их лица внимательно всё осмотрели. Наконец кто-то принес голову Али Кули, лежавшую под деревом. Возникли сомнения, что она принадлежала [именно] ему. Тем временем индус по имени Арзани, бывший при Али Кули всеильным, а ныне ставший одним из пленных, испустил глубокий вздох, увидев голову. Он вышел вперед и поднял ее, а затем нанес жестокий удар по собственной голове.

Видимо, таинственная стрела поразила Али Кули, а Мирза бек Какшал заявил, что то была его стрела. Действительно, из-за этой стрелы мятежник корчился в предсмертной агонии, когда погонщик Сомнатх направил на него слона Наин Суху. Али Кули обратился к нему: «Я один из предводителей солдат; отведи меня к Его Величеству, и ты будешь щедро награжден». Погонщик решил, что это пустая болтовня, и двинул на него слона. Тот был раздавлен громадной ногой, вернее, тяжестью своих грехов и неблагодарности. Какой-то презренный негодяй отсек голову, чтобы получить *ашрафи*, и понес ее прочь. По пути раб¹² по имени Галиб отнял у него голову, принес [Шахиншаху] и попросил вознаграждения. Тогда Его Величество сошел с лошади и коснулся ликом мольбы земли признательности. Крупных военачальников и других отличившихся наградили возвышением чина, а головы Али Кули и Бахадুরа вместе с донесениями о победе отправили в Агру, Дели, Мултан и иные царские владения, что исполнил Абд-ал-ла (Абдуми), сын Ходжа Мурад бека из Казвина, который некоторое время был *диваном* Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни. Так расширились хранилища радости царских слуг, а выжидающие событий, сбившиеся с пути истинного, получили совет и предупреждение. Эта славная победа, которую можно считать дивным творением возрастающей с каждым днем удачи, произошла близ селения Сакравал, расположенного в области

Илахабас. Они основали город и дали ему название Фатхпур¹³. Фраза *фатх-и-Акбар мубарак*¹⁴ указывает дату царской победы.

Одно из удивительных происшествий случилось, когда знамена удачи двинулись для подавления неблагодарных и Муним-хану вверили Агру, а базар пустоголовых и болтливых оживился. Непокорные и неприязненные перешли всякие границы. Муним-хан, доверявший отцу, учителю и наставнику Абу-л Фазла, автора этого тома, пришел к нему, ища у него духовной поддержки. Тот, кладезь испытующих (*шахуд*), произнес возвышенные слова о величии Владыки Века и дал чудесный знак об истреблении противников его [Акбара] власти. По его (Мунима) просьбе было решено, что этим вечером тот [шейх Мубарак] проведет особую, суфийскую, службу, а [затем] придет и сообщит, что выяснится о том [об исходе событий]. На следующее утро необыкновенная радость отразилась на его благородном лбу, и он возвестил, что ночью ему пришло откровение, будто вскоре привезут головы Али Кули и Бахадура. Муним-хан восхитился, услышав эти добрые вести, и вознес хвалу Господу. Прошло лишь немного времени, и они [посланцы] доставили головы тех двух бесчестных мятежников. Что удивительного в подобном знаке, ниспосылаемом тем, кто обращается к Божественному суду и следует непостижимым путем?

Когда благодеянием небесной помощи, сопутствующей войску Его Величества Шахиншаха и в родном краю, и в иных странах, была явлена подобная украшающая власть победа, Его Величество выступил в тот же день в область Илахабас, поскольку некоторые вероломные сеяли там недовольство. Вечером благодаря прибытию [Царя Царей] те земли обрели утро владычества. Он провел ночь в том приятном месте. Схватили некоторых отступников от удачи, которые [ранее] бежали и примкнули к Али Кули, такие как Шейх Юсуф Кули. Его Величество пробыл там два дня, а на третий проследовал в Бенарес. Там многие из воинов Али Кули и Бахадура, к примеру, Муртаза Кули, засвидетельствовали свое почтение. Благодаря присутствию Его Величества великодушию их прегрешения предали забвению. Женщины и танцовщицы Бахадур-хана перешли в руки царских слуг, а Ходжа Аалам, евнух, оказался привязан к седлу удачи и так вошел в ближайшее окружение [Шахиншаха]. Из-за того что жите-

ли Бенареса по невежеству и неверности заперли ворота [города], царский гнев повелел лишить горожан их достояния. Но вскоре он простил их. Шихаб-хана с отрядом послали для защиты и управления Джаунпуром, а Кулидж-хан был отправлен с войсками в Сирхарпур, где проживали семьи некоторых узбеков. Проведя три дня в Бенаресе, он [Акбар] отправился в Джаунпур и достиг его на второй день. Свет безопасности озарил людей Али Кули, остававшихся там, и они оказались под сенью благосклонности Шахиншаха. Он оставался в Джаунпуре три дня, и взволнованные горожане были успокоены высочайшим великодушием. Оттуда царственный наездник коня удачи стремительно двинулся к Карре, где находился большой лагерь. Совершив путешествие за три дня, вышел к берегу Ганга близ переправы Карры. К тому времени от него отстали все, кроме четырех или пяти человек. Он переправился через реку в лодке и остановился в крепости Карры. Близ Маникпура Ходжа Аалам бежал, однако его схватили. Из того города Муним-хан Хан-ханан получил повеление сопровождать [Акбара], а *джагирдарам* тех земель дозволили отправиться в их владения. Их увещевали заботиться о своих арендаторах. Против некоторых злонамеренных и мятежных, что покинули священный порог, и присоединились к бунтовщикам, и постоянно раздували недовольство, а ныне были захвачены арканом удачи — таких, как Хан Кули Узбек, Яр Али и Хушхал бек, который некоторое время состоял в личной гвардии Хумаюна, Аалам Шах Бадахши, Мир Шах Бадахши, Яхия Бахши, Чалма-хан, молочный брат мирзы Аскари, — обратилась ярость [Акбара], и их растоптали слоны *маст*. Мирза Мирак из Машхада¹⁵, один из доверенных слуг Али Кули, скрывшийся из царского лагеря и пойманный в Карре, вместе с прочими преступниками был связан и приведен на равнину правосудия. Всех остальных мятежников казнили в его присутствии, а затем на него выпустили слона¹⁶. Слон обвинил его хоботом, и сжал его в колодках и нашейных досках, и начал бросать его с одного места на другое. Так как (погонщик) не дал ясного приказа умертвить того, слон забавлялся и обращался с ним с осторожностью. На протяжении пяти дней его приводили и мучили на месте казни. Наконец, благодаря тому что он был *сайидом*, а также заступничеству придворных, ему даровали жизнь. Тогда же

Джай Тавачи доставил ко Двору Шах Насира Ходжу, вдохновителя вероломных, и того обезглавили.

298 Муним-хан Хан-ханан, следуя приказаниям, прибыл из Агры в Карру и возвысился, засвидетельствовав почтение. В избытке своей милости Его Величество передал ему все владения Али Кули и Бахадура в Джаунпуре, Бенаресе и Газипуре вплоть до берегов реки Ганг, и тот счастливый отправился в Джаунпур и его окрестности. Величественная процессия направилась к столице в день михр, 16 тира, Божественного месяца, что соответствовал субботе, 20 зу-ль-хиджжа [974 г.х.] (28 июня 1567 г.). Его Величество продолжал путь, переход за переходом, охотясь и отправляя правосудие. Каждый город и земля, которые он миновал, облагораживались его справедливостью и счастьем его прибытия. В городе Кура¹⁷, лежащем во владениях Фархат-хана, по просьбе последнего устроили великое празднество, и столь же добрая удача выпала Шуджаат-хану в Этаве. Сходным образом и другие верные были почтены в различных местах такой милостью. Наконец в день хурдад, 6 амардада, Божественного месяца, что соответствовал субботе, 11 мухаррама [975 г.х.] (18 июля 1567 г.), он достиг Агры. Мир обрел неописуемое великолепие, а человечество — несказанную радость. Вселенная стала обителью мира и справедливости.

Вот рассказ о победоносных войсках, двинувшихся против Искандара под командованием Мухаммад Кули-хан Барласа. Они шли переход за переходом, и в день ардибихишт, 3 тира, Божественного месяца, что соответствовал воскресенью, 7 зу-ль-хиджжа [974 г.х. — 15 июня 1567 г.], прибыли в город Удх. Искандар, проведая о подходе царских сил, заперся в цитадели Удха. Военачальники осаждали ее и установили пушки. Близ города есть высокий холм, называемый Свараг-двари¹⁸: он является щитом (*сар-коб*) города и крепости. Искандар расположил там немало своих сторонников, включая большое число стрелков, чтобы они, стреляя из ружей и луков, не дали никому подобраться к окраине города.

Мухаммад Кули-хан Барлас прежде всего приступил к захвату крепости и отрядил множество храбрецов, чтобы они атаковали и взяли ее. Те оттеснили непокорных и овладели городом и крепостью, так что ни один не сумел бы высунуть голову в окно, и узбеки были

обречены и совершенно пали духом. Тем временем вести о победе царской армии и смерти Али Кули, а также Бахадура достигли находящихся как внутри, так и вовне города. Это ободрило царских слуг и привело в уныние неприятеля. Хотя раньше пришло письмо от Рай Паттар Даса, адресованное радже Тодар Малу и извещающее о победе [Акбара] и смерти Али Кули и Бахадура, и пришло оно до того, как войска достигли Удха, однако, так как простой люд считал этих двух негодяев непутевыми [букв. «головой осла»]¹⁹, эти новости были сочтены домыслами. Но теперь, когда сии вести стали известны всем, Сикандар продолжал держать их в секрете и, пустившись на хитрости и уловки, послал за Рахман Кули Кушбеги под предлогом, что ему нужно кое-что сообщить тому. На это царские слуги не согласились. Наконец он послал к военачальникам Хаджи Углана, одного из своих наперсников. Те побеседовали с ним, и было решено, что Рахман Кули отправится с Хаджи Угланом и вернется, заключив соглашение. Оба отправились и возвратились в тот же день. Они доложили, что Искандар сожалеет о своих прежних деяниях и через посредничество военачальников жаждет обрести счастье облобызать порог. [Однако] он желает, чтобы вначале те сами встретились в условленном месте и скрепили соглашение клятвами. Условились, что, поскольку на следующее утро [10 зу-ль-хидджа 974 г.х. — 18 июня 1567 г.] празднуется Ид Курбан, его желание будет исполнено в этот день.

Словом, Искандар отвлек внимание царских слуг рассказами и отговорками, а ночью вышел через крепостные ворота, обращенные к реке, и переправился при помощи нескольких лодок, которые приготовил для дня своего отступления, и едва живой выбрался из пучины опасности. Наутро царские слуги, узнавшие про бегство Искандара, тотчас вступили в город и ударили в барабан победы. Поскольку Сикандар не оставил на той стороне лодок, погоня за ним задержалась на два или три дня из-за того, что пришлось собирать лодки с других переправ. Тем временем [беглец] позаботился о безопасности семьи и послал весть, что верен обещанию, а реку пересек из-за опасений за своих людей²⁰. Теперь же пожелал, чтобы Мухаммад Кули-хан, Музаффар-хан и раджа Тодар Мал сели в лодку и приплыли на середину реки, и он [тогда] явится с десятком людей, и

поприветствует их, и лично выслушает принятое решение. Когда его ум успокоится, сможет отправиться к мироохраняющему Двору. Те трое сановников согласились с его предложением. Искандар-хан приплыл на лодке с другого берега с четырьмя или пятью наперсниками и провел переговоры, подобные картине, [написанной] на воде, и узлу, [стягивающему] ветер. Царские слуги принесли клятвы и исполнили необходимое на пути примирения. Но Искандар не сдержал своего слова и заявил, что, свершив столько преступлений, не в силах немедленно набраться смелости и облобызать порог. Необходимо, чтобы в [знак] прощения совершённых им преступлений его *джагир* был оставлен там, где и находился, а его самого назначили на службу в одну из областей, дабы, верша добрые дела, он стал достоин царской милости. Так как эти речи шли вразрез с его сердцем, он потратил время на пустые разглагольствования, и несмотря на дождь проплыл вниз [расстояние в] два перехода, и отправил ложную весть, обвиняя сильное течение у берега. Царские слуги, поняв, что от мошенника ничего, кроме обмана и лисьих уловок, не дожидаться, пересекли реку и погнались за ним. Тот, пройдя через трясины и реки, добрался до Горакпура²¹. Там узбек Сулейман Кули, бежавший к афганцам от Али Кули-хана и охранявший переправу для упомянутых, собрал лодки и переправил эту шайку со всей скоростью, и тем спас его от волн гнева удачи Шахиншаха. Крупные военачальники дошли до границ афганских земель, однако, поскольку Двор не давал указания вступать в те земли, они остановились, и послали ко Двору донесение с изложением обстановки, и испросили разрешения войти в тот край. Прошение прибыло в день, когда Его Величество достиг Агры, и было приказано, чтобы, коль скоро пощажённый мечом покинул царские владения, они на сей раз удовлетворялись тем, что уже совершили, и пустились в [обратный] путь, дабы привести в порядок расстроенные дела области. *Сиркар Удх* [Аудх] был сделан владением Мухаммад Кули-хан Барласа, а прочих военачальников призвали ко Двору. Когда сие распоряжение достигло царских слуг, они утвердили Мухаммад Кули-хана в правлении *сиркаром* и отправились в столицу. Там изъявили свое почтение и снискали удачу.

Глава 63

Поход с целью захвата крепости Читур

Чтобы уничтожить вытянувшего шею мятежника, нужно установить единство — наилучший способ поклонения при Дворе множественности, а также ввести в обиход монету мира и равновесия. Благодаря пониманию Властелином Века этой истины проявляются основы Божественного правления и на человечество снисходит благодать. Славится Аллах! Его Величество Шахиншах при помощи вечной милости и поддержке тайного воинства видит собственное благополучие в установлении мира для рода людского и день за днем прилагает всё больше усилий, дабы взять под контроль и излечить сумасшествие непокорных и заблудших. Божественная помощь сопутствует его священной личности и дарует успех как в духовных, так и в земных делах. В то время когда столица заблестала в лучах его правосудия, а войско еще не отдохнуло от трудов, доставили известия о мятеже сыновей Мухаммад Султан мирзы¹, а также о распространении последними пыли разногласий в провинции Мальва. После того как они сбросили со своих плеч груз повиновения духовному и земному царю и стали скитальцами в земле разрушения, то обнаружили после долгих и безрезультатных блужданий (букв. «значительного скручивания голов и ограниченности речей»), что в Мальве никого нет, и направились туда. Святое сердце Властелина Века, знающее сокрытые тайны и являющееся вместилищем сострадания и доброты, было уверено в том, что оставить без внимания [необходимость] уничтожения этих бунтовщиков из-за состояния своих воинов означает пойти против воли Аллаха, и если поход для подавления мятежа состоится, то его личное в нем участие будет

301

противоречить законам разума, ибо обстоятельства не требуют его присутствия при подавлении бунта. Аксиома же законов верховной власти заключается в том, что то, что можно обрести посредством слов, не следует достигать мечом, а то, что можно сделать при помощи отваги военачальников среднего и низшего звена, не следует поручать высоким министрам. Что касается обязанностей, необходимо всегда руководствоваться законами верховной власти, которые являются выражением рассудительности и здравого смысла. Если согласно законам верховной власти служители порога судьбы назначаются для исполнения этой задачи, первые люди страны, считающие преданность своему повелителю благом для обоих миров, тотчас же подпоясываются усердием и отправляются ее исполнять. Однако может произойти отсрочка из-за необходимости собрать солдат, чье присутствие необходимо, и, таким образом, незначительное дело становится значимым. Теперь же законы верховной власти не допускают задержки в подобных делах. Вот почему Шахиншах Вселенной и мудрец времени принял решение поступить соответственно собственным зрелым размышлениям, скрыв внимание к этому делу под пеленой безразличия, а бдительность — под покровом беспечности. Казалось, его не заботило, что происходит, но на самом деле приложил весь свой гений к подавлению бунта. В день рашн, 18 шахриюра, Божественного месяца, соответствующий воскресенью, 25 сафара [975 г.х.] (30 августа 1567 г.), он отправился поохотиться в *паргану* Бари², где частенько наслаждался охотой на оленей с *читами* [охотничьи гепарды], чтобы у преданных и верных правителей было время прибыть, не вызывая подозрений по поводу того, зачем их вызвали, а другие — их слуги и иные — имели возможность увидеть, что нет никаких запретов, и с готовностью прийти и засвидетельствовать свое почтение. Когда люди соберутся, некоторые из них будут отобраны и отправлены решить вышеописанную задачу. С этой здоровой мыслью он выступил из столицы и, став лагерем у Бари, отправился на охоту в сторону Дхолпура и Гвалиара, располагавшихся по пути в Мальву. Военачальники и другие слуги обратили лица надежды к лагерю и прибывали толпами.

302 Если всех верных слуг Двора, имевших отношение к охоте, собрать вместе, их оказалось бы достаточно, чтобы завоевать мир, а если со-

звать всех преданных героев, то числа им не счесть. А уж если кликнуть слуг этих слуг, то количество их просто неисчислимо.

Когда лагерь стоял в Дхолпуре, Сакат Сингх³, сын *раны* Удай Сингха, нес службу у царских стремян. Его Величество, то ли в шутку, то ли для того, чтобы погрузить самоуверенных бунтовщиков Мальвы при помощи сложившихся обстоятельств в сон неосмотрительности, сказал ему, что, хотя большинство землевладельцев и великих мужей Индии засвидетельствовали свое почтение, *рана* еще этого не сделал, и он намеревается направиться к нему и наказать. Его Величество также спросил, чем принц может ему в этом послужить. [Шахиншах] долго разговаривал с [Сакат Сингхом] на эту тему, и последний надавал лицемерных обещаний.

В результате этот бесчестный человек вследствие недостатка ума принял шутку за чистую монету и бежал. По глупости он скрылся от видимого бесчестия и навлек на себя истинный позор. Невежда решил, что Его Величество задумал наказать *рану* под предлогом охоты, и он покроет позором свое имя за то, что сам пришел и привел Его Величество против собственного отца. Он не понял, что это шутка, и могущественному и подчиняющемуся воле Аллаха мужу нет причин лично идти войной на подобных землевладельцев. Не осознал и того, что, даже если бы его предположение оказалось правдой, бегство от благоприятной судьбы всё равно означает падение в самые низкие слои ада уничтожения и быстрое движение от дурной репутации к неверности. Когда известия о его побеге достигли царского слуха, Шахиншаха охватил гнев, и на смену шутке пришла серьезность. Поистине это было правильно, ибо со времени Восшествия на престол почти все мужи индийской знати, ранее поднимавшие чело гордости и не опускавшие его в повиновении ни перед одним султаном, склонились и поцеловали пороги. Все, кроме *раны* Удай Сингха⁴, глупее и надменнее которого не было никого в стране. Этот дерзкий и честолюбивый человек гордился своими крутыми горами и сильными крепостями и отвернул чело повиновения от возвышенного Двора. Его разум бурлил от сознания того, что он владеет изобильными землями и богатством, а также имеет в услужении множество преданных раджпутов, и потому [*рана*] сошел с пути благополучия. Завоевывающий

мир гений Его Величества решил покарать его. Поход состоялся в начале михра, Божественного месяца, соответствующего середине раби ал-аввала [975 г.х.] (около 19 сентября 1567 г.), и он [Акбар] направился завоевывать территорию Хиндвары⁵. Когда разбили лагерь в окрестностях крепости Сиви Супар, славившейся в тех местах, стало известно, что цитадель пуста. До прибытия Его Величества слуги Сурджана, управителя крепости Рантанбхур, пришли в ужас и бежали вместе с крестьянами. Его Величество Шахиншах посчитал такой уход благоприятным знаком великих побед и провел два дня в этом прекрасном месте. Он приказал снабдить крепость продовольствием из окрестных селений и передал ее Назр Бахадуру. Оттуда сделал шесть переходов и стал лагерем у города Кота, одного из сильнейших укреплений тех мест, а затем передал цитадель и прилежащие земли Шах Мухаммаду Кандагари, оставив последнего там. Выступив оттуда, стал лагерем в окрестностях крепости Гагрун⁶.

Случилось так, что проникательный, познающий мудрость, духовно и физически чарующий старший брат (автора) Шейх Абу-л Файз Файзи возвысился дозволением прийти из палат уединенной жизни на службу при Дворе Властелина Мира и удостоился царских милостей. Этот новый плод сада знаний ранее черпал мудрость подле проводника небесных караванов, вьющего гирлянды мастера галереи Множественности в Единстве — своего почтенного отца, и вскоре достиг высокого уровня в этой обучающей истине школе, являвшейся пунктом слияния двух морей — восприятия и просвещения и местом встречи знатоков теории и практики. Одним из последствий этого явилось то, что язык его стал инструментом украшения мира и обрел способность к поэзии. Слава его достоинств облетела как внутренний, так и внешний миры. Поскольку для святой натуры его почтенного отца было свойственно помещать стопу под покров уединения и таким образом оберегать свой дух, и так как он ради этого занялся изучением рационалистических и традиционных наук, то держал на засове двери общения с человечеством. Благодаря благословенному воздействию его духа сыновья не позволяли себе природных излишеств и не подвергались влиянию обманчивого мира. Он (Мубарак) проводил дни в украшении собственной души,

собрании мудрости и благих трудах. И хотя этот просвещенный старец видел суть духовного и земного *Хедива* и был одним из его преданных сторонников, всё же не принес на рынок уникальную жемчужину любви. Несмотря на ее высокую цену и на то, что такого перла не доставало на базаре, а также на то, что был покупатель, способный оценить это сокровище по достоинству, он не выставял ее на продажу. Так как выражение почтения ему (*Акбару*) было свидетельством уважения Множественности под покровом Единства, он предпочел уединение Множественности. Более того, преданные сему исключительному почитателю Господа (*Акбару*) получали денежное вознаграждение от сего источника истины. В результате этого он (*Мубарак*) не общался с великими властителями и оплотами государства. И хотя многие его коллеги через внешне великих мужей клеветали на него из зависти и доставляли неприятности — что привело их лишь к пропасти неудач вследствие острой пронизательности раскрывающего истину принца — разум его не был расположен поддерживать отношения с важными придворными мужами или принимать меры для налаживания своих дел.

Когда *Хедив* Мира обдумывал завоевание Читура, ему сообщили о разгорающемся светоче пронизательности выдающегося из братьев (*Файзи*), и букету дарований был отдан приказ прибыть [ко Двору]. Шайка злобных и недалеких людей, не знавших реального положения дел, восприняла это благосклонное приглашение как предшествование немилости [для себя] и отправила управителю столицы категорический приказ... В ночь абана, 10 михра, Божественного месяца, соответствовавшую ночи среды 20 раби-ал-аввала 975 г.х. (24 сентября 1567 г.), когда частица голубой мантии (ночи)⁷ была сброшена, и провидец (*дидавар*) отправился созерцать новые цветы сада, несколько тюрокв приехали и окружили наше жилище. Дело в том, что ряд враждебно настроенных, низменных людей, иссушенных средоточий песка зависти, дополнили собственные пороки тем, что сказали невежественным захватчикам, якобы шейх спрячет своего сына и придумывает извинения, чтобы не посылать его [ко Двору]. Единственным их желанием являлось причинение какого-либо вреда (*Файзи*). Когда узнали об истинном положении дел, не было предела удивлению, но

из-за задержки в появлении изобилия абсолютного совершенства их хитрость и злоба приняли облик истины, и они уже приготовились совершить насилие, когда прибыл мой почтенный брат. Тогда волнения улеглись, и чувство стыда охватило людей. Так как ворота приобретения оказались заперты, было трудно подготовиться к путешествию, но и это препятствие сглаживали старания учеников и друзей. Однако камень раздора упал на порог той ночи, и все члены семьи погрузились в водоворот огорчений⁸. Тот, кто знаком с тайнами мироздания (Мубарак), заставил себя побороть беспокойство. Он сказал, что поначалу, как это свойственно человеку, сердце его опечалили злобные сплетни, но затем чувства стали радостными. Лишь торжество и восторг явились результатом этого печального события. Примерно в то же время доставили вести о повышении по службе, и снятый засов открыл ворота ликованию. Поначалу горло того, кто не был знаком с вместилищем мудрости, свело от горя, но затем, через несколько дней, прибыли радостные вести о доброте, проявленной Киром горизонтов. Море непрекращающейся радости оказалось в руках. И по такому случаю была сложена следующая ода в похвалу оказанных милостей.

Глава 64

Ода Файзи

На рассвете подобный Сулейману¹ вестник, 305
несущий добрые посланья,
Прибыл с челом открытым, как Блаженство.
Его лик сердце радовал, как общество друзей,
Уста, как щедрые мужи, жемчужины дарили,
Главой своей, подобно Гению, он источал величие,
Стопой, подобно Власти, удерживал большие страны,
И друг, и незнакомец вокруг него собрались
В круг, что у богатого хозяина на пиршественный день бывает.
Готовностью и скоростью он опоясал чресла,
Как Зодиака путь вращающиеся сферы окружает.
Перо величественное на чалме его возникло,
Казался он изящной птицей² с распростертыми крылами.
Рескрипт благоприятный на челе его³
Являл пролог свой над печатью Разума,
Письмо, что получил он при возвышенном Дворе,
Призыв собой являло принца Халифата.
Благословенные предвестники провозгласили: «Прочти
Свое письмо освобожденья, скорбящий пленник».
Показавшийся вдали гонец поверг меня в смятение,
Что стоит сотни несмятений.
Затрепетало сердце при звуке колокольчиков⁴,
Как душа трепещет назаря при качании *накуса*⁵.
Я лобызал его хромыя ноги⁶, забыв, что
Было то помехой для его прихода.
Его внезапный зов вызвал во мне такой восторг⁷,

В какой паломника приводит Божественное притяжение.
 Как описать мне тот момент, когда ладью моего сердца
 Подбросило на волнах бури,
 Живящая Весна вошла в сад слов моих,
 И утро юное — в тюльпан души,
 А сам я был встревожен, размышляя, какой же довод
 Мне использовать, чтобы сомнение вызвать в вечных истинах:
 К чему разнообразие обычаев в исламе?
 И почему двусмысленны слова Корана?
 Зачем свидетель лживый, высунув язык свой на суде
 Гордыни и лицемерия, требовал ему поверить?
 Если такова религия ислама в этом мире,
 Вера мусульманская у циников могла бы вызвать тысячу улыбок!
 Я, словно Разум, думать продолжал, как мне постигнуть
 Секреты мудрости греческих ученых:
 Что за идеи вынашивал Первый Учитель (Аристотель)?
 Какое объяснение дал Второй Толкователь⁸?
 Что есть Божественная мудрость, чтоб ее основы
 Смог начертать я на скрижалях своей души?
 Но как зажечь свет Истины
 В сердце моем, не обращенном к священной лампе?
 Где путь, ведущий к гению, что понимает
 Природу жара, холода и влаги, а также сухости пустыни и рудника⁹?
 И как мудрец прикосновеньем указательного пальца
 О состоянье сердца узнаёт по артериальному потоку¹⁰?
 Тропа где, выходящая к математике, путем которой
 Я изучить могу вращающихся сфер секреты?
 Почему пятая сфера — трон Марса?
 Почему седьмая — Сатурна портик?
 Пока я взвешивал поэзии камня,
 Равновесия весы наполнились словами и значеньями,
 Мой разум — ароматом *атра*¹¹ Фирдоуси,
 А слух воображения — славой Хакани.
 Пока я размышлял о прозе и литературе
 И обратил истерзанный свой разум к букету Гулистана¹²,

Пока я занят был загадками¹³ — ибо, возможно,
Их действие будет подобно тому, как действует напильник
по металлу —

И с языка готовились сорваться мудрые слова,
А голову ни на секунду не покидало тайное безумство,
И ум мой телу¹⁴ демонстрировал аскетизм Тайфури¹⁵,
Любовь Санаани¹⁶ мой разум потрясла.
Там интеллект был, что обнаруживал наглядное суждение,
Да лучи призрачной любви, что книги опаляли,
Цветистые зефиры знаний, переворачивающие их страницы.
Что мне сказать о собственной душе? Ведь у души
одной — желаний сотня!

Что я скажу о сердце? Одна любовь и сотня огорчений!
Ресницы, что окружали очи молодых певцов,
Терзали мою печень, как щетина тигров¹⁷.
Отец мой — пусть его благая тень подольше не уходит! —
Не позволял мне бросить обучение,
Поскольку я, возможно, благодаря его рачительному преподаванию,
Мог стать, как он, одним среди божественных ученых.
Советовал всегда он: «О жаждущий рассвета жизни,
Прими кусочки (лукма) мудрости с подноса Лукмана¹⁸.
Не вожделей красивых эфемерных форм,
Чтобы Шайтана крылья не проросли из рук твоих,
Пусть пот¹⁹ не капает с чела,
Ибо потоки эти, как куча хлопка на костре, придут к уничтоженью.
Что с твоим сердцем, и что есть любовь?
Не позволяй (любви) взять верх, ибо не сделать наковальню
из стекла²⁰.

Зачем открыл ты сердце любви индийской²¹?
Не ищи ключ от Каабы у креста монаха²².
И так метался я меж здравым смыслом и безрассудством,
Ибо смешались мудрость и неблагоразумие.
Звук поступи посланника Султана
Меня от сна забвенья пробудил.
Не знаю, что за магия

Освободила разум мой от глупых размышлений!
 Слава Аллаху! Это притяжение мой дух отбросило
 С каменных просторов сожалений в объятия покоя.
 Все сорняки и тернии страстей истреблены
 Рассеянными вспышками Небесных молний.
 Я всадником стал быстрым на резвом скакуне,
 Что мчался мудро через сферы,
 И, словно Нух, я пересек бурлящий океан,
 Как Хизр, пошел в пустыню я один,
 В экстазе радости спешил вперед
 Подобно духу, освобожденному от цепей плоти,
 Я шел, словно проситель по пути почтения,
 Ударом сердца ухватил оковы праздности,
 Пока воображение мое и мысли были заняты
 Раздумьями по поводу того, как сложатся дела.
 В пути на кончике пера мыслей моих сложился
 Узор превозношений Шахиншаха, подобный красноречию Сахбана²³.
 Внезапно затемнел вдали стан [Шахиншаха]²⁴,
 То чернота явилась, что осветила взор мой.
 Было объявлено у царского шатра: «Смотрите!
 Птица сада прилетела к воротам Рая».
 Был дан приказ с ней обращаться благожелательно и внутрь ввести.
 Подняв меня из бездны тьмы к своду небес блаженства,
 Властелин Судьбы²⁵ поводья натянул моей звезды
 По направлению ко Двору Владыки Мира.
 Сначала я поцеловал пыль у порога,
 Достиг источника, что утоляет жажду,
 И поместил чело на землю в благодарном обожанье
 И омовенье совершил не тела, а души.
 Что мне сказать о входе в судьбы его обитель?
 То был пример чудесный Двора Божественного,
 Не земного, ибо в нем имелось
 Во сто раз больше приятных и заманчивых вещей.
 Живущие в пределах сего возвышенного места —
 Практически служители Небес.

Люди света²⁶ и предводители стояли вокруг
Величественного Кира, что восседал на греческом престоле²⁷ —
Акбар Шах²⁸, даритель славы ночи Индии,
Светоч Двора владычества династии Тимура.
Слава Аллаху! Благодаря прекрасной природе мест тех
Деревья и земля дарили алоэ и бальзам²⁹.
Мне было велено сесть и наслаждаться
В преддверии собрания друзей.
Я сел у основанья трона Шахиншаха.
Язык мой разразился хвалебными речами,
Красноречивые мужи Ирака и Хорасана
Осыпали перлами похвалы мои слова.
Один был поражен и произнес: «Что это за волшебник,
Чьи уста извергают жемчуг и кораллы?»
Другой спросил в недоуменье: «Благая та жемчужина
С какого облака найсана³⁰ появилась?»
Что это за неведомая птица певчая,
Щебечущая, словно соловей?»
Язык людей недобрых возрос против меня.
Но коль дворец моего сердца имел возвышенное основанье,
Влага души моей не обратилась в пар горячего ответа,
Ибо уста Файзи покрыты были обилием (файзани) прохладных вод.
Мой Шахиншах утешил меня своей многообразной милостью, 308
И постепенно я всё меньше чувствовал смущенье.
Уста открыл он, чтоб спросить: «О попугай!³¹
Кто же привратник сада твоей речи?
Кто заложил основы рифм твоих возвышенных?»
И засвидетельствовав почтение порога поцелуем, ответил я:
«О Правитель, чьи приказы подчинены сферам,
Мир твоего правленья — мой милостивый учитель,
И бесконечна азбука его советов.
А если спросишь о втором, отец мой был учителем,
Ибо поистине я не встречал кого-то чище.
Пока язык мой изрекал отрады речи,
Зубы мои оттачивались добротой отца.

С рождения невежества недуга и до исцеленья
Лечил лекарствами он боль моей души».
Затем он (Акбар) произнес: «Эй, вы, проникновенные вожди,
Что поместили совершенства на весы.
Кто шел по верному пути стихосложения,
Ни разу не споткнувшись?
Кто пересек духовный мир?
Чей взор был пропастью безумья замутнен?»
И скромно я ответил шаху: «О Защитник речи!
Список собрания поэтов не короток.
Красноречивые, что ранее произносили речи,
С чьих уст слетали игры духа,
Были мудры и чисты сердцем
И лишены несправедности.
Они нарисовали правдивые картины движеньем мыслей
И тонкости явили остротой ума.
Они все с нами, хотя тела их скрыты (то есть они мертвы),
И существуют благодаря Божественной природе — но в ином мире.
Особенно красноречивейший из них из Туса (Фирдоуси)³²,
Годами умудренный муж садов реченья.
Дела его оцените по «Шахнаме».
Рустам из Сиджистана превосходил его по силе рук³³,
Но, несмотря на это, урожая не собрал; печально,
Что жил во времена невольников Нуха Самани³⁴.
А жил бы в благодарный век он Шахиншаха,
И дни его не стали бы подобны темной ночи.
Следующий — пьяница из Газни³⁵, его духовное вино
Навеки опьяняет душу,
Не спрашивайте об этом украшение сада,
Ибо он создал в цветнике своем сюжеты, подобные гранату.
То пестрый сад был, и чтобы стал земным он,
Собрать ты должен в нем цветы на сотню весен.
Опишем же чернилами души
Являющие истину таланты Ширвани³⁶.
Его изысканнейший труд «Тахфа-аль-Иракин»

Передавать мы будем из одной руки в другую, как цветок.
Не спрашивайте о волшебном творчестве

309

сеятеля сокро́вищ — Казначее³⁷,

Ибо перо его подобно дракону поверх сокрытых кладов.

Ставить поэмы чьи-то в один ряд с его [твореньями],

Что положить подле Корана вымыслы лжепророка³⁸.

А что сказать об Анвари? От гения его

Исходят к самым небесам лучи³⁹ пылающие.

Союз духовного таланта и огня

Подобен организму, что борется с болезнью.

Взгляни на сладкогласного Захира⁴⁰, что создал

Пир духовный из свежих лакомств.

Достоинства его, однако, были не столь известны,

Как елей Исфахана⁴¹, что в мире славится.

Ценители зовут его «творцом идей»⁴².

Узрите, не избиты его мысли.

Слава Аллаху! Проповедник, что пребывает в мире невидимом,

Стал Сулейманом посредством своего «Языка птиц».

Аттар⁴³ излил лекарство от страдания влюбленных,

Ибо, когда пришла в упадок его лавка,

Святое вдохновенье снизошло к нему.

Узрите сахарное кропление Саади⁴⁴, чье оперенье духа

Кольшется над сладостным талантом подобно опахалу.

Он радость сеял средь духовных соловьев,

Что нежно заливались в его «Бустане» и «Гулистане».

Хосров из Хинда⁴⁵ — предок духовных Хосровов,

Что обладали властью над духовными тронами.

Он — чтимый Царь Царей державы речи,

Ибо власть имеет над Ираном и Тураном.

Что об изысканных метафорах Хафиза⁴⁶ мне сказать?

Люди и духи⁴⁷ знают мистический язык,

Мягкий поток Кирмани⁴⁸, выющего гирлянды,

Зрелый разум освежает.

Красноречие Ахсикети⁴⁹ и Умани⁵⁰

Не уступает Исфранги и Табаси⁵¹.

Итак, чтоб перечислить все столпы духовности,
Не пропустив подобных Рафи Лунбани⁵²,
Необходимо, чтобы беспристрастный критик его соперников владел
Стремительностью, имевшейся в обычае у Сулеймана⁵³!
Приветствую я вдохновенного певца из Джама⁵⁴,
Пред взором чьим миры стирались,
От изобилия его услады слова смешались с утонченностью,
Духовность воссияла в совершенной форме,
Никто после него не достигал такой универсальности,
Красноречивость в прозе и поэзии исчезла вместе с ним.
Сравнение его с соперниками
Подобно притче о резвом скакуне и выучном воле.
Все друг за другом упокоились на ложе смерти,
Поверх голов своих повесив пояс тайны.
У слуха, что звуками наполнен столь глубокими,
Имеется ли время для поэзии того, иного?
Сейчас бесчисленно количество поэтов⁵⁵,
Но все привязаны к имуществу, к столу владельца псарни,
Терзает их собачий голод, в погоне за желанным
И в жажде хлеба они смешали с пылью честь.
Слепые и посредственные кустари поблекшего окраса,
Их души темные — грязью покрытые, иссохшие колодцы,
Они находятся в плену приобретательства и торго пагубными товарами
На рынке срама, что пылью времени покроется.
Порой рождают они грубые речения,
Похожие на саваны, которые на тело разума одели,
А иногда — холодные метафоры в горячем облачении,
Будто зимой льешь воду ледяную в горячий чан.
Они вылепливают грубые осколки из глины и на них
Начертывают цену рубинов Бадахшана⁵⁶.
Творенья их шершавы и не прилипают
К сердцу, даже намазанные клеем.
А если в Семь морей поэмы эти погрузить,
Их выбросит на берег сухими, как песок в пыли.
Они украли сотню книг у мастеров,

А то, что своровали, нельзя принять в расчет.
На вид чернильные страницы их трудов,
Как темнокожие, упрямые Мултани⁵⁷.
Пером железным, нет — алмазным
Ими начертаны пустые строки на страницах правды.
Сердце, что ищет в их поэмах цвет истины,
Хочет увидеть в ротанге соцветья анемоны.
Уж лучше запереть ворота сада пред носом их,
Не стоит в пыль бросать цветы для неотесанной⁵⁸ компании такой.
Сегодня я, как никто раньше в мире,
Речь новую произношу в новом диване.
Я чужеземец из страны духовной
На сей стоянке каравана слов и обладаю снаряженьем всем.
Мне небеса вручили речи ключ
К замку от сердца, [где] поворот ключа
[необходим, чтобы] себя [открыть].
Ангелы приятного пристанища воображения
Все мои замыслы обратили в *хоури*⁵⁹ и страницы.
Они следили за прекрасными скрижалями, литературными трудами
И берегли перо мое от скрипа клеветы.
Беседа с Шахиншахом, что милостив к рабам,
Была подобна разговору Мусы с Аллахом.
Изрек он: «Встань и мудрость начертай пером своим,
Ибо сегодня мир велеречивости тебе доверен.
Нацель перо свое на утонченность, ибо в искусстве стихотворной речи
Фараздук⁶⁰ и также Хиссани⁶¹ — ничто подле тебя.
В чем волшебство потоков, что исходят от твоего пера? —
По красочности превосходят [они]
даже великое произведение Мани!»
Был дан приказ: «Даруй нам столько поэтических творений,
Сколько сможешь, и в будущем
Любому рифмоплету, что состязаться станет в красноречии с тобой,
Карающей рукой свернешь ты шею».
Что мне сказать о платье золоченом из шелка алого
И о себе, что раньше гол был, а ныне золотом осыпан с ног до головы?

На пиршественный день рожденья твой приличествует
В жертву принести небесных дромедаров.
У вас нет выбора касательно добра и милосердия —
Что может исходить от солнца, кроме счастья?³
Раскаянье вернет с мольбой великой
Того, кто, покидая безопасность вашей двери,
взвалит на плечи паланкина груз.

Да не прогневаются, коль я поведаю возвышенному слуху
Новый рассказ и подкреплю его обетами.
Аллахом, что заключил в природе шаха
Величественные совершенства и безупречную гуманность,
И небесами, наблюдая за движением которых
Философ проницательный природой управляет,
И разделением светил на неподвижные и планетарные —
Все они капли жизни в небесном океане,
Порядком элементов, что на странице Бытия
Являют собой стопы⁶⁷ (метры) в поэмах Существованья,
Соединеньем организмов, разрыв которых
Ведет к исчезновению потомства,
И талисманом человеческого тела, что — микрокосмос,
Пред коим чувства с интеллектом в смущение⁶⁸ приходят,
Усердием невинных душ, что в жизни не давали
Ложных клятв во имя вечности (?),
И украшающей лик пылью исполнителей *сиджа*⁶⁹,
Что превосходят даже ревностность святых Ливана⁷⁰,
Дорожной пылью странников к святому месту,
Проводниками пути уверенности
И проницательным унитаризмом сына Араби⁷¹,
Строгим плащом пира из Харкана⁷²,
Клянусь — не ради денег сторонником я стал
Вашего Величества, что славится судьбой, престолом,
Кого великий Бог великолепьем окружил.
И ты, сильнейший, впредь будешь *киблой* для меня, убогого.
Пасть ниц пред твоим ликом есть молитва,
Ибо в молитве ты — алтарь мира.

Довольно! Служитель Господа все совершенства твои знает,
Ты есть алтарь надежд благочестивых,
Желание служить тебе похвально для людей,
В вопросе этом нет противоречья вер.
Разве не может святилище твое *аттаром*⁷³ быть моей судьбы,
Когда лики сердец судьи и мудреца к тебе обращены?
Каждый мой волос восхваляет твои милости.
Повинен лучше буду в непочтении, чем в неблагодарности.
Возможно ль утонченность милостей твоих обрисовать?
Восторга вспышки не выразить словами.
Окутать пряжей слов и мыслей луну⁷⁴ справедливости твоей —
Значит луне на плечи поместить халат из хлопка.
Когда я облачился в одежды странника,
чтоб посетить храм трона твоего,
Роза райская шипу подобна стала по сравненью с ними⁷⁵.
С рассвета до заката душа моя терзаема
Цветущей новобрачной сердца моего.
Мое перо-лук натянуло слова-стрелы,
Чтобы пронзить сердца завистников.
Напев священный изливают птицы моей фантазии.
Когда пальма моего пера переполняется живицей,
Все их труды не могут превзойти его движенья.
Жезл шаха и посох пастуха — не одно и то же.
Классическая соль⁷⁶, что с моего пера струится,
Мне позволяет чернильницу свою назвать солонкой.
Благодаря чудесным блюдам на пиру у шаха
Всё, что мне в душу проникает, становится
подобным ароматному вину,
И если будут мне сопутствовать почет и милость,
Взойду на сотни я ступеней над вершиною надежды.
Желанье, что язык [мой изрекает], не выходит за грани уважения.
Исполни ж то, чего хочу, как знаешь это Ты!
Это последнее, о чем прошу
И уповаю в чем я на Тебя!

Где я? Куда завел меня бурный поток слов? Итак, поскольку план Властелина Мира выступить в поход основывался на благожелательности по отношению к каждому, великие военачальники, которые в службе видели сущность своей религии, собрались для исполнения долга без какого-либо предварительного формирования лагерей. Великий стан обрел совершенно иной облик, когда собрались победоносные воины. Врожденное благородство Его Величества требовало, чтобы он лично бросился в погоню за *раной*, в Мальву же был направлен отряд воинов для очищения этой провинции от пыли мятежа, поднятой сыновьями Мухаммад Султан мирзы. Честь исполнить сей долг выпала Шихаб-ад-дин Ахмад-хану, Шах Будаг-хану, Мурад-хану, Хаджи Мухаммад-хану Систани и другим, получившим земельные владения в Мальве. Они начали готовиться в путь и выступили из крепости Гагрун, натянув поводья лишь около Уджайна. Мирзы же сбежали в Гуджарат. Дело было так. Когда они услышали, что великое войско покинуло столицу и переход за переходом подходило всё ближе, Улуг Мирза, старший из братьев, чья голова зудела от упрямства, уехал к Ибрахим Хусейну мирзе и Мухаммад Хусейну мирзе, находившимся в Уджайне, чтобы присоединиться к ним и тем самым ускорить собственную смерть. После известий о прибытии царских войск в Гагрун этих негодяев охватил ужас, и они бежали в Манду. Там Улуг Мирза покинул свое тело (то есть умер), когда раздался бой барабанов судьбы. Остальные братья решили, что сопротивление царским войскам бесполезно, и бежали в Гуджарат. Здесь присоединились к Чингиз-хану, бывшему рабу Султан Махмуда из Гуджарата, который после смерти последнего захватил несколько гуджаратских крепостей: Кампанир, Броач и Сурат. Там они опять подняли бучу и сеяли вражду до тех пор, пока не осыпали свои головы прахом уничтожения после завоевания Гуджарата. Об этом шедевре удачи поведаем в надлежащее время. В итоге победоносные войска очистили Мальву от пыли этих неудачников и отправились отдохнуть домой. Они послали ко Двору вести об успехе и оставлении царских земель мятежниками.

Глава 65¹

Осада Его Величеством крепости Читур

314

Когда возвышенный стан расположился в окрестностях Гагруна, Асаф-хану и Вазир-хану, имевшим поблизости земельные владения, как вступление в военные действия в Мальве был дан приказ напасть на крепость Мандал². Речь шла об одной из сильнейших цитаделей *раны*, которую мужественно оборонял *рават* Балви Соланги³, но благодаря удаче Шахиншаха ее удалось захватить. Как только подошли к концу приготовления войска для [похода в] Мальву, хоть царские силы на первый взгляд казались немногочисленными, Его Величество, полагаясь на Божественную помощь и придержав скрытые резервы, приказал выступать. Хитрость состояла в том, чтобы *рана*, проведая, что войско невелико, вышел из ущелий и тем самым облегчил задачу своего уничтожения. Однако несчастный, зная, что у войска нет с собой достаточного числа тяжелых осадных орудий, решил, что Его Величество не станет осаждать крепости, и потому укрепил цитадель Читур, до бойниц которой, по мнению этого недалёковидного, не достанет аркан завоевания, и обеспечил крепость провизией на несколько лет. Он также собрал там пять тысяч доблестных раджпутов и разорил окрестные земли, не оставив ни травинки в поле, а сам укрылся в горных ущельях. Когда возвышенное войско стало лагерем близ Читура, Его Величество посчитал, что не стоит преследовать обреченного и идти в сердце гор. В Божественном вдохновении он решил захватить крепость Читур, являющуюся основой власти *раны* и его центральным владением, и в день абан, 10 абана, Божественного месяца, соответствовавший четвергу, 19 раби ал-ахира [975 г.х.] (20 октября 1567 г.), вступил в окрестности Читура и стал там лагерем. В это время

поднялась такая буря, сопровождаемая громом и молниями, что даже земля сотрясалась. Но через час небо прояснилось, мир очистился, и на горизонте показалась крепость.

Цитадель на склоне горы
Подняла главу к четвертому небу.
Птице воображения не долететь до нее,
Никому неизвестны ее природа и состояние.

Завоевывающий мир разум решил приступить к осаде этой поднебесной крепости и [приказал] гарнизону окружить ее. На следующий день он снялся с [прежней] стоянки и укрепился у подножия холма, на вершине которого располагалась цитадель. Затем в сопровождении своих придворных объехал вокруг горы. Землемеры, что всегда несут службу у царских стремян, высчитали, что окружность ее составляла более двух косов, а территория, занимаемая простым людом, — пять косов. Его Величество занялся вопросами осады и приказал *бахши* [военным казначеям] установить батареи. Отряды, прибывшие с Его Величеством, отправились к своим орудиям, а у тех, что явились позднее, были отдельные батареи. Таким образом, крепость взяли в кольцо в течение месяца. В это время нескольким военачальникам приказали опустошить земли *раны* и наказать упрянца. Асаф-хана с отрядом воинов направили в Рампур, который он открыл ключом своего меча, за что удостоился похвалы Шахиншаха. Так как считали, что *рана* уехал в Удайпур⁴ и Комбальмир, Хусейн Кули-хана послали с большим войском захватить его. Тот прибыл в Удайпур, столицу *раны*, и перерезал всех бунтовщиков. Если узнавал, что в Удайпуре или горных районах Комбальмира собирались мятежники, то истреблял их молнией огненного меча. Он захватил богатую добычу и провел тщательные поиски *раны*. Однако так и не смог обнаружить следов этого негодяя, и в соответствии с царским приказом вернулся назад, и был возвышен честью засвидетельствовать свое почтение [Шахиншаху].

315

Пока войско осаждало крепость, царю сообщили, что Итимад-хан из Гуджарата потерпел поражение от Чингиз-хана и мирз и уехал

в Донганпур. Примерно в это же время были доставлены прошение Итимад-хана и подарки, среди которых — океаноподобный слон⁵ с чрезвычайно длинными ушами и странной поступью. Его Величество Шахиншах принял послов дружелюбно и отпустил их вместе с Хасан-ханом Хазанчи и примирительным предписанием. До сего дня ему (Итимаду) не выпадало случая поцеловать [царский] порог. Хасан-хан отправился в Агру из Гуджарата и там был осчастливлен честью засвидетельствовать почтение.

316 Так как Его Величество очень хотел захватить крепость, известную своей высотой и неприступностью, некоторые храбрецы постоянно приближались к цитадели и бесстрашно ее штурмовали. Среди них — Хан Алам и Адил-хан. Но обитателям земли не дотянуться до небожителей, и потому все их старания оказались напрасны. Его Величество, крайне обеспокоенный, однако всегда прощал смельчаков, говоря, что подобные атаки нельзя назвать отважными. Скорее они походят на безрассудство, которое мудрые назовут несдержанностью и подвергнут порицанию. Но эти люди пребывали во власти безумия и не прислушивались к мудрым советам, продолжая совершать набеги к стенам крепости, в результате чего щека их отваги обогрилась алыми ранами. Многие сполна испили чашу мученичества, ибо стрелы и пули, выпускаемые атакующими, падали, ударяясь о стены и парапеты, в то время как те, которыми осыпал их несчастный гарнизон [противника], попадали в людей и лошадей. В результате издали указ: выбрать правильную диспозицию, сделать подкоп под стенами и бастионами крепости, наполнить эти подкопы порохом и поджечь. Когда же стены и бастионы будут разрушены, храбрецы смогут войти внутрь. В одном месте надлежало соорудить крытый проход (*сабат*). Служители Двора опоясались усердием для исполнения вышеописанного. Хотя батарей было много (так как священные воины возвели различные укрытия и ограждения вокруг крепости с целью обезопасить себя), основными считались три. Одна из них — особая батарея Шахиншаха — располагалась напротив Лахутских ворот и находилась в ведении Хасан-хана Чагатая, Рай Паттар Даса, Кази Али Багдади, Ихтияр-хана *фаудждара* и Кабир-хана. Именно там делался подкоп. Второй батареей командовали

Шуджаат-хан, раджа Тодар Мал, Касим-хан *мир барр-у-бахр*. Они были заняты сооружением крытого прохода, длинным как путь стрельы, что начинался с середины холма, на вершине которого располагалась цитадель. Третьей батареей руководили Ходжа Абд-ал-Маджид Асаф-хан, Вазир-хан и другие известные герои. Если бы ожидали, когда из хранилища боеприпасов привезут большие мортиры, то вышла бы значительная задержка, потому Его Величеству предоставили мортиру, способную выстрелить ядром размером в половину человека. Когда гарнизон [крепости] узнал об этом факте, до того и в голову им не приходившем, дым изумления наполнил их затуманенный разум, и они поняли, что тем заложено основание их уничтожения, и каждый день будет приближать их конец. Так как они были беспомощны, выход у них оставался один — схитрить, и они послали сначала Санда Сипахдара, а затем Сахиб-хана с мольбами и стенаниями. Они пытались поступить на службу возвышенному Двору и [обещали] посылать ежегодные дары. Несколько военачальников благосклонно отнеслись к их прошению и сообщили об этом Его Величеству. Они сказали, что это соглашение позволит отказаться от разрешения столь сложной задачи, но царственное достоинство отвергло подобную точку зрения и потребовало за прекращение осады прихода самого *раны*. Хотя великие полководцы оказались вследствие долгой борьбы в затруднительном положении и попытались уйти из опасного места, у них ничего не вышло. Поскольку оборонявшиеся не познали блага служения, они собрались на стенах и бастionaх, и завязалась горячая битва. Среди них было много ловких стрелков, которые непрерывно осыпали пулями роющих траншей людей и других рабочих. Те прикрывались щитами из сыромятной кожи и активно трудились над [сооружением] крытых проходов. Но, несмотря на все предосторожности, ежедневно погибало около двухсот человек. С каждым днем *сабат* продвигался всё дальше вместе с подкопами. Монета даров упала на колени надежд трудившихся, и золото с серебром ценились на вес земли. По обе стороны⁶ возвели широкую, не пробиваемую снарядами стену из глины, извилистую, будто специально для уничтожения змеиных и скорпионьих натур. Работа над траншеями также продвигалась, и они уже почти

317 добрались до подножия крепости. Соединив под стеной две траншеи, поместили в одну 120 манов пороха, а в другую — 80 манов. Храбрецам приказали пребывать во всеоружии и быть готовыми ворваться в крепость, как только подожгут порох, и стена рухнет. В день исфандармаз, 5 дая, Божественного месяца, соответствовавший среде, 15 джумада ал-ахира [975 г. х.] (17 декабря 1567 г.), порох был подожжен. Бастион содрогнулся от самого основания и взлетел на воздух вместе с находившимися там злосчастными воинами. Второй запал еще не поднесли к следующей траншее, как нападавшие увидели, что стена разрушена, и поспешили к пролому, чтобы через него ворваться [в крепость]. В это время произошел взрыв во второй траншее, и подступавшие к пролому войска вместе с отрядом противника, готовившимся им противостоять, подорвались, и свирепый шторм вырвал души из тел. Их конечности были рассеяны тут и там, а камни раскидало на километры. Звук взрыва разнесся на расстояние более пятидесяти косов и изумил всех, кто его услышал. Причиной несчастья стало то, что в соединенных траншеях [заряды] подожгли с одного конца, и они взорвались по очереди. Храбрецы же бездумно бросились в атаку, не заметив этого. Еще до этого происшествия, когда Его Величеству доложили, что траншеи готовы, он предложил поджечь их с двух сторон, чтобы не возникло задержек в возгорании одной из них. Таким образом, предвидел несчастный случай своим проницательным взором. У Кабир-хана и других управляющих работами имелось собственное мнение на этот счет, а потому огонь стал быстро распространяться от первой точки ко второй. То, чему было суждено случиться, случилось, и что-либо предпринять оказалось невозможно. Около двухсот человек из победоносного войска вознеслись на небеса, и среди них — сотня знатных воинов. Двадцать из них государь знал лично. В их числе: сын Сайид Ахмада Сайид Джамал-ад-дин, один из сайидов Бархи, возвышенный милостью Его Величества, а также Мирак Бахадур, Мухаммад Салх, сын Мирак-хана Кулаби, который уже в юные годы являл собой алмаз доблести, Хаят Султан, Шах Али Ишик Ака, Яздан Кули, Мирза Билуч, Джан бек и Яр бек, братья Шер бека есаулбаши, и Мирак Бахадур. Около сорока человек, полагавших,

318

что они защищены горными кручами, и ждавших удобного случая, были погребены под горами земли и камней. Только после захвата крепости узнали, как они погибли. У врага около двадцати человек были истреблены гневом Господа и отправлены в обитель уничтожения. Когда о катастрофе узнали остальные сражающиеся, то бросились вперед и вступили в схватку. Часть противника жертвовала своими жизнями, а другая пыталась возвести стену, пока, наконец, за короткое время они не построили широкое заграждение, такое же высокое, как и предыдущее. В тот же день взорвали порох в траншее у батареи Асаф-хана, но неудачно. Около тридцати человек в гарнизоне погибли, и, хотя царское войско не понесло значительных потерь, осаде не предвиделось конца. Несмотря на то что у обреченного гарнизона должны были открыться глаза, и им следовало молить о пощаде, положение осаждавшей стороны глупец мог считать причиной для ликования, и осажденные восприняли это как повод для высокомерия и гордыни. Гений же правителя узрел в неудаче необходимость усиления напряжения и устремился вперед. Царское войско несло потери, но преданность его возрастала, и хотя гарнизон торжествовал, Его Величество Шахиншах пребывал в спокойствии, ибо знал, что для осады необходимы стратегия и постепенный прогресс, а потому указал горячим воинам, что спешка в таких делах не помощник. Необходимы терпение и продуманные действия. Во-первых, [у врага] хорошее расположение, во-вторых, сильные укрепления, в-третьих, большой запас продовольствия и значительное число обороняющихся. Разум [царя] сосредоточился на завершении крытого прохода, наилучшего средства для захвата крепости: он целиком посвятил себя этой задаче. И часто посещал *сабат*, подъезжал близко к крепости и стрелял в оборонявшихся, высывающихся со стен. Однажды тигр великого леса объезжал вокруг цитадели. Когда же подъехал к батарее Лахута, священные воины продолжали осаду под защитой стен. Его Величество встал под стеной и начал стрелять через бойницы. [Шахиншаха] сопровождали слуги. Джалал-хан находился в двух шагах от Его Величества, поместил щит на поверхность стены и наблюдал через нее, как стреляет гарнизон. Преданные воины батареи восхищались мастерством и редкими промахами

одного из стрелков крепости, ранившего множество *газиев*. Неожиданно меткий воин прицелился в голову Джалал-хана и выстрелил. Он попал в него, но не причинил серьезного вреда. Его Величество Шахиншах заметил: «Джалал-хан, сей меткий стрелок не показывается, но как только высунется, я отомщу за тебя». И указав на мушкет, просунутый в бойницу, сказал: «Мы сейчас же накажем его за тебя». Выстрел, полет пули через проем и попадание в стрелка произошли мгновенно. Хотя в тот момент ничего нельзя было определить, наклонившийся мушкет указывал на то, что человек ранен. Впоследствии выяснилось, что царское ружье прикончило негодяя, звавшегося Исмаилом и бывшего предводителем стрелков. Царская удача вдохновила всю батарею. Таким же образом Его Величество отправил в обитель уничтожения многих видных воинов гарнизона. Однажды он отправился к батарее, что была на пути к Читури, маленькому холму около крепости, лично наблюдая за работой. И медленно шествовал вдоль места, до которого долетало множество пуль и ядер, но благодаря абсолютной уверенности в Божественной защите и помощи пыль опасений не коснулась его разума. Внезапно огромное ядро упало недалеко от него и убило около двадцати отважных воинов. В другой день пуля нашла Хан Алама, стоявшего возле царя. Она, пройдя через кирасу и достигнув до белья, была охлаждена его потом благодаря милости Аллаха. Это усилило уверенность военачальников священной битвы. Как-то пуля попала в Музаффар-хана, но не причинила ему вреда. Во время осады явлено множество подобных примеров Божественного покровительства, что стало руководством для недалеких и преумножило преданность верных.

Возвышенный гений — ключ к решению трудных проблем, светоч тайн рока. Когда подобный властелин судьбы вкладывает душу в нелегкую задачу, он с легкостью разрешает ее, несмотря на страхи земных людей. Таким образом, именно благодаря возвышенному гению Шахиншаха, истолкователя Божественной помощи, работа над *сабатом* закончилась под началом раджи Тодар Мала и Касим-хана *мир барр-у-бахра*. Превосходные помещения возвели поверх *сабата*, и Его Величество провел там две ночи и один день,

осуществляя руководство работами вплоть до их завершения. Счастливые воители устремили свои сердца ко взятию крепости и разрушили ее стены. Осажденные также проявили отвагу. Его Величество лично принял участие в боях и вел ружейный огонь. Он занял место на *сабате* и наблюдал за храбрецами и прорывающими ряды тиграми. В течение того дня и двух ночей доблестные воины, всецело поглощенные битвой, забыли о сне и пище. Обе стороны были измотаны. Наконец утром дай-ба-михра, 15 исфандармаза, соответствовавшего вторнику, 25 шаабана [975 г.х.] (23 февраля 1568 г.), поднебесная крепость пала.

Вот рассказ об этом чудесном событии, способный послужить хроникой судьбы. В предшествующую ночь на крепость предприняли атаку со всех сторон, и в стене образовалось несколько проломов. Признаки повреждений у цитадели были налицо. Храбрецы завоевательной армии около *сабата* начали натиск и разрушили значительную часть цельной стены. Прошло полночи, прежде чем [крепостной] гарнизон устремился к пролому, и пока одни разбирались с разрушениями, другие доставляли муслин, хлопок, дерево и масло и заполняли всем этим пролом с целью поджечь кипу, когда подойдут *газии*. Так они рассчитывали остановить [противника]. В это время Его Величество увидел, как человек в латах, известных как *хазар михи* (тысяча когтей), что явно указывало на статус предводителя, подошел к пролому и стал руководить работами. Тогда не знали, кто он такой. Его Величество взял одно из особых ружей, Санграм, и прицелился. Он сказал Шуджаат-хану и радже Бхагавант Дасу, что, стреляя в хищного зверя, понял по испытываемому удовольствию и легкости рук — попал в цель. Хан Джахан сообщил: человек был там всю ночь и руководил операциями, и если не придет снова, станет очевидно — он убит. Через час Джаббар Кули Дивана доложил, что враг исчез. В то же время в нескольких местах в крепости развели костры. У придворных имелись разные мнения по этому поводу, но раджа Бхагавант Дас считал, что это *джохар* [сожжение]. В Индии есть обычай: когда приходит беда, разводят огромный костер из сандалового дерева, алоэ и т.д., с добавлением хвороста и масла. Затем жестокосердному доверенному мужу поручают женщин. Как только

321 узнают о поражении и смерти мужчин, этот непоколебимый человек превращает невинных женщин в пепел. В самом деле поутру, когда подул ветерок победы и власти, выяснилось, что мушкет Шахиншаха сразил Джаймала⁷, управителя крепости, и разом поверг и его, и цитадель. Костры действительно были *джохаром*, и их развели в доме одного из ближайших слуг *раны*, Паты, принадлежавшего к клану Сисудия, а также в доме Ратхоров, главой которого являлся Сахибхан. Также большой костер разложили в доме Чуханов⁸, глава которого — Айссар Дас. Около трехсот женщин сгорело в этом разрушительном пламени⁹. И хотя в ту ночь никто не оставался у пролома, а все, пораженные смертью Джаймала, забились в угол отступления, всё же соблюдались меры предосторожности, и героев и *газиев* созвали отовсюду и направили в крепость на рассвете. Когда поднялся утренний ветерок славы, энергичные молодые ратники и храбрые воины покинули батареи, и вошли в крепость, и начали убивать и брать в плен. Раджпутов покинула нить размышления, и они сражались и погибали. По приказу доставили от *сабата* подвижных и опытных слонов. Сначала привели и поставили у основания стены Гирдбаз Дхокара. Затем — Мадхукара, Джангию, Сабдалию и Кадиду. Каждый из них был способен на невообразимое.

Два войска с поднятыми копьями
Затаились в засаде и выстроились в ряд —
Обладатели железных кулаков, способные перекусить сталь,
Все знамениты и облачены в сталь.
Герои размахивали мечами, красными от крови.
Один жизнь отдавал, другой устремлялся вперед.
Они рубили мечами хоботы слонов.
Казалось, змеи сыпались с небес¹⁰,
Предводитель на могучем свирепом слоне
Непрестанно натягивал тетиву¹¹.
Кто-то отдавал долг ненависти копьем и мечом.
Иногда сердце разрывалось, а порой дух захватывало.
Тюльпаны рисовал его кинжал.
Дождь [лился] из колец доспехов героев.

На светлой заре, ставшей утром удачи царских войск и вечером уничтожения для врага, Его Величество Шахиншах сел на слона, величественного, как небеса, и направился к крепости. Его сопровождали несколько тысяч преданных пеших воинов. Интересно, что Айссар Дас Чохан, один из храбрецов цитадели, увидел слона Мадхукара и спросил, как его зовут. Когда же ответили, то в отважном безрассудстве ухватился за его бивень одной рукой и ударил кинжалом другой: «Передай мое уважение мироукрашающему ценителю достоинства». Слон Джангия свершил великие дела. К нему подбежал один из раджпутов и ударил мечом по хоботу, отрубив его. Несмотря на столь серьезное повреждение, угрожавшее жизни, животное продемонстрировало перед смертью чудеса борьбы. Примечательно, что слон Кадира ринулся внутрь крепости из-за шума и неразберихи, оттеснив тем самым отряд обреченных воинов, что приближались к пролому. Проход был узким, и он растоптал и раскидал их всех. Столь великая удача стала результатом Божественной помощи. Азамат-хан, ехавший на слоне, оказался ранен и умер по прошествии нескольких дней. Его Величество, бывало, вспоминал, что стоял тогда на стене крепости и наблюдал Божественное содействие. Слон Сабдилия вошел в крепость, раскидывая и убивая раджпутов. Один из них подбежал к нему и ударил мечом, нанеся незначительное ранение. Слон, однако, не обратил на это никакого внимания и схватил его хоботом. Тогда к нему подбежал другой раджпут, и Сабдилия повернулся к нему, в то время как предыдущий воин высвободился из захвата и снова отважно атаковал его со спины, но слон держался великолепно. Его Величество также сообщил, что в разгар битвы в поле его зрения попал герой, которого он не узнал. Его вызвал на бой раджпут, находившийся за низкой стеной, и тот радостно бросился к нему. Один из царских воинов, которого Его Величество также не узнал, побежал на помощь храбрецу, но последний остановил его, сказав, что это противоречит правилам благородства и отваги, и помочь можно будет, только если противник сам вызовет его на бой. Он сделал всё, чтобы тот не стал ему помогать, и, вступив в бой, победил врага. Его Величество говорил, что пытался найти этого храброго и благородного воина, но не смог. Видимо, то был один из

тех таинственных мужей, что принимают телесную оболочку, дабы помочь духовному и земному правителю. В начале битвы [задействовали] пятьдесят слонов, а в конце ее в крепость вошло, давя противника, около трехсот животных. Его Величество рассказывал, что, когда он подошел к храму Гобинд Сиам, погонщик направил слона на человека, и тот был раздавлен. Зверь поднял последнего и бросил к ногам Его Величества. Погонщик сказал, что не знает его имени, но явно это предводитель, так как вокруг него сражался и жертвовал жизнями отряд людей. Наконец выяснилось, что затоптан оказался Пата¹². В первые мгновения, когда это произошло, в нем еще теплилась жизнь, но вскоре он умер. В крепости было восемь тысяч боевых раджпутов, однако в охране и услужении принимали участие сорок тысяч крестьян. Когда [царские] знамена вошли в крепость, 323 гарнизон укрылся в храмах, надеясь, что святые места и идолы помогут им, и готовился пожертвовать собственными жизнями. Другие ожидали собственной участи в домах. Некоторые обнажили мечи, укоротили копья и вышли навстречу священным воинам. Те разобрались с ними при помощи своих мечей и копий. Кое-кто из укрывавшихся в храмах и домах вышел оттуда, увидев *гази*, но все погибли до того, как добрались до них.

Никто прежде не видел подобных битв
И не слышал о них от бывалых [воителей].
Что мне сказать об этой баталии и сече?
Даже одной детали из сотни тысяч иных не могу упомянуть.

С раннего утра и до полудня тела этих несчастных уничтожались величием замечательного воина. Было убито около тридцати тысяч человек. Причина, по которой смерти предали столько людей, заключалась в том, что когда в предыдущий раз, 3 мухаррама 703 г.х. (16 августа 1303 г.), Султан Ала-ад-дин [Хильджи] захватил крепость за шесть месяцев и семь дней, крестьян не казнили, так как они не принимали участия в битве. Но в этот раз они проявили большое усердие и активность. Их оправдания после победы не имели смысла, и был отдан приказ убивать всех. Однако многих всё же взяли в плен.

Примечательно, что Шахиншах сильно разгневался на стрелков, но, несмотря на тщательные поиски, их и след простыл. Наконец выяснилось, что негодяи переоделись и унесли собственные жизни из крепости хитростью. Спаслись они следующим образом¹³. Пока победоносное войско было поглощено грабежами и взятием пленных, эти стрелки, насчитывавшие около тысячи, связали своих детей и жен, как если бы те были пленниками, и вышли с ними. Правда оказалась сокрыта от ищущих, так как они думали, что это царские воины, ведущие пленных. На тот момент хитрость удалась, и они спаслись. Хотя тогда не имелось ни дома, ни улицы, ни прохода без груд тел, всё же в трех местах количество убитых было особенно велико. Огромное число раджпутов собралось в доме *раны* в крепости. Они выходили по двое-трое, отдавая жизни. Множество людей собралось в храме Махадео, особо почитаемого там, где они и вручили свои тела ветрам врат Рампуры¹⁴. Великая победа, способная украсить преумножающуюся власть, явилась из палат судьбы, и дым заносчивости тотчас покинул умы упрямых индийцев, и они присягнули в верности [царю] после специальной церемонии. Кроме Зарб Али Тувачи никто в тот день не испил чашу мученичества. Его Величество Шахиншах отдал дань признательности и после полудня отправился в лагерь. И улаживал там дела в течение трех дней, и передал весь *саркар* Ходжа Абд-ал-Маджиду Асаф-хану. Так как перед началом великого предприятия он поклялся, что, одержав победу, совершит пешее паломничество в святилище Ходжа Муин-аддина Чишти в Аджмире, то по возвращении в крепость в соответствии с клятвой пошел пешком в лагерь. В день фарвардин, 19 исфандармаза, Божественного месяца, соответствовавший субботе, 29 шаабана [975 г.х.] (27 февраля 1568 г.), громозвучно забили барабаны возвращения, и он последовал, как и раньше, пешком, переход за переходом, по обжигающим пескам пустыни, где ветер особенно горяч. Хотя войскам был дан приказ ехать за ним верхом, всё же придворные решили последовать его примеру, и многие дамы гарема путешествовали таким же образом под защитой тени Его Величества. Когда он подошел к городу Мандал, Шагуна Куравал, посланный вперед в Аджмир сообщить добрые вести о приближении Его Величества,

вскоре вернулся и передал слова отшельников, служивших в храме. Его святейшество Ходжа явился им в видениях и объявил, что духовный и земной царь из религиозных и добродетельных побуждений решил смиренно направиться в святилище пешком, и он приказал им отговорить проводника каравана истины от этого намерения доступными им средствами. «Если бы он знал всю глубину своей духовности, то и не взглянул бы на меня, сидящего в пыли у тропы ученичества». Когда эти слова достигли царского слуха, он позволил себе отбыть оттуда верхом и в день асман, 27 исфандармаза, Божественного месяца, соответствовавший воскресенью, 7 рамазана [975 г.х.] (6 марта 1568 г.), осчастливил земли Аджмира прибытием. Последний переход в соответствии с обетом прошел пешком и, не заходя в свои покои, сразу направился совершать обход святой часовни. Он одарил всех служителей храма щедрой милостыней и провел там десять дней в поклонении Творцу всего добра.

- 325 Среди счастливых происшествий, случившихся во время осады Читура, — прочтение правителем Бенгалии Сулейманом [Карарани] *хутбы* во имя Его Величества Шахиншаха. Он [Сулейман] также имел беседу с Муним-ханом Хан-хананом и заключил с ним лицемерный мир (*гург ашти*). Дело происходило так. Когда Мубариз-хан, известный как Адили, повел себя недостойно и стал притязать на власть, Тадж-хан Карарани бежал со своими братьями в Бихар, где постоянно плел коварные интриги, когда правитель Бенгалии Мухаммад-хан поднял чело несогласия, а затем во времена Бахадура. Наконец, когда Адили убили в сражении с Бахадуром, а последний умер естественной смертью, его младший брат Джалал-ад-дин стал претендовать на власть над Бенгалией и Бихаром. Тадж-хан с братьями попеременно враждовали с Джалал-ад-дином, а иногда между ними царило согласие. Они также заложили основы дружбы с Хан Заманом и вели себя лицемерно. После многих событий Джалал-ад-дин также умер, и управление Бенгалией и Бихаром перешло к Тадж-хану. Через какое-то время, в течение которого Тадж-хан обманом и хитростью завладел Бенгалией и Бихаром, он тоже умер, и к власти пришел его младший брат Сулейман. Тот укрепил дружбу с Хан Заманом и попытался упрочить свое положение. И обладая странным

влиянием, окружил себя безмозглыми афганцами. Он также собрал деньги и большое количество слонов. Когда Хан Заман получил по заслугам, а Его Величество Шахиншах вернулся после вручения Джаунпура и других Муним-хану Хан-ханану, о чем уже рассказывалось, Асад-ал-лах-хан удерживал Заманию, основанную Хан Заманом, для последнего. Когда же Хан Заман был убит, Асад-ал-лах по слабости послал человека к Сулейману и попросил о встрече, на которой предложил отдать ему Заманию и предать своего благодетеля. Когда Хан-ханан узнал об этом, то послал к нему людей с увещеваниями. Поскольку в нем сохранилась доля порядочности, он внял совету и передал Заманию Касиму Машки, посланнику Хан-ханана, и лично явился к последнему. Афганское войско, прибывшее в Заманию, ушло ни с чем. Лоди, уважаемый афганцами за мудрость и добропорядочность и являвшийся визирем Сулеймана, находился на берегу реки Сон. Зная, что Хан-ханан человек уравновешенный и сторонник мира, подружился с ним, рассчитывая таким образом уберечь свою страну от вторжения войск Шахиншаха. Он обменивался с Муним-ханом подарками и письмами, из-за чего между ними установились дружеские отношения. Когда мирозавоевывающие знамена выступили против Читура, Сулейман сражался с раджей Ориссы и Ибрахимом. Из-за напряженных отношений с Муним-ханом Хан-хананом он решил воспользоваться случаем и, пока Его Величество был занят взятием Чи- 326
тура, постарался при посредничестве Лоди связаться с ним [Муним-ханом] и заложить основание дружбы. После дружественной переписки условились, что Хан-ханан посетит его, дабы укрепить союз личной встречей и украсить *хутбу* и монеты возвышенными титулами Шахиншаха. Хан-ханан принял решение поехать к Сулейману и завершить дела. Хотя дальновидные доброжелатели пытались отговорить его от этой неразумной затеи, он никого не послушал и отправился в Патну с тремя сотнями отборных воинов, а также с Мухибб Али-ханом, Ибрахим-ханом Узбеком, Лал-ханом Бадахши, Кучак Али-ханом (сыном Мир Султан Ваиса Кибчака), Мир Хашимом (братом Абу-л-маали), Хашим-ханом и их подданными, насчитывавшими около тысячи человек. Лоди прибыл и засвидетельствовал почтение. После него приехал Баязид, старший сын Сулеймана. Когда они находились

в пяти-шести *косах* от Патны, Сулейман приехал приветствовать его и уважительно обнял. Сперва Хан-ханан задал пир и пригласил Сулеймана в свои покои, где собралось блестящее общество. На следующий день гостеприимство оказал Сулейман и возвысил кафедру [*минбар* в мечети] священным именем (Акбара). Он также восславил монеты священным чеканом и преподнес достойные подарки. Несколько его мятежных придворных подстрекали схватить Муним-хана: говорили, что возвышенные знамена заняты взятием Читуре и многие великие военачальники сейчас там. Если они избавятся от Хан-ханана, то не останется никого, кто может встать между ними и тронном. Когда Лоди услышал об этом вероломстве, решительно заявил, что глупо ссориться с властелином судьбы, огни власти которого разгорались над землями с каждым годом всё сильнее. Более того, Хан-ханан был всего лишь одним из рабов, возвышенных Его Величеством. Любой скромный человек, на которого падет взгляд поддерживаемого Богом [царя], может стать Хан-хананом. В чем смысл убивать горстку людей? Помимо всего прочего, следовало помнить о таком враге, как Ибрахим, который только и ждал удобного случая. Разве может быть удачным план (захвата Муним-хана)? Хотя Сулейман согласился с этими словами, некоторые афганцы, опьяненные вином невежества, не послушали его и стали готовиться к злодейству. Прознав об этом, Муним-хан решил поступить мудро, и покинул лагерь, и при содействии Лоди быстро ушел с несколькими людьми. Черносердечные афганцы узнали об этом, когда тот был уже далеко. Так как всё закончилось, они оказались вынуждены смириться. Баязид и Лоди спешно поехали к Хан-ханану и, засвидетельствовав почтение, вернулись назад. Муним-хан пересек Ганг и, пройдя два или три перехода, получил известия о победе в Читуре. Это тысячекратно усилило уверенность царских подданных. Сулейман спокойно отбыл в Бенгалию, где занялся своими делами. И хитростью завладел Ориссой, в которой находится храм Джаяннатха, и вероломно предал ее раджу смерти. А также клятвами и обманом захватил Ибрахима, укрывавшегося у раджи [Ориссы], и позволил себе помыслить о верховной власти. Его [Ибрахима] он также отправил в обитель уничтожения. А Муним-хан спокойно приступил к своим обязанностям.

Глава 66

Начало 13-го Божественного года
[с момента священного Восшествия на
престол Его Величества Шахиншаха] —
года фарвардин второго цикла

О ты, что раскрываешь глаза дальновидным,
Помогаешь пребывающим в нужде,
Протяни свою руку, ибо самонадеянная душа
Сорвалась в пропасть бездонного потока.

С помощью растущей с каждым днем удачи повествование дошло до этапного момента¹, и бремя души моей несколько полегчало. Надеюсь, благодаря преумножающемуся свету утра благополучия сердце мое обретет новое просветление, а язык — силу, и решение трудных задач с каждой секундой будет становиться всё проще и успешнее.

Узрев меня, ангел-хранитель сердца моего
Воскликнул из палат решимости:
«Влей свежую струю в родник существования,
Речь облачи в одежды новотканые!»

Благословенная процессия Нового года прибыла в тот благодатный момент, когда после покорения Читура Шахиншах находился в Аджмире. Мируукрашающие знамена Солнца вошли в созвездие Овна — дом возвышения, а цитадели бутонов были раскрыты трепетными дланями вешних ветров. Воинства флоры украсили цветники сада равновесия.

Разостлали ковер из китайской парчи,
На котором семь климатов были начертаны, —
И пол пиршественного зала веселья украсили.
Пригласили знатных вельмож, за вином послали.
Любовь запылала, обострилось желание,
Избрали возлюбленных и кубки подняли.

Через три часа девять минут ночи вторника, 11 рамазана [975 г.х.] (10 марта 1568 г.), Солнце перешло через благоприятный меридиан, и наступил тринадцатый год [правления], год фарвардин, первый год второго цикла. Должно надеяться, что тысячи обращений и циклов (*карн*) явят весенние качества для духовного и земного Хедива. После совершения обхода [вокруг гробницы Муин-ад-дина Чишти] и отпраздновав Новый год, Его Величество покинул Аджмир и направился в столицу в день исфандармаз, 5 фарвардина, Божественного месяца, соответствовавший вторнику, 15 рамазана [975 г.х.] (14 марта 1568 г.). Он поехал через Меват, наслаждаясь по дороге охотой. В это время ловчие обратили внимание [царя] на джунгли, где водились тигры, и Его Величество Шахиншах отправился туда поохотиться на хищника. Когда он приблизился к зарослям камышей, оттуда неожиданно вышел огромный тигр. Придворных охватила паника, и они пригвоздили животное к земле смертоносными стрелами. Его Величество Шахиншах не одобрил подобную спешку и повелел, чтобы никто без приказа не окружал какого бы то ни было дикого зверя, что выйдет из джунглей. Пока он это говорил, другой тигр, такой же крупный, как и предыдущий, вышел и направился к нему. Когда слуги это увидели, у них волосы встали дыбом, но вследствие священного приказа никто не посмел даже дерзнуть выстрелить в тигра. Его Величество остался сидеть верхом, посмотрел тигру в глаза и выпустил стрелу. Раненый тигр бесстрашно двинулся вперед и сел разъяренный на возвышении. Его Величество сошел с коня и встал, в то время как храбрые победители тигров расположились вокруг. [Царственный охотник] прицелился из ружья и выстрелил в зверя, так что пуля прошла у края пасти животного и задела шкуру над ухом. Его Величество пытался разрядить еще одну пулю и ждал удобного момента, но в какую бы сторону ни поворачивался, тигр был начеку, и подходящего случая так и не представилось².

Я слышал из уст Шахиншаха, что Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни как-то рассказывал, что по установлению Аллаха, когда несколько человек охотятся на тигра, хищник неотрывно следит за тем, кому суждено его застрелить. Его Величество поведал мне, как несколько раз замечал то же, собираясь стрелять, что под-

тверждало вышесказанное³. Так как возможность всё не представлялась, он приказал Дастам-хану выйти вперед, дабы тот отвлек на себя внимание тигра, а ему удалось выстрелить. Адил, сын Шах Мухаммада Кандагари, коего до того пожурили (за то, что выстрелил в первого тигра), решил, что приказ был дан всем, и тоже вышел из-за спины Его Величества с луком и стрелами в руках. Тигр повернулся к Адилу, и когда зверь приблизился, Адил выстрелил, но, по воле рока, промахнулся. Тигр подошел и ударил его двумя лапами. Силач схватился с тигром и поместил левую руку ему в пасть, а другой выхватил кинжал. Поскольку у судьбы были свои планы, кинжал оказался в ножнах по рукоять, и пока человек пытался его вынуть, тигр прокусил ему руку. Всё же тот вытащил кинжал и вонзил его дважды в пасть тигру, который вцепился уже в правую руку. Тем временем остальные смельчаки бросились со всех сторон и расправились с тигром мечами, при этом ранив и Адилу. Храбрец с душой тигра пролежал в агонии четыре месяца из-за начавшейся гангрены и умер в Агре. Вероятно, таково воздаяние за неуважение, проявленное им по отношению к отцу. Дело в том, что бесстыдник возжелал жену дивана [министра] своего родителя, и целомудренная дама убила себя, не уступив. Отец стал упрекать за недостойное поведение, и однажды, выйдя из себя из-за отцовских укоров, сын ударил его мечом. Поистине, если бы Адил остался в живых после Божьего суда, назначившего ему такое наказание, он мог считать это удачей, ибо злодеяние было слишком велико. Вот как тяжкое преступление получило наказание посредством подобного события!

Наконец, насладившись охотой, Его Величество отправил людей в лагерь, расположенный близ Алвара, а сам проследовал через Нарнол и там присоединился к войску. Оттуда опять поехал охотиться и в день исфандармаз, 5 ардибихишта, Божественного месяца, соответствовавший среде, 15 шаввала [975 г.х.] (13 апреля 1568 г.), прибыл в Агру. В тот счастливый год Хаджи бегим вернулась в царские владения после посещения двух святых мест (Мекки и Медины), где сделала щедрые пожертвования и раздала милостыню жителям тех земель, после чего возрадовалась лицезрению алтаря своего сердца и души, духовного и земного царя.

Одним из событий [тех дней] стал поход победоносного войска на крепость Рантанбхор, которая по мощи и прочности не уступала Читуре. Но на полпути армия получила приказ повернуть назад и направиться в Мальву для уничтожения мирз. Вот как было дело. Когда завоевывающие мир силы вернулись в столицу после победы над Читуром, Его Величество решил, что некоторые предводители, не испытавшие счастья показать себя в Читуре или прибывшие туда поздно, должны отправиться на взятие Рантанбхора, что явился препятствием на пути мира. В соответствии с Высочайшим решением Садик-хан, Баба-хан Какшал, Саманджи-хан, Сафдар-хан, Бахадур-хан, Дост-хан Сахари и другие великие военачальники отправились выполнять приказ под предводительством Ашраф-хана. Войско прошло какое-то расстояние и вернулось назад. Гонцы доложили, что Ибрахим Хусейн мирза и Мухаммад Хусейн мирза собрали отряд бродяг и пришли из Гуджарата в Мальву. Они осадили Уджайн, великую крепость той области, и учинили таким образом беспорядки в тех землях.

Обстоятельства смуты были следующими. Когда Шихаб-ад-дин Ахмад-хан вместе с большим числом великих военачальников, таких, как Мурад-хан и Шах Будаг-хан, направились против мирз из окрестностей Гагруна, а Его Величество был занят осадой Читура, мирзы почувствовали, что не справятся с победоносными силами, и поспешили в Гуджарат. Они присоединились к Чингиз-хану, рабу Султан Махмуда Гуджарати, который после мученической смерти господина завладел Кампаниром, Суратом и Броачем. Он тогда нацелился и на Ахмадабад и пожелал повести войско против Итимад-хана. Посчитав прибытие мирз бесценным подарком, выступил со значительными силами против Итимада. Близ города завязалась горячая битва, в которой Итимад-хан потерпел поражение, а Ахмадабад был захвачен. Поскольку мирзы прославились в этом сражении, Чингиз-хан одарил их достойными *джагирами* в окрестностях Броача. Но плоть и кровь их бурлили, поэтому и там они протянули руки тирании. Нагло захватив несколько *джагиров* и деревень, они возмутили страну несправедливыми действиями. Чингиз-хан выслал против них большое войско, но оно было разбито. Однако, не в состоянии [далее] противостоять Чингиз-хану, они подня-

ли пыль отчаяния и ушли в Хандеш. Там тоже оказалось небезопасно, и пришлось им уехать в Мальву, где на границах с Уджайном накрыли стол мятежа. Мурад-хан, *джагирдар* Уджайна, и Мирза Азиз-ал-лах, *диван саркара* Мальва, узнали об их планах за два дня, восставили и усилили крепость Уджайна и держали крепкую оборону.

Когда пришли известия о мятеже, войскам, что отправились на взятие Рантанбхора, был дан приказ идти в Мальву. Военачальники сразу повернули в сторону этой провинции и двигались вперед, несмотря на сильные дожди. Его Величество Шахиншах оставил Двор и направил к войскам нескольких великих военачальников, таких, как Кулидж-хан и Ходжа Гияс-ад-дин Али из Казвина, назначив последнего на должность *бахши*.

Только войска подошли к Саронджу, Шихаб-ад-дин Ахмад-хан, *джагирдар* тех мест, присоединился к ним с соответствующим снаряжением. А в Сарангпуре и Шах Будаг-хан, управитель тех земель. Когда мирзы услышали, что те приближаются, от их уверенности не осталось и следа, и они в смятении бежали в Манду. Мурад-хан, Мир Азиз-ал-лах *диван* и другие великие военачальники погнались за ними, но мирзы покинули Манду, отправившись в панике в Нарбаду. Множество сторонников их отдали свои жизни в волнах уничтожения. Там [в Нарбаде] они узнали, что Чингиз-хан убит вследствие предательства Джаджхар-хана Хабши, а также о раздорах в Гуджарате. Посчитав Гуджарат хорошим убежищем, отправились туда. Военачальники продолжили преследование до Нарбады. Но поскольку завоевание Гуджарата было намечено [свыше] на другое время, они ввиду отсутствия приказов не пошли дальше и повернули назад. *Джагирдары* Мальвы остались в своих владениях, а военачальники — Ашраф-хан, Кулидж-хан, Садик и Ходжа Гияс-ад-дин Али вернулись ко Двору. Так как Его Величество услышал об их промедлении с отправлением и преследованием мирз, то в течение нескольких дней держал [этих слуг] в немилости. Но когда оказалось, что лжецы и разжигатели смуты сообщили неправду, окружил их царским вниманием. Мирзам удалось унести ноги в Гуджарат, а поскольку страна осталась без правителя, они захватили без боя крепости Кампанир и Сурат. Ибрахим Хусейн мирза отправился в Броач. Рустам-хан, тюркский раб, в доме которого жила сестра Чингиз-хана,

укрепил цитадель и заперся там. Смутяны осаждали ее в течение двух лет, а Рустам-хан постоянно совершал вылазки и устраивал пиршества, достойные Рустама⁴. Но вследствие недостатка ума и отчаяния из-за отсутствия помощи он пошел на переговоры и сдал крепость. Предательством и обманом властелины раздора заставили жизнь выйти из хранилища его тела. О делах мирз и конце этих негодяев будет поведено в сем замечательном манускрипте в надлежащее время.

332

Случилось так, что военачальники *Атка хейля* были изгнаны из Пенджаба⁵, и управление страной поручили Хусейн Кули-хану, который за добрую службу получил титул Хан Джахана. Не сокрыто от сердец дальновидных и проницательных, что духовные венценосцы верховной власти (то есть цари) напоминают садовников. Как садовники украшают сады деревьями и пересаживают их с одного места на другое, и отвергают одни и предпочитают другие, и стригают их до нужного размера и выкорчевывают плохие деревья, и обрезают больные ветви и убирают слишком большие, и прививают одни к другим, и собирают разнообразные фрукты и цветы, и наслаждаются их тенью, и когда необходимо, совершают иные действия, предписываемые садоводческой наукой, так и справедливые и предусмотрительные цари зажигают лампаду мудрости посредством управления и наставления подданных и, таким образом, поднимают знамя руководства. Где бы ни собралась толпа людей, объединенных одной мыслью и речью, подстрекающих и проявляющих большую активность, необходимо их разогнать, во-первых, ради их собственной пользы, а во-вторых, для блага общества. Даже если в действиях этого сборища не наблюдается и не предвидится ничего предосудительного, всё же его рассеивание есть средство единения, ибо мира не установить, если наносится вред расплескивателями земного вина и слабоумными выпивалами из чаши опьянения! Особенно когда расплодятся смутяны и болтуны! Нерадивость свойственна человеческой природе. В результате мудрость и талант правителя требовали от Шахиншаха, чтобы преданные члены *Атка хейля*, долгое время находившиеся в Пенджабе и управлявшие этой провинцией, ушли оттуда и после посещения Двора приступили к управлению другими землями. Хотя раньше, а именно когда Хан Килан отбыл в Кабул, а мирза Мухаммад Хаким с несколькими отрядами осадил Лахор, удивительные легенды ходили об этих верных людях, Его Величество —

разоблачающая мировая чаша земных и небесных тайнств — им не доверял. Однако в соответствии с вышеупомянутым законом, согласующимся с религией верховной власти, он принял решение созвать военачальников Пенджаба и *джагирдаров* этой провинции и поручить управление землями другим приближенным придворным. Когда завоевательная армия захватила крепость Читур и вернулась в столицу, военачальники Пенджаба были отозваны. Благословенные воины проявили уважительную расторопность и в шахриюр, Божественный месяц, соответствовавший раби ал-аввалу 976 г.х. (август 1568 г.), засвидетельствовали свое почтение в столице Агре. Вскоре после этого *саркар* Самбала стал земельным владением Мир Мухаммад-хана, *саркар* Мальва отдан Кутб-ад-дин Мухаммад-хану, а *саркар* Канаудж — Шариф-хану. Все потомки и отпрыски этого славного клана были вознаграждены достойными земельными владениями. Так как Мирза [Азиз] Кока неизменно находился при Его Величестве, его пенджабский *джагир* так и остался за ним, в то время как управление провинцией доверили Хусейн Кули-хану, вызванному из Нагора. Последний прибыл, и пыль возвышенных порогов стала бальзамом для очей его судьбы, в то время когда войско двигалось на завоевание Рантанбхора. Он участвовал в этом походе, и когда крепость взяли, а страну завоевали, приехал в столицу, и его с братом Исмаил Кули-ханом направили управлять Пенджабом.

333

В тот счастливый год Шихаб-ад-дин Ахмад-хан прибыл по приказу [царя] из *саркара* Мальва и засвидетельствовал почтение. Так как дела политические и финансовые находились за пределами возможностей Музаффар-хана, и он не мог уделять должного внимания казне, мироукрашающий разум повелел, чтобы выполнение этих обязанностей возложили на какого-нибудь способного, сочувствующего крестьянам, честного и трудолюбивого военачальника. В согласии с этой мыслью Его Величество назначил на должность казначея Шихаб-ад-дин Ахмад-хана, обладавшего данными качествами в значительной степени. Тот усердно принялся исполнять свои обязанности, и поскольку дел в казначействе было много, а честных людей или, точнее, не способных к воровству военачальников⁶, мало, он упразднил ежегодные платежи (*забт-и-хирсала*) — причину больших затрат и присвоения денег — и установил налог (*наск*), учинив с присущей ему изобретательностью⁷ препятствия мошенникам.

Глава 67

Поход Шахиншаха с целью завоевания Рантанбхора¹

334

Наказание упрямцев, натянувших чалму высокомерия и забивших свои головы мыслями о смуте, так же как и забота о покорных, склонившихся под грузом преданности и быстро движущихся под ее тяжестью, есть совершеннейшая форма вероисповедания принцев. Слава Аллаху! Его Величество Шахиншах всегда следовал этому похвальному правилу. И таким образом, при поддержке возрастающей с каждым днем удачи время от времени очищал территории, увеличивающие сердце Индии, от сорняков ихлама смутьянов. Когда была завоевана возвышенная крепость Читур, а мятежники растоптаны слонами войска удачи, обратил свой взор на цитадель Рантанбхор, равную Читуру. Поскольку приводящие к победе военачальники неоднократно направлялись на ее взятие, но всегда возникали какие-то препятствия — поистине казалось, что распорядители судьбы постановили доверить сие великое дело лично Шахиншаху, он решил по Божественному вдохновению завершить начатое в благоприятное время. Итак, в день азар, 9 дая, Божественного месяца, соответствовавший понедельнику, 1 раджаба [976 г.х.] (21 декабря 1568 г.), начался завоевательный поход на великую крепость. Дабы укрепить сердце наставлениями святых отшельников, отправился в путь через Дели, и в благословенных местах искал источник света. Он посетил благоухающую усыпальницу обладателя духовного и земного трона Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни и осыпал щедрыми подношениями служителей святилища. И сделал богатые пожертвования хранителям других мавзолеев, и утяжелил полы надежд городской бедноты изобильными дарами. В окрестностях расположенного неподалеку города Палам² устроил охотничью камаргу и

окунулся в преследование удовольствия. В том приятном местечке предавался разнообразным развлечениям и занимался духовной и земной охотой. Оттуда отправился в путь через Меват, охотясь по дороге, и, после того как отбросил тень своего правосудия на город Алвар³, продолжил двигаться дальше.

Одно из поучительных событий тех дней произошло в окрестностях города Лалсот⁴. Особый слон Мансуха⁵ (Отрада разума) был охвачен *мастом* и бросился на слона Шейх Мухаммада Бухари. Он поднял животное на своих двух бивнях, чем изумил всех присутствующих. Этому знаменитому слону нанесли удар в грудь, и он умер через два дня. Его самка в течение трех суток после случившегося не прикасалась к воде, рису и иной пище. Чем больше пытались заставить ее поест, тем больше она этому противилась. В итоге слониха умерла на третий день от горя из-за разлуки со своим самцом. Если даже животным свойственны такие искры любви, то разве есть нечто, на что не способен человек? Однако есть и такие, что являются людьми лишь по форме, но не по сути, и они хуже ископаемых. Короче говоря, узрев подобную трагедию, духовные люди зажгли лампаду собственного понимания, а недалекие из школы преданности получили скрижали наставлений в верности. После нескольких переходов в день аниран, 3 бахмана, Божественного месяца, соответствовавший вторнику, 21 шаабана [976 г.х.] (10 февраля 1569 г.), Шахиншах достиг Рантанбхора. Эта крепость располагалась посреди гористой местности. Есть сказка, что все остальные крепости обнажены, а эта облачена в кольчугу. Настоящее название этого укрепления — Рантахпур⁶, ибо Ран — высокий холм, на котором оно и возвышается. Отсюда и его имя. Цитадель была столь высокой и сильной, что ее бойницы не мог достигнуть аркан воображения, а катапульта фантазии не пробила бы ее стен.

335

Они узрели гору с вершиной на Арктуре,
Нерукотворную, не из воды и глины.
Там цитадель стояла, мимо которой с начала Времени
Не пролетала птица мысли.
Плеяды стали опорой ее первой.
Нет в мире крепости, подобной этой.

В то время правителем крепости был Сурджан Хара⁷. Он укрепил ее всеми способами, обеспечил запасами продовольствия и, подготовившись к войне, по собственной глупости возложил наглые надежды на кусок камня. На следующий день после прибытия Его Величества Шахиншах выехал из ущелья, где расположился его лагерь, и обследовал окрестности гор вместе с избранными придворными. Направившись на вершину холма, изучил проницательным взором высоту цитадели. Поместив план завоевания на зеркало своего воображения, он натянул поводья решимости ее взятия.

Так изрек знаменитый *Хакан*:
О прославленный памятник мира,
Милостью Бога-Творца
Я сровняю с землей сию цитадель.

В соответствии с мирозавоевывающими приказами умелые *бахши* расположили батареи вокруг холма, на вершине которого располагалась крепость. Океаноподобная рать окружила ее огромной волной, приняв форму разрушительного потока. Выход и вход были перекрыты для гарнизона [противника], так что даже ветер не мог здесь пролететь. [Падишахское войско] активно осуществляло обстрел из пушек, и удар молнии гнева сжигал урожай жизней злосчастных врагов.

336 Во время осады прибыл Махди Касим-хан, уезжавший в Хиджаз. Запутавшись, отправился из Гархи, которой управлял, в то путешествие без дозволения Его Величества. Устыдившись содеянного, вернулся в Кандагар через Ирак и оттуда двинулся в Рантанбхор, где и засвидетельствовал свое почтение. Он преподнес в качестве дара иракских коней и многое другое, а поскольку в характере Его Величества Шахиншаха испытывать стыд⁸ за провинившихся, он отнесся к нему с сочувствием и человечностью и одарил одеждами почета и [другими милостями]. А также пожаловал ему *саркар* Лакхнау и близлежащие земли в качестве *джагира*, после чего наделил титулом *амира*.

Глава 68

Начало 14-го Божественного года
с момента священного Восшествия
на престол [Его Величества Шахиншаха]
— года ардибихишт второго цикла

Пока Шахиншах был занят осадой Рантанбхора, весеннее воинство подняло свои знамена, и мир оказался во власти аромата (*атра*) Нового года. Бутон раскрыл уста, заискрилось пламя розы.

Новая весна была подобна разуму юношей
И свежее умов мудрецов.
Сад, подобный цитадели, разжег огонь из роз,
Рати жасмина и кипариса устремились вперед,
Гиацинтовые клумбы благоухали повсюду
И радовали больше, чем тень от гор.
Полевой тюльпан, казалось, держал стяг.
Молния [сверкавшая] среди облаков походила на горное эхо.
Ветерок, исполненный щедрости всемирного утра,
Пропитал ароматом недра земли.

Благодаря удаче Шахиншаха внешний мир обрел свежесть и отраду мира духовного. Великое Светило, наделяющее землю своими дарами, вошло в дом своего возвышения через 7 часов 9 минут в ночь на пятницу, 22 рамазана 976 г.х. (11 марта 1569 г.), и начался четырнадцатый год, или Божественный год ардибихишт второго цикла. Весенний ветер принес вести о нежном дуновении роз и провозгласил победу смертным, и запел хор садовых птиц. После размышлений выяснилось, что невозможно завершить дело без применения *сабатов*, крушителей упрямец, и Касим-хану *мир барр-у-бахру* был дан приказ

подготовить одно из сооружений. Для большей надежности к делу привлекли раджу Тодар Мала, исполнявшего обязанности визирия. Расторопные управляющие возвели внушительный *сабат* близ долины Ран. Могучие каменотесы, кузнецы и плотники принялись за дело. Через короткое время работа далеко продвинулась, и сооружение достигло уровня крепости. Благодаря падишахскому гению, развязывающему физические и духовные узлы, *кахары*¹ с железными руками и носильщики с крепкими плечами втащили по петляющим тропам на гору, покрытую валами и ямами, огромные пушки, каждую из которых с трудом волочили по земле двести пар волов и способных выстреливать ядрами по 60 *манов* и снарядами² по 30 *манов*. Начали обстрел согласно приказам. Каждый залп отзывался эхом в горах, слух обострился у твердых скал, и брешь была пробита в стенах цитадели, а дома смешаны с пылью.

В результате такого положения вещей дым изумления за клубился в уме Сурджана, а дыхание извергло пыль. Его гордость разбилась вдребезги, а пламя норова погасло. В конце месяца рамазана [976 г.х.] (19 марта 1569 г.), ставшего первым днем победы, Шахиншах изрек: «Если гарнизон [противника] не явится сегодня засвидетельствовать свое почтение, то на следующий день, которым будет Ид³, крепость станет нашей целью (*кабак*)⁴». Сурджан пал духом. Он попросил помощи у придворных и послал сыновей Дуду и Бходжа ко Двору. Те преуспели в получении аудиенции благодаря помощи высоких военачальников и поместили чело смирения на порог искренности. Они молили простить преступления отца и попросили дозволения совершить *сидж* [простираание]. Поскольку океан падишахского снисхождения находился в непрерывном движении, слух их надежды оглушили жемчужины благосклонности. [Просителей] одарили одеждами прощения и отправили назад к отцу. Одним из странных событий того дня стало следующее. Когда сыновья Сурджана покинули царский шатер, чтобы обрести одежды чести, один из сопровождавших их непутевых раджпутов подумал, что дан приказ схватить юношей. Из преданности он заволновался и выхватил меч. Находившийся неподалеку Бипакдас (?) Сакрвал, слуга раджи Бхагвант Даса, стал упрекать и поучать раджпута. Несчастный набросился на него с оружием, но тот не пошевелился и продолжил свои

увещевания, говоря, что его намерения чисты, он друг обеим сторонам, и раджпуту следует остыть, так как он заблуждается. Разъяренный воин не прислушался к его словам и ринулся на падишахскую *даулатхану*⁵. Он ранил Пуран Мала, сына Кантх Саджавата, и пару других людей. А также проткнул живот Баха-ад-дин Маджзубу из Бадауна, входившему в круг почитателей священной красоты (Акбара). Тем временем подошел один из слуг Музаффар-хана и расправился с ним. Его Величество Шахиншах был поражен случившимся. Хотя сыновей Сурджана, совершенно не повинных в произошедшем, никто не упрекал, всё же те испытывали стыд. Их осыпали милостями, после чего они радостно воссоединились с отцом, сообщив последнему счастливые вести. Дабы закрепить собственное положение, Сурджан попросил одного из ближайших придворных представить его ко Двору, и Его Величество Шахиншах удовлетворил эту просьбу, отправив к нему Хусейн Кули-хана. Когда последний приблизился к крепости, [Сурджан] поспешил ему навстречу и проводил с почетом в свой дом. В день мах, 12 фарвардина, Божественного месяца, соответствовавший вторнику, 3 шаввала [976 г.х.] (22 марта 1569 г.), он выехал из ворот и пал ниц перед [царским] порогом. И передал достойные дары и ключи от крепости, сделанные из золота и серебра. К нему отнеслись с большой благосклонностью, и он обрел уверенность и спокойствие. Через доверенных придворных сообщил, что спустя три дня вывезет семью и челядь, после чего передаст цитадель в руки царских слуг, а затем отправится в столицу. Тем временем его сыновья останутся у падишахских стремян. Его Величество принял это предложение и дозволил уехать. Был отдан приказ распустить войска. Сурджан отправился назад и в течение трех дней вывозил из крепости своих людей и свое добро, после чего передал ее с житницами и хранилищами Михтар-хану, одному из величайших военачальников. Завоевание столь сильной цитадели, которую даже знаменитые правители так и не смогли захватить, несмотря на длительные осады, а Султан Ала-ад-дин взял с огромным трудом лишь после года усилий, было осуществлено Его Величеством Шахиншахом всего за месяц. На следующий день Его Величество вошел в крепость. Крики «Аллах Акбар!» (Аллах Велик!) слышались с той подобной небесам горы, и торжественные песни небожителей уносились ввысь.

Куда бы ни упал взор, везде оказывались знаки победы,
Что бы ни доносилось до слуха, то звучали вести о завоевании.

Когда при помощи удачи знамена победы взвились высоко подобно Храму и всё было готово для управления Рантабхором, Ходжа Джахана и Музаффар-хана отправили в соответствии с приказами вместе с огромным войском в столицу, в то время как Его Величество Шахиншах поехал с приближенными в Аджмир, дабы посетить знаменитые святилища.

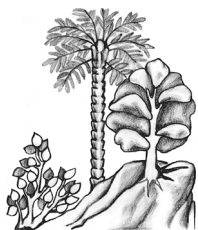
340 Когда он остановился в Амбере, раджа Бхагавант Дас, проживавший там, приехал с самыми искренними намерениями, устроил пир и преподнес богатые дары. Падишахская процессия двигалась переход за переходом. В дороге Его Величеству доставили вести о смерти Дарбар-хана. Во время следования в Аджмир тому было дозволено из-за тяжёлой болезни уехать в столицу. По воле небес он умер в том городе. Поскольку Его Величество — кладёзь милосердия и ценитель достоинств, сия трагедия повергла его в печаль. Как в мире аскетизма и уединения крайне необходимы терпение и выдержка, так в мире людей одобряются суэта и беспокойство. Однако в случае искренних царей подобные события являются лишь шлифованием жемчужин преданности! Согласно приказам (*васият*) сей верный слуга был похоронен рядом с царской собакой⁶, там, где ранее он [Акбар] водрузил купол. Его [Дарбар-хана] детей осыпали царскими милостями. Да сохранит Всемогуший Аллах на века и циклы вознаграждающего за преданность Шахиншаха на троне власти, и не коснется пыль печали его вечно юного сердца!

О Аллах! Поскольку существует центр небосвода,
Не дай царю сему оставить этот мир.
Пусть Небеса станут его кольцом с печаткой,
Пусть в рукаве его пребудет ключ от мира.

Итак, миновав несколько переходов, он прибыл в Агру 31 арди-бихишта, Божественного месяца, соответствовавшего среде, 24 зу-лькаада [976 г.] (11 мая 1569 г.), и остановился в самом центре цитадели, в заново отстроенном Бангали Махале⁷. Врата правосудия и милосердия распахнулись для человечества!

Глава 69

Взятие крепости Калинджар¹ слугами² власти

Ветры удачи, подувшие из недр судьбы, вызвали улыбку у цветов сада успеха и утяжелили победу плодами. Радостные желания исполнились. Воззвания пришли от четырех столпов власти³, с четырех сторон света доставили приятные вести. В подтверждение онога на 32-й день⁴ амардада, Божественного месяца, соответствовавший вторнику, 29 сафара 977 г.х. (11 августа 1569 г.), гонцы доложили о взятии крепости Калинджар. Цитадель сия возвышалась на холме и была подобна небесной твердыне сфер.

Тот, кто клятву дает на гору взойти,
После ищет способ исполнить обет.
Если холм он узрит, что выше горы той,
Станет то днем его после воскрешения⁵.

Эта цитадель принадлежала радже Рам Чанду, правителю Панны. В смутные времена афганцев он захватил ее, заплатив много денег Биджли-хану, приемному сыну Бихар-хана⁶. Когда победоносное войско отправилось завоевывать Рантанбхор, Муним-хану Какшалу, Шахам-хану Джалаиру и другим военачальникам, имевшим *джагиры* в восточных провинциях, был дан приказ взять крепость Калинджар. Они подчинились приказу и осадили ее. [Вражеский] гарнизон оказался в затруднительном положении: никто не мог носа высунуть из-за стен. Когда до слуха гордецов донеслись звуки взятия Читура и Рантанбхора, те, чьих глаз коснулся бальзам рассудительности, узрели, что нет лучшего лекарства, чем помещение чела самонадеянности на землю повиновения. Раджа Рам Чанд, обладавший некоторыми

341

признаками разума, прознал о прибытии священной процессии в столицу и запросил пощады. Он передал крепость падишахским слугам и с надежными людьми отправил к возвышенному порогу ключи и великолепные подношения, а также свои поздравления по поводу недавно одержанных побед. Его мудрость и проникательность были вознаграждены, и посланников приняли милостиво. Управление цитаделью передали Маджнун-хану Какшалу. Благодаря царской удаче крепость, над бойницами которой ранее не пролетал орел воображения прежних правителей, оказалась в руках падишахских слуг без боя и борьбы.

В то время прибыл посол от раджи индийской провинции Каджли⁷, что близ Малабара. Он передал Шахиншаху заверения в преданности. Раджа был знаменит среди правителей той части страны размерами своих владений и богатств и однажды, получив помощь одной секты йогов, в течение года носил их одежды и окружил тех почетом. Радже этому привиделась во сне духовная и земная слава Его Величества Шахиншаха, и стал он одним из его учеников, постоянно расспрашивая о нем путешественников. И постоянно вынашивал планы отправить ко Двору диковины своих земель вместе с заверениями в преданности. Однако вследствие расстояния, преград в виде островов (полуостровов?) и гор и препятствий врагов ему никак не удавалось осуществить задуманное. Никто из его слуг не решался исполнить эту миссию из-за дальности расстояния и пути, проходящего через вражеские земли. Сын его визиря, полный мудрости и бескорыстия, взялся осуществить задуманное. Он сказал, что хотя путешествие может не завершиться из-за сложности и затрат, всё же единолично возьмется за это и приложит все силы, чтобы добраться до Двора. Таким образом, исполнит долг перед господином и продемонстрирует ему свою преданность, а также обретет вечное счастье для себя, представ перед Шахиншахом. Поскольку визирь с женой очень любили сына, они не дали согласия на его отъезд, но этот благословенный, приложив тысячу усилий, получил добровольно-вынужденное дозволение и отправился в путь. Раджа сказал: «Хотя ты и везешь ко Двору лучшую вещь в мире, а именно — неподдельную искренность, всё же необходимо исполнить

долг покорности. Если доставить туда все мои драгоценности и богатства, какое впечатление они произведут, и как их оценят? И главное, как ты повезешь такие ценности в подобных условиях, как защитишь от опасности в дороге? Однако у меня есть нож, сделанный древними целителями нашей страны, сотворившими его как талисман и амулет. Хотя с виду он не имеет никакой ценности, всё же у него есть одно свойство — если его приложить к ране, она исцеляется. Я передаю тебе эту диковину, дабы спрятал ты ее в вещах и взял с собой, и пусть она напоминает обо мне». Посланник отбыл; долгое время находился он при Дворе, но так и не мог получить аудиенции. Наконец о нем доложил [царю] раджа Бирбар. Защитник бедных и покровитель смиренных (Акбар) послал за ним, осуществив его желание. Засвидетельствовав свое почтение, тот преподнес [упомянутую] диковину и был вознагражден благосклонным приемом. После этого получил дозволение уехать и вернулся на родину. По сей день нож хранится в главной сокровищнице. Я неоднократно слышал из священных уст Шахиншаха, что более двухсот человек, находившихся на грани смерти, выздоровели благодаря прикосновению этого ножа. Вот какая сияющая сила была продемонстрирована мироукрашающим Создателем! Если кто-то обладает возвышенной натурой и великими способностями, мироодаряющее Божество ниспосылает без вознесения предварительных молитв в недра его судьбы исполнение того, что еще не посетило его сердца. Что удивительного в том, что Он осуществляет желания, возникшие у подобного человека! Мудрец знает, как сбываются ежедневно чаяния этого духовно и внешне великого мужа. Пример тому — преумножающее счастье рождение сына, о котором властитель постоянно просил у Божественного Двора! В тот год человечеству было даровано сие великое благо, и Властелин Мира обрел полноту радости.

Глава 70

**Благоприятное рождение озаряющей
мир жемчужины обители власти
и судьбы, блистающего в ночи
бриллианта ларца созидания
и славы — принца Султан Салима**

343

Властелин земли, Художник материального бытия, Раскрывающий духовный мир, достигнув совершенства внешнего и внутреннего, искал среди сынов человеческих мужа, какового счел бы достойным беседы, что крайне необходимо в сфере всеобщих связей.

Несмотря на тщательные поиски, так и не нашел подобного. Проповедники сокровенного мира и знатоки внешних проявлений провозгласили, что человек, способный поддержать беседу с Цветом существования, должен родиться от него самого, а ему надлежит незамедлительно начать молить Создателя и Дарителя жизни о сыне, дабы тот стал достойным сего титула (сына?) наперсником¹ священного пира Шахиншаха и явился бы на землю океаном Божественного изобилия, возвращенным за тысячи циклов под Божественным оком Аллаха. Благородный род продолжился бы от источника к источнику, от столпа к столпу (джадул), и человеческие сословия приняли бы, пропорционально своим добродетелям, участие в пире духовного и земного благословения, и проявили усердие в почтении и повиновении. Благочестивый государь, ранее ни о чем не просивший Господа, пожелал сего значительного блага. Великий Даритель, не дожидаясь просьб, наградил его духовным и преходящим царством и преподнес единственному в своем роде слуге дары, выходящие за пределы человеческого понимания. Проницательный мудрец знает, что за славная жемчужина будет дарована, если столь выдающийся муж мира про-

сит о милости своего Покровителя. В скором времени были явлены знаки исполнения этого желания. Из-за своего благородного естества и стремления, несмотря на обладание безграничными богатствами, познать Господа через [общение] с дервишами, аскетами и богословами, отдалившими руки от всего, считающими самым лучшим способом служения Аллаху презрительное отношение к собственным желаниям и проводящими дни в молениях и самоограничении, Шахиншах обратился к молитвам и неизменно искал внимания тружеников полей поиска (Бога), проводящих свои дни в иступленном служении [Ему]. В это время свет богопознания и почитания Всевышнего и аскетизм обнаружили у шейха Салима из города Сикри, ставшего благодаря славе прибытия Шахиншаха столицей и называемого ныне Фатхпур. При посредничестве Шейх Мухаммада Бухари, Хакима Аин-ал-мулка и нескольких других придворных, имевших право на аудиенцию, известия эти довели до царственного слуха, и было решено, что вместилищу Солнца удачи² вместе с несколькими чиновниками, представленными к зенана (букв. «завеса целомудрия»)³, надлежит прибыть в Фатхпур и насладиться покоем близ шейха. Также издали приказ возвести там царский дворец, дабы праведный шейх мог обратиться к Творцу щедрости с просьбой о великом даре. Благо его приближения проявилось в прибытии желаемого объекта. До этого Жалователь даров ниспосылал уже правителю нескольких детей⁴, но их забрали [на небеса] вследствие тысяч мудрых замыслов, один из которых — преумножение радости обретения бесценной жемчужины. Согласно всеобщему мнению причина этих потерь — местные условия, и об этом ходило множество разных историй. В результате Управитель мира духовного и земного пожелал изменить местоположение [рождения ребенка] и скрепить слухи печатью молчания. Он избрал это направление и положился во всём на Аллаха, наделяющего многим, и ждал прихода уникальной жемчужины Халифата. Наконец в благоприятный момент сия уникальная жемчужина Халифата явилась из недр раковины, прибыв на берега существования в городе Фатхпур. В точке восхождения 24 градусам Весов, по прошествии семи часов дня⁵ рашн, 18 шахриюра, Божественного месяца, соответствовавшего началу месяца аб (августа) 1880 года эры Руми,

или 11 бахмана 938 года эры Яздигерда, или в день дин, 24 шахри-юра 491 года эры Джалали⁶, или 977 г.х., звезда благословения поднялась на горизонте судьбы.

Цветок радости распустился в саду славы,
Фрукт созрел на древе державы и веры⁷.
Вестники доставили счастливые новости в Агру,
И повсюду началось веселье.
Радость пронизала разум эпохи.
Время устроило собрание наслаждений,
Виночерпий сел, и подняли чашу.
Задали пир, что радостней жизни основ,
Виночерпий был бесподобен, как ряд кубков,
Что сделали освещенным мир.
Там было весеннее собрание,
Цветок зарделся, и засиял сад,
Явился светоч и род озарил.
То судьба была, что подобна уму мудрецов.
Мир воскрес с пробуждением судьбы.
Зефиры подули, цветы разметая,
Земля взмыла ввысь и слилась с небосводом.
Царь пришел — осуществилось (букв. «насытилось»)
желание друзей.
Он воссел на пиру с наслаждением и кубком.
Венец свой поднял до небес,
Чело к земле преклонил
И указ издал: веселиться!
Мир пригласил к себе в гости.
Виночерпий крышку кубка откинул,
Казначей дверь в сокровищницу отворил.
Кромка и недра небес переполнились,
Дабы пролился на землю ливень из жемчуга⁸.

345 Одним из примеров благодарности за бесконечную щедрость [Господа] стало освобождение всех преступников в падишахских

владениях, заключенных в крепостях за серьезные преступления. Наступил новый базарный день для радости, и разгорелись светильник и око судьбы. Великая мудрость — заботиться о человечестве в соответствии с представлениями и пониманием каждого, дабы во всем установился порядок. Искусство красноречия выражается в принятии в расчет уровня внимающих. Каждый, кто изучал древнюю историю, знает, что основная причина мировых беспорядков заключалась в том, что правители и знать тех эпох не учитывали особенности восприятия своих слушателей и изрекали слова общего характера исходя из собственной дальновидности. Народ в целом представления не имел о возвышенных умозаключениях великого. Поистине немногие способны понять столь высокие идеи и потому пребывают в отдалении и растерянности. Слава Аллаху! Его Величество Шахиншах только с Божьей помощью, когда находится среди недалековидных и поверхностных, не следует своей небесами данной мудрости, но разговаривает с каждой группой, нет — с каждым отдельным человеком в соответствии с пониманием последнего. В результате проницательные представители каждой группы строят догадки или уверены, что Принц мира думает и знает лишь то, что он им показывает. Таким образом, когда Великий Создатель преподнес сей дар [сына], надлежало как можно скорее отправиться в путь и озарить очи благословенного младенца светом заключенной в нем (Акбаре) сокровенной мощи⁹. Поскольку у простого люда тех земель бытовала традиция, согласно которой благословенный младенец, дарованный Господом после долгого ожидания, не должен рождаться в присутствии своего почтенного родителя, Его Величество отнесся к обычаю с уважением и отложил свой визит в Фатхпур. Сей новый плод сада судьбы пребывал в месте своего рождения, и заботу о нем доверили выдающимся людям. Исходя из его внутренних и внешних качеств его нарекли Султан Салимом. Надеемся, он возрастет в духовном и физическом благополучии под опекой Шахиншаха и будет осчастливлен возможностью угодить Его Величеству, что приравнено к почитанию Аллаха. Да проживет он благословением Шахиншаха до мудрых и преклонных лет, будет свеж и укреплен соком Источника судьбы! Согласно указаниям астрономы подсчитали силы

- 346 небесных отцов и земных матерей (планет и стихий) и составили гороскоп. Поскольку существуют разногласия между греческими и индийскими астрологами относительно основных принципов и следующих из них выводов применительно к звездам, гороскоп был составлен согласно правилам каждой [системы]¹⁰. Если позволит время и разум мой будет ясен, то по приказу Его Величества Шахиншаха и посредством собственного понимания я составлю новый гороскоп в соответствии с греческими и индийскими канонами и запишу его толкование для каждого года, дабы стало это руководством для составителей гороскопов века. Пока же занят денно и
- 347 ночью служением Его Величеству Шахиншаху и не могу следовать велению сердца своего. Когда же придет время для иных занятий? Поскольку гороскоп, составленный Мауланой Кандом по греческим канонам, представляется наиболее заслуживающим доверия, приведу его первым¹¹.

Поэты сочинили поздравительные оды в честь сей непреходящей радости и получили великие дары. Один из способнейших музжей вычислил, что фраза «Царственная жемчужина великого океана» — *Дар-и-шавал-и-лахаджа* (977 г.х.) давала дату его благословенного рождения. Некий ученый человек нашел [дату в словах] «Жемчужина дворца Шахиншаха»¹², а другой — [в словах] «Жемчужина ларца Акбар Шахи» (*Гохар-и-дарадж-и-Акбар Шахи*).

- 348 Ходжа Хусейн из Мерва¹³ преподнес оду, первая строка каждого двустипхия которой давала дату Восшествия Шахиншаха на престол, а вторая — дату рождения жемчужины ларца благоденствия. Несмотря на следование двум столь изумительным датам, стихи не лишены совершенства.

Воздадим хвалу Аллаху во славу Царя.
Великолепную жемчужину вынесло на берег океана правосудия,
Птица выпорхнула из гнезда величия,
Звезда зажглась в зените славы и красоты.
Подобный розовый куст не увидишь в цветнике,
Похожий тюльпан не раскроется на клумбе.
Сердца возликовали возрождению мира.

особенно любил охотиться на *чит*, и у него были устроены ямы для их поимки. Стало обычаем, что, когда доставлялись новости о том, что *чита* попал в ловушку¹⁶, он тотчас вскакивал на резвого скакуна и ехал к месту. Надлежащим способом *чита* извлекался из ямы и передавался искусным в этом деле мужам. На сей раз сообщили, что очень большой *чита* попал в ловушку в окрестностях Гвалиара. В день ормазд, 1 азара, Божественного месяца, соответствовавший воскресенью, 4 джумада ал-ахира [977 г.х. — 14 ноября 1569 г.], он сел на коня и направился к Гвалиару. Когда подъехал к яме, то лично связал *читу* и вынул его оттуда. Тогда же пришли новости, что в священном гареме в день дай-ба-зар, 8 азара, Божественного месяца, соответствовавший воскресенью, 11 джумада ал-ахира [977 г.х.] (21 ноября 1569 г.), родилась дочь. Он дал благословенной новорожденной имя Ханам¹⁷ и приказал веселиться. Надеемся, что знаки ее благополучия будут преумножаться день за днем, и она станет для отца источником долгой жизни и всё возрастающей удачи. Через несколько дней, когда знать и простой люд насладились охотой, он вернулся в столицу. Когда священная процессия приблизилась к Агре, доложили, что Део султан, сын Дарбар-хана, подобный диву (*део*)¹⁸ или бешеному зверю, жаждущему крови и смуты, являвшийся вместилищем раздоров и вражды и не внимавший никаким советам, устроил засаду в гробнице своего отца, мимо которого должен был проехать Его Величество, вооружился и задумал недоброе. Был дан приказ его арестовать и отправить к Джагмалу Панвару¹⁹. Он умер в заключении, и человечество освободилось от его злодеяний. Его Величество прибыл в Агру в счастливый час и правосудием и справедливостью установил духовный и земной трон, принявшись за управление делами.

Глава 71

Паломничество Его Величества Шахиншаха из столицы в Адджмир, достижение им земного и духовного успеха на полях удачи

Поскольку священное сознание царя нуждается в наставлениях святых мужей, то во время ожидания сына он дал Создателю клятву, что после достижения сего блага лично вознесет благодарственную молитву, то есть совершит из Агры паломничество в святилище Ходжа

350

Муин-ад-дина Чишти и засвидетельствует там свою преданность Аллаху. Решение воплотить сие намерение в жизнь было принято в раджабе¹ (седьмой месяц), когда отмечалась годовщина этого святого (*урас*)². Как только озаряющая ночь жемчужина ларца Халифата достигла берегов надежды³, он вспомнил об этом обязательстве и отправился в путь из Агры пешком в день абан, 10 бахмана, Божественного месяца, соответствовавший пятнице, 12 шаабана (восьмого месяца) [977 г.х.] (20 января 1570 г.), проходя переход за переходом и пересекая пустыни. И каждый день проделывал путь примерно двенадцать косов⁴.

Вот список пунктов, пройденных после выхода из Агры:

1. Мандхакар
2. Фатхпур
3. Прошел Ханву и сделал привал у Джуны
4. Кароха
5. Басавар
6. Тода
7. Калавали
8. Харанди
9. Диса

10. Прошел Хансмахал и стал лагерем близ Пхулмахала
11. Санганир
12. Близ Неоты
13. Джхак около Муиззабада
14. Сакхун
15. Каджбил
16. Священное жилище Ходжи в Аджмире⁵.

Затем направился прямо к святилищу, поместил [там] чело искренности и просил о помощи. Провел там в молитвах несколько дней, верша добрые дела. И преподнес дары служителям святилища. Поскольку при распределении даров, число коих было велико, претенденты на родство с Ходжой и управители святилища (глава — Шейх Хусейн⁶) завладели всеми деньгами, и между ним (Шейх Хусейном) и служителями усыпальницы возникли споры и ссоры и пошли разговоры, что шейхи, заботившиеся о святилище, стали рас-
351 пространять ложь о наследниках, и распри эти продолжались долгое время, Его Величество назначил надежных людей разобраться с этим вопросом и доложить о результатах. После тщательного расследования обнаружилось, что притязания на родство были необоснованными. Таким образом, заботу о святилище доверили шейху Мухаммаду Бухари⁷, известному своими познаниями и преданностью сайидам Индостана. Его Величество также устроил дела по управлению святилищем, принятию паломников, возведению там мечетей и ханака. Наконец, раздав все подарки, отправился в обратный путь, решив посетить усыпальницы святых Дели⁸. Он уехал и прибыл в Дели в исфандармаз — Божественный месяц, соответствовавший рамазану [977 г.х.] (февраль — март 1570 г.). И провел несколько дней в этом приятном месте, посещая гробницы и верша правосудие, и радовал сердца друзей и незнакомцев.

Глава 72

Начало 15-го Божественного года
с момента [священного] Восшествия на
престол [Его Величества Шахиншаха] —
года хурдад второго цикла

В восхитительную пору, когда свита Шахиншаха впитывала сокрытый свет в Дели, наступила оживляющая весна, и изобильный Новый год сорвал завесу с ее лица. Легкий ветерок вдохнул новую жизнь в тело земли. Власть флоры сотворила новичков растительного царства. Утренние ветра, подобно биению просветленного сердца, развязали узлы душ. Весенние облака источали изобилие и, как сердца благородных и великодушных мужей, закладывали пыль жизней.

Что за цветы расцвели, что за птицы запели!
Душа соединилась с очами, а зрение со слухом слилось.
Я чувствую себя птицей, плененной присутствием розы.
Иногда лишаюсь сознания, а порой возвращается разум.
Есть ли смысл в вестях для спутников сада,
Когда само время вызывает тысячью языков.

С [приходом] благословенных огней украшающий мир Султан Востока (Солнце) бросил тень своего вступления в дом Овна по прошествии двух часов двадцати трех минут в субботу, и 3 шаввала 977 г.х. (11 марта 1570 г.) начался пятнадцатый Божественный год с момента Восшествия на престол — год хурдад второго цикла. Опять оживился рынок удачи. В эту весеннюю пору Его Величество в знак благодарности и признательности посетил места и сооружения, возведенные в былые времена мудрыми принцами, и обрел там поучительный опыт. Он раздал милостыню скромным

352

жителям этих руин. Затем посетил гробницу Его Величества Джанханбани Джаннат-ашияни¹ — алтарь чистых душ и тел — и молил о политическом и духовном просветлении. Оттуда направился в Агру, переправившись через Джамну. Проходя через селения, несколько раз наслаждался охотой на оленей при лунном свете. Он с радостью проделывал переход за переходом и, наконец, прибыл в Агру в день бад, 22 ардибихишта, Божественного месяца, соответствовавший вторнику, 26 зу-ль-каада [977 г.х.] (2 мая 1570 г.). Народ сего города возликовал. В начале того года Шуджаат-хан, один из величайших военачальников и [царский] любимец, пригласил Шахиншаха на пир. Его Величество, настроенный оказывать милость своим подданным и исполнять их желания, принял приглашение и в благословенный час озарил его жилище [своим присутствием]. Он [Шуджаат-хан] выразил [искренние] заверения в преданности и приложил старания к увеселению [Царя Царей]. Был задан великолепный пир, и Его Величество провел на этом собрании одну ночь и один день, получая духовное и земное наслаждение и излучая доброту и доброжелательность.

Глава 73

Благословенное рождение принца Шах Мурада

Поскольку небесные отцы и земные матери содействуют успеху Шахиншаха, каждую весну в саду судьбы распускаются молодые цветы, и каждый цикл на горизонте Халифата зажигается благословенная звезда. Когда Шахиншах, источник власти и судьбы, пожелал возвышенного потомства, несравненный Творец проявил особую щедрость и ниспослал сие благо, и преумножающиеся с каждым днем милости — великий дар небес — стали проявляться одна за другой украшением Его Величества. Новое и могущественное содействие, способное поддержать правителя и укрепить Халифат, было оказано и продемонстрировало четырем столпам мира и шести сторонам Вселенной, что Аллах даровал Шахиншаху державы судьбы вместе с благословением и благом, ибо не имелось ему равных или подобных среди правителей по характеру и качествам, пониманию истины и почитанию Господа. Среди прочих благ оказалось ниспослано следующее: в счастливый год, по прошествии пятидесяти двух секунд (*пул*) ночи асмана, 27 хурдада, Божественного месяца, в четверг, [3-го числа] месяца мухаррам 978 г.х. (7 июня 1570 г.), 29 хурдада 492 года эры Джалали (Малики), соответствовавшего 17 абану 939 г. эры Яздигерда, 8 хазире 1881 г. эры Руми¹, под знаком Козерога (согласно греческим философам) или Стрельца (согласно индийским мудрецам), в счастливых покоях шейха Салима в Фатхпуре родился благородный сын, на чьем челе отразились огни великого будущего. Расцвела новая роза Халифата. В благоприятный час на страницах судьбы появилось имя счастливого принца — Шах Мурад. В честь празднования восхода счастливой звезды устроили великий пир и раздали

353

354

щедрые дары. Полы времени стали тяжелыми от прихода успеха (мурад).

От радости, на век сошедшей,
Новый базарный день восторга наступил.
Весна пришла, ликующе стопой дробь отбивая
И очищая землю ветром утра.
Радость на радости взмывала к небесам,
Мир отливал монеты² света, [сотворенного из] света,
Заря зарделась в поздравленьях,
Ибо самшит³ родился из жасмина.
Весна веселья чести (абру) удостоена была,
Ибо черпала воду (аб) из источника желаний.
Надежда пила воду из семи морей,
Ибо замок сокровищницы был открыт⁴.
Атар [аромат], что изливался, поглотил все чувства,
Возникла радость, опьянило удовольствие.

355 Панегиристы создали стихи и хронограммы на сие рождение, и их вознаградили. Были составлены гороскопы⁵ согласно греческим и индийским канонам. Дабы выразить поздравления и урегулировать дела восточных провинций, Муним-хан Хан-ханан покинул Джаунпур и удостоился чести засвидетельствовать свое почтение.

Глава 74

Поход Шахиншаха в Аджмир и прочие счастливые события

356

На исходе весенних дней, когда благоуханные ветры еще оведали ворот времени, а зефиры [небесного] сада устремлялись с подола небосвода, [когда] новый розовый куст расцвел в саду Султаната, а молодой кипарис был возвращен весенней порой Халифата¹, Шахиншах решил, что из признательности за сию великую щедрость посетит святую усыпальницу Ходжа Муин-ад-дина, да святится его могила! В день абан, 10 михра, Божественного месяца, что соответствовал субботе, 22 раби ас-сани [978 г.х.] (23 сентября 1570 г.), он выступил с намерением обрести благословение и остановился в селении Мандхакар. Там Муним-хан Хан-ханан испросил дозволения [отбыть], чтобы уладить дела восточных областей. Благородный Хедив проследовал от того местечка в Аджмир, услаждаясь различными забавами, и в особенности охотой. Когда Аджмир осветила тень зонта удачи [Его Величества], он [Акбар] провел несколько дней в молитвах в усыпальнице и раздал дары прислуживающим там (людям). Столь великими оказались его щедроты, что ни одного человека не забыли на празднестве добрых дел.

В это же благоприятное время было дано распоряжение о восстановлении и расширении крепости Аджмира. Согласно этому искусные зодчие заложили крепкие фундаменты и в счастливый час начали возводить то благородное строение из камня и глины. Все дворцы и все дома высоких и низких оказались внутри стен, за некоторое время многие работы завершились, и Шахиншах выразил похвалу. К востоку от города возвели главный дворец. В течение трех лет все постройки крепости и дворцы [Его Величества] были окончены, а на следующий год они благодаря его прибытию превратились в обитель

света. Подобным образом вся знать и чиновники, повинуюсь приказам, выстроили себе достойные жилища и [разбили] сады. Счастьем благородного прихода за короткое время возник столь крупный город, какого не найти в воображаемых зеркалах сведущих в магии геометров. После того как Шахиншах заложил основания тех зданий, он из политических соображений и ради подавления угнетателей, а также по иным [причинам] и под покровом увлечения охотой отправился в Нагор² в день рам, 21 абана, Божественного месяца, что соответствовал пятнице, 4 джумада ал-ахира [978 г.х.] (3 ноября 1570 г.). В день ардибихишт, 3 азара, Божественного месяца, что соответствовал среде, 16 джумада ал-ахира [978 г.х. — 15 ноября 1570 г.], он остановился в сем городе. Хан Килан, правитель той области, узрел в прибытии Его Величества великое счастье и устроил пир. [Царственный гость] почтил своим посещением его дом и наполнил подол его желаний немеркнувшей славой.

В это же время взгляд Его Величества упал на водоем. Несколько благородных мужей города, явившихся поприветствовать его, сообщили, что процветание города зависит от трех водоемов³. Один назывался Кайдани, другой — Шамс Талао, а третий — Кукур Талао. Поскольку со временем большая его часть заполнилась глиной, многие жители из-за нехватки воды оставили свои дома и разбрелись куда глаза глядят. Ради общественного блага издали приказ очистить Кукур Талао, весьма обширный [водоем], и сведущие *бахши* произвели измерения и разделили работу меж чиновниками. Благодаря малой толике внимания его [Акбара] подобного океану разума тот мираж стал озером, достаточным для обеспечения водой обширного лагеря. Этот источник пресной воды переименован в Шукр Талао. Прежнее название происходило от *кукур*, что на языке хинди означает «пес». Рассказывали, как некий купец, находясь в стесненных обстоятельствах, оставил своего пса, бывшего олицетворением ума, у одного богача, а сам отправился в дальние страны, чтобы попытать счастья. И провел там немало времени. Однажды пес, ведомый своей чуткой природой, отправился в путь, и по счастливому совпадению купец, достигнув [поставленной] цели, явился в то же место. Пес, почувствовав это и виляя хвостом, прибежал к ногам

хозяина — и в избытке радости расстался с жизнью. Торговец в благодарность за такую необычайную верность выкопал там водоем и назвал его в честь случившегося.

Когда величественная процессия Шахиншаха достигла тех земель для наведения порядка в делах и отправления правосудия, именитые мужи и землевладельцы поспешили засвидетельствовать почтение. Среди них оказался Чандар Сен, сын Малдео, один из великих заминдаров Индии. Его приняли с царскими милостями. Также Рай Калиян Мал, *рай* из Биканира, прибыл с сыном — Рай Раи Сингхом и удостоился счастья приема. Ведомый доброй удачей, он передал, через имевших доступ к Его Величеству, о своей надежде, что дочь его брата Кахана возьмут в гарем Его Величества. Хедив одобрил это предложение, и ту, восседавшую в паланкине благонравия, ввели за занавеси непорочности.

Одним из отрадных происшествий стало то, что Баз Бахадур поспешил к вершине удачи и изъявил почтение. Благодаря милостям Шахиншаха ему удалось восстать из праха потерь и обрести луч удачи — или даже новое рождение. Он запятнал честь, когда покинул Мальву, отвернув свой лик от удачи, и некоторое время бродил от одной двери к другой. Вначале отправился к Бахарджи, *заминдару* Баглань. Оттуда взял путь к Чингиз-хану, а после того примкнул к Шер-хану Фулади. От него двинулся к Низам-ал-мулку из Декана, но повсюду его ожидали бедствия, а затем обрел приют у *раны* [Удай Сингха]. Когда Шахиншах услышал о несчастьях и жалкой доле этого человека, растленном вином мира, присущая ему благожелательность побудила его послать одного из слуг, дабы пригласить того ко Двору. Соответственно для этой службы был назначен Хасан-хан Хазанчи. Он вдохнул в того надежду на царскую благосклонность и доставил ко Двору, где последнего осыпали царскими милостями.

Событием того времени явилось следующее. Некто из тех, кто был облечен властью в высочайшем собрании, доложил Его Величеству, что Равал Хар Раи, правитель Джайсалмира⁴, втайне прикрепил подпругу желанья к поясу своей души и жаждет, чтобы его целомудренную дочь возвысили, назначив одной из его [Акбара] женщин-служанок. Но, в силу того что из-за разных препятствий не

в силах лично прибыть ко Двору, он просит, чтобы какому-либо придворному поручили явиться в его земли и принести ему вести о милостивом одобрении, и тогда бы сию уединенную доставили в столицу. Так как в обычае Его Величества было удовлетворять просьбы нуждающихся и освобождать тех, кто опутан бедствиями, то он принял просьбу, и раджа Бхагвант Даса, пользующегося благо-
склонностью того, чья стопа тверда на празднестве верности, послали с этим поручением. Он завершил дело ко времени возвращения Его Величества из Нагора, и святая женщина, родившаяся под счастливой звездой, обрела вечную славу, вступив на женскую половину. Когда Его Величество уладил дела той страны, преданность побудила его посетить гробницу шейха Фарида Шакарганджа, что в Паттане, в Пенджабе. Садик-хану, Бек Нурин-хану⁵ и многим иным слугам он дал разрешение остаться в том краю и отправился в Паттан.

Глава 75¹

Краткое повествование о шейхе Фариде Шакаргандже

— да святится его могила!

Рассказ об охоте Акбара на диких ослов

Шейх [Фарид Шакаргандж]² был одним из непревзойденных борцов с чувственностью и аскетов того века. Говорят, он происходил от Фаррух-шаха Кабули, известного всем как царь Кабула (Шах-и-Кабул). Во времена Великого хана и возвышенного каана Чингиз-хана один его (шейха Фарида) предок по имени Кази Шаиб прибыл в Лахор и поселился в городе Касур. Султан Балбан счел это прибытие великой честью и выказал к нему почтение. Шейх (Фарид) отправился в Мултан и посвятил жизнь изучению наук, известных в Индии. Ходжа Кутб-ад-дин Уши³, наследник Ходжа Муин-ад-дина, переключивший внимание от каллиграфии⁴ к священным предметам, а от картины — к художнику, приметил его, и дал ему ценные советы о пренебрежении приземленными науками и посвящении себя истинному знанию, и тем самым привел его на Путь. Зажжен был факел исканий, и возгорелся пламень рвения. Он [Фарид] отошел от всех остальных занятий и отдал сердце служению Ходже. Лишь благодаря преданности и длительной службе явил изумительные чудеса и стал средоточием дивного⁵.

Государь увлеченных Божественной мудростью направился к избранной цели. С виду ум его был поглощен забавой охоты, внутренне же его сердце жаждало познать Всевышнего. В пути странный случай⁶ произошел на границах принадлежащего раи Ала-ад-дину [местечка] Талонди⁷, близ Сатледжа, именуемого там Хархари. Вот краткий рассказ о том. Разведчики донесли, что впереди находится стадо диких

ослов (*горхар*). Владыка, сопровождаемый двумя или тремя лучшими ловчими, отправился на них поохотиться. Приблизившись к равнине, сошел с лошади и продолжил путь пешком. С первого же выстрела попал в осла, а остальное стадо убежало гораздо дальше пределов досягаемости ружья. Сей Божественный герой мира взял в руку оружие и быстро зашагал по раскаленному песку, сопровождаемый теми же тремя или четырьмя охотниками. Вскоре пересек равнину и, настигнув стадо, начал стрелять из своего ружья [поражая животных] одно за другим. И продолжал преследовать их, и в тот день умертвил тринадцать диких ослов. Когда же убивал одного, остальные уходили всё дальше от места, где находились вначале. К этому времени его начала мучить жажда. [Вокруг] не было и следа воды. Поскольку он решил преследовать дичь пешком, те [мужи], избранные для охоты, решили, что Его Величество неподалеку, и потому не спускали глаз с лежавшей дичи и не тронулись с места⁸. Когда Владыка Мира прошел несколько косов, его спутники, несмотря на поиски, не смогли узнать ничего о водоносах и не обнаружили ни следа воды. Странное состояние овладело [им], и слабость, вызванная жаждой, возросла настолько, что он утратил способность к речи. В это время, когда отвага верных обратилась в воду, таинственные проводники направили особых водоносов через беспредельную пустыню. Признательность была вознесена Аллаху, и сердца верных возрадовались. Как видно, таинственным языком запечатлелось в сердце Его Величества Божественное указание, дабы он помнил о своей священной особе и вел себя более осмотрительно, оберегая ее, ибо в действительности это [действие] — наблюдение за всем человечеством или даже изъятие признательности за Божественные милости и сохранение Божественных даров.

Начиная свои мысли, подумай о конце.
Не играй собственной жизнью⁹.

Одним из происшествий было, что Джалал, заминдар Бхимбара (в Кашмире), хитростью погубил Кабул-хана¹⁰. Тот мечом уничтожал враждебных людей в тех краях. Заминдар искусно прикинул-

ся благожелателем, и простодушный тюрк, не собрав необходимых сведений и не изучив линии лба [Джалала], оказался сбит с толку одними его сладкими, золочеными речами. Последовав советам заминдара, он отослал воинов в отдаленные места, а его сын, Ядгар Хусейн, отправился к границам Наушахры. Хотя дальновидные и проницательные мужи твердили, что не стоит ему отсылать всех ратников, однако всё было предрешено, и поэтому их возражения оказались бесполезны. (Заминдар) повел его сына из Наушахры в ущелья, но вершины перевала уже заняли враги, и многих из его людей убили. Раненого Ядгар Хусейна сочли мертвым. Заминдар сжалился и укрыл его. В то самое время как эти мужи угодили в [западню] зла, Джалал напал на Кабул-хана. Ведомый отвагой в отсутствии мастерства, он не придавал значения многочисленности врагов и скудости собственных воинов и в день рам, 2 бахмана, Божественного месяца, что соответствовал среде, 5 рамазана [977 г.х.] (31 января 1571 г.), выступил со своих позиций и доблестно пал. Когда Его Величество узнал об этом, то повелел Хан Джахану заняться искоренением злодеев и снарядить войско храбрых и опытных мужей. В согласии с приказанием избранный отряд воинов стремительно на-
правился в те земли и приложил усилия для уничтожения спесивых негодяев. Они очистили этот край роз от плевел и сора мятежников.

Глава 76

Начало 16-го Божественного года
с момента [священного] Восшествия
на престол [Его Величества Шахиншаха]
— года тир второго цикла

Посланцы весны прибыли в сию пору удачи, и вести о благоденствии были донесены до всех, а тела и души расцвели вновь. Настроение века улучшилось, мир обрел равновесие. Щедрые облака, словно очи скорбящих, излились дождем. Забили чудесные источники, подобные сердцам святых. Зелень раскинула ароматный ковер. Цветники колыхались, распространяя потоки благоухания. Изумрудные почки распускались цветами красных кораллов.

С воспламеняющей мир вспышкой облака приплыли,
Вода поднялась до пояса растений,
Словно знамя Кауса [?] был кипарис,
Дария венец принес тюльпан,
Роза зажгла пламя серы¹ в саду,
Вода блестела, словно ртуть.

Когда в воскресенье, 14 шаввала 978 г.х. (13 марта 1571 г.), истекли восемь часов и двадцать минут, Освещающий время и землю [Солнце] пустил свой луч на обитель Овна и сделал землю чистой, словно разум Шахиншаха. Воздух наполнился благоуханием, подобно дивной сущности Владыки Мира, и начался шестнадцатый Божественный год по Восшествию на престол — год тир второго цикла. В начале этого благоприятного года Его Величество находился в лагере в Паттане². Почитающий Аллаха Хедив посетил гробницу шейха Фарида и вознес мольбу о [ниспослании] силы. Сподвижники того борца с чувственностью, а также обитатели

этих предместий наук красоты и совершенства были возвышены. Ради блага духовного и земного он остановился в том городе на несколько дней. И наслаждался зрелищем рыбалки. Рыбаки здесь ныряют и ловят рыбу ртами³ и руками или, пронзив ее трезубцем, вытаскивают из воды.

Одним из событий стало получение Мухибб Али-ханом, (сыном) Мир Халифы, дозволения отправиться вслед за Нахид бегим и завоевать Татту. Говоря вкратце, до этого благочестивой Нахид бегим, бывшей замужем за Мухибб Али-ханом, было разрешено отправиться и навестить свою мать Хаджи бегим. До ее приезда Мирза Иса скончался, а правителем вместо него стал Мухаммад Баки. Тот по скудоумию не разглядел счастья в прибытии бегим⁴. Напротив, повел себя грубо с [ней]. Это ее раздосадовало, и недостойные мужи тех земель, среди них Хан Баба и Мискин Тархан, примкнули к бегим, пытаясь захватить Мухаммад Баки. Он прознал об этом и постарался уничтожить эту клику. Хан Баба и Хаджи бегим попали в его руки, и он умертвил Хан Бабу, а Хаджи бегим держал в заключении вплоть до ее смерти. Нахид бегим благодаря смелости и ловкости ускользнула и явилась в Бакар [Бхаккар]. Султан Махмуд из Бакара предложил действовать вместе с ней и объявил, что если бы Мухибб Али-хан и его сын Муджахид-хан явились с небольшими силами, он бы присоединился к ним, и Татту завоевали бы царские слуги. Бегим поверила его притворным словам, и прибыла ко Двору, и попросила, чтобы названным позволили отправиться (в Татту). Поскольку она проявила немалую настойчивость, то получила дозволение [уехать] и прибыла в Татту.

Нахид бегим была дочерью Касим-хана Коки, который в своей верности посвятил себя Его Величеству Гити-ситани Фирдус-макани. Как известно, битва с Убайд-ал-лах-ханом окончилась явным неуспехом из-за великого труда [предстоявшего в] будущем⁵. Его Величество Фирдус-макани попал в руки врагов. [И тут] отважный и верный слуга выступил вперед и промолвил: «Царь я, почему ты схватил моего слугу?». Сим актом преданности царь был спасен, а поскольку неприятель приказал умертвить [слугу], Его Величество взял его семью под свою защиту. Хаджи бегим, дочь Муким мирзы,

сына Мир Зу-л-нуна, вышла замуж (вторично) за Мирза Хасана⁶, а после того за Мирза Ису, и ее дочь взрастили с истинно царской милостью. И отдали замуж за Мухибб Али-хана, (сына) Халифы, показавшего себя искренним слугой.

363 Одним словом, когда они достигли Бакара, Султан Махмуд отправил послание, где говорилось, что он поспешил с речами⁷ и не может присоединиться к их предприятию. Если они решились отправиться в Татту, то пускай идут через Джайсалмир. Мухибб Али-хан оказался в затруднении: и не в силах повернуть назад, и опасался идти вперед. Так как удачливость была заложена в его характере, и он надеялся на столь мощную поддержку (как Акбар), то решил напасть на Бакар и сразиться с Султан Махмудом. Оба войска встретились неподалеку от крепости Матила⁸. Что же это за армии? При Мухибб Али-хане и Муджахид-хане находилось не более 200 человек, а Султан Махмуд выслал 2 000! С помощью Аллаха, наблюдающего за делами сих приобщенных к вечной верховной власти, после ожесточенного сражения это небольшое войско одержало победу. Противник бежал и укрылся в крепости. Доблестные победители начали ее осаду, и гарнизон запросил пощады и вышел. Когда твердыню взяли и они обрели уверенность, то препоясались [готовностью] завоевать Бакар. Удача Шахиншаха посеяла раздор меж врагов, и Мубарак-хан, *хасахель* Султан Махмуда⁹ и его доверенный слуга, прибыл и присоединился к Мухибб Али-хану с 1 500 воинами. Причиной этого являлось якобы то, что гнусные [люди] того края заставили подозревать его сына Бек Огли в близости с одной из женщин Султан Махмуда. Поэтому сей недалекий (Султан Махмуд), не произведя расследования, попытался загубить его семью. Тот (Мубарак) не был чистосердечен. Поведение названного [то есть Али-хана] показалось ему подозрительным, и он искал возможности отделиться (от Мухибба). Мухибб Али-хан, желая [принадлежащих ему] земель, лишил его жизни. Он (подкупом) умиротворил его людей — подобных псам и мухам — и приступил к осаде Бакара. Лишь благодаря его связи с возрастающей день за днем удачей эта крепость была взята, как о том будет поведано в надлежащем месте¹⁰.

Из-за того что здоровье принца Шах Мурада несколько отклонилось от равновесия, Его Величество оставался несколько дней в том городе (Пак Паттан). Когда принц поправился, в день хурдад, 6 ардибихишта, Божественного месяца, что соответствовало понедельнику, 20 зу-ль-каада [978 г.х.] (16 апреля 1571 г.), громко ударили в барабан возвращения. Устраивали каждодневно охоту. За завесой развлечений было выказано почитание [Аллаха]. Однажды охотники доложили, что замечены несколько *чит* [гепардов], и Шахиншах отправился за ними. В тот день в *хеде* поймали шесть *чит*¹¹, и среди них — Мадан Кали, ставший главным *читой*. Когда знамена удачи достигли Дибалпура, Хан Азим Мирза Кока, державший этот округ во владении, обратился с мольбой, чтобы Его Величество навестил его. [Царь Царей] снизошел к этой просьбе и посетил его жилище. Тот приложил все старания для устройства пира и поднесения даров. Поскольку его преданность украшалась верным характером и он признавал, что для разумного слуги дать пир — значит вернуть лишь малую толику дарованного ему, то позаботился о достойном угощении. Музаффар Хусейн, бывший на службе у мирзы, сочинил такое полустилише в качестве хронограммы сего события: «Шах и Шахзада были гостями Азиза» (978). Его Величество отбыл оттуда и, охотясь и верша суд, прибыл в Лахор в день хурдад, 6 хурдада, Божественного месяца, что соответствовало четвергу, 22 зу-ль-хиджжа [978 г.х.] (17 мая 1571 г.). Хусейн Кули-хан исполнил обряды служения и преданности, и по его прошению [Шахиншах] посетил дома, недавно возведенные, и так названный снискал вечную славу. Когда дела той страны были улажены, под покровом разъездов и охоты, Его Величество пожелал отправиться путем через Хисар, дабы сделать ту область обителью просветления. Он также захотел побывать у гробницы Муин-аддина (Чишти)¹². Поэтому на исходе хурдада, Божественного месяца, что соответствовал 1 мухаррама 979 г.х. [25 мая 1571 г.], он направился в тот округ, и в день мах, 12 тира, Божественного месяца, что соответствовало воскресенью 1 сафара [979 г.х.] [24 июня 1571 г.], разбил лагерь в Хисар Фирузе.

364

Одним из происшествий явилось наказание, наложенное правосудием Шахиншаха на Лашкар-хана. Хотя он занимал должности

мир бахии, мир арзи и иные, справедливый принц не отступил [от правосудия] из-за этого. Вот краткий рассказ о сей поучительной истории. Опьянение миром заставило Лашкар-хана покинуть путь умеренности и совершить недостойные деяния. В своем скудоумии он посреди бела дня явился во хмелю ко Двору — оплоту мудрецов семи климатов и устроил бесчинство¹³. Когда истина об этом случае достигла слуха Его Величества, он, в назидание тому и для предостережения остальных, приказал провести его вокруг [дворца] привязанным к хвосту лошади. После чего отправил в темницу. Благожелательным взглядом окинув Шахбаз-хана, доверил ему обязанности Лашкар-хана. Поскольку покровительство Шахиншаха имеет разные степени, тот, кто попал в темницу из-за собственных деяний в Фатхпуре, при посредничестве приближенных обрел свободу. Хедив Мира, хотя и наступил сезон дождей, ежедневно выезжал для отправления царских обязанностей и, охотясь в дороге, прибыл в Аджмир. В день раш, 11 амардада, Божественного месяца, что соответствовал вторнику, 1 раби ал-аввала [979 г.х.] (21 июля 1571 г.), остановился в том восхитительном месте, и посетил гробницу Муин-ад-дина, и молил о [ниспослании] силы. Он почтил своего Господа и соединил мольбу с восхищением. Когда распорядители судьбы и рока желают, чтобы внешнее и внутреннее правление рожденного под счастливой звездой крепло день ото дня, то удерживают его от вершин святости. 365 Его стремление угодить Господу растет, и в силу глубоких способностей и ненасытной духовной жажды океан вокруг него предстает миражем, и он ищет источник [Божественной] цели. Для этого ему постоянно открываются всё новые ступени святости. Таково положение нашего Владыки Века. Исполнив долг отправления правосудия и удовлетворив желания тех, кто оберегал гробницу, он отправился в столицу. В день асман, 27 амардада, Божественного месяца, что соответствовал четвергу, 17 раби ал-аввала [979 г.х. — 6 августа 1571 г.], он остановился в Фатхпуре. И расположился в доме шейха Салима. [Люди] различных сословий, притесняемые и ожидавшие возможности засвидетельствовать почтение, обрели счастье.

Среди упрочивающих верховную власть событий значилось превращение Сикри, зависимого владения Бианы, в крупный город.

Поскольку *Хедив Мира* есть зодчий царства духовного и земного, и неустанно занят возвышением людских сословий и укреплением оснований справедливости, и помогает страждущим века обрести успех, то также он стремится взрастить славу земли и заботится о каждом местечке в соответствии с его потребностями. Поскольку его возвышенные сыновья родились в Сикри, а познавший Господа дух шейха Салима вступил [во владение] им, его святое сердце пожелало придать внешний блеск этому месту, коему духовное величие [изначально] присуще. Итак, когда его знамена достигли сего места, родился указанный замысел, и было дано распоряжение, чтобы управляющие делами воздвигли величественные строения для нужд исключительно Шахиншаха. Все ранги чиновников и простой люд выстроили себе дома, и то место обнесли высокой стеной из камня и глины (*хисар*). За короткое время возник крупный город с дивными дворцами. Также возвели заведения для общественного пользования, такие, как *ханака*, школы и бани, а из камня построили огромный базар. В окрестностях разбили прекрасные сады. [Так] был создан город, куда стекался народ, такой, что способен вызвать зависть мира. Его Величество дал ему имя Фатхабад [город победы], и в народных устах оно превратилось в Фатхпур.

Одно из происшествий таково: Музаффар-хан возымел возвышенное желание принять Его Величество Шахиншаха в своем доме, недавно возведенном и восхищавшем [даже] требовательных. Когда эту просьбу передали Его Величеству, он ответил согласием на предложение и в день дай-ба-дин, 23 дая, Божественного месяца [30 декабря 1571 г.], выступил из Фатхпура в столицу Агру. Высочайшее прибытие озарило его [Музаффар-хана] жилище [светом] земным и духовным. Были поднесены дары, и воцарилась радость. Оттуда он вернулся в Фатхпур. Имевшие желания в семи климатах приходили и обретали желаемое без всякого посредничества. Хвала Аллаху за то, что прозорливость и глубина величественного *Хедива* разгоняют базар порочных и алчных! Их гнусное племя нисходит в бездну позора, а шайка, делающая себе карьеру льстивыми речами, не имеет возможности заговорить. Более того, даже

добрые мужи, которые выдвигают достойных людей исключительно ради общественного блага, становятся ненужными в силу неусыпного личного внимания Шахиншаха. Благодаря совершенному просветлению своей души он прикрывает жалкие лавчонки лицемеров и обманщиков. В силах ли я описать, как эта ватага распознаёт свои злодеяния при свете факелов наставления и вступает в ряды достойных, а различные сословия человечества — высокие и низкие — достигают [назначенной] ступени и молятся о прочности возрастающей день за днем верховной власти? Мудрый принц в силу собственных широких способностей и необъятных познаний обходится с каждым согласно его состоянию и приводит внешнее господство в созвучие с духовной святостью.

Необходимый, как жизнь; дарующий желанное, как разум.
Успешный, как удача; могущественный, как рок.

Глава 77

Начало 17-го Божественного
года с момента священного Восшествия
на престол [Его Величества Шахиншаха]
— года амардад второго цикла

В благоприятный момент времени наступил век усиления духовности и физического роста. Пышная процессия весны стерла пыль с зеркала и земли. Озаряющий мир Новый год установил равновесие между днем и ночью. Изобилие весны потекло по венам и фибрам жизни. Утренний ветер слился с душами растительности. Свод дождевых облаков соединился с четырьмя сторонами света узами стремительных ветров. Спешно прибыло войско душистых цветов, обретя великолепие на берегах потоков изобилия. Зефиры розария опьянили разум. Щебет садовых птиц, оглушив чарующими звуками, наполнил слух!

Восхитительный ветер подул на закате,
Бутонов уста¹ утро впитали.
В круг встали те, что потоки зари выпивают,
Любители сладостей осушили бокалы.
Роз аромат сад потревожил,
Соловей пробудился от благоуханья,
Гиацинт встряхнул локоном каждым,
Нарцисс славил клумбу за клумбой.
Запах роз взбудоражил сто цветников,
Винный погреб был влит в отверстие кубка.
Опьяненные страстью собрались в каждой таверне,
Круг за кругом длань любви простерлась.

367

Очиститель небес и земли, освещающий вершины и низины, бросил по прошествии двух часов трех минут ночи субботы, 25 шаввала

979 г.х. (11 марта 1572 г.), тень света на дом Овна, и начался семнадцатый [Божественный] год со дня Восшествия на престол — год амардад второго цикла. Надеемся, что благодаря правосудию Шахиншаха цикл сей соединится с веками и эпохами.

Среди происшествий, отметивших начало сего счастливого года, значилось следующее: Муним-хан Хан-ханан доставил ко Двору Сикандар-хана, и последнему простили его преступления по просьбе (Муним-хана). Ранее уже рассказывалось, что Сикандар-хан Узбек из врожденной неудачливости отвернулся от Аллахом данной власти, объединился со злодеем Али Кули-ханом и поднял голову мятежа. Когда с Али Кули случилось то, что суждено, и восстанию его был положен конец, Искандар-хан по злобе и вследствие дурной судьбы присоединился к Сулейману Афгану. Он провел какое-то время в его стране. Недалекие афганцы считали, что в присутствии среди них [этого человека] нет ничего хорошего, и стали строить против него козни. Он узнал об их планах и обратился за помощью к Муним-хану Хан-ханану. Тот заявил, что всё происходящее с ним — результат его собственного невежества. Вероломные афганцы убили до этого Сулеймана Узбека, а теперь задумали убить и его. Если же Муним-хан выступит посредником между этим дурным и злополучным человеком (им самим) и возвышенным Двором, ему будет дарована жизнь как в этом мире, так и в вечности. Муним-хан отправил его письмо вместе со своим прошением ко Двору и испросил указаний. Его Величество в бесконечной милости отдал благосклонный приказ и подарил ему надежду. Хан-ханан, который ввиду тяжких преступлений [Искандар-хана] даже не надеялся на прощение, выразил благодарность за доброту и послал за Искандар-ханом. Получив добрые вести, Искандар-хан взял с собой Юсуфа, сына Сулеймана Узбека, и без предупреждения спешно покинул афганцев. Хан-ханан отнесся к нему милостиво и отправился ко Двору вместе со своими протеже. Их приняли в начале Божественного месяца тир. По просьбе Муним-хана раскаявшихся простили и одарили благосклонностью. Через некоторое время Хан-ханана осыпали милостями и отпустили в восточные провинции. Сикандар-хану² поручили *саркар* Лакхнау и отправили вместе с ним.

В это время весны судьбы и власти Абд-ал-лах-хан Узбек, правитель Турана, впечатлившись славой и величием верховной власти (Акбара), отправил Хаджи Алтамиша с посольством. Тот доставил письма, заверяющие в уважении и преданности, а также диковины своей страны. Целью посланий явилась попытка возродить былые отношения и возобновить дружбу, дабы при поддержке сей Божественной славы начать решительные действия против остальных принцев Турана. Другая причина — желание жить в мире и не опасаться ударов мирозавоевывающих войск. Для пущей безопасности и гарантии успеха он отправил подарки Муним-хану Хан-ханану и хан Аазиму Мирза Коке, дабы те приложили усилия для заложения основ дружбы. Рассудительный правитель принял посла милостиво и позволил уехать после выполнения порученного. Тот увез с собой подарки — диковины Индии.

Случилось также, что Музаффар-хан попал в немилость. Во все времена, несмотря на восход солнца падишахского руководства, невиданная завеса покрывала его мироукрашающую красоту. В то время он сделал игру *чаупар*³ чадрой своей сокровенной красоты и активно предавался увеселениям. Для игры были установлены особые правила, в основе которых лежали сотни замыслов, и все придворные неизменно присутствовали во время забавы. Устраивались пышные пиры и развлечения. Хотя на первый взгляд рынок игр пребывал в оживлении, на самом деле шла проверка людей. Господин мудрости под видом развлечений проводил серьезную работу, испытывая человеческие качества. Однажды Музаффар-хан, опьяненный миром и собственными незначительными талантами, повел себя дико и невоспитанно из-за того, что проиграл много раз и уже долго находился при Дворе⁴. Его Величество сбросил его с вершины доверия и отправил в паломничество, дабы излечилась его болезнь вследствие таких сильных лекарств, как лишение привилегий и изгнание.

Глава 78

Поход мирозавоевающей армии Шахиншаха для покорения Гуджарата

Благочестивый владыка мира неизменно считает внешнее управление украшением мира истинного и без малейшей примеси человеческих желаний осознаёт, что его собственное довольство заключается в умиротворении рода людского. Он всегда понимает, какие вещи имеют наибольшую важность, и посвящает себя воссоединению страждущих и одиноких века. При завоевании государств и городов его первая мысль — узнать положение угнетенных и явить сочувствие. Поэтому, если правители действуют мудро и стараются оберечь своих подданных, он не завладевает той страной, даже если к тому имеются все средства. И хотя для чела его священного ума — являющего собой арену истины — очевидно, что любое расширение земель вносит многообразие мира в царственное единообразие одного из возвышенных исполнителей правосудия и тем самым вводит высочайшую форму почитания [Господа] в палатах сочетания явлений, однако, поскольку побуждение сего гения — это опека простого люда, удивительного дара Господа, сам не прибегает к такому почитанию. Но так как несравненный Аллах занят упрочением власти и вознесением оснований владычества Его Величества, время от времени случается, что Он обделяет некую страну праведными правителями, чтобы истинный повелитель обратил на нее царское внимание и осенил ее своей справедливостью. Дабы обожженные в пустыне неудачи остудились милостью, а то вынужденное единство, что есть близнец единства добровольного, приняло соответствующий облик, а факел верности возжегся даже среди поверхностных, коими полон

мир. Ибо воля Господа создала огромный разрыв в достоинствах различных [представителей] человечества. Да славится Имя Его!¹ Одни, созерцая изумительную мудрость, поступь и беседы, дарение и прощение, снисходительность к человеческим изъясам и бодрость сердца *Хедива Мира*, становятся его последователями и взирают на него как на Избранника Божественного Двора. Они полагают службу ему Божественным поклонением и неустанно растят свою верность и преданность. Другие, чей взор не касался тех деяний, уверовали в его сокрытое величие, наблюдая его внешнюю славу и рост его владений, и набросили вервь ученичества на шею своей души, и вошли в число его преданных приверженцев.

Поэтому в сию пору, когда царство Дели было очищено от пыли подобных мухам зачинщиков мятежей, а слепые сердцем снизились в пучину поражения и гибели, гений *Шахиншаха* назначил завоевать Гуджарат и разрешить распри того края, ибо чинимые его жителям притеснения достигли крайней точки.

С того времени как Султан Махмуд по беспечности принял льстивость языка врагов за дружбу и погиб из-за подлости слуг, которые сочли утрату своего повелителя и благодетеля успехом для себя — о чем уже вкратце было сказано в повествовании об области Гуджарат², — управляющие Гуджаратом, в особенности Сайид Мубарак, Итимад-хан и Имад-ал-Мулк, блюли собственные интересы. Дабы власть их приобрела [видимость] истины, они возвели [на престол] одного из сыновей Султан Ахмада и дали ему благородное имя. Однако когда он достиг совершеннолетия, избавились от него и достали никчемного мальчишку по имени Нанну, происходившего из низкого рода, и выдали его за сына Султан Махмуда. Они дали ему титул Музаффар шаха и стали заботиться [исключительно] о собственной выгоде. Ахмадабад, столица Гуджарата, Камбей и многие земли того края оказались под властью Итимад-хана. *Саркар* Патан перешел к Муса-хану и Шер-хану Фулади; Сурат, Броач, Барода и Кампанир — Чингиз-хану, сыну Имад-ал-Мулка; Дандука и Дулка, а также иные земли — Сайид Хамиду, внуку Сайид Мубарака; Джунгарх и округ Соратх — Амин-хану Гори. Итимад-хан искусно удерживал при себе того ребенка низкого рода, и так коротал свои дни,

в то время как провинция, вследствие господства расточителей, превратилась в арену различных утеснений, и скудоумные головы боролись друг с другом. Тем временем, когда Чингиз-хан скончался, Нанну, по наущению Шер-хана Фулади, бежал из Ахмадабада и прибыл в Патан. Шер-хан Фулади и несколько бродяг сколотили войско для захвата Ахмадабада. Итимад-хан заперся в [столице] и запросил мирз о помощи. Начались распри, и базар раздоров оживился. Святое сердце Шахиншаха поняло, что взятие Гуджарата — дело первостепенной важности, и [он] приступил к подготовке. Мирза Юсуф-хан, Фатту, раджа Бирбар с крупными силами были посланы в Пенджаб на подмогу Хусейн Кули-хану, иначе Хаким Мирза под влиянием недалековидных мужей и с мыслью, что царское войско далеко, мог позволить мятежным думам завладеть своим умом. Хусейн Кули-хан получил приказание присоединить Нагаркот [к царским владениям] и передать его Радже Бирбару, ибо стало ясно, что раджа Бадх Чанд, его *заминдар*, дурно исполнял службу и повинен в злых умыслах. Если его люди сочтут мощь крепости основанием для дерзости, то пусть он осадит ее и возьмет [находясь] во главе крупного войска. Подобным же образом рассудительных мужей отправили в каждый округ, и в день бахрам, 20 тира, Божественного месяца, что соответствует вторнику, 20 сафара [980 г.х.] (4 июля 1572 г.), Его Величество выступил из Фатхпура для завоевания Гуджарата и остановился в Дабаре.

371 Одним из деяний справедливости, свершенных в эту пору, явилось наказание Баба-хана Какшала. Вот краткий рассказ об этом акте правосудия. Шахбаз-хан был *амир тузаком* и занимался снаряжением процессии. Тот невежественный тюрк [Баба-хан] повел себя надменно и нагрубил Шахбаз-хану. Когда об этом доложили украшающему собой розовый сад Халифата, тот приказал сурово наказать³ названного — как урок для него самого и как средство исправить остальных нарушителей. Таким образом, одним лишь вниманием Шахиншаха оказалось с легкостью улажено дело, касающееся крупного войска, где многие опытные управители затруднились бы принять верное решение.

Приятное событие случилось той порой, когда войско разбило лагерь у Санганира, а Его Величество, по своему обыкновению, был

поглощен охотой. В это время он весьма увлекался охотой с *читами* и, поделив *чит* между несколькими группами [охотников], в сопровождении некоторых приближенных отправился тоже. Случилось так, что они спустили на оленя особого *читу* (*чита-и-хас*), называемого Читр Нарджан⁴. Внезапно перед ними появилась расселина шириной 25 ярдов. Олень взвился в воздух на высоту копья и половины и перенесся на другую сторону. *Чита* в запале сделал то же, перепрыгнул через расселину и вцепился в оленя. Очевидцы этого поразительного зрелища, издали крик изумления, и воцарилось ликование [смешанное] с удивлением. Хедив повысил ранг того *читы* и сделал его главным *читой*. Он приказал также, чтобы в качестве особой чести и к радости людей перед той *читой* били в барабан. В день гош⁵, 14 амардада, Божественного месяца, что соответствовал субботе, 15 раби ал-аввала [980 г.х.] (26 июля 1572 г.), на пути в Аджмир он, согласно традиции, прошел один переход пешком и обошел вокруг гробницы Муин-ад-дина [Чишти]. В пути разведчики доложили, что ужасный тигр притаился в засаде и постоянно подстерегает путников и убивает их. Поскольку искоренение несущих зло есть одна из обязанностей верховной власти, принц отправился вперед, чтобы уничтожить его. Сделав это, затем направился к тому восхитительному месту. Прибытие Шахиншаха вызвало новую волну радости, и были исполнены обряды [вознесения] молебны и обхождения [вокруг гробницы]. Разлился поток щедрости, и все сословия человечества оказались наделены ценными дарами. На следующий день он проследовал для осмотра крепости Аджмира⁶, что находится на вершине горы. В том величественном месте посетил усыпальницу Сайид Хусейна Ханг-сувара, который обычно считается потомком Зайн-ал-абадина. Но при расследовании становится известным, что сей *сайид* — слуга Шихаб-ад-дина Гори и, когда тот вернулся из похода против Индии, был назначен им *шикдаром* Аджмира. Впоследствии скончался. С течением времени и с общего одобрения прославился как святой, а его усыпальница стала местом, вокруг которого совершает обход человечество. Так как Его Величество Шахиншах во все времена шел по тропе неутомимого искания, то принял во внимание распространенную молву и просил

его о помощи. В день руз⁷, 7 амардада, Божественного месяца, что соответствовал вторнику, 2 раби ас-сани [980 г.х.] (12 августа 1572 г.), в Гуджарат в качестве передового отряда отправился Хан Килан со многими военачальниками, а именно: Ашраф-хан, Шах Кули-хан Махрам, Шах Будаг-хан, Сайид Махмуд-хан, Кулидж-хан, Садик-хан, Шах Фахр-ад-дин, Хайдар Мухаммад-хан Ахта беги, Сайид Ахмад-хан, Кутлак Кадам-хан, Мухаммад Кули-хан Тукбай, Харрам-хан, Бек Нурин-хан, Бек Мухаммад-хан, Мухаммад Кули-хан — зять Хан Килана, Михр Али-хан Силдуз, Сайид Абд-ал-лах-хан, Мирзада Али-хан и Бахадур-хан. В день фарвардин, 19 шахриюра, Божественного месяца, что соответствовал понедельнику, 22 раби-ас-сани [980 г.х.] (1 сентября 1572 г.), Его Величество покинул Аджмир, намереваясь заняться охотой, а также для того, чтобы военачальники, посланные вперед, лучше показали свои достоинства, и Гуджарат быстрее перешел под власть царских слуг, и наилучшим образом свершилось бы воздаяние за страдания угнетенных того края. За два перехода войско оказалось в двух днях пути от Нагора, когда подоспели вести о рождении благородного сына, а также о победе.

Глава 79

Благословенное рождение букета весенней удачи — принца Султан Даниялла

От сердец, что тщательно изучают установленные законы стихий и небесных тел, и от проницательных знатоков соединений чресл и утроб не сокрыто, что распорядители земными и небесными делами наградили *Хедива Мира* преумножающейся с каждым днем удачей и вечной властью, одарили его успешным осуществлением духовных и мирских желаний, а также благополучием в сфере государства и религии. Каждое утро заставляют они расцветать для него весенний цветок в садах надежды, а каждый вечер — счастливую звезду подниматься на горизонте чаяний. Так как размах Божественной помощи *Шахиншаху Вселенной* не подсчитать человеческими числами, — ибо *Всемогущий Аллах*, собрав воедино все блага и славу, что хранятся в сокровищницах вечных установлений, и поместив их в недра судьбы, наделил его личность множеством великих даров, [о которых он даже] не мечтал, — где найти место, способное вместить то, к чему он [Акбар] стремился, дабы остаться за завесой отсрочек? Итак, поскольку его священный разум жаждал послушных, ищущих и распознающих истину детей, *Всемогущий Аллах* без промедления наградил его этой безграничной милостью и непрекращающимся благословением, зовущимися «сотворением себе подобных»¹, и время от времени [посылал] бесценную жемчужину таинственного океана на берега проявления.

Когда возвышенная процессия следовала из *Аджмира*, одна из пребывающих под покровом целомудрия [дам] приблизилась к моменту деторождения и не могла уже претерпевать [тяготы] движения или пути. После поиска благоприятного места был выбран

373

дом Данияла², служителя прославленного мавзолея (или Муин-ад-дина). [Помещение] освободили и поместили туда даму. Процессия удачи стояла лагерем в Пхалуди³, что в пустыне (*ран*), относящейся к *саркару* Нагаура, когда из Аджмира прибыли гонцы и привезли радостные вести: на благословенной земле Аджмира⁴, расположенной на долготе 111°5' и широте 26°, по прошествии 41 *пула* ночи асмана, 27 шахриюра, Божественного месяца, соответствовавшего среде, 2 джумада ал-аввала [980 г.х.] (9 сентября 1572 г.), согласно видимости⁵, и в третью ночь, по Высочайшему установлению, под знаком Овна — согласно греческим философам и Рыб — согласно индийским мудрецам, Даритель жизни и Украшатель мира одарил Шахиншаха отмеченным благородной звездой сыном. С появлением столь яркой звезды благо снизошло на души и горизонты. Когда Властелин Мира услышал эти новости, то опустил чело свое в пыль покорности и вознес благодарность Господу. Он узрел в этом предзнаменования бесчисленных побед и задал великолепные пиры. Народ обрел еще одну радость в виде всевозможных даров, и монета щедрости упала на колени мира.

В саду расцвела роза, что душу укрепляет,
Благоухание ее достигло тысячи садов.
Когда явился на свет кипарис от корня благородного⁶,
Поздравления свои выразили семь планет.
Хедив одарил новыми крылами радость
И провозгласил вина раздачу в семи климатах.
Восторг зазвучал в аккордах музыки,
Напев проник в разум века.
А щедрость, даровав гениальный взгляд,
Завесу сорвала с чела желания.

Его Величество отдал дань уважения месту рождения [сына] — дому шейха Данияла и, попросив [для сына] помощи Его Высочества Данияла Великого⁷ (пророка), наградил питомца розария удачи именем Султан Даниял. Проницательные поэты сочинили поздравительные оды, редкостные хронограммы сошли с уст искусных мужей и удостоились наград. Был отдан приказ, чтобы по достижении этой небесной звездой месячного возраста колыбель его перевезли в город Амбер, а заботу

о нем поручили *рани*, жене раджи Бар Мала⁸. Надеемся, что кипарис Халифата многие лета будет черпать влагу из [источника] удачи Шахиншаха и вырастет под его сенью и защитой. Теперь, когда вечная поддержка подвела меня, заблудшего на собрании жизни, к написанию поучительного рассказа о Его Величестве Шахиншахе и повергла меня в нетерпение, а перо мое сделала подвижным, я привожу здесь гороскоп счастливого рождения согласно греческим и индийским вычислениям, но оставляю острому взгляду астрономов право на суждение⁹. 374

Итак, завершив возносить благодарность за сей великий дар, процессия Шахиншаха продолжила свой путь и в день исфандармаз, 5 михра, Божественного месяца, соответствовавшего среде, 9 джумада ал-аввала [980 г.х.] (17 сентября 1572 г.), стала лагерем в городе Нагауре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ¹⁰

375

Слава Аллаху! 7 ардибихишта 41-го года Божественной эры, что соответствует пятнице, 27 шаабана 1004 г.х. (16 апреля 1596 г.), благородная задача написания цикла (*карна*)¹¹ вечной власти и многих чудесных обстоятельств судьбы Властелина Мира на протяжении тридцати лет получила счастливое завершение благодаря силе взвешивающего мироздание интеллекта и скорости подобного небесам движения пера.

Светоч шести сводов, Царь девяти шатров,
Акбар Шах, Царь Эпохи,
Да обретет день удачи сияние с его чела,
Да станет век розовым садом его весны¹².

Многие великие государи оказались отмечены [в летописях] лишь как дополнение к сей уникальной жемчужине мироздания, и так был орошен сад истории, а лик вечной жизни прославил тех, что пребывали во сне небытия.

Сотни благодарностей за то, что сия Галерея
Обрела вечное украшение.
Тот, кто обладает проникательностью,
Знает, чем было сие духовное излияние.

Если бы упал смущенный взгляд мой на меня самого, узрел бы я, что не достоин столь великого подвига, и внял бы словам мудреца, и не обратился бы к выполнению столь великой задачи.

Если душа твоя не так чиста, как проточная вода,
Не касайся руками своими летописи государей.
Коли во рту твоём пищи нет¹³,
Лучше оставь ненакрытым стол.

Однако приказ Шахиншаха и могущественные чары преданности открыли глаза моего разума на проявление судьбы и победоносно увели меня от себя самого.

376 Просвещение мое началось с арабского языка. В персидском языке я был менее сведущ. Путь по дорогам духовной весны и размышления о саде теоретической и практической мудрости отвлекли внимание от всех остальных предметов. И главное, я был огражден от [влияния] древних рассказов о *дивах*¹⁴. Мне кажется, великая потеря заключается в отказе от находящейся в обращении монеты во имя устаревших почтенных списков. Глубокое исследование показало мне, что дворец истории находится в руинах, а изобильное поле хроник не может служить ареной для всадников Истины, потому что не удостоивается даже взгляда со стороны непосвященных мужей, не способных сделать правильный выбор. Важно, чтобы сыны человеческие не разбрасывались драгоценными сокровищами духа, и хранили недолгую обитель жизни в хорошем состоянии, повинаясь мудрецам, и не проводили дни свои в
377 безрассудстве, и не продавали бесценные жемчужины жизни за никчемные черепки. Алчные люди и запутавшиеся пустомели делали ложные заявления ради собственных целей. Они намеренно смешивали истину с ложью и поэтому подвергались осуждению со стороны просвещенных. Неопытные врачеватели и знахари, не имевшие надлежащего представления о добре и чистоте, сочиняли сказки о надеждах и страхах. Они считали, что горькие лекарства лжи и микстуры из ядовитых трав неправды могут излечить от хамелеоноподобного духа и уныния, порожденного мятежными настроениями, и потому ступили на широкое поле заблуждений. Множество любителей наркотиков¹⁵ и почитателей иллюзий нарекали свои порочные фантазии небесными озарениями и пре-

вращались в крикливых пустомель. Из-за беспорядка в мыслях и продолжительного смятения духа они стали путать заносчивые вымыслы с восхитительными изречениями Истины. Очень много честных, основательных, действующих из лучших побуждений простаков и писателей давали дорогу унынию (букв. «ослабляли длинные края уныния»), и от недалновидности и недостатка знаний вели неумные разговоры, и по примеру глупцов, понятия не имеющих, что такое истина, распространяли лживые небылицы. В результате течения эпох, затхлости хроник, ухода мудрости и возобладания природного нрава была дана воля ураганам мятежей и забурили потоки зла. Все слои человечества и люд всякого рода навлекли (на себя) наказание чтением старых и вводящих в заблуждение книг и подверглись вечным лишениям. Вследствие печальности своей судьбы и мечтательности они предпочли уникальным жемчужинам науки, что успокаивают духовные и физические волнения и освещают тьму внешнюю и внутреннюю, пагубную смесь (из истины и лжи). Они скрыли озаряющий свет за пылью и мусором и разорили город блаженства. Более того! Пребывая в пылающей пустыне неразборчивости, где не найти ни одного спокойного убежища, они жаждали придать горячему ветру пустыни вид освежающего сна! Они опускаются в мрачную обитель заблуждений и сооружают радость и печаль из жалких мечтаний.

Увы! Как в путь отправиться, что
Острию меча подобен, дороге из шипов?
Тотчас поранишь пятку, нога опухнет.
Как мне ступить в пустыню, мощенную алмазами¹⁶.

В потемках сердца моего и смятённом разуме зажглась звезда Истины, а интеллект обратил в слух счастливый дар моего темперамента. Небесный упрек поразил мой искаженный дух и предостерег безгласным языком: «Сын Мубарака, что пришло на ум тебе, которому назначены избранные покои в почетном дворце благомыслия? Как обрел ты способность видеть недостатки и сколько еще будешь выискивать и перечислять ошибки? Сколько еще будет покрывать жемчужину добра пыль неверного понимания?» Как правило, тот, кто лишен творческого начала, ругает то, чего не понимает, и марает

378 сердце свое и язык порицанием, ступая на путь невежества и не прибегая к глубокому размышлению. Если бы не существовало ярких повествований и выдающихся анналов, где зажигались бы тогда лампы знаний? Как дошли бы до нас [труды] святых искателей сокрытой мудрости древних времен? Речь — живопись воздуха и замысловатый (артикулированный) ветер — была слишком юной, и древнее красноречие не обрело своего завершения. Из благодарности за могущественный дар дальновидные ценители трудов не обращают особого внимания на огрехи, и уж тем более не говорят о них, и не внемлют замечаниям по их поводу.

Смотри на совершенную любовь и на правдивость, не на изъяны, Ибо бросает взор свой на ошибки лишь тот, кто разума лишен.

Почему в преддверии сердца — источнике Божественного изобилия скрывается сочетание вымышленного (*макул*) и приобретенного (*манкул*)¹⁷ знания, и почему благоразумная¹⁸ душа смиряется и дается воля языку упрека? Знайте, что благие намерения и возвышенная гениальность — вещи редкие или даже несуществующие. Если бы все глубокие истины фиксировались в первозданных трудах, средневековые путники полей изысканий и неповоротливые странники пустыни исследований, которыми земля полнится, не испытали бы радости, и манускрипты прошлого оказались бы преданы забвению. Чудесный Постановщик Мироздания (Бог) создал столь диковинные сочетания, а Его волшебная сила начертала на дивных скрижалях такие чарующие и бесцветные эскизы для того, чтобы существовали как пятна¹⁹ для отвода дурного глаза от дочерей духовных *гурий*, так и средства для передачи сокрытых и таинственных красот²⁰. Хроники повествуют о пирах и битвах (*базм-разм*), стремлениях и соперничествах, горестях и славе, о других событиях в истории человечества и цивилизации, о проницательности мудрых, ошибках просвещенных, разнообразных взлетах и падениях мира, наивности великих мужей земли, тщетных попытках достучаться²¹ в двери непостижимой Судьбы, о бессмысленных²² удовольствиях многих обитателей двора Разума и Доказательств и других особенностях чудесного мира. Они также увековечивают множество [полученных] опытов и уроков в привлекательной и выра-

зительной форме. Если сделать просвещение задачей (написания хроник) и обращать внимание на то, что важно, то вторая жизнь будет дарована ищущим и усердным, отдающим жизнь ради достижения желаемого, и будут собраны материалы вечного существования. Более того, поскольку почитатели знаний (*шахид-и-урфан*) от недостатка огня мудрости не смогли возлечь²³ на брачное ложе, а сокрытый [обитатель] духовной палаты не полностью разоблачил свой лик из-за отсутствия излучения у мерцающего в ночи драгоценного камня (мудрости), то властелин Истины (Аллах) даровал возможность обретения света с помощью аллеи чувств. В основном же изобилие света воспринимается вратами зрения и оградой слуха! И всё озаряется, когда наблюдаешь и внимаешь шагам ушедших поколений, посредством чего преумножающаяся с каждым днем красота покрывается узором. Более того, в кладовой разнообразных традиций хранятся лекарства от меланхолии и микстуры от печали. Столь полезный электуарий²⁴ крайне необходим обществу (*нишах-и-тааллук*)²⁵.

Несомненно, моя стойкость стала результатом того, что душа постоянно оживлялась мыслью о свободе. Она жаждала опустошения рук и освобождения сердца. Как достичь этого множеством пересказов (логографией) — лучшим, в чем могут проявить себя поглощенные земными заботами мужи (*тааллукиян*). Как увидеть совершенную Красоту за конкретными формами? В наши дни, когда люди, исцелившись от внутренней борьбы, движутся в сторону приятной обители покоя и их призывают покинуть каменную яму формализма ради просторного дворца Свободы, неудивительно, что до моего благословенного слуха долетают радостные вести Познания, и нет ничего странного, что сердце мое перестает испытывать отвращение (к миру).

Истина заключается в том, что всё передаваемое от сердца к языку и от пера к бумаге есть порождение патриарха (*абу-л-абай*) Разума и волшебное творение сего дивного автора. Однако по воле небес сияющий самоцвет существования покрывался слой за слоем из-за вождения дружбы с Гневом и Желанием и влияния Беззаботности — последняя же является потомком двух злобных великанш (*гуль*)²⁶ на пути блаженства — ржавчиной, и короста эта есть и сейчас. Результатом подобного вреда стала смертоносная смесь, под

разными предложениями приводящая спокойные сердца в смятение, и сие всё ещё продолжается. Чернота (ржавчины) зачастую не позволяет увидеть Истину, но временами всё же не может сплести завесу перед светом интеллекта, хотя и заставляет действующего споткнуться. Любое рождение Разума, который так очищен и выскоблен, что способен распознать сокрытых обитателей священных палат и благодаря яркости драгоценного камня и свету сердца разгадать тайны, зовется Откровением (*макиуф*). Если нарост ржавчины обретает облик волшебного порождения небесных отцов и земных матерей²⁷, то он нарекается «на утонченном языке» компендиумом (*маджмал*). Почему и зачем, являющиеся ее составляющей, считаются уместными и зовутся на языке мира Рациональное (*макул*). Розовые плоды мудрости получили имя Приобретенное (*манкул*) и отвергаются с презрением. Увы! Где тот атом случайной пылинки (*имкан*), что обладает силой понимания таких вопросов, или Разум, что страждет служения и отважится на описание сокровенных палат правителя? Подобные задачи — почетная работа для несравненного Бога и являют собой разоблачение многоцветного лика Судьбы! Мудрец понимает, что Добро и Зло равны²⁸ (*барабар*), и «Победное Зло, то есть абсолютное Зло» невозможно (букв. «тайная палата несбыточности»). Светило существования²⁹, которое есть Чистое Добро и несмешанный свет, может оставаться зажженным только при помощи Победного Добра³⁰.

Мое беспокойное и заблудшее сердце оставило эти мысли и крепкими цепями сковало глупый язык. В завершение скажу: после долгих рассуждений и незначительного результата разум мой освободился от всяких тревог, и мои ограниченные возможности испытали облегчение. Я перестал чувствовать отвращение и занялся улучшением человечества, решительно принявшись выполнять задачу его духовного и земного преображения. Казалось, крайне необходимо избавиться от ошибочных описаний. Замысел мой заключался в закладывании определенных принципов, которые в момент вопросов и ответов помогли бы как обладателям (букв. «продавцам») знаний, так и тем, кто стремится их обрести. Сейчас, когда подвижники ищут цепь для необузданного духа, они начинают собирать всё, что имеет отношение к ковке. В результате этого создается множество кандалов, способных обуздать резвый,

подвижный дух, охранить устремленных к Богу [обитателей] дома исканий от (численного?) сокращения и помочь им укрепиться в деле украшения обманчивого духа. Нашедшие Бога³¹ (*худаябан*), так или иначе удовлетворенные, отказываются от ошибочных представлений и понимают после неудач, что возвышенный порог Божественности слишком высок для парящих птиц зенита случайного существования, и они не могут хлопать там своими крыльями. Торговцы религиозных рынков³² заключают сделки (букв. «свои прибыль и убытки») исходя из этого и, отрекаясь от бескрайней и бездонной путаницы, перестают вытягивать ноги за ковер имеющихся возможностей, не делают и не говорят глупости. Но из осторожности и авантюризма — неотъемлемых качеств охотников за счастьем и людей с живым мышлением — я говорю сам себе: «Прошло семь тысяч лет, в течение которых росло смятение неразборчивости, и пагубное невежество ввело в заблуждение всех, от мала до велика. В этот день, явившийся началом нового цикла, чудесный Владыка (Аллах) ткет, как в стародавние времена, различные покровы или уже готов сорвать завесу с ограды и повести человечество к славным палатам Истины. Я стражду получить хотя бы намек на замыслы небес и земли и ищу просвещающих объяснений у лика Века». Внезапно замечаю признаки отчаяния у себя на челе, и на фоне осознания становится очевидно, что должно совершиться еще множество обращений обманчивых небес. Испытав непокорность и медлительность Надежды, я стал ждать подходящего момента. Внезапно благословенный свет бросил луч, и сердце мое оставило глупые мысли. Стало ясно, что перо судьбы постановило, чтобы не каждым овладевала истина, и меня сделали врачом себя самого, а не мира. Целитель³³ изрек: «Так как молчание напоминает пустоту, а понимание подобно терзающемуся у дверного молотка сумасшедшему, то разум, прозванный ключом к действию, стал замком на сокровищнице поиска истины, и счастье каждого класса человечества сводится лишь к размышлениям³⁴ и искренним намерениям».

Сердце мое успокоилось благодаря идее о наставлении человечества, и я пришел к выводу, что если мне содействует гений, а судьба дарует свободное время, то напишу историю, достойную смертных, и порассуждаю о тайнах истины загадочным языком³⁵. Да станет это серьгой в ухе мудреца (*сахибдил*) и бальзамом для его глаз!

Долго я полагал,
Что со знающим и вдумчивым сердцем
Могу скрыть мудрость в поле открытом,
Могу дорогие товары пустить на продажу,
Могу просветить беззаботных,
Могу возродить положение доброй воли.

381 В это время Великий Правитель, Шахиншах Мира, повелел написать историю его правления. Душа моя обрела крылья, а язык — силу, и я радостно перенес тайны сердца своего из океана души на берег бумаги. Обязанность повиновения была соблюдена, а благодарность за милости частично уплачена.

Хотя желание мое всегда готово с уст сорваться,
Всё же исполнится оно, когда настанет время.
Пусть поскорее вдохновенье снизойдет, что облегчает жизнь,
И станет украшением моей души.

Большинство авторов прошлого и множество писателей наших дней, говорящих на одном языке, сыплющих словами в одной манере и демонстрирующих избитые узоры, сосредотачивают всё свое внимание на украшении слов, воспринимают содержание как нечто подчиненное и, таким образом, прилагают усилия в обратном направлении. Они считают размер³⁶ и живописный стиль неотъемлемой частью красноречия и полагают, что проза должна выглядеть как творения поэтов³⁷. Расположение слов³⁸, искусство словообразования³⁹, правила каламбура⁴⁰ и омонимы⁴¹ для них — самое основное. Они растрачивают свои таланты на цитаты (*иктибас*)⁴², синонимы (*истихилал*)⁴³, аллюзии⁴⁴, изобретение загадок⁴⁵ и написание похвал⁴⁶ и генеалогий. Они думают, что причудливые приукрашивания — богатство языка, и пренебрегают важными законами красноречия и красотой духа. Мало кто отступает от старых принципов, когда мчится по духовному полю. Такие считают мелочи и причудливые понятия дичью, загоняемой в данном районе, а туманный стиль и натянутые метафоры, несущие на себе признаки неодобрения больших знатоков, — украшением беседы и не видят

разницы между непривычными неясностями, из которых они вылепливают философский камень мудрости, и первичными⁴⁷ трудностями познания. Общая толпа авторов пишет лишь то, что истинно и привычно, и открывает рот увещевания против обоих вышеназванных способов туманного изъяснения. По велению сердца, при помощи решимости и силой моей благосклонной судьбы был возведен новый дворец для создания сей благословенной хроники (*хумаюн-нама*), и повествование обрело новый путь. Творящую руку своеобразного стиля пожали учение мудрости, руководство выбора и сияющих душ. Мой драгоценный камень был передан проницательным знатокам⁴⁸, и капли влаги оросили пылающие сердца тех, что [бредут] в пустыне изысканий.

Я разбил свой талисман на мелкие кусочки,
Но из каждой буквы новую создал.
Знайте, что всякий, желающий видеть меня,
Суть жизни моей в этом свитке найдет.
Если я — дух сокрытый, то это — тело мое.
Если бы я Иосифом был, то это словно плащ его.

Созвали совет для похвалы и осуждения (книги Абу-л Фазла), и еще один базарный день наступил для одобрения и порицания. Те, кто пошел путем размышления и не стал жертвой традиционности (*таклид*)⁴⁹, кто открыл всевидящие очи и принялся (букв. «занялся подметанием») за поиск трогающего душу стиля и изящной речи и под давлением обстоятельств и длительного времени не дал волю усталости, получили вознаграждение за свой труд и возликовали. Их поздравления утопили меня в поту скромности. Те же, что от недостатка таланта и вождения дружбы с шайкой, заработавшей состояние в старых лавчонках, подняли головы неодобрения, пребывали в дебрях собственного характера. Несведущие критики претерпели муки зависти и опустошили свои сердца и души. Они распустили язык порицания и замарались пылью простодушности.

382

Я — пыль на пути ювелиров,
Которые, в отличие от недругов,

Распахнув сокровищницу с драгоценными камнями,
Откроют глаза справедливости⁵⁰.

Один просвещенный человек был ко мне расположен и относился по-дружески. Наш разговор зашел о книге, и по доброте своей он сказал: «Зачем ты претерпеваешь муки (*захмат*)⁵¹, почему пишешь в таком стиле? Найдется хоть один из тысячи, кто прочтет сей славный труд правильно и воспримет наставления новой магии сего метода? От кого ты ждешь необходимого признания Истины? Когда великий мудрец сорвет завесу с твоего труда? Лучше свернуть эти новомодные покровы (скатерти) — и говорить на языке века, и накрыть изобильный стол для большинства!»

Душа моя утешилась его пониманием, и так радостно стало от участия. Благородство его личности заставило меня ответить, и я раскрыл ларец истины: «Есть богатое угощение для обычных гостей. Мною же готовится изысканное лакомство для единственного в своем роде мужа нашего времени. Что мне толпа? Небесное славится, когда благородно преподносится просвещенному правителю. Что у него общего с обычным стадом?»

Какое дело коршуну до голубя?
Добыча эта для царского сокола.

Непревзойденный учитель⁵² проницательных искателей мудрости был также убежден и оказал значительную помощь в моем деле.

Человечество можно разделить на четыре класса. Первый — это пребывающие во тьме упрямы, которые не внемлют упрекам (букв. «не делают упрек составной частью своего слуха») и не пропускают их через свой слух к палатам сердца. И если даже [упреки] находят свой путь, их не принимают. А если и принимают, то не руководствуются ими в действиях. Второй — это злые недоброжелатели, считающие невежество знанием и кичащиеся своим здоровьем, в то время как сами страдают от неизлечимого недуга. Третий — это искатели света, праведные натуры, бежавшие из дьявольского замка зависти и темной преисподней (*сиях чал*)⁵³ невежества. Они претерпевают муки Поис-

ка, но из-за превратной судьбы и своей злой звезды не могут обрести возвышенного духовного знания, и потому им редко являются сокрытые завесой красоты дворца Мудрости. Четвертый — прославленный муж со счастливой звездой, который, помимо сокровищ знаний, обладает возвышенной душой и значительным талантом и благодаря глубине восприятия всегда движется вперед. Тот, кто знает мир, выбирает молчание из уважения к первым трем [классам] и не открывает ларец речи никому, кроме ищущего истину ювелира (то есть специалиста), дабы зажглась лампа знания, и свет ее озарил каждого!»

«Сын Мудрости⁵⁴, зачем болтаешь и говоришь пустое? Поскольку ты создал язык нового вида и не приспособил его для понимания современниками, какой смысл во всей этой торговле мира (то есть речи)? С какой целью поднято чело утверждения? Может, ты и изрекаешь истину и не превозносишь собственную мысль, но всё же лучше стереть со страницы существования то, что смахивает на высокомерие, и не пятнать одежды чистого разума неподобающим языком.

383

Не утони в омуте своих достоинств.
Найди для ног опору.
Тысячу лодок пучина эта поглотила,
Ни одной доски не вынесло на берег.

Правдивые и сведущие алхимики речи и судьбы ее возвышенного ранга знают, что в этом благородном зале⁵⁵ аудиенций необходимо собрать пять бесценных условий. Во-первых, Духовный талант должен бросить с высоких небес луч на чистое сердце и сделать последнее своей благословенной пристанью. Во-вторых, изысканное сочетание противоположных качеств обязано облачить одиноких обитателей ярких палат сердца в разноцветные шелка (*парниан*)⁵⁶ из слов и таким образом соединить сих дочерей духа с основными формами, способными образовать чудесную смесь, подобную телу и душе. В-третьих, новый, радующий сердце и рассеивающий печаль план должен очистить слух и возвысить душу. В-четвертых, композиция⁵⁷ и вкус должны создать для духовности надлежащую обстановку. Нужно отказаться от двусмысленных⁵⁸ высказываний. Тема должна обитать в подобающем дворце,

а речь — возлюбленного — нужно украсить и духовно и физически. В-пятых, рассказчик обязан избавить свой стиль от неясностей и неприглядной тавтологии. Нельзя также допускать на собрании холодные взгляды и уныние, не должно быть ничего банального или избитого. Необходимы живость и радушное дружелюбие. Ко всему этому собранию добра нужно прибавить подходящее время, и речи следует сопровождаться благоприятной возможностью, дабы благое намерение, исключительная цель, напряженный поиск и активное содействие мудрости встретились в одном месте. Постоянные молитвы и милость Несравненного Творца должны сопутствовать друг другу (*дошадош* — букв. «плечом к плечу»). Каждая составляющая влечет за собой множество условий и дополнительных моментов. Их не счесть в этом благородном труде, а мое ограниченное время не позволяет описать их. Необходим доверенный помощник, который светом своей образованности найдет огрехи взором врага и по-братски примется за их исправление. Безусловно, дружба такого выдающегося мужа, эликсира мудрости и организатора, может явить собой шестую по ценности драгоценность. Как в этот день осуществить желание моего сердца, когда последнее встревожено, а душа отдана в залог в тысячу мест, и сам я не знаком с персидским стилем и не имею истинного советчика? Можно ли питать надежду на счастливый исход? Более того, в то время когда слава духовности, украшатель речи, равновесие мудрости, весы истины — мой старший брат, Шейх Абу-л Файз Файзи, который был мне как отец, покинул беспокойное жилище стихий ради священной обители покоя⁵⁹, невеста велеречивости пребывает в трауре! Положение мое стало еще неопределеннее, и сердце ухватилось за нити осознания. Меня поддержало Божественное послание⁶⁰, и я глубоко раскаялся.

Увы, от сложной мешанины знаний
Душа полна учености, но неизвестно ничего.
Я — ноль, а мои мысли меньше, чем ничто.
И не рождаю ничего, кроме слов спутанных.

судьбы («Акбар-наме») замысел мой заключался в том, чтобы, поведав историю историй (*дастан дастан*)⁶², последняя обрела изысканную красоту благодаря предводителю красноречивых⁶³. Внезапно обрушилась смертельная печаль, и я решил, что счастье всех покинуло. Таким образом, от горя и бессилия я издавал бессмысленные⁶⁴ вопли и явил свою беспомощность.

О властелин речи, не обращай внимания на вульгарность слога,
Ибо сражен я смертью выдающегося мудреца.
И сердце мое более разбито, чем ваза из хрусталя,
Что залегает далеко в скале той⁶⁵.

К десятому году (истории Акбара) вместилище мудрости (Файзи) прочел творение сего невежды. Нельзя сказать, что разум его был удовлетворен, а смущенный ученик школы мудрости остался доволен. Время обмануло и указало на изматывающий душу день! Жизнь стала мне в тягость, а сердце еще больше беспокоилось изменчивостью вещей. Чары благосклонности Хеди́ва просвещения и амулет мудрости духовного и земного проводника (Акбара) излечили меня от неприятия (общества) и вернули в мир (*тааллук*). С беспокойным сердцем и смущенным разумом решил я написать восхитительную (*гаухарин*) историю. Однако трудности и горечь причиняли время от времени новые страдания моему смущенному сердцу и приводили его в смятение больше, чем когда-либо. Еще одно волнение разрушило столицу моих мыслей. Почему не должна подниматься пыль мятежа, почему бы не содрогнуться стопе решимости? Ибо вместе со всевозможными тревогами и противоречиями ушел помогавший мне во всём великий мудрец, скрылся за завесой друг, обладавший девятьюдесятью долями интеллекта. Был бы [у меня] в сей голодный год⁶⁶ человечества помощник, который творил бы, пока сердце мое пребывало в печали, дабы не запятнать [написанным] созданного прежде! Не существовало бы сего набора знаний, был бы необходим знаток, способный исправить⁶⁷ начертанное смятенным духом и стереть предложения, заменяя их словами, и выявить их смысл. Если бы Время позволило хоть это, оказались бы нужны люди, умеющие блеском своей просвещенности и силой мужества

увидеть ошибки. Принимая во внимание, что в тайники сердца моего закралось преумножающееся с каждым днем беспокойство за свободу, и поскольку присутствовало некоторое соперничество, внешние дела довели надо мной, а доверенный и любящий друг пребывал по ту сторону завесы, как оценить то, что сердце сообщало рукам, а последние — перу? Поскольку мысли мои оставались ясными, благодарность Господу возрастала, преданность рождалась искренней, а гений Шахиншаха оказывал помощь, то свет судьбы бросил луч во тьму борьбы и наделил [меня] активной силой.

То, что в сердце моем —
Монета несметной духовности.
Я не сам заработал богатство то вечное,
Взгляд покровителя дал мне его.

385 В первый день азара, Божественного месяца, 40-го [года правления Акбара] (примерно 11 ноября 1595 г.), я затворил дверь дома своих мучений⁶⁸. С виду я был поглощен, помимо всего прочего, написанием благородной истории, но про себя я взывал к Несравненному Дарителю и молил о лампе для омраченного сердца. Я склонил чело просьбы у порога Божественного величия и просил осуществить желаемое. Внезапно заря судьбы показала свой лик, и луч света озарил каморку без окон. После некоторых размышлений удивление прошло (букв. «прекратилось»), и утренняя слава коснулась моего пера. Великая радость и дивный восторг охватили меня. Мое больное и опаленное тело⁶⁹ облачилось в весенние одежды, и явился проводник для смелого предприятия. Сердце вновь обрело силу, а бесполезное (букв. «безголовое и безногое») перо начерта-ло чудный узор. Смотрители славы подвигли свадебного певца к мистическому танцу⁷⁰. Вскоре я превратился в богатую сокровищницу красноречия, и меня наградили возвышенной грамотой. Я получил титулы *Надир-аль-Калами*⁷¹ (чудо велеречивости) и *Шамс-и-пештак-и-гояи*⁷² (светило галереи речи). Несколько восхитительных высказываний записал (Акбар). Благодарность была выражена за милости, драгоценный труд пришел к завершению [и стал] подарком искателям истины и просвещенным людям. Была дарована великая удача, и [зажегся] свет лика.

Удача ринулась и распахнула дверь успеха,
Она мне подарила больше того, чем желал я.
Соловей речи вылетел из розы моего ума,
Покров таинственный кончиком пера оказался порван.
Я окружен был воинствами духов,
Незванные и призванные, они прошли сквозь двери.
Идолы сердца двинулись вперед.
Перо мое их пригласило мелодичным шепотом⁷³.

Теперь следовало бы раздаться мелодии радости и шепоту восторга. Но как тот, чья решимость привязана к созданию хроники череды циклов, сорвет замок написанием рассказа об одном из них? Какая пища насытит его сердце и доставит наслаждение? Особенно в день, когда по велению небес рассудок мой в смятении, и другая мысль посетила мой встревоженный разум? Тело — город (то есть склонно к общению), а душа — степь; здесь звучит мысль о последнем путешествии, которое порвет связи. У многих моих современников языки произносят речи, а души хранят молчание. С каждым днем растет беспокойство относительно написания книги судьбы (*Икбалнама*, то есть «Акбар-наме»).

Увы! Гора (*кох*) печали на соломинку (*ках*) обрушилась,
В луну влюбился крошка муравей.
Необычайное событие случилось —
Убогий попрошайка полюбил царя.

Единственное желание мыслей моих заключается в том, чтобы, после описания чудес нескольких циклов и после того как будет надлежащим образом отдан долг благодарности, я смог бы с Божьей помощью 386 покинуть ряды служителей мира и полностью посвятить себя служению Богу. Да выйду я из ущелья связей и отношений и обрету покой на возвышенном пути просветления! Да перестану стремиться к разрушающей душу обители дэвов и наслажусь счастьем в священных палатах вечности!

Забери свое добро из караван-сарая,
Ибо крыша вся в дырах, а тучи громадны и бурей грозят.

В этой каморке не можешь ты оставаться,
Будь тебе десять, сто или тысяча лет.
Завесу сорви, чтоб внести было можно
Божественный Паланкин на (сердца) помост.

Однако в атмосфере сей возвышенной неприступной крепости крылья мужества высоко летящего [мужа] полей познания ослабевают, так как же чувствуют себя земные и себялюбивые люди? Расскажу ли о тернистом и опасном пути? Или сошлюсь на печаль тех, кто из-за греховности воров пропитанной злом пустыни не достиг своих целей? Или поведаю о боли, причиняемой малодушием эгоистичных спутников? В ослепительном постоялом дворе естественного существования Мудрость ютится в углу презрения, а своеволие восседает на возвышении бахвальства. Всевозможные фантазмагии внешнего мира охотятся на душу, а небесный целитель укрылся за завесой. Последнее зло — истязание души нечестивцами. Одни сладкими речами, а другие с помощью молчания торгуют лихом (*никухидиги*) под видом добра (*некукари*) и в одеждах проводников занимаются грабежами (*дар либас рахнамуну рахзани кананд*). Большинство тех, кто сам уже подвергся обману, дурят остальных и считают причинение вреда людям — что уж тут говорить о животных — поводом для похвальбы. Не счесть и тех, что подчинили свои сердца льстивым речам распутника (мира), обирающего мудрых и разрушающего силу, подобную той, что была у Рустама. Как перечислить плутовство и обман служителей беззакония? Древнейшим из всего этого является низость нрава, скованная залогом в любви к умерщвляющему друзей и помогающему врагам (миру). Благодаря процветанию этого волнующегося, подобно ртути, миража (низменное побуждение) вкушает триумф праздности (*харсанди*) и радость беззаботности. От напасти этого пшеничного ливня, торговца ячменем, не почувствует ли оно себя затоптанным стопой сожаления и истощенным печалью? В связи с этим мудрые и красноречивые при определении тайн нарекают одного отцом сего брэнного шарлатана (мира). Второго же — глупцом, который в случае прихода старого дурака хватается за нить рассудительности и соображения и приходит в замешательство от радости или печали. Его голод не утоляется кажущимися и несущественными

ми лакомствами, а желания не утихают. Осиротевший⁷⁴ живот не наполняется иллюзорностью и на деле остается пустым, а стопа желаний не хромает. Иносказательно его (глупца) называют сыном своенравного пьяницы (мира). Третий — недалёковидный и низкий человек, который из-за былых ошибок не шествует по пути истины, преследуя желания мира, дошедшего до места яростных разрушительных взрывов. Однако он доверяет никчемным снадобьям обманчивого века, и помещает свою длань на подол обмана и мошенничества, и думает добратся до безопасного берега собственными средствами (*дастан сарай*). Великие мужи иносказательно именуют такого рабом чернокнижника с тысячью хитростей. Четвертый — сонный, запутавшийся человек, сбившийся с пути от толчеи желаний и стремящийся выковать для себя щит из лживых обычаев. Добродетельные нарекут такого на таинственном языке служителем вероломного шарлатана.

Предводитель собрания справедливости знает, каким должно быть состояние человека, ищущего покоя в таком беспорядочном месте, в то время как состояние это испытывают лишь те, кто сам его выбрал. Если бы для развития этой темы мне понадобилось написать о сектах⁷⁵ былых времен и наших дней, труд мой уподобился бы заполнению бездны, а подошва странствующего пера износилась уже при первом переходе. Послушайте же немного мою собственную историю! Позвольте удлинить шаг усилия для исцеления себя самого.

Коли поведаю историю свою с начала самого,
Зайду так далеко, что назад не вернусь.

Мой почтенный отец довольствовался уединением и жил вдали от суматохи мирского хозяйства⁷⁶. Он относился ко мне с большей любовью, чем к братьям, и с самого начала моего существования силой наставлений и примером своим ограждал меня от влияния своенравных и скверных. Он всегда оберегал меня с внутренней и внешней чистотой и поучал красноречивым языком на уроках истины.

С младенчества я в прятки⁷⁷ не играл,
Ибо радели обо мне отец и мать.

Поскольку осваиваемые науки (*улум муктасаби*)⁷⁸ скрывают за покровами духовную красоту, отец из любви к моему сбитому с толку «я» пожелал повести меня к их изучению. Но с пяти лет пребывал я в смятении, и сердце мое никак не желало слушать и говорить о таких вещах. Нрав мой похитил меня у сего проводника (*рахбар*)⁷⁹ обители совершенных учеников и [лишил] света порога. Великие опасности бескрайней пустыни, заставляющие людей из людей спотыкаться, овладели палатами моей души. С возрастом и преумножением знаний искреннее отвращение усилилось, а непримиримое беспокойство возросло. Я отдалился от всех и наслаждался дружбой с безумием. И стал⁸⁰ желать смерти. Тайнственное притяжение предводителя каравана Истины (отца Абу-л Фазла) привязало меня, беззаботного и бессердечного, к привычной обители знаний, и на пятнадцатом году жизни, когда крепкий сон безопасности сковывает всех людей, я пересек широкое поле мудрости и изобильные просторы доктрин множества школ. Преумножившиеся знания усилили мою заносчивость, а опьянение просвещением лишь увеличило путаницу. Несмотря на то что у меня имелся такой могучий проводник и непрестанный опекун, буйство своевольного интеллекта возрастало, и самость проявилась в различных формах. Милостью источника возвышенных идей (отца Абу-л Фазла) я познал тайны последователей учения Платона⁸¹, сокрытые сокровища суфиев и чудесные наблюдения перипатетиков⁸². Естественно, такой избыток обучения и вызванная этим надменность уменьшили важность обманчивого мира. Тот же принцип, усиливший самовосхваление и самопочитание, привел к разрыву связей с другими людьми. Я ощутил недовольство бессмысленностью темницы мира, и сердце мое было очаровано затворничеством. Мысль об отшельничестве возникла с новой силой. Безумство замешательства оказалось недостаточным, чтобы я проигнорировал указания мудрости и направился в непроходимую сторону. Болезнь моя не выглядела столь невежественной, чтобы я огорчал своих видимых богов (*худаян-и-маджази*)⁸³ (то есть родителей). Я проводил свои дни в пустой радости и печали с угнетенным разумом. Мысль о свободе в какой-то мере приносила мне успокоение. Из низменных побуждений, которые у меня имелись, и от робости, являвшейся частью моего склада, и с моим великим отвращением к обществу, и из любви к уединению вошел я в

возвышенный зал замешательства и впал в странное состояние под воздействием чар внутреннего смятения. Недовольство (*наразаманди*) моего выдающегося учителя (*пир*)⁸⁴ такими беспорядочными желаниями повлияло (букв. «было близко») на меня, и всё же я был далек от того, чтобы отказаться от столь дерзкого мировоззрения. С каждым вздохом смирение пред выдающимся представителем царства просвещенности усиливалось, но время от времени обретали силу всевозможные порывы.

Случай был нужен, чтобы с любимой своей повидаться,
Не мог я уже терпеть без любви,
И не было рук, чтобы спорить с судьбой,
И стоп, чтобы бежать⁸⁵.

Наконец, небеса поведали мою историю на славном (*хумаюн*) собрании Шахиншаха, и счастливая звезда зажглась на горизонте достоинства. Приехали глашатаи (*кавушан*), и меня озарил клич славы. Усилиями своей выдающейся души картина честолюбия стерлась из преддверия моего разума, а жажда аскетизма проявилась во всю мощь. Я был готов удалиться в пустыню безумия простоволосым и босоногим, сокрушить окружающую меня стену и встать на путь освобождения. Мой духовный лекарь (отец) знал, что царь века — проводник каравана почитателей Господа — был немного знаком с установлениями судьбы и потому взялся за мое исцеление. Он открыл свой ларец с драгоценностями и привил мне общительность. При помощи волшебства и очарования сего проводника я поспешил в святилище власти и прославил свое чело преклонением у порогов великого отпрыска царского рода. Без пятнышка развращающего понуждения на кромке одежд души моей, без мозолей на стопе поиска в широком поле алчности, до прихода стыда предвкушения и потери самоуважения, без посредничества и без взывания к кому-либо на меня снизошла милость Шахиншаха и подняла меня из бездны тьмы к высоте возвышенного ранга. Алхимический взгляд духовного и земного властелина дал новый толчок моей силе и [раскрыл] новые просторы моему сердцу. В какой-то степени я поборол собственный

трудноизлечимый недуг, который отец мой со всеми своими врачебными способностями так и не мог исцелить. Силой осознания расстелил я скатерть согласия и единения с человечеством, но было что-то ханжеское в моем положении, и я на самом деле пребывал в засаде⁸⁶. Множество ошибочных мыслей явили свой лик, но у меня нашлись силы избавиться от некоторых. Возрождение ненависти завершилось любовью. Настойчивость многих людей не смогла отвратить меня от благородных устремлений⁸⁷ и поднять пыль неудач в приятных палатах моего сердца. Некоторые из тех, что пребывали в прославленном окружении Властелина Мира, с нетерпением ухватились за возможность обрести мудрость, и открылся новый рынок для исследования идей и изучения доказательств. Из-за неосведомленности в области научных принципов и отсутствия истинного знания болтуны наших дней, которые из-за притворства и внешней благопристойности выглядели как просвещенные мужи, испытали значительные трудности. Иногда они обманывали, храня молчание, подниманием бровей, закатыванием глаз, а иной раз отвечали загадочными изречениями или глупыми высказываниями. Волею небес дошли до того, что их металлический талисман рассыпался на кусочки. И вынужденные отказаться от своего плана, докатились до абсурда. Они считали, что Разум и Вера — вещи противоположные, и некоторые из глупых потомков тюрков⁸⁸ были сбиты с пути истинного⁸⁹. Полагаясь на помощь этих невежественных и недалеких людей, устремлялись вперед, как к победе. Содействие счастливой звезды и искренность сбросили их с небес на землю, и они перешли к придиркам и обсуждению незначительных вопросов приобретенного (*манкул*) знания. В соответствии с выбранной тактикой насаждали ложные принципы и давали ход никчемным аргументам⁹⁰. Шли долгие обсуждения символов веры и сект, и они назвали критический анализ сомнительных вопросов основополагающей ошибкой в области веры и яростно выступали против него. Некоторые вели себя скверно, когда слышали эти лицемерные предупреждения. Старые друзья и давние приятели подобрали полы осторожности, так что я был окружен стеной обособленности в собственном городе. Иногда изливал песни радости от уединенного пребывания в обществе. И зная, что это результат благомыслия, умножил свои молитвы Господу. Порой, по причине человеческой слабости и осознания собственных невысоких способнос-

тей, я шептал себе: «Что за странность? Я расстелил ковер благомыслия и благожелательности к людям и иду против себя самого и порчу собственную игру⁹¹. Почему же они строят против меня козни?» При помощи небес и благодаря счастливой звезде слава мира, умственная леность, неодобрение со стороны друзей и знакомцев, а также повсеместные пустые увещания и суета недалеких недоброжелателей не пробили бреши в целостности моей души. Решительность рынка Истины вселила в меня новую радость.

Подобно жемчужнице я улыбаюсь⁹² при пытках,
Неподготовленный же улыбается, когда ему сопутствует удача.

Когда совершилось несколько оборотов небес, врата власти открылись, и новая слава снизошла на честолюбие. Рабы мира по причине религиозной враждебности обменялись неистовой завистью и принялись за свои неблагоприятные замыслы. Из-за узости взглядов и злобы объявив войну Всемогущему Аллаху, они уготовили себе вечное разрушение.

Два-три клеветника разваливают собственное ложе,
Они кидаются на ремесло свое и на меня.
Да уподоблюсь я луне вращающейся,
Не буду убывать, а если так произойдет, прибуду снова.

Поскольку намерения мои были благими, а преданность — 390
тверда, несчастных обманщиков повсеместно ожидало поражение как на духовном, так и на земном [уровне]. Они, узнав об истинном состоянии просвещения, оказались вынуждены убраться в закоулки унижений. Тогда я, не знавший о высотах и пропастях мира, жаждал общества этих людей, в то время как те демонстрировали мне свою неприязнь. Теперь же эта невежественная клика пожелала снискать расположение некогда беспокойного, а ныне умиротворенного человека и поступить ко мне на службу. Я же отверг их!

Солнце благополучия осветило тьму пустыни и, воодушевленный Властелином Века, я вошел в приятную обитель мирного сосуществования со всеми людьми. Мой смущенный дух возликовал

в чистых палатах равновесия, и я ухватился за полы радости и пропел: «Если кто-то считает тебя дурным человеком и избирает путь вражды, то действует в соответствии со своим видением и следует дорогой добродетели. Почему же ты злишься? Если же тебя знают с хорошей стороны, но идут тем же путем, то явно страдают от недуга зависти. Зачем же ждать здоровых действий от больного?» По причине человеческой хрупкости и слабости смертного в глубине моего сердца послышался шепот желания, и оно вырвалось наружу: «Хорошо бы, если б неумелые враги поняли невозмутимость моего отношения и мою неприязнь к мести, дабы не использовали раболепные тела и молящие языки для извинений, и привели бы свои внешние действия в соответствие со своими внутренними чувствами, и освободились бы от смятения разума! Если бы доброе чувство, которое я питаю к моим недоброжелателям, и соблюдение⁹³ мною правил, не знающее пути лицемерия, стали известны моим невежественным и незрелым друзьям, монета⁹⁴ дружбы не доставляла бы столько боли».

Швырнул огонь обеими руками на свои вязанки.

Коли я сам то сделал, чего мне на врага пенять?

Нет у меня врагов, один я — враг себе.

Увы, я для себя — и длань, и полы!⁹⁵

Что касается похвал и обвинений в мой адрес, то здесь я перешел со второй⁹⁶ ступени на третью. Надеюсь, обратного движения не будет, и руководство счастливой судьбы приведет меня к желанной четвертой ступени! Да пребуду я там вдали от (догмата)⁹⁷ единения с несравненным Богом! Большинство людей водят дружбу с первым классом (теми, кто восхваляет) и относятся прямо противоположно ко второму. Лицемеры с виду равнодушны к обоим классам: втайне радуются похвалам и таят злобу против тех, кто их критикует. Те же, кого поддерживают сами небеса, видят неясную обманчивость во всём и относятся к обоим классам одинаково, и их не затрагивает ни один из них. Многих людей вводит в заблуждение изменчивый дух, говорящий им: «Злые речи против кого-то, как вы, идущего по праведному пути, вызывают недовольство Аллаха». Они проглатывают эту ложь и раз-

ражаются ругательствами в адрес хулителей и, таким образом, сворачивают с дороги благодати. Если как следует разобрать⁹⁸ их поступки, выяснится, что они забыли о множестве собственных неразумных и неправедных действий. Достойней было бы считать врагом обожателя, поставляющего пищу для заносчивости, а хулителя, указывающего на недостатки, почитать за друга. Обрести бы и мне такую форму просвещенности, и достичь высоты своих желаний, и добиться самопознания от укусов внутреннего врага! При помощи собственного характера и твердости духа я вскоре освободился от отвращения (к обществу).

Как мне воевать с собой, [с тем],
Из чьего ворота я высунул голову?
Прорву дыру в завесе, меня пленившей,
Пусть нанесу удар полам своим⁹⁹.

391

Я постоянно терзаюсь и заявляю об отвращении к самому себе упрекающим языком. «Коли видишь, что Единственный Свидетель¹⁰⁰, которого древние нарекли «силой зрительного доказательства», стал светочем подтверждений, что ты являешься одним из здравомыслящих и просвещенных мужей, зачем же печалишься? Убегая от чего, ищешь ты угол презрения? Что так утомило тебя и заставило протянуть руку желания? Я допускаю, что ты лишен вдохновения, и тебе так и не был дарован свет выдающегося знания. Но благодаря счастливой звезде и чистому сердцу ты обрел способность искать истину и большие возможности, так что при дворе земных дел и при решении вопросов друзья и враги, чужаки и знакомые воспринимаются тобой беспристрастно, и удовлетворение, как и недовольство миром, не может омрачить твой разум. Страстный любовник¹⁰¹ не достигнет с тобой своей цели. Есть ли смысл говорить о других? Зачем спешить в царство уединения? Чего достигнешь в безвестности?»

Но что говорит и пишет поэт?
Сердце мое крепко сжимает рукав и полу печали,
Подобно тому, как Вамик ухватился за кончик локона Азры.
Я испытываю к сумятице мира и людям
Такое же отвращение, какое Анка ощущал¹⁰².

Истина в том, что человеческие усилия тщетны. Что можно сделать с записью, сделанной в палатах Судьбы? И от чего зависят обращения звезд и небес? Нам не найти лекарства от лживого смешения небесных и земных тел. Не выковать щита от стрел небесных.

Лук небесный натянут со стороны лат.

Я — враг самому себе, зачем же в латы облачаться?

И вот началась борьба с моим духом, обладающим тысячей уловок. Друзья каждого твердо стоят, но время от времени обман возобновляется. Следуют чудесные возвышения и падения, и сияет лик руководства. Я не знаю, чем это закончится, и где остановлюсь, с какой из трех форм¹⁰³ Божественного знания соединюсь навеки. Или
392 какое волшебство приведет к последнему живительному сну. У Страха бородавка на лике (мысли), дабы различные красоты Вселенной не вошли в дом его тяжелого труда. У Надежды открытый лик (мышление), дабы могла она с радостью нести печали смертных на плечах своего гения. Быстрый и осмотрительный путник, оставивший навозную кучу Страха, мелкий сад Надежды, костер Приобретения и увеселительные просторы Роста, не привязан к радости и печали. Каждую секунду в лагерь доставляется приказ остановиться, и не успеваю я согреть место, как слышится призыв из другой двери.

Я есть собственный многообразный мир¹⁰⁴.

При такой внутренней борьбе я принялся по приказу преданности за написание этой значительной истории. Верноподданные пира верности не обращаются к другой работе. Почему бы и нет? И почему это должно казаться странным? Благодаря служению Падишаху просвещения безделушки мира легчают на весах души, и великолепное зрелище внешнего мира теряет ценность при виде [его] порогов. Потребность движет пером, восхваляя великий дар, а прославление становится страстным. Новое сияние окружает сердце мое для описания истории истины. Я не измеряю воду решетом подобно сластолюбцам¹⁰⁵ и не толку воздух в ступе. Будет лучше, если я не стану откры-

вать крышку своей непонятной души и не брошу в пространство тайну своего сердца. Не стоит провозглашать того, что не достигает слуха современников и не воспринимается зрением обычных людей.

Если бы мне нужно было рассказать о мыслях сердца своего, Ты бы, как и я, удивился или не поверил.

«Абу-л Фазл, сын Мубарака, почему твое стремящееся к мудрости сердце наполнено шепотами о таинственном и речами об умалчиваемом? Ты выносишь свои мысли в зал гласности и допускаешь незнакомца в тайные палаты своего сердца? Весна пронизательности струится из твоих чистых, сокровенных палат. Какая частица мудреца позволяет вину¹⁰⁶ изливаться? Твердо стой на поприще служения и обращайся к Аллаху, прославляя своего царя. Выражай священные таинства земным языком!»

Весть истины спасла мое сердце от безрассудства. Решительность обрела силу. Жажда труда преумножилась, и слава снова снизошла на меня! Надпись, начертанная Удачей на портике моей судьбы и отдавшая в залог этого раба Благодарности, заключалась в том, чтобы я привязал себя седельным ремнем к вечной власти и стал историком чудес. Созвездие интеллектуального горизонта и звезда духовных небес («Акбар-наме») благодаря своему прославленному продвижению день за днем прикасалась к благословенному слуху (Акбара), ибо, попав на язык пера, переносилась на бумагу и благосклонно им принималась. Радуйся, раб, чью службу одобрил сам Шахиншах, ты был отмечен похвалой его Двора!

Слава Аллаху! Первую хронику
Я написал просто прекрасно,
Во время работы над ней
Слово было моим, а вдохновение — шаха.
Пусть наполнит меня надеждой талант,
Небеса даруют свободное время, а Удача — мужество!
Росчерком пересекающего небеса пера
Доведу я до конца сей возвышенный труд¹⁰⁷.

Примечания

К ГЛАВЕ 46

- ¹ [Ходжа Абд-ал-Маджид был родом из Герата и вел происхождение от шейха Зайн-ад-дин Абу Бакра Таибади. Он начал службу еще при Хумаюне в небольшой должности при *диване* и возвысился при Акбаре. Абу-л Фазл включил его в список вельмож под № 49: Аин-и-Акбари, I, Аин 30.]
- ² [То есть поднявшегося от писца до военачальника.]
- ³ [Бандху (или Бандхугарх — «крепость брата») — современный Бандхавгарх. Расположен в дистрикте Умария, штат Мадхья Прадеш, Индия. Крепость насчитывает около 2 000 лет и, согласно легенде, была дарована Лакшмане его старшим братом Рамой («Рамаяна»). Сейчас это центр Национального парка Бандхавгарх по сохранению бенгальского тигра, основанный махараджами княжества Рева.]
- ⁴ Возможно, Бирбал, служивший некогда радже, был просителем. [Г. Блохманн в комментарии о радже Рам Чанде указывает, что, кроме Бирбала, за раджу Рам Чанда просил Зайн-хан Кока, молочный брат Акбара.]

К ГЛАВЕ 47

- ¹ У Баязида и Низам-ад-дина — Фазаил.
- ² Вероятно, Займуни к западу от Кабула. См.: Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 2. Самара: Агни, 2005. С. 186. [В «Бабур-наме» (197 б) это селение упоминается под названием Замма-Яхши.]
- ³ [В «Бабур-наме» (240 а) Мама Хатун — это населенный пункт недалеко от Исталифа.]
- ⁴ [Ходжа Се-Яран — селение недалеко от Чарикара. Бабур отметил его как единственное место вблизи Кабула, где рядом росли деревья трех видов: чинары (платаны), дубы и желтый и красный аргуван (багряник, иудино дерево). Бабур приказал благоустроить источник, обложив его камнем, и облицевать берега алебастром и цементом. (Бабур-наме, 136 б–137 а.)]
- ⁵ [В «Бабур-наме» (156 б, 216 а) встречается вариант Ходжа Ривадж. А в I томе «Акбар-наме» — Риваз, Раваш. См.: Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 2. Самара: Агни, 2005. С. 275.]
- ⁶ [Зухак (Захак-и Мардуш) — крепость в 10 км к востоку от Бамиана (Афганистан). Сейчас сохранились развалины.]
- ⁷ Хаким. Возможно, это строки из поэмы Хакима Санани.
- ⁸ Скорее всего, Тулак должен был отступить. В «Икбал-наме» сообщается, что Гани прибыл с Тулаком в Тиралу, брод на реке Горбанд.
- ⁹ Бадауни (пер. У. Лоу, 54) утверждает, что Гани-хан не преуспел в Индии из-за своего неподобающего поведения, уехал в Джаунпур и там умер. В «Маасир-ал-умара» (I. 645) говорится, что он направился к Адил шаху в Биджапур и вскоре умер. Баязид также пишет о том, что он отправился в Биджапур.

- ¹⁰ [*Наиб* (араб.) — заместитель, наместник, уполномоченный. В некоторых мусульманских странах — заместитель начальника или духовного лица.]
- ¹¹ *Бехабар ас санг-андаси-и-дауран*. [Буквально — «не ведающий о времени последнего дня».]
- ¹² [*Адил* (араб.) — справедливый.]
- ¹³ [*Ихлас* (араб.) — искренность, бескорыстная дружба.]
- ¹⁴ В тексте *раджа-и-мазкур*, вышеназванный раджа, но никакой раджа еще не упоминался, к тому же это не может быть раджа Рам Чанд, против которого отправился в поход Асаф-хан. Баязид (106 а), и ему здесь вторит Абу-л Фазл, говорит, что, когда он управлял Хисар Фирузой, то получил в 970 г.х. [1573 г.] следующий приказ от Муним-хана: поскольку последний выступил в поход против раджи Масту, Баязиду следовало собрать силы тех мест и присоединиться к нему. Таким образом, Баязид прибыл с войсками в Агру, и они выступили в поход против вышеназванного (*мазкур*) раджи. Когда подошли к Этаве, Муним-хан получил от Акбара *фирман*, в котором говорилось о побеге его сына и др. и приказывалось провести все возможные приготовления для похода против раджи, а самому вернуться в Агру, дабы он [Муним-хан] мог отправиться в Кабул. Как только Муним-хан получил приказ, то вернулся ко Двору, отправив против раджи Масту Шах Кули-хана Наранджи и др. (Однако мне кажется, что Масту — это ошибка переписчика и должно быть Мео. Мео — мятежное племя в Этаве. См.: «Indian Gazetteer». В указателе к «Акбар-наме» стоит — Раджа-и-Итава, а не Раджа *мазкур*!)
- ¹⁵ У Баязида — Кулидж.
- ¹⁶ Баязид говорит, что Таймур прежде был слугой Байрам-хана.
- ¹⁷ Баязид описывает, как Муним, покинув Агру, прибыл в Сикандру, и Акбар и кое-кто из знати приехали туда с ним попрощаться. Акбар специально велел Баязиду отправлять в Кабул отчеты, а также дал ему коня и почетные одежды. Затем отправился в Гвалиар поохотиться, а Муним-хан продолжил путь в Кабул. Мухаммад Кулидж (над словом написано *кули*) и другие военачальники отправились в свои владения собирать войска, чтобы присоединиться к Муниму в Нилабе или Пешаваре. Муним пошел через перевал Хайбар. Вспомогательные силы к нему так и не присоединились.
- ¹⁸ [Махманд (моманд) — пуштунское племя численностью около 200 тысяч человек. Подразделяется на 6 родов. Живет в основном на территории Северо-Западной пограничной провинции Пакистана в междуречье Кабула и Свата. Халил — пуштунское племя, исповедующее ислам шиитского толка.]
- ¹⁹ Баязид (с. 108) приводит слово Ясавал — другое название этой деревни. [Дех-Гуламан — селение недалеко от спуска с перевала Хайбер, провинция Кунар, Афганистан.]
- ²⁰ Баязид (с. 108 б) пишет, что Джабар Барди жил в Бадахшане после того, как стал дервишем, и отправился в Индию, чтобы выразить свои соболезнования по поводу смерти Хумаюна, и теперь возвращался с армией домой. Он был послан заключить договор с Мухаммад Хакимом вблизи Чарбага, т.е. Баг-и-Сафа. Мне кажется, здесь перепутаны Баг-и-Вафа и Баг-и-Сафа. У Бабура (141 и 291) это явно два разных сада, в чем с ним солидарен и Абу-л Фазл. Но если это разные сады, они должны были располагаться неподалеку друг от друга, так как рядом находились Адинапур и Джалалабад. Баязид называет сад Чарбаг — Баг-и-Сафа, но его описание очень похоже на описание Баг-и-Вафа у Бабура. В обоих [садах] был холм (*баланди*). [Бабур в своих «Записках» не упоминает о Джабаре Барди. Чарбаг — достаточно распространенный топоним, означающий четырехчастный сад. В «Бабур-наме» часто упоминается Чарбаг вблизи Кабула (159 а, 216 а и др.) и один раз Чарбаг вблизи Агры (307 а).]

- 21 Баязид пишет (с. 108 а), что, когда он был в своей резиденции в Дех-Гуламан и некоторые люди обсуждали состояние дел в Кабуле и приезд Мухаммад Хакима, они увидели предзнаменование в стихах Хафиза, а именно в первой строке его оды: *Ситара-и-бад рахшид у мах маджлис шуд* — «Сияла зловеющая звезда, и была луна собрания». См.: Хафиз, ода 127. Звезда, упоминаемая в тексте, вероятно, созвездие из Восьми Звезд, то есть, я полагаю, Дева. [Восемь Звезд — Сакиз Юлдуз — тюркское название созвездия Малой Медведицы, которое арабы называли Дочерьми Малых Погребальных Носилок. Видеть в определенном положении это созвездие и созвездие Большой Медведицы, называвшееся Дочерьми Больших Погребальных Носилок, считалось неблагоприятным.]
- 22 Согласно Баязиду Хасан был на правом фланге, а Какшалы — на левом. Он пишет, что они отступили в сторону Джалалабада. Сражение произошло у Чарбага, отмеченного на карте в нескольких милях от Джалалабада, по другую сторону реки Кабул.
- 23 Баязид называет его рабом Шах Ниамат-ул-лаха, зятя Исмаила Барди (шаха Исмаила I), и пишет, что он прибыл в Кабул в качестве купца и умел устраивать фейерверки. Хан-ханан обратил на него внимание перед отъездом в Индию и оставил у своего сына Гани-хана. Баязид объясняет отрывок о фейерверке вокруг лошади Абу-л-маали. По его словам, «он разложил горючие материалы вокруг своей лошади (*даргирд-и-аспхурд*), и, когда она скакала, они загорались и отлетали в сторону неприятеля». Одна стрела (*тир*, возможно, пуля) попала в лошадь Чалмы Хисари. Последний сошел с нее и был убит.
- 24 Баязид (с. 109) пишет, что перед битвой ему было поручено выбрать место для лагеря, и он выбрал его между ручьем [у мавзолея] Ходжа Рустам, являющегося святыней (*мазар*), и ручьем (*джуи*) Чарбага.
- 25 Здесь Абу-л Фазл в первый раз называет Баязида по имени. Фрагмент можно найти в его «Записках» (108 б). Он говорит, что не стал двигать ящики из опасения напугать женщин. И явно собирался закопать их или передать дружественным афганцам.
- 26 Описание побега есть у Баязида. В ту ночь они подошли к Дех-Гуламану, где у них была стоянка во время предыдущего пути. Затем они продолжили путь через Хайбар и Али Масджид. Они добрались до последнего места в один *пур* дня, и к ним присоединился Шах Хашам, брат Абу-л-маали. В три *пура* дня они прибыли в Бикрам, то есть Пешавар.
- 27 Баязид называет его Яри Тувачибаши и говорит, что Муним отправил его спустя три или четыре дня после прибытия в Пешавар. Далее (113 б) он именует его Яри султан.
- 28 Баязид говорит, что [Муним-хан] укрылся на какое-то время в крепости Пешавара, но в конечном счете по совету Баязида ушел к Нилабу. После того он пересек реку и поехал к Султанпуру, где и был любезно принят Султан Адамом.
- 29 Был Андари или Индри в *саркаре* Сахаранпура (Аин-и-Акбари, II. 291), но, возможно, подразумевается Андари-Карнал. См.: Бадауни, II. 71.
- 30 *Карми* в тексте, но на санскрите это *карма* или *карман*, религиозное понятие или воздаяние по заслугам. [*Карма* (санскр. — деяние) — ключевое понятие в представлении индуизма о перевоплощении. Карма включает сумму всех поступков, совершённых каждым живым существом, и их последствий, что определяет характер его нового рождения. Карма, согласно индуизму, свойственна не только человеку, но и животным, богам, планетам и т.д.]
- 31 Расстояние от Матхуры до Агры составляет примерно 30 миль, а место охоты, без сомнения, находилось за пределами Матхуры, так как в тексте (II. 200) Абу-л Фазл говорит, что этот город располагался в 15–16 *косах* от Агры.

- ³² [Мир Али Акбар был младшим братом Муизз-ал-мулка Мусави. Эти персы из Мешхеда возводили свой род к восьмому имаму Али бен Мусар-Ризе. Мир Али Акбар был автором «Маулуд-наме» («История рождения императора»). Подробнее о нем см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 62.]
- ³³ Врач из Гиляна на Каспийском море. См. Бадауни (III. 161), который хорошо о нем отзывался. Он прибыл в Мекку в 988 г.х. или 989 г.х. [1580–1581 гг.] и там умер. Его имя — Шамс-ад-дин.

К ГЛАВЕ 48

- ¹ Имеется в виду выдача мирзы Камрана. [Подробнее об этом см.: Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 2. Самара: Агни, 2005. Гл. 55. С. 187–188.]
- ² [Султан Саранг являлся старшим братом Султан Адама. Но Султан Адаму должен был наследовать его сын Лашкари-хан. Поэтому Камал-хан, считая, что у него больше прав на управление землями гакхаров, стремился закрепить их, заручившись поддержкой Акбара.]
- ³ В области Аллахабад. [Современный город Хасва расположен в 20 км к юго-востоку от Фатехпура, дистрикт Фатехпур, штат Уттар Прадеш, Индия.]
- ⁴ [Фатехпур — центр одноименного дистрикта дивизиона Аллахабад, штат Уттар Прадеш. Из-за небольшого расстояния между Фатехпуrom и Хасвой вполне вероятно, что в XV–XVI вв. *паргана* носила название Хансва Фатехпур, чтобы не путать с другими Фатехпурами, в том числе и Фатехпур Сикри.]
- ⁵ В «Табакат-и-Акбари» сказано, что с него живьем содрали кожу.
- ⁶ Мир Мухаммад и Хан Килан — одно и то же лицо. Он был старшим братом Шамс-ад-дина и поэтом. См.: Аин-и-Акбари, I. 322, а также Бадауни, III. 237. [Мир Мухаммад включен Абу-л Фазлом в список вельмож среди командиров 5 000 под № 16. См.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30. Он писал стихи под псевдонимом Газневи, взятым по месту его рождения.]
- ⁷ Я не нашел этого местечка. В «Икбал-наме» — Силан.
- ⁸ См. повествование Низам-ад-дина (Эллиот, V. 178 и далее) о захвате края гакхаров. Это сильно напоминает рассказ Абу-л Фазла, и кажется, что оба пользовались одним источником.
- ⁹ См. его биографию в «Маасир-и-рахими» (III. 232), где она образует часть биографии Шараф-ад-дина. Муин умер в Камбее, находясь на пути в Мекку.
- ¹⁰ [То есть всего населенного мира. Традиционно мусульманские географы разделяли все известные земли на семь частей — климатов (*иклима*). См. например: Абд ар-Рашид ал-Бакуви. *Китаб талхис ал-асар ва'аджа'иб ал-малик ал-каххар* (Сокращение [книги о] «Памятниках» и чудеса царя могучего). Пер. З.М. Бунятова. М., 1971.]
- ¹¹ См.: Хазана-ал-асфийя, I. 597, а также I. 582 — рассказ о жизни его отца.
- ¹² Это знаменитый Ходжа Ахрар из Самарканда. [Ходжа Насир-ад-дин Убайд-ал-лах ибн Махмуд (по прозвищу Ходжа Ахрар) — известный среднеазиатский шейх, возглавлявший во второй половине XVI в. суфийский орден Накшбандийа в Мавераннахре. Родился в селении Багистан в 1404 г., умер в Самарканде в 1490 г. Подробнее о нем см.: Самаркандские документы XV–XVI вв. О владениях Хаджи Ахрара в Средней Азии и Афганистане. Подг. О.Д. Чехович. М., 1974. С. 14 и далее.]
- ¹³ Иногда его называют Ходжа Нура. Он также упоминается Бабуrom — это сын первой жены его отца. [Мирза Мухаммад Хайдар называет его Ходжа Нуран и подробно описывает родословную Ходжи и сотворенные им чудеса. См.: Мирза Мухаммад Хай-

- дар. Тарих-и-рашиди. Пер. А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой. Ташкент: Фан, 1996. С. 498–502 и др.]
- 14 Давван — округ в Персии, Казарун. [Маулана Джалал-ад-дин Давани — Джалал-ад-дин Мухаммад ибн Асад Сиддики Давани, иранский суфий, известный как автор книги «Ахлак-и Джалали». Родился в 830 г.х. (1426–1427 гг.) в Давани, около Казаруна; был казием Фарса и преподавателем в медресе Дар ал-Айтам в Ширазе. Умер в 908 г.х. (1502–1503 гг.).]
 - 15 В Восточном Туркестане или Уйгуристане. Это место в самой восточной части Кашгара. [Турфанский оазис, центр Турфанской котловины, расположенной в Китае, в отрогах Восточного Тянь-Шаня. Самое низкое место в Центральной Азии — тектонический прогиб глубиной до 154 метров ниже уровня моря.]
 - 16 В «Аин-и-Акбари», I. 322, написано *рудхана-и-нашеб*. *Рудхана* означает русло реки, и, согласно «Тарих-и-Алфи», рукописи Британского музея, Ор. 465, 609 б, то, что привез Муин, было плодом реки, и это — яшма. Кажется, из отрывка в «Тарих-и-Алфи» Абу-л Фазл почерпнул сведения для рассказа о Муине, и он столь интересен, что достоин того, чтобы привести его здесь. После упоминания о том, что Ходжа Хаванд скончался в Кабуле, а его сын Муин отправился в Кашгар еще при жизни своего отца, там сказано: «Его глубоко уважал Абд-ал-лах-хан, и плод реки (*хасил-и-рудхана*), где образуется *санг-и-пушт*, поднесли ему. Поскольку Ходжазада был хорошо знаком с наукой жизни (*илм-и-мааш*), он так оберегал *санг-и-пушт*, что никто без дозволения Ходжи не мог увидеть камень даже в своих мечтах, и если его находили среди поклажи торговца, то конфисковывали (*таббар-и-аам-мирафт*). В согласии с распоряжением Ходжи торговцы доставляли *санг-и-пушт* в Китай и иные места, где на него был спрос, а обратно привозили одежду и другие товары. Таким образом Ходжа собрал немалое достояние, не потратив ни одного динара. Мирза Шараф-ад-дин Хусейн, его сын, приехал в Индию из-за неумейной скупости своего отца и облобызал порог. Стараниями Адхам-хана и его матери Шараф-ад-дин обрел большое влияние и постепенно получил в управление Нагор. Он также завоевал Миртху. Узнав, что отец возвращается из Туркестана, отправился в Лахор, чтобы встретить его».
- Рудхана-и-санг-и-яшиб*, или *яшим*, — это, вероятно, долина Каракаш, описанная Фердинандом Столичкой [геолог, 1833–1874 гг.]. Есть две реки: одна — Урангкаш, а другая — Каракаш, и они названы так потому, что одна дает белую яшму, а другая — черную. Из Хотана они текут на север и впадают в реку Тарим. Ф. Столичке сообщили, что к югу от Хотана расположено другое богатое месторождение яшмы, и, как говорят, большая часть ее происходит из гальки на дне реки (*рудхана* у Абу-л Фазла?).
- В «Маасир-и-рахими» рассказ о Ходжа Муине, приведенный в томе III. 232, является частью биографии его сына Шараф-ад-дина; он весьма подробен и сообщает некоторые детали, которые отсутствуют у Абу-л Фазла. Как и в «Тарих-и-Алфи», 609 б, там говорится, что Муин был принят Абдулла-ханом. «Маасир-и-рахими» добавляет, что он покинул Кашгар во время [правления] Абу-л Хайра. Муин после бегства своего сына отправился в Мекку, но умер в Камбее; его останки потонули вместе с кораблем Фатахи.
- 17 Вероятно, Хаджиपुर Сарьяна в Бет Джаландхар Дуабе. «Аин-и-Акбари», II. 316. [Хаджиपुर — город в дистрикте Хошиарпур, штат Пенджаб, Индия.]
 - 18 В «Аин-и-Акбари» сказано, что *тарбат* — название племени в Хорасане. Есть также одноименный город, называемый Тарбат-и Хайдар. У Баязида (99 а) есть рассказ о представлении Музаффара Акбару. Оттуда мы узнаём, что тот был освобожден из заключения по настоянию Афзал-хана, который затем сообщил Баязиду, что он и Музаффар родом из одной и той же области. Баязид упомянул об этом деле Муним-хану. Хусейн Кули, сын сестры Байрама, возражал против освобождения Музаффара,

говоря, что последний был доносчиком (*чугул*) и подлецом и на службе у Байрам-хана причинил немало вреда слугам Аллаха (мусульманам). Однако у Баязида ничего не говорится о предложении умертвить его. После того Махам доложила Акбару об освобождении Музаффар. Акбар похвалил Мунима за то, что посоветовался с Хусейн Кули об этом деле, и объявил ему, что возьмет Музаффара на службу, прибавив, что слышал, будто тот умеет писать *тугру*. У Бадауни говорится, что Музаффар возведен в ханы в 971 г.х. [1564 г.], и хронограммой этого было слово *залим* («притеснитель»). [Музаффар Али Тарбати (Турбати) включен Абу-л Фазлом в список вельмож среди командиров 4 500 под № 37. См.: Аин-и Акбари, I. Кн. 2, Аин 30.]

- ¹⁹ В Сялкот. Аин-и-Акбари, II. 329. [Современный Пасрур — город в 30 км южнее Сялкота, провинция Пенджаб, Пакистан.]

К ГЛАВЕ 49

- ¹ В «Тарих-и-Алфи» сказано, что Абу-л-маали был заключен в тюрьму в Дели, однако сумел бежать из-за небрежности людей Шихаб-хана. Его схватили вновь, но Акбар простил его и позволил отправиться в Мекку.
- ² См. Баязид, 117 а. Здесь говорится, что он примкнул к Шараф-ад-дину в Сирохи.
- ³ Слово «*вилаят*» обычно используется в отношении иной страны, например, Персии или Афганистана, но здесь, очевидно, относится к областям Индии — возможно, пограничным. В том же значении слово используется в «Тарих-и-Алфи».
- ⁴ Баязид, 117 а, называет его Сайид Махмуд Гесу Дараз и сообщает, что он был *дарога-и халса*. [Абу-л Фазл не упоминает его в списке вельмож.]
- ⁵ «Тарих-и-Алфи» называет его братом Хусейн Кули.
- ⁶ Очевидно, это выражение означает «царь бродяг». Но *лаунд*, или *лаванд*, также используется для обозначения моряка, и считается, что это искажение слова «левантин». Аин-и-Акбари, III. 375.
- ⁷ Очевидно, Джхунджхун — это Джайпур. См. Баязид, 117 б. Он также назывался Фатхпур Джханджхун и в «Аин-и-Акбари» включен в *саркар* Нагор. См.: Аин-и-Акбари, II. 277. [Современный Джхунджхуну — центр одноименного дистрикта штата Раджастан, Индия.]
- ⁸ Баязид сообщает, что Абу-л-маали взял крепость в тот же день и умертвил *шикдара*. Он подробно повествует о собственных успехах в борьбе с Абу-л-маали.
- ⁹ В «Тарих-и-Алфи» — Меват. [Матхура — центр одноименного дистрикта штата Уттар Прадеш, Индия. В отличие от Мевата она располагается недалеко от Агры, что соответствует остальному тексту.]

К ГЛАВЕ 50

- ¹ В «Тарих-и-Алфи» сказано, что он возвращался с охоты. [В рукописи «Акбар-наме» (JS 2—1896), хранящейся в Музее Виктории и Альберта (Лондон), есть миниатюра, иллюстрирующая этот эпизод.]
- ² Сайед Ахмад упоминает о мечети и медресе, которые якобы принадлежали Махам бегим. Здание было разрушено, однако Сайед Ахмад приводит его описание. Оно заканчивается хронограммой *хаир-ал-муназит*, которая дает 969 г.х., то есть 1561 или 1562 г. Махам бегим — это, без сомнения, Махам Анага, т.к. надпись [на здании] рассказывает об усилиях, предпринятых при его строительстве Шихаб-ад-дин Ахмадом, то есть другом и родственником Махам Анаги.

- ³ [Дыхание Исы (Иисуса) — эпитет, означающий глубокие познания во врачебном искусстве, сравнимые со способностью пророка Исы (Иисуса) дыханием оживлять вылепленных из глины птиц и воскрешать мертвых (Коран, сура 3 «Семейство Имрана», аят 48(49).]
- ⁴ В «Тарих-и-Алфи» сказано, что Хизр Ходжа умел оказывать помощь благодаря своему огромному опыту в войне и знанию о ранах. Это последнее упоминание о муже Гульбадан.
- ⁵ [Хаким Аин-ул-мулк из Шираза, ученый и писатель. Как поэт творил под псевдонимом Давом. При Дворе Акбара играл значительную роль в государственных делах, часто выполняя обязанности посла. Умер в 1595 г. Не следует путать с врачом Хаким-ул-мулком. Подробнее см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 234.]
- ⁶ *Фатила* означает фитиль, а также клистир, но я не думаю, что здесь имеется в виду это. Возможно, слово обозначает скрученную или свернутую повязку. В медицине используется растение, называемое *фатила-и-рахбан* («фитиль монаха»), и, наверное, именно оно здесь подразумевается. [*Фатила* (фарси) — 1) фитиль светильника; 2) мед. фитиль, турунда. В данном случае речь, по-видимому, идет о ватной повязке с мазью.]

К ГЛАВЕ 51

- ¹ От корня *джаз*и — удовлетворять. Это компенсация или денежный взнос в ответ на то, что тебе сохранили жизнь. [*Джизья* — подушный налог, который взимался в мусульманских странах с населения, не исповедовавшего ислам. Выплачивался ежегодно во время публичной церемонии, зачастую унижительной. Документ об уплате *джизьи* давал право на передвижение с места на место. От *джизьи* освобождались женщины и дети.]
- ² В «Тарих-и-Алфи» приводится стихотворение, которое она отправила в ответ. Она сказала Абу-л-маали, что это его дом. Стихи также приведены у Бадауни (пер. У. Лоу, 56).
- ³ Из текста «Тарих-и-Алфи» следует, что он заколол ее.
- ⁴ В «Тарих-и-Алфи» говорится, что тот играл с другими мальчиками.
- ⁵ Согласно «Тарих-и-Алфи» (613 а) оба эти человека были братьями Шихаб-ад-дина.
- ⁶ [*Даст-авез* (фарси) — обычай дарить подарок гостю в ответ на его подарок. В качестве подарка может быть исполнено какое-либо его желание.]
- ⁷ [*Иди рамазан* (ид-ал-фитр) — у мусульман праздник разговенья в честь окончания месячного поста. Наступает 1 шаввала и длится 3 дня. В 971 г.х. праздник начался 12 мая 1564 г.]
- ⁸ У Бадауни (пер. У. Лоу, 55) представлен другой вариант стихотворения.
- ⁹ *Азизан*. Вероятно, здесь это означает факиров или других религиозных деятелей. То, что тело похоронили рядом с Махди Ходжой и его женой, говорит о том, что Абу-л-маали состоял в родстве с Махди Ходжой.
- ¹⁰ [Имеются в виду земли области Кабул, простиравшиеся на восток до границ современного Пакистана, на запад — до границ Сефевидского Ирана.]

К ГЛАВЕ 52

- ¹ Аин-и-Акбари, II. 196. [Гадха Катанга (или Гарха Мандла) — название одного из пяти княжеств, существовавших на территории, называемой Гондвана.]
- ² В «Икбал-наме» упомянуто, что он вел происхождение от Ракн-ад-дина Хафи и происходил из Мерва.

- ³ *Ке Туркан сахиб шамшер пеш-и-у пушт-и-даст нихаданд.* «Эти турки, мастера меча, опустили перед ним руки тыльной стороной [вниз]». В «Икбал-наме» добавлено слово *барзамин* — «на землю».
- ⁴ [Гонды — народ дравидийской группы, населяющий западную и среднюю части Индии между горами Виндхья на севере и рекой Годавари на юге. Численность сегодня около 4 миллионов человек. У части гондов сохранилось племенное деление.]
- ⁵ [Ратанпур — город в дистрикте Биласпур, штат Чхаттисгарх, Индия.]
- ⁶ То есть с востока на запад.
- ⁷ Аин-и-Акбари, I. 367. В соответствии с «Географическим справочником центральных провинций» Гранта — Гарха, или Гадха — находится в округе Джабалпур близ самого Джабалпура. Катанга, или Катанги, расположен примерно в 20 милях к северу от Гадхи, к северо-западу от Джабалпура. [Использование в названии этих двух топонимов отражало территориальные границы княжества.]
- ⁸ [Гарха — сегодня небольшой город вблизи Джабалпура, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
- ⁹ [Катанги — город близ границы дистрикта Балагхат, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
- ¹⁰ [Чаурагарх располагался на плато Панчмари в горах Сатпура (дистрикт Нарсингпур, штат Мадхья Прадеш) на высоте около 400 метров и имел стратегическое значение. Сейчас сохранились развалины крепости. Рани Дургавати перенесла туда столицу из Сингаургарха после смерти мужа.]
- ¹¹ [Гарраули — город в дистрикте Тикамгарх, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
- ¹² Харай. [Харрай — город в дистрикте Чхиндвара, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
- ¹³ [Силвани — город в дистрикте Райсен, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
- ¹⁴ [Возможно, Дханкакри — город в дистрикте Сеони, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
- ¹⁵ [Возможно, Катхотия — город в дистрикте Умария, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
- ¹⁶ [Вероятно, Маудаха — город в дистрикте Хамирпур, штат Уттар Прадеш, Индия.]
- ¹⁷ [Мандла — центр одноименного дистрикта, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
- ¹⁸ [Точное расположение установить трудно. Возможно, Беохари — город в дистрикте Шандол или Деосар — город в дистрикте Сидхи, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
- ¹⁹ [Ланджи — город в дистрикте Балагхат, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
- ²⁰ В тексте — Гадха, однако имеется в виду Карра—Маникпур. [Маникпур — город, а Карра — расположенная неподалеку от него деревня в дистрикте Читракут, штат Уттар Прадеш, Индия.]
- ²¹ [Рани Дургавати — национальный герой, одна из самых знаменитых женщин в индийской истории. Родилась в 1524 г. В 1542 г. была выдана замуж за Далпат Даса (или Далпат Шаха). В 1545 г. родился их сын Вир Нараян. После смерти мужа в 1550 г. взяла власть в княжестве в свои руки. Она с успехом защищала страну от посягательств Баз Бахадура, а затем военачальника Акбара Асаф-хана. Выиграв несколько сражений, войска Рани в конце концов потерпели поражение. 24 июня 1564 г. Рани погибла в сражении. Университет в Джабалпуре в настоящее время носит ее имя.]
- ²² Возможно, это Рахатгарх. [Рахатгарх — город в дистрикте Сагар, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
- ²³ Это должен быть Са, см.: С.Р.С., 282, и перечень царей Гадха Мандлы, составленный Слимано в книге Принсипа «Древности», I, и в J.A.S.B. (Журнал Азиатского общества Бенгалии) за 1837 г., VI. 621.
- ²⁴ Вариант — «сын Горак Даса, сына Кхарджи»; нет сомнений, что он верен. В рукописях стоит именно это.

- 25 Скорее всего, это был его [Кхарджи] внук.
- 26 [Возможно, имеются в виду выходцы из бадахшанского племени гхарчал, пришедшие на территорию Индии еще с Гуридами.]
- 27 У Слимана сказано, что раджпуты Парихара правили Банделькхандом до Чанделов. [Парихара, более известная как Пратихара (Гурджара-Пратихара), — раджпутская кула, правившая в Северной Индии с VI по XI вв. Джасапала, последний раджа из династии Пратихаров, умер в 1036 г. После этого влияние кулы на политику серьезно уменьшилось. С 1344 г. Парихары правили в небольшом княжестве Нагод, которое оставалось их владением до 1950 г.]
- 28 [Каястха (санскр. — писец, управляющий) — разветвленный профессиональный клан, время сложения которого восходит к эпохе Маурьев. В настоящее время клан насчитывает около 7 миллионов человек и делится на 12 подкаст. К нему относятся многие политические деятели Индии и известные артисты, такие, как Субхаш Чандра Бозе и Амитабх Баччан.]
- 29 [Дамох — центр одноименного дистрикта, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
- 30 *Шекика*, определяется как пространство между глазом и ухом. В С.Р.С. [Гранта] сообщается, что сражение, в котором Рани покончила с собой, состоялось близ Сингаургарбха, что в 26 милях к северо-западу от Джабалпура, однако в статье «Мандла» на с. 283 того же тома сказано другое: битва произошла близ Мандлы. Упоминание реки Гаур, протекающей в округе Мандла и впадающей в Нарбаду, говорит в пользу этой возможности. Утверждается, что Рани убила себя потому, что вода в реке позади нее внезапно поднялась и отрезала ей путь к отступлению.
- 31 [Бакхела (или Багхела) — раджпутская кула, относящаяся к Огненной линии, давшая название Бакхелькханду, территории в восточной части штата Мадхья Прадеш. Ветвь царской кулы Чалукья—Соланки.]
- 32 «Она была убита примерно в 12 милях от Джабалпура. Ее могилу еще можно увидеть в узком проходе меж двух холмов; расхожая легенда гласит, что ее барабаны превращены в два огромных круглых камня поблизости и слышны в лесу в мертвой тишине: якобы они вызывают души ее воинов из тысяч могил вокруг нее». «Rambles» («Прогулки») Слимана.
- 33 *Дар-айн-букмрани* — «в глазах (или фонтане) ее правления». Каламбур Абу-л Фазла возможен благодаря двум значениям слова *wool*; он также использует метафору песка, брошенного в глаза, или фонтан ее правления.
- 34 *Мийяни-вилайят*. Я считаю, что это означает страну мийянов-афганцев. Однако это может значить также середину или центральные земли.
- 35 *Ашрафи* Алаи. Видимо, их Абу-л Фазл имеет в виду в «Аин-и-Акбари», I, 18, говоря о маленьких круглых динарах Ала-ад-дина. [*Ашрафи* — золотые монеты, с XV в. ходившие в Иране, Средней Азии и Индии. В данном случае речь идет, видимо, о монетах, чеканенных во время правления Ала-ад-дина Лоди.]

К ГЛАВЕ 53

- 1 [9-й год правления Акбара официально начался 11 марта 1564 г., или 27 раджаба 971 г.х. Раджаб — седьмой месяц мусульманского календаря.]
- 2 Из Баязида, перечень № 2, следует, что он был дядей по матери сына шаха Тахмаспа, Мухаммада Худабанда.
- 3 Из списка Баязида следует, что он являлся зятем Муним-хана. [Абд-ал-лах Могол включен Абу-л Фазлом в список вельмож в «Аин-и-Акбари» под № 76. Г. Блохманн в своем комментарии отмечает, что по сватовству Байрам-хана в 964 г.х.

- (1557 г.) Акбар женился на дочери Абд-ал-лаха Могола, и указывает, что тот не упоминается в списках «Маасир-и-рахими» и «Табакат-и-Акбари».]
- 4 В моем экземпляре «Икбал-наме» и в «Акбар-наме» (издание Лакхнау) она названа Хани вместо Биби. Баязид в списке № 4 упоминает ее сына по имени Булак. Эта запись соответствует записи об Адхам-хане, где также не сообщается имя отца.
 - 5 Во времена Акбара Джамна протекала по центру Агры, и многие из знати и прочих [сословий] строили дома на восточном берегу. Видимо, так же поступил и Ходжа Муаззам. Через Джамну шел понтонный мост, и возможно, Акбар обычно ходил по нему. В этот раз он поплыл на лодке, чтобы сойти на берег у дома Ходжи. В «Тарих-и-Алфи», 616, приведен несколько более подробный рассказ об убийстве. Там сказано, что когда Ходжа закалывал свою жену, Акбар находился достаточно близко, чтобы слышать ее крики. И также говорится, что Акбар после того рассказал собственной матери о сделанном им, и она выразила свое одобрение.
 - 6 Возможно, в правильном прочтении — Андарибари. [Вероятно, это деревня Андхари в дистрикте Гонда, штат Уттар Прадеш, Индия.]
 - 7 Чак-карда. Ни в одном словаре нет объяснения этой фразы, и я предположил, что она означает «зарядить мортиру». Возможно, это тюркское слово *чаг*, и оно значит «поднимать».
 - 8 [Замания — город в дистрикте Газипур, штат Уттар Прадеш, Индия.]
 - 9 Предположительно, это Сайид Шариф Заин-ад-дин Абу-л Хасан Али Джурджани. См. Бадауни, III. 320, где сказано, что Мир Муртаза был внуком Мир Сайид Шарифа Джурджани. См.: Аин-и-Акбари, I. 449 и 540. Мир Муртаза был выходцем из Шираза и скончался в Дели в 974 г.х. (1566–1567 гг.). [Джурджани, Али ибн Мухаммад, по прозвищу ас-Сайид аш-Шариф (1339–1413 гг.). Известен как автор словаря философских терминов. Около 20 лет прожил в Самарканде при дворе Тимура (с 1389 по 1405 гг.), затем вернулся в Шираз, где умер. Сам Мир Муртаза Шариф упомянут Абу-л Фазлом в «Аин-и-Акбари» в числе придворных ученых — философов и теологов под № 38.]

К ГЛАВЕ 54

- 1 Город в Гвалиаре. [Нарвар — небольшой город в дистрикте Шивпури, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
- 2 Это река, приток Чамбала. [Судя по тексту, речь идет не только о реке Сипра, но и о каком-то населенном пункте на ее берегах, носившем название Сипри. К сожалению, установить его местонахождение не удалось.]
- 3 [Согласно индийской мифологии охранителями сторон света являются четыре бога со своими слонами: на юге — Яма со слонем Махападма, на западе — Варуна со слонем Ваманой, на севере — бог богатства Кубера со слонем Сарвабхаумой, а на востоке — Индра со своим слонем Айраватом. Часто слоны выступают самостоятельно, символизируя соответствующее божество.]
- 4 [Ид (араб.) — праздник. В мусульманском календаре два больших праздника: *ид ал-фитр* — праздник разговенья (по окончании рамазана — месяца поста) и *ид ал-адха* (или *иди курбан*, *курбан байрам*) — праздник жертвоприношения. Каждый из них пышно отмечается 3–4 дня.]
- 5 Чтец Акбара. В «Икбал-наме» говорится, что его настоящее имя — Мулла Инаят, но его называли Дарбар-хан, потому что он всегда находился при Дворе. Его отец, согласно «Икбал-наме», служил чтецом у шаха Исмаила. [В «Аин-и-Акбари» (I. Кн. 2, Аин 30, № 185) Абу-л Фазл приводит его полное имя — Инаятутла, сын

- Такалту-хана. А. Г. Блохманн в своем комментарии указывает, что титул Дарбар-хан он получил при дворе Акбара, а его отец был чтецом шаха Тахмаспа, а не Исмаила, как пишет Г. Беверидж.]
- 6 Известная романтическая история, очень длинная. Хамза был дядей Мухаммада, а также молочным братом. Акбар приказал проиллюстрировать книгу. В «Аариф-Кандахари» содержится информация об иллюстрациях. Хамзу убили в битве при Оходе. [Хамза, родной дядя и молочный брат пророка Мухаммада, стал одним из первых курейшитов, принявших ислам, что обеспечило Мухаммаду и его сторонникам защиту в первые годы. Известен своей храбростью и благородством. Погиб в 625 г. в битве при г. Ухуд: его убил раб, которому за это обещали свободу. В мусульманской традиции считается олицетворением доблестного воина. Повесть о нем составлена в XI в. по приказу Махмуда Газневи.]
 - 7 Речь идет об Абд-ал-лахе Узбеке и его спутниках. [То есть наказание мятежников сравнивается с усмирением диких слонов.]
 - 8 Ранод. Аин-и-Акбари, II. 202 (пер. Г. Джарретта). [Ранод — небольшой город в дистрикте Гвалиор, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
 - 9 В «Акбар-ал-Хияр» (В.М.М.С. 129 а) утверждается, что Сарангпур получил свое название от имени некоего Шейха Саранга, который был первоначально военачальником Султан Фируз-шаха [Туглака]. [Сарангпур — город в дистрикте Раджгарх, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
 - 10 Возможно, Кхера в «Аин-и-Акбари», II. 199 (пер. Г. Джарретта). [Вероятно, Кхерат — город в дистрикте Гвалиор, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
 - 11 Столица раджи Бходжа. [Дхар — центр одноименного дистрикта, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
 - 12 Может быть, Ливани в Индоре.
 - 13 [Баг (Багх) — небольшой город в дистрикте Дхар, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
 - 14 Прямой обоюдоострый меч, особенно распространен был в Ориссе. [Кханда — обоюдоострый меч с широким лезвием, слегка расширяющимся к концу. В настоящее время — один из символов сикхизма.]
 - 15 *Та мадам нарасид* также означает «острие меча» и, вероятно, использовано здесь в этом смысле. Но в «Икбал-наме» *дам* имеет значение «жизнь». Очевидно, имеется в виду, что оружие было мощным, и Акбар не использовал его в полную силу. Слова *мухафазат фирмуд*, возможно, означают «он сдержал себя», но, скорее всего, «он предупредил его». Наверное, подразумевается, что меч был коротким, и его острие, то есть *дам*, не достало до Хаксара.
 - 16 Али — это Али Раджпур, местное государство на юго-западе Центральной Индии, расположенное к северу от Нарбады и к востоку от Бароды. [Али Раджпур — княжество в Индии, управлявшееся раджпутской династией Ратхоров, в 1956 г. вошло в штат Мадхья Прадеш.]
 - 17 Очевидно, это слово, производное от *сурна*, «труба». Оно имеет тюркское происхождение. [Суран (тюрк.) — военный клич.]
 - 18 Очевидно, это слон Хосрова, названный Абруп в «Аин-и-Акбари» (I. Кн. 2. 457, пер. Г. Блохманна). Его называют Апруп в «Маасир-и-рахими» (I. 571).
 - 19 [Муким (Муким-и-Араб), племянник Тардибек-хана, получил титул хана еще при Хумаюне. Абу-л Фазл упоминает его в списке вельмож под № 51.]
 - 20 [Берар — восточный дистрикт штата Махараштра, Индия. В средние века входил в состав государства Ахмаднагар, управлявшегося династией Низам Шахи (1490—1633 гг.).]

- 21 [Нальча — город в дистрикте Дхар, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
- 22 *Маст* не всегда используется в современном значении: «неистовство», «половая охота». Это слово зачастую означает просто «молодой», «горячий». См. классификацию Акбара для слонов в «Аин-и-Акбари» [I. Кн. 1. Аин 42. Классификация царских слонов].
- 23 [Упряжь для слонов подробно описана в «Аин-и-Акбари»: Аин 45. Слоновья упряжь.]
- 24 [Шах Фахр-ад-дин был сыном Мир Касима и происходил из рода сайидов Мусави из Мешхеда. Он прибыл в Индию вместе с Хумаюном. Абу-л Фазл упоминает его в списке вельмож под № 88.]
- 25 [Дхандхера — деревня в дистрикте Шивпури, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
- 26 [Подробнее об охоте на слонов см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2. Аин 27. Охота.]
- 27 Персидские слова, соответствующие числу 972.
- 28 См. Бадауни (пер. У. Лоу, 64). Он говорит, что это место совсем исчезло. Он отождествляет Нагарчаин с селением Какрали, расположенным в пределах Кабула, местности в 10 км к югу от Агры.

К ГЛАВЕ 55

- 1 Или Дакка; находится на западном краю Хайбера. [Современный населенный пункт Лоя-Дакка, провинция Нангархар, Афганистан. Расположен на правом берегу реки Кабул, недалеко от афгано-пакистанской границы.]
- 2 Возможно, речь идет о реке Баран.
- 3 В тексте — Ясавал. На южном берегу реки Кабул и к востоку от Джалалабада. Также известно как Бихсуд или Дих-и-гуламан. [Басавул — населенный пункт недалеко от Лоя-Дакки, выше по течению реки Кабул. Бехсуд расположен западнее Басавула.]
- 4 Прежнее название — Ланди Хана. Ланди Хана, очевидно, означает «небольшая речушка». [Ланди Хана — небольшой пограничный город в Пакистане у восточного выхода с Хайберского прохода.]
- 5 Вероятно, здесь имеется в виду Инд, однако Абу-л Фазл утверждает, что Акбар дал имя Синд-Сагари долине Бихата и Синда, см.: Аин-и-Акбари, II. 311.
- 6 В землях *мохмандов*.
- 7 [*Шинвари* — одно из племен афганцев-пуштунов.]
- 8 Акбар отдал ее замуж за сына Накиб-хана. [Мужем Сакина Бану бегим стал Шах Гази-хан. Он упомянут Абу-л Фазлом в списке вельмож (Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 155.)]
- 9 То есть он мог предсказать будущее исходя из нынешних событий.
- 10 Видимо, имеется в виду, что ночь была очень темной. [Ночью ночей мусульмане называют ночь 27 рамазана, именуемую «ночью могущества» — *лайлат ал-кадр*.]
- 11 В «Табакат-и-Акбари» написано «полкоса». Это означает, что дорога поднимается на протяжении *коса* или половины его, а не скала имеет высоту *полкоса*.
- 12 В «Табакат-и-Акбари» — Батани. См.: Аин-и-Акбари, II. 402. [Патна — центр штата Бихар, Индия.]
- 13 *Дохтар-и-тагаи-и-валида-и-хазрат-и-ишан*. В «Аин-и-Акбари» стоит *тагаи-зада-и-валида-и-Джаннат-ашияни*, что, видимо, взято из «Маасир-и-рахими», переведено так: «дочь брата матери Хумаюна». То есть возможно, что Хаджи бегим была двоюродной сестрой Хумаюна, а не его матери. В «Бабур-наме» она названа дочерью Ядгара Тагая. Не исключено, что выражением *тагаи-и-валида* Абу-л Фазл хочет лишь подчеркнуть, что она являлась

дочерью дяди Хумаюна по материнской линии, или же он имеет в виду, что дядя был родным братом матери. Я полагаю, из того факта, что Гульбадан бегим не сопровождала Хаджи бегим в это паломничество, можно заключить, что ее муж Хизр Ходжа еще был жив. Возможно, его назначили *амир-ал-умара* после казни Адхам-хана. [О первенце Хумаюна, получившем имя Аламан, см.: Бабур-наме, 346 б, 348 а,б, а также: Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 1. Самара: Агни, 2003. С. 172.]

К ГЛАВЕ 56

- ¹ В «Тарих-и-Алфи» сказано: «в раджабе 972 г.х., что соответствует понедельнику, 27 (цитировано выше) истинного равноденствия 10-го Божественного года». На персидском: *бисту хафлам наурос султани дахам илахи*; вероятно, имеется в виду, что Акбар взойшел на престол 10 исфандармаза, примерно за три недели до начала солнечного года. [Раджаб 972 г.х. соответствует февралю 1565 г. Исфандармаз — последний месяц иранского солнечного года, начинающегося со дня весеннего равноденствия. Подробнее о календаре см. главу 3.]
- ² Упомянутая выше Карара в Гвалинаре, к западу от Джханси. Но, возможно, это Кархара в «Аин-и-Акбари», II. 189 [пер. Г. Джарретта], о заминдаре которого сказано, что он входил в уезд Ратангадха. [Карера — город в дистрикте Шивпури, штат Мадхья Прадеш, Индия. Ратангадха (Ратангарх) — город в дистрикте Нимач, штат Мадхья Прадеш, Индия.]
- ³ Газ акбаршахи равнялся приблизительно 41 пальцу в длину. [В Аине VIII (Аин-и-Акбари, II, пер. Г. Джарретта) сказано: «До 31-го года Божественной эры (т.е. до 1587 г.), хотя акбаршахи газ в 46 пальцев употреблялся как мера для ткани, *искандари газ* использовался для обрабатываемых земель и в строительстве. Его Величество в своей мудрости, видя, что разнообразие мер было источником неудобства для его подданных, и считая это средством, способствующим только мошенникам, отменил их все и ввел в обращение газ в 41 палец для общего употребления. Он именован *илахи газ* и используется народом для всех целей».]
- ⁴ Пятнистый олень, *axis maculatus*.
- ⁵ В «Тарих-и-Алфи» сказано: «позже названного Асаф-ханом». [Ходжа Гияс-ад-дин Али-хан из Казвина получил титул Асаф-хана в 1574 г. после смерти Ходжа Абд-ал-Маджида, носившего этот титул в описываемое время. Упомянут в «Аин-и-Акбари» в списке вельмож под № 126. Не путать с Мир Гияс-ад-дином Али-ханом, носившим титул Накиб-хан (№ 161).]

К ГЛАВЕ 57

- ¹ Эти стихи не совсем понятны. Редактор издания Лакхнау дал к ним полезное примечание. В третьей строке с конца под языками подразумеваются листья или лепестки. У цветов сотни лепестков, или языков, но они хранят молчание, и поэт надеется, что он раб разума этих бутонов. В пятой и шестой строках говорится о чередовании цветков и листьев. [Роза на фарси называется *садбарг*, буквально «100 лепестков».]
- ² *Бапанва* в тексте. Смотри «Аин-и-Акбари» (II. 188). [В «Аин-и-Акбари» встречаются также варианты: Беанван, Беанбан, Санван, однако соотнести с ныне существующими населенными пунктами не удалось.]
- ³ Не совсем ясно, что подразумевается *бадшахи газ*, но, скорее всего, это *искандари газ*, введенный Сикандаром Лоди и составлявший в ширину 41,5 медной монеты до тех пор, пока Хумаюн не увеличил его на полмонеты, доведя длину до 42 монет *искандари*. См. «Аин-и-Акбари» (II. Аин VIII), где говорится, что *илахи газ*, очевидно,

введен для широкого употребления. Информация в «Табакат-и-Акбари» отличается от того, что говорит Абу-л Фазл. Согласно ей толщина стены составляла 10 газов, а высота — более 40 газов. Ров был 20 газов шириной и 10 газов глубиной. Также утверждается, что работа была закончена через 4 года.

Я не совсем понимаю утверждение Абу-л Фазла, что выемка грунта составляла 7 пластов или слоев земли. Возможно, он имеет в виду фундамент в целом, а не ров. И полагаю, что «семь слоев» — это, скорее, риторическое выражение для обозначения большой глубины. [В Центральной Азии традиционно при строительстве выемка грунта производится слоями глубиной, равной длине лезвия лопаты. Здесь *бадшахи газ*, вероятно, означает *акбаршахи газ*, равнявшийся 46 пальцам.]

4 В тексте *сер-чаши*, которое обозначает «большеглазый», то есть «независимый». [Может быть переведено как «многоглазый» и иметь значение «всевидащий».]

5 Абд-ун-Наби был сыном шейха Ахмада, сына шейха Абд-ал-Каддуса Гангуи. Бадауни написал его биографию (III. 79). Кажется, он попал в немилость у Акбара за то, что предал смерти брахмана, обвинив в богохульстве. Об Абд-ал-Каддусе рассказывает «Аин-и-Акбари» (II). [Об Абд-ун-Наби подробно говорится в комментариях к Аин 19. Суюргалы (Аин-и-Акбари, I. Кн. 2). Он включен Абу-л Фазлом в список ученых-ших людей века под № 118.]

К ГЛАВЕ 58

1 [Выражение, аналогичное русскому «выпить до дна». Осадок на дне винной чаши — излюбленная метафора персидской поэзии, означающая постижение глубин духовного знания. Сравни с русским «дойти до сути».]

2 Это строка из стиха или ее часть.

3 Я полагаю, что это сын Саид-хана из Кашгара. См. «Тарих-и-рашиди». [В «Аин-и-Акбари» (I. Кн. 2, Аин № 30) он упомянут под № 48 и назван «потомком узбекских царей».]

4 Город в округе Ситапур в Уде, на левом берегу Гумти. [Нимкхар (Наимисаранья, Нимсар) — город в дистрикте Ситапур, штат Уттар Прадеш, Индия. Расположен на левом берегу р. Гомати.]

5 [В английском — *prisoners*, пленные, но по смыслу — преследователи.]

6 Нархан в Чампаране. [Нархан — город в дистрикте Горакпур, штат Уттар Прадеш, Индия.]

7 *Заминхаи калб*. У Баязида сказано, что местечко называется Кандна и расположено близ Сона.

8 *Кур бадшахи*. Видимо, *кур* был послан, чтобы внушить страх либо заставить мятежников поверить, что Акбар был с армией. [*Кур бадшахи* — букв. «царские знамена». Подробнее о значении *кур* см.: Аин 19. Высочайшие регалии // Абу-л Фазл Алла-ми. Акбар-наме. Кн. 2. Самара: Агни, 2005. С. 323–325.]

9 Кандна. Это на другой стороне реки от Хаджипура. [Хаджиपुर расположен недалеко от р. Гандак. Возможно, речь идет о Ханспуре, расположенном близ реки Сон, дистрикт Аурангабад, штат Бихар, Индия.]

10 В тексте *патни*, однако слово должно быть *батани*, то есть из афганского племени *батан*. [Батани — одна из 4 основных групп пуштунских племен: сарбани, батани, гургушт и каррани. Крупнейшим племенем, входящим в группу батани, являются гильзаи. Маловероятно, что добавление к имени Фатх-хана связано с принадлежностью к группе племен батани. Скорее, оно произведено от его владения — города Патны и земель вокруг него.]

- 11 [Джаганнатх — точнее, храмы Джаганнатха, Субхадры и Балабхадры расположены в городе Пури штата Орисса. С древности известны пышными празднествами Ратх Ятра, во время которых верующие везут огромные колесницы с изображениями бога. В данном случае речь идет о радже Мукунд Део (Мукундадева), последнем *гаджпати* Ориссы. Он принадлежал к роду Чалукьев. Взошел на трон в 1559 г. Погиб в 1568 г. в битве с Рамачандрой Бханджа, владетелем Сарангагарха, которая произошла при Гохири Тикира, вблизи Джайпура.]
- 12 [Хасан-хан Хазанчи не упомянут Абу-л Фазлом в списке вельмож в «Аин-и-Акбари», хотя из текста «Акбар-наме» видно, что его услугами часто пользовался Акбар для выполнения различных миссий.]
- 13 [Махапаттар и Рам Дас — самые известные певцы при дворе Ислам шаха Сура. После воцарения Акбара оба перешли к нему на службу.]
- 14 Согласно Баязиду и «Табакат-и-Акбари» Асаф-хан был встревожен расспросами Музаффар-хана о сокровищах Гархи.
- 15 Видимо, информация почерпнута у Баязида, который называет ее Аган Сарв Кад. Она находилась при Муниме, когда он скончался, и очевидно, была его женой или любовницей. Возможно, она и есть Сарв Сахи из «Воспоминаний» Гульбадан бегим, отправившаяся с Гульбадан в Мекку. [Согласно Гульбадан бегим она была певицей и принадлежала к домашним людям Бабура, а затем Хумаюна. Впоследствии вышла замуж за Муним-хана с полным соблюдением обряда. После смерти Муним-хана сопровождала Гульбадан бегим во время ее паломничества в Мекку.]
- 16 Муним-хан разбил лагерь в Нараинпуре, который, как сообщает Баязид, находился напротив Баксара и относился к *паргане* Мухаммадабад и округу Джаунпур. [Баксар (Буксар) — центр одноименного дистрикта, штат Бихар, Индия. Известен тем, что вблизи него в 1764 г. произошла битва между войсками Ост-Индской компании и Великого Могола Шах Алама II (1728–1806 гг.).]
- 17 Баязид, очевидно, называет его Бек *курчи*. *Аху-и-харам* — имя, присваиваемое любимой женщине или любовнице. Хилали в своей поэме о царе и нищем (рукопись Британского музея, Дополнение № 7781, с. 20) говорит, что бездомная собака, бродящая в окрестностях [города], равна по положению *аху-и-харам*, то есть царской фаворитке.
- 18 У Баязида — Манир-хан.
- 19 В тексте — Рафик, однако у Баязида — вариант Кабак. Бек у Баязида — это ошибка переписчика воспоминаний. Он описал беседу, и Абу-л Фазл, как видно, использовал эти материалы.
- 20 В тексте — *джасира-и-аб*, то есть полуостров посреди реки, а фраза, очевидно, отсылает к фразе Баязида «середина [между] Гангом и Джамной». Но, разумеется, встреча произошла значительно ниже слияния этих рек.
- 21 В издании Лакхнау сказано, что *лег* означает «владыка», и в сноске к «*Bibliotheca Indica*» в тексте приводится именно это объяснение. У Баязида, 123 а, стоит *каифаст лаг*. Возможно, это сокращение от «великий» — «Улуг». Вариантом будет «*Каиф ахши?*», то есть «Как мой брат?». У Баязида, кажется, «*каифаст*»; вероятно, можно перевести: «Как [здоровье] владыки?» или «Как у вас дела?». Предположительно, *лег* — это тюркский аффикс, означавший избыток. Эрскин переводит: «всех благ». Хотя Абу-л Фазл, очевидно, использовал текст Баязида, у него имелся и другой источник. Наверное, это сообщение Гияс-ад-дина. Именно Баязид принес обоим предводителям Коран, на котором нужно было поклониться.
- 22 Баязид сообщает, что они причитали о смерти Хумаюна, поскольку не виделись с того времени.

- 23 То есть Амин-ад-дина. [Его полное имя — Ходжа Амин-ад-дин Махмуд из Герата. Подробнее о нем см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 110.]
- 24 Племянник Ходжа Джахана, поэт. [Мирза бек писал под псевдонимом Шахри.]
- 25 Ибрахим-хан был дядей Хан Замана по материнской линии.
- 26 *Ачала*, то есть неподвижный. [Это слово на хинди также означает «твердый, непоколебимый, крепкий, прочный».]
- 27 *Расаманд*. Очевидно, Абу-л Фазл имеет в виду, что Акбар лично сообщил хорошие вести.
- 28 Возможно, это Сарор в «Аин-и-Акбари», II. [Сарор (Сарвар) входил в *саркар* Канауджа *субы* (провинции) Агры. Установить его местонахождение сейчас не удалось.]
- 29 [В «Аин-и-Акбари» (I. Кн. 2) упомянут Лашкар-хан, настоящее имя которого Мухаммад Хусейн из Хорасана (№ 90). Он занимал должности *мир бахши* и *мир арза*.]
- 30 [Хайрабад расположен в дистрикте Ситапур, штат Уттар Прадеш, Индия.]
- 31 См. описание сражения Г. Блохманном в его комментарии о Муизз-ал-Мулке в «Аин-и-Акбари», I. [Муизз-ал-Мулк включен Абу-л Фазлом в список вельмож под № 61.]
- 32 Младший брат Муизз-ал-Мулка. [Мир Али Акбар включен в список вельмож под № 62. Он был автором книги «Маулуд-наме» («История рождения императора»)].
- 33 Он, как и Рам Чанд, вновь упоминается в записях 985 г.х. См. «Акбар-наме», III. 201. Возможно, это Карм Чанд в «Тузук-и-Джахангири» и внук Бихари Мала. [Вряд ли Карамсаи и Карм Чанд могут быть одним и тем же человеком, поскольку Карм Чанд (Рам Чанд) упоминается и в «Падшах-наме», написанном при Шах Джахане (правил 1627–1658 гг.). Рам Чанд служил при Джахангире в чине командира 2 000 и в 1565 г. вряд ли мог участвовать в боевых действиях.]
- 34 Так в тексте, однако в «Аин-и-Акбари», I, стоит Матлаб. [В «Аин-и-Акбари» под № 83 упомянут Абд-ал-Матлаб, сын Шах Будаг-хана, о котором и идет речь.]
- 35 Раи Сал Дарбари в «Аин-и-Акбари» назван сыном Раи Малла Шейхавата. Однако, согласно «Хроникам Раджастана», II, написанным Тодом, глава об Амбере, он был сыном Суджа и, видимо, внуком Рай Малла. У Тода приводится подробный и увлекательный рассказ о его жизненном пути. Он часто упоминается в «Акбар-наме», III, и на с. 809 говорится, что его возвели в ранг [командира] 2 500 [всадников] на 47-м году правления. Он служил и при Джахангире. [Раджа Рай Сал Дарбари упомянут в «Аин-и-Акбари» под № 106. Шейхават, или Шекхават — одна из 12 ветвей раджпутской кулы Качваха.]
- 36 У Баязида — сын сестры, а в «Табакат-и-Акбари» говорится, что он был зятем Сикандара.
- 37 Видимо, этот водоем — озеро или болото. Сикандар сумел выбраться из грязи и воды, однако многие его приспешники потонули или были убиты. У Бадауни, согласно «Bibliotheca Indica», Сикандар пересекает реку Сиях (Сай?).
- 38 Старший брат Адхам-хана. [Мухаммад Баки-хан Кока включен Абу-л Фазлом в список вельмож под № 60.]
- 39 Букв.: «Тот, кто получает подобный результат, видит в этом самого себя». Но я не уверен в смысле.
- 40 [Подробнее о Шер Мухаммаде Диване см. «Аин-и-Акбари», I. Кн. 2, Аин 30, комментарии Г. Блохманна к № 393. Шер Мухаммад.]
- 41 В *саркаре* Сирхинд. [Самана — город в дистрикте Патиала, штат Пенджаб, Индия.]
- 42 В тексте Малес есть вариант Малер. [Современный Малер Котла — город в дистрикте Сангур, штат Пенджаб, Индия.]

- 43 Так в «Аин-и-Акбари», I. Возможно, верен вариант Данхури. [Дханаури — город в дистрикте Кайтхал, штат Харьяна, Индия.]
- 44 Бадауни сообщает, что у Нур-ад-дина было владение Сафидун в Сирхинде. Умер он в бедности. Бадауни, III. 197.
- 45 В Азимгархе.
- 46 Возможно, это река Саргу, или Гогра [Гхагхра].
- 47 [То есть более 6 часов подряд. *Пахар (пахр)* — в Индии название 1/8 части суток.]
- 48 В тексте стоит *хамги бавади у барари*. *Вади* означает долины и низины, а *барари* — пустоши или пустыни, будучи формой множественного числа арабского слова. В издании Лакхнау сказано, что это названия двух деревень. *Рари* означает на хинди «крупная трава», и это может означать, что они обыскали овраги и степи.
- 49 В тексте — Джалупара, но это — Чилупара в Горакхпуре, «Аин-и-Акбари», II. 175, где упоминается о существовании крепости. У Баязида — Чилупара. [Горакхпур — центр одноименного дистрикта, штат Уттар Прадеш, Индия.]
- 50 Взято у Баязида.
- 51 Мау Натханджан в Азимгархе, в четырнадцать милях от Мухаммадабада. [Мау Натх Бханджан — город на берегу р. Гогра (Саргу) в дистрикте Мау, штат Уттар Прадеш, Индия.]
- 52 Видимо, речь идет о лагере свиты приближенных Акбара, которая шла впереди основного войска. Или, возможно, имеется в виду лагерь передового отряда.
- 53 В Джаунпуре, «Аин-и-Акбари», II. 164. В «Табакат-и-Акбари» говорится, что церемония взвешивания происходила дважды, то есть в день рождения по календарю хиджры и вновь в день рождения по солнечному календарю. [Подробнее о церемонии взвешивания см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 18. Церемония взвешивания.]

К ГЛАВЕ 59

- 1 Смысл довольно темен, но разъяснить его помогают примечания к изданию Лакхнау. Первая строка означает, что облака, излив дождь на сад, вызвали аромат, тем самым превратив землю в мускус Татарии. Пламень розы — поэтическая аллюзия к ее красному цвету. Сравнение цветов с шариком камфары вызывает в памяти фразу Омара Хайяма о белой руке Моисея на ветке. Гиацинт, или нард, заблагоухал, и поэтому кажется, будто горит алоэ из Камара, то есть лучший алоэ. Земля приобрела вид прозрачной, подобной зеркалу, воды из-за того, что покрылась ковром белых цветов. Возможно, «*азпаи*» означает «ради», и тогда следует, что земля стала зеркалом для девушек, следящих за садом, то есть цветов. Эти строки принадлежат Файзи и встречаются в его *диване* под буквой *са*. См. рукопись № 3155 из архива министерства по делам Индии [Indian office], с. 271 b. В оригинале, в конце, есть еще две строки: первая относится к вину с ароматом тюльпанов и кравчему, а другая содержит просьбу к Файзи оберегать свое сердце.
- 2 [Отправление в паломничество в Мекку (Хиджаз) было широко распространенной в мусульманском мире почетной ссылкой, что видно на примере Байрам-хана.]
- 3 Об этом подробнее см.: Аин-и-Акбари, I. 349; Маасир-и-рахими, III. 221, 222; Аин-и-Акбари, II. 88. В тексте прежнее уложение именуется *джама-и-раками-и-калми*, что, возможно, означает «метод оценки, выраженный символами *ракам* или *сийяк*, то есть сокращением арабских слов вместо индийских». О слове *ракам* см. статью, предпосланную «Заметкам о доходах» Ф. Гладуина, и «Некоторые данные о Каччари» Карнеги. Однако, скорее всего, слово *раками* означает метод оценки, при котором основой

является тип продукции. Слово *калми*, вероятно, означает, что оценка осуществлялась чисто номинально и не основывалась на истинных данных. Блохманн позаимствовал свой рассказ из «Маасир-и-рахими», а не из самого «Акбар-наме», см. его примечание, с. 349. Отрывок из «Маасир-и-рахими» приведен в заметке о Музаффар-хане. В «Аин-и-Акбари», II, а также в персидском оригинале датой, когда великая должность наместничества была вверена Музаффару и Тодар Малу, названо 15-е число вместо 11-го. Думаю, что 15-е вместо 11-го — ошибка переписчика. Верно, что 15-е упоминается далее в качестве даты вступления в силу действовавшего на протяжении десяти лет уложения, однако из контекста явствует, что это уложение принадлежит Тодар Малу и введено на 27-м году, через много лет после кончины Музаффара. Первоначальный метод оценки основывался на предположении, а не на реальных сведениях. Поэтому был совершенно необъективен. Теперь же, при Музаффаре, десять знатоков *канунов* и прочие эксперты попытались выработать методику оценки исходя из реальной доходности земель. Абу-л Фазл отмечает, что это не был метод *хал хасил*, то есть основанный на истинных доходах, но в сравнении с прежним способом мог так называться. Именуя новый метод доказательством заботы Акбара о его подданных, Абу-л Фазл имеет в виду, что благодаря ему удалось покончить с несправедливостью и необъективностью прежнего, «бумажного» уложения, и люди избавились от необходимости давать взятки чиновникам.

- 4 [Канун — свод законов. От правоведов — знатоков *канунов* требовалось знание не только действующих законов, но и вышедших из употребления, для обоснования или опровержения возможных юридических прецедентов.]
- 5 Повествование об [установлениях], заменяющих войсковое уложение, никак не связано с параграфами о системе налогообложения. Фраза о жалованье солдатам не вполне понятна. Она не может означать, что каждый рядовой получал в год от 24 до 48 тысяч *дамов*. Это равнялось бы примерно 1 000 рупий в год, тогда как в «Аин-и-Акбари», I. 251, мы находим, что воины получали не более 30 рупий в месяц, что составляет в год 360 рупий. Возможно, названные суммы выделялись каждому военачальнику для содержания его части.
- 6 *Джилаухана* в словаре Форбса переводится как «прихожая». В персидских словарях это слово не встречается. Из отрывка «Маасир-и-Аламгири», 175, цитируемого в «Маасир-ал-умара», I. 803, мы узнаём, что *джилауханой* называлось помещение под лестницей или приемной залой, а «пинки» — *лакад-коб-кола* — были чисто символическими. То есть считалось, что Джалал получает пинки, ибо люди знатные и безродные шагали по ступеням, бывшим над ним. См. повествование в «Маасир-и-Аламгири», I, об обращении с идолами Джодхпура.
- 7 Мяч был изготовлен из дерева *палас*, которое, как подтверждает Абу-л Фазл, имеет светлый цвет и горит долгое время. Сложно понять, как пламя не потухало после удара клюшкой для поло. [Подробнее об игре в поло см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 1, Аин 29. О развлечениях.]
- 8 Понять это непросто. Можно предположить, что Абу-л Фазл имел в виду то, что огненный шар, то есть мяч, гонимый *чауганом*, превосходил своим блеском звезды или кометы. [В упомянутом выше Аине 29 Абу-л Фазл говорит об Акбаре как прекрасном игроке в поло. Изогнутый конец клюшки-чаугана часто сравнивается поэтами с месяцем, а о мяче, забитом умелым ударом в ворота, говорится как о взлетевшем выше звезд.]

К ГЛАВЕ 60

- 1 [Масум-хан Кабули — молочный брат мирзы Мухаммад Хакима. Он происходил из рода сайидов Турбаты. Его дядя, Мирза Азиз, был визирем Хумаюна.]

- ² К северу от Кабула. [Шакардара — дистрикт в провинции Кабул, Афганистан.]
- ³ Имеется в виду, что Мухаммад Хаким был женат на ее дочери.
- ⁴ [Карабаг — район, расположенный в 50 км к северу от Кабула, дистрикт в провинции Кабул, Афганистан.]
- ⁵ [Исахель расположен к северо-западу от Кабула, в провинции Пагман, Афганистан.]
- ⁶ У Бадауни — Панджхар, и, скорее всего, так оно и есть. Он говорит, что Ходжа Хасан Накшбанди заблудился, поехав в Балх. [Возможно, имеется в виду ущелье Панджхер.]
- ⁷ В «Дарбар-и-Акбари» (828) говорится, что это произошло там, где сейчас усыпальница Джахангира.
- ⁸ Переговоры более подробно описываются у Бадауни. По-видимому, Масум был учеником Кази-хана и из почтения к нему согласился отдать Сулейману небольшую дань уважения.
- ⁹ Имеется в виду взвешивание по случаю 1 абана, и оно считалось важнее, чем другое. [В главе 2 I тома «Акбар-наме» Абу-л Фазл указывает дату рождения Акбара — 8 абана 464 г. эры Джалали, но 5 раджаба 949 г.х. (15 октября 1542 г.). (Акбар-наме. Кн. 1. Самара: Агни, 2003. С. 44, 277–278.). Однако следует отметить, что месяц абан начинался 12 (или 13) октября. Вероятно, взвешивание производилось 1 абана, поскольку это число было близко ко дню рождения.]
- ¹⁰ [Генеалогию мирзы приводит Г. Блохманн в «Аин-и-Акбари» (Аин 30), в комментарии к № 180. Музаффар Хусейн мирза. Он являлся внуком Мухаммад Султан мирзы.]
- ¹¹ [Речь идет о Татар-хане из Хорасана, настоящее имя которого — Ходжа Тахир Мухаммад. Он упомянут Абу-л Фазлом в списке вельмож под № 111.]
- ¹² Имеется в виду, что он собирался посетить Акбара, которого Абу-л Фазл называет святым.
- ¹³ [Подробнее о Мухаммад Кули-хане Барласе см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 31.]
- ¹⁴ Это знаменитый Хусейн-хан Тукрия.

К ГЛАВЕ 61

- ¹ Редактор издания Лакхнау замечает, что имеются в виду малиновый клюв и оперение попугая.
- ² В «Тарих-и-Алфи» (627) говорится, что такой великой охоты не было ни до того, ни после, и в ней принимали участие до 50 000 загонщиков.
- ³ Эта поговорка приводится и у Бабура в связи с ударом, который он получил по руке. Вот какой перевод там дается: «Как бы ни ударил человеческий меч, он ни одной вены не заденет, не будь на то воля Господа». В рукописи Кларка, что в Музее Альберта и Виктории, есть миниатюра, на которой изображено наказание Хамида. Согласно «Тарих-и-Алфи», по изданию Г. Эллиота (V. 317), Хамид был пьян. [В русском издании «Бабур-наме» этот стих переведен так: «Меч может сдвинуть мир, но не вырежет ни жилки, пока не захочет Господь» (Бабур-наме, 199 а).]
- ⁴ В «Икбал-наме», в повествовании о 12-м годе [правления], говорится, что сын Вазира обрел по этому случаю награду мужества и получил титул «Бахадур-хана». И добавляется, что впоследствии он сошел с ума, но остался жив, и на четырнадцатый год правления Джахангира, то есть на момент написания, ему было более восьмидесяти лет, а после боя ему было 54 года. [Согласно комментариям Г. Блохманна в действительности сына Вазир-хана звали Мирза Мухаммад Салих, и он был склонен к мятежам.]
- ⁵ Подробнее см.: Бадауни (пер. У. Лоу, 92).

- 6 Он был с Байрам-ханом, когда того убили, и помог спасти его ребенка. [После гибели Байрам-хана и разграбления его лагеря Мухаммад Амин Дивана вместе с Бабаи Замбуром вывезли жену и сына Байрам-хана Абд-ар-Рахима в Ахмадабад, а оттуда ко Двору Акбара.]
- 7 Управляющие слонами. [О *фаудждарах* и их обязанностях см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 1, Аин 44. Служители слоновников; Аин-и-Акбари, II, Аин 2. Фаудждар.]
- 8 Тогда в *саркаре* Агры, а ныне в княжестве Джайпур, в 71 миле к юго-западу от Агры. Это большой торговый город. [Хиндаун — небольшой город в дистрикте Караули, штат Раджастан, Индия.]
- 9 В тексте *джан*, но во многих рукописях — хан, и последнее признаёт Г. Блохманн (№ 141, с. 438). Это Баки-хан, страшный брат Адхам-хана (там же, 381). Однако нет уверенности, что *джан* — ошибка, так как в четвертом списке Баязид упоминает Джан Баки, который явно был сыном мужа Гульбадан Бегим, Хизр Ходжи. В «Икбал-наме» тоже упоминается Джан Баки. [Далее в тексте встречаются варианты Джан Баки-хан и Джан Баки].
- 10 [Мирза Мирак Разави-хан упомянут Абу-л Фазлом в списке вельмож под № 141. Подробнее о нем см. комментарии Г. Блохманна.]
- 11 [Курукшетра — поле, на котором произошло знаменитое сражение между Пандавами и Кауравами, описанное в «Махабхарате». Расположено в дистрикте Кайтхал, штат Харьяна, Индия. Город Курукшетра — центр одноименного дистрикта, штат Харьяна, расположенный вблизи города Тханесара.]
- 12 Или Гур. Но явно имеются в виду Кауравы и Пандавы. См. Бадауни (пер. У. Лоу, 94). [Кауравы и Пандавы — двоюродные братья, противостоянию которых в борьбе за власть в Хастинапуре посвящен индийский национальный эпос «Махабхарата». Пандавы — пять сыновей царя Панду, Кауравы — сто сыновей царя Дхритараштры, брата Панду.]
- 13 [Амбала — центр одноименного дистрикта, штат Харьяна, Индия. Расположен недалеко от границы со штатом Пенджаб.]
- 14 В «Тарих-и-Алфи» есть выражение *пиадаган шамшербаз Самарканди*. *Чиру* — это дикое племя в Мирзапуре и т.д. [Мирзапур — центр одноименного дистрикта, штат Уттар Прадеш. Племя *чиру* (черо) проживает на территории штата и упомянуто в государственном «Акте о кастах и племенах» 1956 г. Не путать с племенем *чиру*, обитающим в штате Манипур.]
- 15 Он женился на дочери Камрана. [Шах Фахр-ад-дин, сын Мир Касима, был сайидом из рода Мусави из города Мешхеда. Он упомянут Абу-л Фазлом в списке вельмож под № 88 (Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30).]
- 16 Древний город в районе Гургаона. [Палвал — город в дистрикте Фаридабад, штат Харьяна, Индия.]

К ГЛАВЕ 62

- 1 В тексте — Сакита. Древний город в округе Эта. [Сакит — небольшой город, центр панчаята, в дистрикте Эта, штат Уттар Прадеш, Индия.]
- 2 В округе Унао в Ауде, в 18 милях от Лакхнау. [Мохан — селение в дистрикте Уннао, штат Уттар Прадеш, Индия.]
- 3 Род Меврахов происходил из Мевата. См.: Аин-и-Акбари, I. 252. [Маврахи — раджпутский род, в настоящее время немногочисленный. Ведет происхождение из Мевата, региона, входящего сейчас в дистрикты Алвар, Бхаратпур и Дхолпур, штат Раджастан, а также дистрикт Меват, штат Харьяна, Индия.]

- 4 Синграур — старое название Навабганджа. Город Синграур существует и поныне на левом берегу Ганга, в нескольких милях от Аллахабада. [Современное название Шрингверпур — город в дистрикте Аллахабад, штат Уттар Прадеш. В древности был столицей королевства Нишадраджа (Короля-Лодочника). Легенда гласит, что он перевез через Ганг странствовавшего Раму.]
- 5 [Маникпур — в настоящее время небольшой город в дистрикте Читракут, штат Уттар Прадеш, Индия.]
- 6 В издании Лакхнау это трактуется так, что первым указанием было предзнаменование, увиденное в том, что слон вдруг стал осторожен, а другим — то, что эта перемена в его поведении показала им, что остается надеяться лишь на Аллаха.
- 7 Абу-л Фазл играет на значениях слова *бишкан*, которое означает «пирушка» и т.п., но может читаться и как *баишкан*, то есть «разбей нас, разбей». *Бишкан-бишкан* в «Бахар-и-Аджам» объясняется как «великий пир, на котором поют и танцуют». Возможно, это выражение — *ба-шикун ба-шикан*, то есть «складка к складке» или «локон к локону».
- 8 [Укчи (тюрк.) — стрелки, первоначально — лучники, позднее — стрелки из ружей, а также мастера, отливавшие пули.]
- 9 [Вазир бек Джамил включен Абу-л Фазлом в список вельмож под № 200. См.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30.]
- 10 В тексте стоит *Бахадур-и-ма* — «наш Бахадур».
- 11 Согласно «Тарих-и-Алфи» Бахадур возблагодарил Аллаха за то, что повидался с Акбаром на исходе своей жизни. Рукопись Британского музея, экз. 465, лист 630 а.
- 12 В «Икбал-наме» сказано, что он был одним из *челов* [учеников] Акбара. Аин-и-Акбари, I. 253.
- 13 [Фатехпур — центр одноименного дистрикта в штате Уттар Прадеш. Не путать с Фатехпур Сикри. Всего в разных штатах на территории Индии около 10 городов с таким названием. Илахабас (Илахабад, совр. Аллахабад) был основан Акбаром, около 1580 г. стал центром провинции. [Сегодня Аллахабад — центр одноименного дистрикта в штате Уттар Прадеш.]
- 14 «Да святится победа Акбара». Сумма чисел дает 974 г.х. В «Икбал-наме» сказано, что *ду хун шуд* указывало на дату смерти Шамс-ад-дина и Адхам-хана, а *ду хун шуда* — на смерть двух братьев, Али Кули и Бахадура; однако последняя хронограмма дает 975 г.х. вместо 974 г.х.
- 15 Баязид, 91 а, говорит, что он — *атка* [опекун] Салимы бегим. Из «Икбал-наме» явствует, что погонщику было велено не убивать его. [О Мирза Мираке Разави см. прим. 12 к главе 61.]
- 16 В тексте: *ба кундха у ду шаха*. *Кундха* — кусок дерева крупных размеров, который прикрепляется к ногам преступников, а *ду шаха* — то, что вешается им на шею. Но иллюстрация к рукописи «Акбар-наме» Кларка, находящейся в Музее Виктории и Альберта в Южном Кенсингтоне, написанная художниками того времени Мискином и Банвали-старшим и опубликованная в «Journal of Indian Art» за октябрь 1904 г., заставляет меня усомниться в правильности союза и его необходимости. На том рисунке изображена упомянутая сцена, и пленники показаны с круглыми деревяшками вокруг запястий, а ноги и шеи у них спутаны веревками. Возможно, *кундха-и-ду шаха* следует понимать как «оковы».
- 17 В «Икбал-наме» — Кара.
- 18 «Врата небес»; согласно легенде здесь было сожжено тело Рамы. [Сварг-двар — небольшой город к югу от Айодхии. Почитается индусами как место кремации Рамы.]

- ¹⁹ *Сир-и-хар*. Это выражение имеет несколько значений, одно из них — «пугало», однако здесь оно означает захватчика или того, кто постоянно и без причины мутит воду. Люди так привыкли слышать, что Али Кули и его брат бунтуют, а затем вновь изъявляют покорность, что на этот раз не поверили, будто те действительно мертвы. Фраза *сир-и-хар пайда шуд*, буквально «появилась голова осла», применяется в отношении любой никчемной вещи, возвращающейся в руки владельца, или же ложных известий.
- ²⁰ Из «Икбал-наме» мы узнаём, что он взял их с собой и в первый раз, а время переговоров использовал для того, чтобы препроводить их в безопасное место.
- ²¹ [Горакпур — центр одноименного дистрикта в штате Уттар Прадеш. На севере дистрикта проходит граница между Индией и Непалом.]

К ГЛАВЕ 63

- ¹ [Имеются в виду Шах Мирза и Улуг Мирза, внуки Султан Ваис мирзы.]
- ² [Бари — город в дистрикте Дхолпур, штат Раджастан, Индия.]
- ³ [Речь идет о Сакат Сингхе (Сакта, Шакти), сыне Удай Сингха II, махараны Мевара (1522–1572 гг.). Из-за соперничества со старшим братом Пратапом был изгнан отцом и присоединился к армии Акбара. После того как оставил Двор Акбара, Сакат Сингх участвовал в сражениях на стороне брата. Впоследствии вновь присоединился к Акбару. Его владением стали Савар и крепость Бхайнсоргарх. От него берет начало род Сактават раджпутского клана Сисодия.]
- ⁴ [Удай Сингх II, махарана Мевара, правил с 1547 по 1572 гг. До 1567 г. отказывался признать власть Акбара. Победенный Удай Сингх с семьей удалился в город Гогунда, вблизи которого основал город Удайпур.]
- ⁵ [Хиндвара — селение в дистрикте Савай Мадхпур, штат Раджастан, Индия.]
- ⁶ [Гагрун — крепость, расположенная в 6 км к северу от г. Джхалавар, дистрикт Кота, штат Раджастан, Индия.]
- ⁷ Возможно, имеется в виду, что близилось утро, и это подтверждается началом оды.
- ⁸ Вероятно, речь идет о Файзи, который первым почувствовал боль, но, возможно, имеются в виду другие члены семьи. Файзи тогда исполнилось 20 лет, а Абу-л Фазлу — 16. Ода не могла быть написана или даже закончена в течение нескольких лет, так как в ней говорится о рождении сыновей Акбара, из которых Даниял родился только в 979 г.х. Проблемы Файзи и его семьи не закончились с представлением Акбару. Через 2–3 года после этого, то есть в 979 г.х. (1570–1571 гг.), имели место гонения, о которых Абу-л Фазл подробно рассказывает в своей автобиографии в «Аин-и-Акбари». См.: Аин-и-Акбари, III, пер. Г. Джарретта.

К ГЛАВЕ 64

- ¹ Возможно, имеется в виду, что Сулейман мог летать по воздуху на ковре. Или, вероятно, Сулейманом звали гонца. Так считает редактор издания Лакхнау. Также упоминается, что Ходжа Сулейман (Акбар-наме, III. 460) был послан с миссией к Шахбаз-хану. [Сулейман (библ. Соломон) неоднократно упоминается в Коране (сура «Пророки», 21:81–82; сура «Саба», 34:12/11–13/12; сура «Сад», 38:31/30–39/38; сура «Муравьи», 27:15–45 и др.). Народное творчество наделяло Сулеймана многими чудесными способностями и приписало ему обладание волшебными предметами — печатью, летающим ковром (или тронном) и др.]
- ² Буквально фазаном.
- ³ Очевидно, речь идет о том, что заглавие или адрес располагались в верхней части письма, и отсюда намек на разум, который находится в голове. Также может быть, что курьер вез документ на голове. [Иногда курьеры вставляли послания за отворот головного убора.]

- 4 Курьеры носили колокольчики на своей чалме, на шее или посохе.
- 5 [Тарси (перс.) — дрожащий, трепещущий. Накус (перс.) — колокол, било. Буквальное значение: «как трепещет душа христианина при звуках церковного колокола».]
- 6 Вероятно, он хочет сказать, что поцеловал его ноги так сильно, что тот охромел. Так понимает этот отрывок редактор издания Лакхнау. [Видимо, Файзи всё-таки имел в виду, что гонец охромел после долгого пути без отдыха.]
- 7 Заук. Суфийское слово. Джазаб. [Заук — букв. «вкусение», в суфизме — мистический опыт распознавания истинного и ложного при помощи Божественной милости, сопровождаемый чувством непередаваемой радости. Джазаб (джазб, джазба) — букв. «экстаз», в суфизме — духовное состояние, при котором человек теряет собственную волю и, войдя в состояние экстаза, ощущает единение с Богом.]
- 8 [Фараби (аль-Фараби) Абу Наср ибн Мухаммад (870—950 гг.), философ, ученый-энциклопедист. Тюрк, родился в г. Фараб (совр. восток Республики Казахстан), учился в Багдаде, затем переехал в Сирию и умер в Дамаске. Автор комментариев к трудам Аристотеля, а также нескольких трактатов: «Геммы премудрости», «Трактат о взглядах жителей добродетельного города», «Большой трактат о музыке» и др. Его авторитет ученого в мусульманском мире нашел отражение в почетном прозвище Второй учитель (Первым называли Аристотеля).]
- 9 Кани здесь, скорее всего, означает минерал. [Кани (перс.) — минерал, минеральный. Об организации работ на средневековых рудниках, производстве металла см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 1, Аины 4—9.]
- 10 [Речь идет об Абу Али ибн Сина (980—1037 гг.), полное имя Абу Али ал-Хусейн ибн Абд-ал-лах ибн Сина, выдающемся ученом, философе, враче мусульманского средневековья. Наиболее известный его труд — «Канон врачебной науки» («Ал-Канун фи-ал-тибб»). Сохранилось немало рассказов о том, как Ибн Сина устанавливал диагноз по пульсу больного и даже через веревку, повязанную на запястье.]
- 11 [Атр (перс.) — духи, благовония, отсюда аттар — парфюмер.]
- 12 [Имеется в виду поэма Саади «Гулистан» («Цветник»)].
- 13 Файзи сочинил загадки, или головоломки [муамма], на 99 имен Аллаха. См. рукопись Британского музея M.S. Add. 7794, с. 302.
- 14 Букв. «к моей коже».
- 15 [Тайфур — Абу Йазид (Баязид) Тайфур бен Иса ал-Бистами, прославленный персидский мистик, эпоним суфийского направления Тайфурийя. Родился в 777 г. в г. Бистам (на северо-западе Ирака). После смерти в 875 г. превратился в некий символ суфизма с именами Тайфур, Баязид, ал-Бистами.]
- 16 Сана — столица Йемена. Человек, о котором идет речь, — вероятно, Абд-ар-Раззак, урожденный Хамман, известный под именем Шейх Санаан. Он является героем популярной истории, что легла в основу стихов Фарид-ад-дина Аттара в сборнике «Мантик-ат-тайир». Шейх Санаан, вероятно, являлся пожилым человеком с репутацией святого. По пути в Мекку с несколькими сотнями учеников он увидел сон, в котором было сказано, что ему суждено отправиться в Рум (Малая Азия или Греция) и поклоняться идолам. Он сразу же отправился в Рум, где увидел и полюбил христианскую девушку, из-за которой отрекся от мусульманства, стал пить вино и пасти свиней. Но спустя какое-то время раскаялся и отправился в Аравию, а в это время девушка тоже увидела сон, побудивший ее принять мусульманство. Она последовала за Шейхом в пустыню, и тому явилось видение, что она обратилась в его веру. Он повернул назад, и двое влюбленных снова встретились. Но девушка была истощена от усталости и жила столько, чтобы получить прощение Шейха, и умерла у его ног, восприняв наставления в истинной

вере; существует турецкая поэма на такой сюжет, написанная Зияи Челеби, который умер в 922 г.х. История также приводится Мир Али Ширум [Алишером Навои], а в Берлинском каталоге Перча (674, 8) дается в виде отрывка из «Маснави» Фарид-ад-дина. Несомненно, Файзи прочитал эту легенду у Фарид-ад-дина. [Шейх Санаан — в суфизме — символ самоотдачи истинно любящего, не признающей ни забот о добром имени, ни религиозных традиций.]

- 17 *Газалан* означает «антилопы», а также «музыканты и певцы» [исполнители газелей]. Усы тигра считались возбуждающим средством. Вероятно, имеется в виду следующее: «Столько волос тигра пронизали мою печень, сколько ресниц у глаза олененка».
- 18 *Лукман* (или *Локман*) — восточный Эзоп. [Лукман — коранический персонаж, воплощение мудрости (сура «Лукман», 31:11/12—12/13, 15/16—18/19). Мудрец-долгожитель Лукман был известен и в доисламском арабском фольклоре и поэзии. В мусульманской фольклорной традиции ему приписывали многие мудрые изречения и басни.]
- 19 Имеется в виду пот стыда.
- 20 Сердце Файзи описывается хрупким, как стекло.
- 21 *Ишк-и-хинднажадан*. «Любовь, о которой говорится или которую испытывают уроженцы Индии». Я полагаю, речь о том, что Файзи восхищался индийскими рассказами о любви и начал писать изложение истории *Наль* и *Дамаянти*. Строка также может подразумевать, что Файзи был сражен любовью к индийским девушкам и юношам. Из отрывков поэмы Файзи, приводимых Абу-л-Фазлом, явствует, что он считал Индию страной любви. [Поэма Абу-л-Файза Файзи «Наль и Даман» («Наль и Дамаянти») была переведена на русский язык В.А. Жуковским в 1842 г. по немецким переводам Рюккерта и Боппа. Более точный перевод с персидского оригинала выполнен Германом Плисецким. См.: Абу-л-Файз Файзи. *Наль и Даман*. Пер. Г. Плисецкого. Предисловие Г. Алиева. М., 1982.]
- 22 Вероятно, намек на то, как Шейх Санаан оставил свою религию ради христианской девушки.
- 23 [Сахбан бен Ваиль — араб из племени ваиль, живший в VII в. и прославившийся своим красноречием. Его имя впоследствии стало обозначать идеал оратора.]
- 24 Лагерь Акбара перед Читором.
- 25 *Каид даулат*. Очевидно, военачальник во главе подразделения, называемого *ахл-и даулат*. Здесь использован астрономический термин.
- 26 [Может быть, имеются в виду факельщики. Но, возможно, речь идет о суфиях, то есть людях, прикоснувшихся к благодати *нур-и Мухаммади* — «света Мухаммада».]
- 27 Я полагаю, указывается, что Акбар сочетал в себе великолепие древних персидских царей с просвещенностью и мировым могуществом Александра. Или же подразумеваются греческие философы.
- 28 Сравни стихи в «Аин-и-Акбари», III. 405 (пер. Г. Джарретта). Эта строка написана красными чернилами во многих манускриптах.
- 29 *Бани*. Под словом *бан* явно подразумевается ароматный *бакаин*, или *Melia bukey*, известная как *Melia sempervirens*, то есть сирень персидская, а также *бедмашк*, или благоухающая ива. Сомнительно, чтобы имелось в виду масло из Бена, так как оно не производится в Индии, и благовоением это тоже не может быть. Я также не думаю, что это ладан *лабан*, тоже не имеющий отношения к Индии. Есть вариант *кани*, минерал, что более похоже на правду, поскольку поэт говорит о том, что производит земля (*хак*), но во многих манускриптах стоит *бани*.
- 30 [Намек на представление о том, что в месяце *найсан* (евр. *нисан*, соответствует апрелю) капли дождя, попадая в раковины, превращаются в жемчужины, а попадая в рот змеи — в яд.]

- 31 [Параллель со знаменитой «Книгой попугая» («Тути-наме») Зийа ад-Дина Нахшаби (конец XIII в. — 1350 г.), которая была переписана и проиллюстрирована в мастерских Акбара по его приказу. Многие из пятидесяти двух ее рассказов начинаются словами обращения героини: «О, попугай!». См. на рус. яз.: Зийа ад-Дин Нахшаби. Книга попугая (Тути-наме). Пер. с перс. Е.Э. Бертельса. М., 1979.]
- 32 [Великий поэт Абу-л Касим Фирдоуси родился в селении Баж близ г. Туса (отсюда прозвище Туси) между 934—949 гг. Кроме родного языка *дари*, владел свободно арабским и, вероятно, пехлевийским языками. В возрасте 35 лет приступил к написанию поэмы «Шахнаме», которую завершил в 994 г., написав свыше 100 000 стихотворных строк. К этому моменту государство Саманидов пришло в упадок. Новый властитель Махмуд Газневи приказал наказать поэта за богохульство. Проведя остаток жизни в нищете и лишениях, Фирдоуси умер в Тусе в 1020 г. (по другим сведениям — в 1025 г.) и был похоронен в собственном саду.]
- 33 [Рустам — один из наиболее ярких героев поэмы Фирдоуси «Шахнаме». Богатырь, всегда стоящий на стороне добра и справедливости, терпящий беды из-за власть имущих, но не сворачивающий с пути, Рустам остался любимым героем таджиков и иранцев, став воплощением благородства.]
- 34 [Имеется в виду эмир Нух II Саманид (или Нух ибн Мансур), правивший с 976 по 997 гг. Он был десятым правителем из династии Саманидов. Ко времени его правления относится культурный взлет, связанный с формированием языка *дари*, ставшего основой современных персидского, таджикского языков и языка *дари* в Афганистане. При его дворе творили поэты Дакики и Фирдоуси, начинал изыскания Абу-Али ибн Сина, великий врач и философ средневековья.]
- 35 Хаким Санаи. Аин-и-Акбари, III. 34, и прим. 1 (пер. Г. Джарретта). [Хаким Санаи, Абу-л Маджид ибн Адам (родился ок. 1050 г. — умер в 1131 г.). Прозван Хаким — Мудрый. Автор религиозно-дидактической поэмы «Сад истины» («Хадикат ал-хакика»), содержащей рассказы о ранних суфиях и размышления над мистическими речениями об «опьянении». Свой путь Санаи начинал при дворе поздних Газневидов, отсюда сравнение с «пьяницей из Газни».]
- 36 Хакани. Труд, который подразумевается, — его поэтическое описание двух Ираков. [Хакани — Афзал-ад-дин Бадил ибн Али Хакани Ширвани, знаменитый персидский поэт, который родился в г. Ширван около 1121 г. и умер в Тебризе в 1199 г. Мастер панегирической оды — *касыды*.]
- 37 Низами, который был жителем Гянджи, что также означает «сокровище». [Абу Мухаммад Ильяс ибн Юсуф Низами Гянджеви (ок. 1141—1209 гг.), великий азербайджанский поэт. Основное произведение — «Хамсе» («Пятерица»), состоящее из 5 поэм: «Сокровищница тайн», «Хосрови Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц», «Искандер-наме». Сохранилась также часть *дивана* Низами. Поэзия Низами почиталась как образец искусства, следом за ним написали свои «ответы» — *назира* десятки поэтов, и в их числе Абд-ар-Рахман Джами (1414—1492 гг.) и Алишер Навои (1441—1501 гг.). Свою «Хамсе» начал писать и Файзи, брат Абу-л Фазла Аллами, но не успел завершить. Об отношении Акбара к поэмам Низами свидетельствует великолепно иллюстрированный список, изготовленный по его приказу в 1595 г. и хранящийся ныне в Британской библиотеке (OR. 12208).]
- 38 Матнабби — лжепророк. Также имя арабского поэта, родившегося в 915 г.х. [Мутанабби, букв. «лжепророк», в противоположность «танабба'а» — пророк. В X в. в мусульманском мире часто появлялись люди, объявлявшие себя «пророками». Биография халифа ал-Мамуна, например, содержит несколько его бесед с лжепророками. К середине X в. слово «лжепророк» стало нарицательным. Поэтому его получил от баг-

- дадских соперников поэт Абу-т-Тайиб Ахмад бен ал-Хусейн ал-Мутанаббид (975–965 гг.), придерживавшийся арабской поэтической традиции.]
- 39 Игра слов на имени Анвари. [Аухад-ад-дин Анвари (1126–ок. 1190 гг.), иранский поэт. Родился в селении Бадна на севере Хорасана. Получил многостороннее образование. Приглашенный ко двору сельджукского султана Санджара (1118–1157 гг.) в Мерв, посвятил ему много касид. В творчестве Анвари касида получила высочайшее развитие. В то же время его газели близки к народной лирике. Здесь обыгрывается значение слов от *анвар* — пламенный, сияющий.]
- 40 Захир-ад-дин Фарьяби. [Захир-ад-дин Абу-л Фазл Тахир Фарьяби (умер в 1201–1202 гг. в Тебризе). Прославился как поэт своими касыдами, продолжавшими традиции од Анвари и Хакани. Жил при дворах правителей Мазандарана, Нишапура, Азербайджана.]
- 41 Этот бальзам Исфахана считался лучшим. См. «Словарь» Вуллеса на слово «сурьма», но, возможно, это лишь аллюзия на Камал-ад-дина ибн Исмаила, прозванного Исфахани. Д'Гербелот говорит, что сурьма из Хамадана была самой лучшей.
- 42 *Халлак-и-маани* — «творец метафор». Так звали Камала Исфахани. [Камал-ад-дин Исмаил ибн Джамал-ад-дин Мухаммад Абд-ар-Разак Исфахана (ок. 1172–1237 гг.). За поэтическое мастерство получил прозвище *Халлак ал-маани* (создатель образов). Погиб после захвата Исфахана монголами. Его касиды восхваляли хорезмшаха Джалал-ад-дина Мангбарни, оказавшего сопротивление монголам Чингиз-хана. Известны также его рубай.]
- 43 [Фарид-ад-дин Абу Хамид Мухаммад ибн Абу Бакр Ибрахим ибн Исхак Аттар Кадкани Нишапури (ок. 1142–1229 гг.), поэт, представитель литературы иранского суфизма. Автор *дивана* касид и газелей, нескольких поэм и прозаического сборника биографий святых «Тазкират ал-аулийа». Наиболее известна его поэма «Беседа птиц» («Мантик ат-тайр»), написанная около 1175 г. Прозвище *аттар* (букв. «химик, парфюмер, аптекарь») Фарид-ад-дин получил из-за аптеки, унаследованной от отца и оставленной им, когда он «услышал призыв». Отсюда игра слов, означающая, что его стихи также благозвучны, как благоуханны создаваемые парфюмером благовония.]
- 44 [Саади Ширази, полное имя — Абу Мухаммад Абд-ал-лах Муслах-ад-дин ибн Мушараф-ад-дин (1209/1210–1291 гг.), один из величайших поэтов таджикско-персидской литературы. Две наиболее известные его поэмы — «Бустан» («Цветущий сад», 1257 г.) и «Гулистан» («Цветник», 1258 г.). Автор касид, газелей и рубай, которые Саади писал как на фарси, так и на арабском языке. Известен также как последователь суфийского ордена *Сухравардийа*.]
- 45 Известный делийский поэт, названный «султаном поэтов». В тексте и в рукописях стоит *маани*, и, скорее всего, это верный вариант. Если мы предположим, что Файзи написал *мугани*, строку можно перевести так: «Хосров из Хинда не похож на поклоняющихся огню Хосровов, ибо... и т.д.». [Амир Хосров Дехлеви, Абу-л Хасан Ямин-ад-дин Хосров (1253–1325 гг.), великий индийско-персидский поэт и историк. Автор ответа — *назира* на «Хамсе» Низами. Кроме «Пятирицы», написал и другие поэмы и несколько *диванов* — сборников газелей, многие из которых стали частью фольклора. В «Хамсе» Хосрова Дехлеви входят поэмы «Восхождение светил», «Ширин и Хосров», «Маджнун и Лайли», «Зеркало Александра» и «Восемь райских садов». Все поэмы посвящены покровителю поэта, делийскому султану Ала-ад-дину Хильджи (1296–1316 гг.). Творчество вдохновлено его духовным наставником Низам-ад-дином Аулия (1236–1325 гг.), возглавлявшим в то время суфийский орден *Чиштийа*. Учитель и ученик были даже похоронены рядом.]
- 46 [Хафиз Ширази — Шамс-ад-дин Мухаммад ибн Баха-ад-дин (1325–1390 гг.). Прозвище Хафиз означало «знающий Коран, чтец Корана». Величайший мастер газели.

- Многозначный язык его газелей послужил причиной того, что среди суфиев Хафиз получил почетное прозвище *Лисан ал-гайб* — Язык тайн.]
- 47 *Джани*. Возможно, это означает «животные».
- 48 Ходжа Кирмани. Известен как *накл банд-и-шара*, или выющий гирлянды поэт. Автор «Хумаи Хумаюн». Он умер в 1350 г. [Хаджу Кирмани (1282–1352 гг.) написал пять поэм-маснави и несколько диванов газелей.]
- 49 Из так называемого Ахсикета в Фергане. Современник Хакани. Упоминается Бабуром [Бабур-наме, 4 б]. Его звали Асир-ад-дин. [Асир-ад-дин Ахсикати (умер в 1212 г.), выходец из Ахсикета (ныне городище) в Ферганской долине (Республика Узбекистан.) Был связан с двором сельджукского султана Рукн-ад-дина Арслана ибн Тогрула, а затем — с дворами азербайджанских атабеков. Известен изощренной техникой стихов.]
- 50 Об Умани см.: Даулат Шах, 172. Его звали Асир-ад-дин Умани, и он был учеником Насир-ад-дина Туси. Жил в Хамадане.
- 51 Сайф-ад-дин Исфранги умер в 1166 г. н.э., Шамс-ад-дин [Мухаммад] Табаси был сыном *кази* [судьи]. Он умер в 626 г.х. [1229 г.]. [*Диван* Табаси хранится в библиотеке Честер Битти в Дублине, Ирландия.]
- 52 Рафи-ад-дин Лунбани, прозванный вторым Сахбаном. Происходил из селения Лунбан, что близ Исфахана. Умани перевозносил его.
- 53 Я полагаю, это сравнение с Сулейманом, который умел управлять ветрами и летать по воздуху.
- 54 [Абд-ар-Рахман Джами (7.11.1414–9.11.1492 гг.), выдающийся персидско-таджикский поэт, философ и ученый. Родился в селении Хаджард близ г. Джам в Хоросане. Учился в Самарканде, затем возвратился в Герат. Став *мюридом* (послушником) главы суфийского ордена *Накибандийа* Саад-ад-дина Кашгари, Джами после его смерти в 1456 г. стал духовным главой ордена. Был духовным наставником многих выдающихся людей своей эпохи, среди которых — поэт и государственный деятель Алишер Навои (1441–1501 гг.). Перу Джами принадлежат три *дивана* стихов: «Начала юности», «Средняя жемчужина в ожерелье», «Завершение жизни» — и несколько поэм. В поэзии Джами большое место занимает притча.]
- 55 [Файзи не преувеличивал. Так, у Бадауни приводятся биографии 168 поэтов, имевших отношение ко Двору Акбара.]
- 56 [Подразумеваются бадахшанские *лалы* — благородная шпинель, которую часто путали с рубином.]
- 57 *Мултани* — презрительное прозвище, которым турки наделили индусов, так как первые индусы, с которыми они столкнулись, происходили из этой местности [из района Мультана, расположенного в междуречье притоков Инда.]
- 58 *Чак даман* — разрез по бокам юбки в целях украшения. См.: Бахар-и-Аджам. Но в данном случае имеются в виду, скорее, рваные разрезы.
- 59 [*Хоури* — от араб. *хур*, *хуриян*, обычно переводится на русский язык как *гурии* — чистые существа или чистые сотоварищи, обитающие в раю. *Хоури* (*хувра*) — то же понятие, но женского рода. В данном случае, видимо, речь идет о чистоте мыслей, вложенных в душу Файзи и перенесенных им на страницы.]
- 60 Фараздук. Ранний арабский поэт, который писал панегирики. Фараздук бин Галиб. Также писал сатиры. [Аль-Фараздук Абу Фирас Хаммам бин Галиб (ок. 641–728/732 гг.), арабский поэт. Один из создателей жанра панегирической касиды в арабской поэзии. Вместе с аль-Ахталем и аль-Джариром принадлежал к числу самых известных поэтов конца VII — начала VIII вв. Творчество Фараздука

продолжало древнеарабскую поэтическую традицию, но отражало представления ислама.]

- ⁶¹ Хиссани Хассан [Хассан бин Сабит, 563–674 гг.], поэт, воспевавший Мухаммада. Он был другом пророка и получил в жены коптскую девушку Марию. Его также называют Хусами, от слова *хусам* — меч.
- ⁶² [Тархан — пожалование, освобожденное от уплаты налога.]
- ⁶³ В издании Лакхнау есть полезное примечание, в котором утверждается, что терминами *анкис* и *лахиан* называют две геометрические фигуры: одна обозначает зло, а другая — добро.
- ⁶⁴ [Абу-л Файз Файзи в 1579 г. был назначен наставником к мирзе Мураду (Акбар-наме, III. 267), в июле 1580 г. сопровождал мирзу Данияла (Акбар-наме, III. 317), в 1583 г. стал духовным наставником мирзы Салима (Акбар-наме, III. 404).]
- ⁶⁵ Игра слов: *савад* — чернота (чернил) и *саваяти* — чернота или ядро сердца. [Чернильное пятно здесь — символ грамотности, владения пером. Согласно мусульманской традиции грамотность не нужна тому, кто обретает знание от Бога. Так, Абу-л Хасан ал-Харакани (умер в 1034 г.), великий персидский святой, говорил: «Наследник Пророка — тот, кто подражает ему в своих деяниях, а не тот, кто чернит лицо бумаги».]
- ⁶⁶ *Хафт калаб* — семь небес или климатов. [Традиционное для мусульманского мира представление о делении мира на семь частей — климатов (*кишвар* или *иклима*), а небосвода — на семь небес.]
- ⁶⁷ Игра слов: *аркани* означает как «основание», так и «поэтические стопы».
- ⁶⁸ *Булдани* — очевидно, означает «делать глупым».
- ⁶⁹ [Сидж — церемония выражения почтения к правителю, заключающаяся в простираннии перед ним.]
- ⁷⁰ [Ср. Акбар-наме, III. 84 (пер. Г. Бевериджа) — «аскеты Ливанских гор».]
- ⁷¹ Мухий-уд-дин ибн Араби. Он был уроженцем Испании и получил известность примерно в 1229 г. Написал «Фусус аль-хикам», а также «Кимия-и-Саадат», любимую книгу Акбара. Последняя была посвящена единству Бога. [Мухий-уд-дин Абу Абд-ал-лах Мухаммад ибн Али ибн Мухаммад ибн ал-Араби ал-Хатими ат-Тал ибн ал-Араби, также именуемый *аш-Шейх ал-Акбар* — «Великий шейх» (1165 — 1240 гг.), великий мусульманский философ-мистик. Создал более 300 произведений, среди них основные — «Мекканские откровения» (*Футухат ал-маккийя*) и «Геммы мудрости» (*Фусус ал-хикам*), излагающие его концепцию суфизма. «Кимия-и-Саадат» («Алхимия счастья») — трактат великого суфийского философа Аль-Газали — полное имя Абу Хамид Мухаммад ибн Мухаммад Аль-Газали (1058–1111 гг.).]
- ⁷² Имеется в виду Абу-л Хусейн, написавший книгу о суфизме, умер в 986 г. н.э. Харкан — название места около Бистама в Персии. [Речь идет об Абу-л Хасане Али ал-Харакани (умер в 1034 г.), почитаемом персидском святом, мистике, инициированном духом Баязида Бистами. Его изречения сохранились в «Тазкират ал-аулия» Джамии. Он отличался высокой требовательностью к себе и ученикам и обладал колоссальной силой воздействия.]
- ⁷³ [Аттар — здесь в значении «аптекарь».]
- ⁷⁴ Полагаю, что *бадур-и-адал* означает полную луну или правосудие. В следующей строке высказывается идея, что муслин или хлопок возгораются, когда оказываются под лучами луны.
- ⁷⁵ Признаюсь, не совсем понял следующие четыре строки. Думаю, Файзи хочет сказать, что в сравнении с его платьем странника роза рая — это шип.

- ⁷⁶ [Под «классической солью» здесь подразумевается поэзия, которую в мусульманской традиции называли «солью изящной словесности».]

К ГЛАВЕ 65

- ¹ (Эту главу перевел майор Прайс. Другой перевод, ОТФ, том II.)
- ² [Мандал (Мандалгарх) расположен к северу от г. Бхилвара, дистрикт Бхилвара, штат Раджастан, Индия. Его крепость была третьей в линии великих крепостей Мевара — Читторгарха и Кумбалгарха.]
- ³ [Соланки — меварский клан, который владел *джагирами* в Рупнагаре и Марчия Кхеди.]
- ⁴ [Имеется в виду Гогунда, так как Удайпур, расположенный в ее окрестностях, тогда еще не был построен.]
- ⁵ *Фил-и-дориайи*. Майор Прайс думает, что это гиппопотам, но на самом деле это африканский слон. У этого вида большие уши, и их называют *дарьял* — «река» или «океан» — из-за того, что их доставляли морем. У гиппопотама уши короткие. В своих мемуарах Джахангир упоминает об этом животном как слоне. См. «Тузук-и-Джахангири», с. 158.
- ⁶ Как я понимаю, под словами «две стороны» имеются в виду двусторонние стены *сабата*, или крытого прохода. Но Низам-ад-дин (Эллиот, V. 326) говорит о двух сторонах крепости, как если бы имелось два *сабата*, по одному с каждой стороны. Мой друг г-н Ирвин в своем научном труде, посвященном войскам моголов Индии [Irvine, W. The Army of Indian Moghuls. London, 1903, p. 276], утверждает, что *сабат* — это просто окоп, но из того, что пишет Низам-ад-дин и другие, мне кажется, что не существовало никакого вырытого углубления в земле, а, скорее всего, *сабат* — это крытый лаз на поверхности. По бокам — земляные стенки, а сверху — крыша из досок и т.д., достаточно крепкая, чтобы выдержать караульную будку или что-то подобное ей, откуда можно вести огонь. [*Сабат* (перс.) — навес, крытая галерея, проход.]
- ⁷ [Речь идет о раджпуте Джаймале из клана Ратхор, возглавлявшем героическую оборону крепости после гибели военачальника главных ворот крепости Салумбара.]
- ⁸ [Здесь перечислены основные раджпутские кланы, оказавшие ожесточенное сопротивление могольскому завоеванию: Сисодия (Гухилот), Ратхор и Чаухан (Чахамана).]
- ⁹ [Е.Н. Успенская говорит о 1 700 женщинах и детях, погибших при *джаухаре* в Читоре. Среди них — девять *рани* и пять принцесс. См.: Е.Н. Успенская. Раджпуты: рыцари средневековой Индии. СПб., 2000. С. 59.]
- ¹⁰ Речь идет о большом количестве отрубленных слоновьих хоботов.
- ¹¹ Я думаю, это означает, что он всё время стрелял из лука. Но здесь можно перевести по-разному.
- ¹² [Речь идет о юном Пата Сингхе (или Фатех Сингхе) из рода Сисодия, рядом с которым сражались его мать и невеста.]
- ¹³ В «Икбал-наме» говорится, что стрелявшие из мушкетов были уроженцами Калпи и спаслись, потому что их предводители связали их и вывезли так из города, предавая смерти каждого встречного. Они также говорили, что Акбар приказал им вывести этих людей и убить, а затем построить пирамиду из их голов.
- ¹⁴ [Рампура-ки-Хавели — дворец в Читоре, принадлежавший семье Мертия из рода Ратхор, названный так по городу Рампура, владению Ратхоров, в 175 км от Удайпура.]

К ГЛАВЕ 66

- ¹ Абу-л Фазл предается этим размышлениям, поскольку дошел до первого двенадцатилетнего цикла правления Акбара.

- 2 [Вероятнее всего, Акбару понадобилось другое ружье, заряженное, так как огнестрельное оружие тогда было однозарядным, а процедура зарядки — достаточно длительной.]
- 3 В данном случае, очевидно, всё произошло не так. Акбар не убил тигра.
- 4 [Сравнение с героем поэмы Фирдоуси «Шахнаме», богатырем Рустамом, славившимся силой и бесстрашием.]
- 5 Об удалении *Атка хейля* из Пенджаба рассказывает Баязид, и он же описывает обсуждение этого вопроса между Акбаром и Муним-ханом. Акбар считал этот шаг своим большим достижением и говорил, что рассеял клан *Атка хейля* так, что представители походили на звезды созвездия Дочерей Медведицы, т.е. не группировались вместе, как плеяды. [*Атка хейль* — «отеческий род» — объединял кормилиц Акбара, их мужей и детей. *Атка хейль* фактически управлял страной с момента отстранения Байрам-хана до убийства Шамс-ад-дина Атки Адхам-ханом, последовавшего за этим наказания Адхама, а затем удаления *Атка хейля* из столицы.]
- 6 В тексте *инан-гирифлахаи* — «те, кто держал вожжи». Как вариант — «те, кто получал выгоду».
- 7 В тексте *баджизу ва расида*, что, как я понимаю, означает «постигая детали». В «Маасир-и-рахими», в разделе о Шихаб-ад-дине (II. 569), говорится *аз джизрази-у кардани* — «благодаря своей проницательности и навыкам».

К ГЛАВЕ 67

- 1 [Рантанбхур — город в дистрикте Саваи Мадхопур, штат Раджастан, Индия. Расположен в 180 км к юго-востоку от Джайпура. Крепость была основана в 944 г. раджпутами клана Чаухан. Имела большое значение в борьбе Чауханов с мусульманскими завоевателями Индии.]
- 2 [Палам — небольшой город в окрестностях Дели. Сейчас здесь расположен международный аэропорт имени Индиры Ганди.]
- 3 [Алвар — центр одноименного дистрикта, штат Раджастан, Индия. Город основан в 1049 г. как Алпур. С 1775 г. стал центром княжества Алвар, существовавшего до 1949 г.]
- 4 Город в Джайпуре, Раджпутана, 40 миль к югу от Джайпура. [Лалсот — небольшой город в дистрикте Дауса, штат Раджастан, Индия.]
- 5 В «Икбал-наме» стоит имя Мани Сингх и утверждается, что умер именно этот слон. Возможно, поэтому эпитет *нами* — «знаменитый» применен к погибшему слону, и вероятно, его интерпретация верна.
- 6 В примечании издания Лакхнау указывается, что раньше они писали название крепости как Рантханбхор, опираясь на г-на Блохманна, но теперь представляется, что крепость называется Рантахпур, то есть город в долине горы Ран, и в будущем они будут именовать ее именно так. Но деривация Абу-л Фазла сомнительна. [Несмотря на мнение Г. Бевериджа, речь идет о взятии именно цитадели Рантанбхура.]
- 7 [Сурджан Хаара носил титул *раи*, то есть был фактически самостоятельным правителем.]
- 8 Это, вероятно, ссылка на стихи из предисловия к «Гулистану» [Саади].

К ГЛАВЕ 68

- 1 [Кахары — в Индии каста водоносов и носильщиков паланкинов. В данном случае, вероятно, подразумеваются носильщики вообще.]
- 2 Этот заряд называется *хафтджаш* и делается из семи металлов: железа, сурьмы, свинца, золота, олова, меди и серебра.

- ³ [*Ид* (или *ид аль-фитр*) — праздник разговенья в честь окончания поста в месяц рамазан. Он отмечается 1 шаввала и длится 3 дня.]
- ⁴ [*Кабак* — тыква, которую подвешивали на крюке на высоком столбе. Во время соревнований она служила целью для конных стрелков из лука.]
- ⁵ [Здесь — казарма.]
- ⁶ В тексте стоит слово *санги* (камень), но правильный вариант — *саги* (собака). Вероятно, это тот пес, который отказывался принимать пищу, пока Акбар не поправился после ранения. В «Икбал-наме» говорится, что распоряжения были даны в последние дни жизни Дарбар-хана, который пожелал быть похороненным у ног этого пса. Могила находилась в Агре, именно там умер Дарбар. Его сын, Део султан, как мы узнаем далее, кажется, сошел с ума.
- ⁷ [Бангали Махал (или Бенгали Махал) сегодня известен под названием Акбари Махал. Это одно из старейших зданий внутри крепости. Первоначально предназначалось для иноземных наложниц императора и имело двое ворот и три башни. К настоящему времени сохранились одни ворота и две башни.]

К ГЛАВЕ 69

- ¹ См. отчет генерала Мэйси по поводу древностей Калинджара, Журнал Азиатского Общества Бенгалии, 1848, а также «Архитектурные исследования» Каннингема (XXI, часть I, с. 20). Калинджар расположен в 90 милях к юго-западу от Аллахабада, и крепость стоит на пологой вершине холма хребта Виндхья, который возвышается на 80 футов над равниной. См. также «Indian Gazetteer» и «Историю Бунделла» Погсона (Калькутта, 1828, с. 148). [Калинджар — крепость, расположенная в дистрикте Банда, штат Уттар Прадеш, Индия. Один из политических центров династии Чанделлов (IX—XII вв.). Была построена в VII в. Пришла в запустение в XVI в. Долгое время оставалась центром почитания Шивы Бхайравы.]
- ² То есть военачальники Акбара. Самого его там не было.
- ³ *Чахаррукн*, слово, которое иногда используется для обозначения четырех стихий.
- ⁴ [Дополнительный день вставлялся в определенные годы, чтобы избежать отставания календаря.]
- ⁵ Эти строки показались мне расплывчатыми, и хотя примечание редактора издания Лакхнау очень помогло, всё же вопросы остались. Он говорит, что *фараз* во второй строке означает «возносить молитву», так что, вероятно, имеется в виду следующее: если кто-то дает обет взойти на холм после исполнения желаемого, то испытывает трудности, так как когда его мольба услышана, не знает, как на этот холм взобраться. Я предполагаю, что последняя строка означает, что он нигде не увидит более высокого холма, кроме как на том свете.
- ⁶ Бихар-хан Азам Хумаюн (Эллиот, V. 333, прим. 2). [После захвата в 1545 г. Калинджара Салим шахом Суром по его приказу, в отместку за гибель отца — Шер шаха Сура, правитель крепости Кират Пал вместе с множеством защитников крепости был убит. Крепость перешла под власть афганцев, у которых ее выкупил раджа Рам Чанд из Панны.]
- ⁷ Я не смог идентифицировать это место, но вполне возможно, что имеется в виду Кочин. Местное название — Коччи. Каджли и Коччи пишутся на фарси почти одинаково. [Малабар (Малайялам) — название побережья в штате Керала, Индия. Возможно, имеется река Каджли (Каджали), которая впадает в Арабское море близ Ратнагара.]

К ГЛАВЕ 70

- ¹ [Здесь имеется в виду не титул царского сына — *шахзада*, а титул *накиба* — наперсника, доверенного лица, человека, самого близкого к правителю.]
- ² Матла, точка восхождения звезды. В данном случае говорится о беременной матери Джахангира. Салим не был зачат в Фатхпуре, и она не ездила туда до того, как забеременела. Идея состояла в том, чтобы ребенок родился в счастливом месте, так как остальные дети Акбара умерли в младенчестве.
- ³ [*Зенана* (*занана*) — букв. «женская», от перс. *зан* — женщина. Название женской половины дома, а также общее название всех женщин в этом доме, включая прислугу.]
- ⁴ [Об этом см. выше, глава 54.]
- ⁵ Абу-л Фазл не приводит день и месяц по мусульманскому исчислению. Это была среда, 17 раби ал-аввала 977 г.х. (30 августа 1569 г.).
- ⁶ [*Эра Джалали*, или *Малики*, была введена в 1079 г. сельджукским султаном Джалал ад-Дином Малик Шахом (1072–1092 гг.). Она стала результатом реформы персидского солнечного календаря, проведенной Омаром Хаййомом, когда Навруз был возвращен к дню весеннего равноденствия.]
- ⁷ [*Дин-у-дунья* — вера и держава, традиционный для мусульманского мира фразеологизм.]
- ⁸ Это относится к рождению сына. Смысл такой: царь в ликование встал и подбросил диадему до небес, в то время как чувство благодарности заставило его склонить голову к земле.
- ⁹ [Согласно традиции, восходящей к древневосточным представлениям о сакральности царской власти, законный правитель являлся носителем Божьей благодати, которой мог одаривать других.]
- ¹⁰ Приводятся два гороскопа на рождение Салима — на с. 346 и 347, но я посчитал ненужным их приводить. Первый — греческий, второй — индийский, но в примечании говорится, что в большинстве рукописей второй гороскоп называется «гороскопом, составленным по другому методу». И я действительно сомневаюсь в том, что второй гороскоп составлялся по индийской методике, ибо он почти не отличается от греческого. Если бы это был индийский гороскоп, то, вероятно, знак, под которым родился Салим, выглядел бы по-другому. Но в обоих гороскопах стоит *Мизан*, или Весы. Как видите, Абу-л Фазл не называет имени матери Салима. Но почти нет сомнения в верности утверждения «Халасат-ат-таварих», что она была дочерью раджи Бихари Мала. Ее титул, кажется, — Мириам-замани, и в Лахоре есть построенная ею мечеть и сделанная ею надпись. См.: «История Лахора» Латифа, 131.
- ¹¹ [К сожалению, при переводе Г. Беверидж опустил не только сами гороскопы, но и их описание и характеристики.]
- ¹² Редакторы указывают, что эта хронограмма не дает число 977, предполагая ошибку при копировании.
- ¹³ [Ходжа Хусейн из Мерва упомянут Абу-л Фазлом в списке поэтов века под № 10. Это один из придворных поэтов Хумаюна. Отличительной особенностью его поэзии было частое использование полустиший-хронограмм.]
- ¹⁴ *Симак-ар-рамах*. Это название Арктура, в переводе означает «копьеносец».
- ¹⁵ Полностью ода приведена у Бадауни (пер. У. Лоу, 125). Ходжа Хусейн получил за нее двести тысяч *танка*. Он также сочинил оду на рождение принца Мурада (Бадауни, пер. У. Лоу, 136). Она приведена также в «Мифтах-и-таварих» в переводе Т.-В. Биля (с. 309, 310, издано в Агре в 1849 г.). Он печатает даты одна за другой,

а в последней строке дает несколько другое прочтение, которое, кажется, подтверждает мнение издателей «Bibliotheca Indica», которые говорят, что строка дает число 978, а не 977. Ода также включена в «Икбал-наме», где указывается на чудесное совпадение: Акбару было 14 лет в день Восшествия на престол, а Салим родился в 14-й год его правления. Возможно, поэтому Ходжа дал в одной строке Восшествие, а во второй — рождение.

- 16 Оди. Охота на *читу* изображена в рукописи Кларка, хранящейся в Музее Виктории и Альберта, Южный Кенсингтон; там Акбар изображен держащим животное за уши. [Охота на леопарда или охотничьего гепарда описана Абу-л Фазлом в Аине 27 (I. Кн. 2).]
- 17 Это Шахзада ханум, дочь Биби Сулеймы бегим, см.: «Тузук-и-Джахангири», пер. Д. Прайса (46). Она вышла замуж в августе 1594 г. за Музаффар Хусейна мирзу. Акбар-наме, III. 644.
- 18 [Здесь игра слов, так как имя *Део* и слово *див* (*дев*), означающее мифическое чудовище, враждебное человеку, пишутся одинаково, поскольку в персидском звуки *у*, *о* и *в* передаются одной буквой — *вав*.]
- 19 [Джагмал был раджпутом из крупнейшего рода Парамаров. Им построено небольшое здание в окрестностях Фатехпур Сикри.]

К ГЛАВЕ 71

- 1 Праздник с 1 по 6 раджаба, ибо точный день смерти неизвестен.
- 2 [В мусульманских странах в годовщину смерти святого его последователи могли отмечать свадьбу (*урс*) святого, как иносказательное истолкование единения его души с Богом. Обычай празднования *урса* в Анатолии и Южной Азии отмечен с XIII века. Самым пышным суфийским праздником в Южной Азии является *урс* Муин-ад-дина Хасана Чишти (1142–1236 гг.), празднуемый в Адждмере, штат Раджастан, Индия, шестого раджаба, согласно мусульманскому лунному календарю; в церемонии участвуют сотни тысяч паломников различного вероисповедания (включая индусов, сикхов и христиан).]
- 3 [То есть родился долгожданный сын.]
- 4 Адждмир расположен в 228 милях к западу от Агры. Вероятно, Акбар делал по 14 миль в день. Мандхакар расположен к юго-западу от Агры и к югу от Сикандара на пути в Фатхпур. Правильное написание, кажется, Мидхакур; он расположен на расстоянии 10,5 мили к западу от Агры на мощеной дороге от Агры в Фатхпур. [Адждмер (старое написание Адждмир) — центр одноименного дистрикта, штат Раджастан, Индия. Акбар проходил за день 10–12 км.]
- 5 [Акбар прибыл в Адждмер 5 февраля 1570 г. Посещение Акбаром Адждмера происходило ежегодно до 1582 г. За эти годы была обустроена дорога из Агры в Адждмер, воздвигнуты караван-сарай и разбиты сады.]
- 6 [Маулана Шейх Хусейн из Адждмера, потомок Муин-ад-дина Чишти, упомянут Абу-л Фазлом среди ученых людей своего времени под № 44. См.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30.]
- 7 [Мухаммад Бухари включен Абу-л Фазлом в список вельмож. Подробнее о нем см.: Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 77.]
- 8 [В Дели находится несколько священных для индийских мусульман мест: *даргах* (священное место поклонения) Кутб-ад-дин Бахтияра Каки, умершего в 1235 г., *даргах* Низамуддина Чишти Аулийи (1325 г.), где находятся могилы самого святого и Амир Хосрова Дехлеви (1253–1325 гг.), знаменитого поэта.]

К ГЛАВЕ 72

- ¹ Бадауни (пер. У. Лоу, 135) сообщает, что мавзолей был возведен в том году Мирак Мирзой Гиясом. См.: Дарбар-и-Акбари, 121. Ни в одном из путеводителей по Дели нет имени архитектора. Они лишь ссылаются на Хаджи бегим, которая дала деньги. [Мавзолей действительно возведен в 1565 г. Персидский архитектор Мирак Мирза Гияс впервые в Индии дополнил гробницу четко спланированным садом — *чарбагом*, характерным для тимуридской архитектуры. Впоследствии в гробнице было похоронено еще несколько членов династии Великих Моголов.]

К ГЛАВЕ 73

- ¹ [Эра Руми, или иначе «эра Александра» — название греческого календаря, которому долгое время следовали в Сирии. Началом «эры Александра», называемой обычно Селевкидской эрой, считается 1 октября 312 г. до н.э. Хазиран — девятый месяц сирийского года, соответствующий июлю. Эра Яздигерда начиналась с 632 г. Подробнее см.: Бируни Абу Райхан. Памятники минувших поколений. Избранные произведения. Т. I. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957.]
- ² Очевидно, имеются в виду весенние цветы.
- ³ Принц — это самшит, а жасмин — чрево его матери.
- ⁴ *Таб михурд*. У редакции издания Лакхнау есть примечание по этому поводу. Здесь присутствует намек на семь сокровищ Хосрова. Возможно, *тал михурд* означает «озарен». Но более вероятно, что надежда имеет доступ к семи рекам, то есть сокровищам, потому что замки этих сокровищниц были открыты.
- ⁵ Оба гороскопа даны в тексте, но без комментариев. Я посчитал ненужным их переводить. Один указывает, что рождение произошло под созвездием Козерога, а второй — Стрельца.

К ГЛАВЕ 74

- ¹ [Розовый куст — Шах Мурад, а кипарис — Салим. То есть родился второй сын, а первый уже подросток.]
- ² Или Нагаур. Большая часть города теперь в руинах. Вероятно, Абу-л Фазл сообщает подробности о городе и его водоемах в связи с тем, что его отец жил там. [Нагаур расположен на окраине пустыни Тар (Тхар), в 135 км к северу от Джодхпура, в дистрикте Нагаур, штат Раджастхан, Индия. Известен крепостью Аххичатрагарх (крепость Нагаур), построенной между 1119 и 1121 гг. Имел большое значение, поскольку находился на торговых путях из Синда и Гуджарата на север.]
- ³ В «Икбал-наме» говорится только о двух водоемах, и это представляется верным. В указанном произведении название первого водоема — Килани, или Гилани, а не Кайдани.
- ⁴ [Джайсалмер — центр дистрикта Джайсалмер, штат Раджастхан, Индия. Расположен в пустыне Тар, на границе Индии и Пакистана. Известен своей верблюжьей кавалерией.]
- ⁵ [Бек Нурин-хан Кучин (Каучин) упомянут Абу-л Фазлом в списке вельмож среди командиров 500 под № 212 (Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30). Однако в «Табакат-и-Акбари» он называется среди командиров 1 000.]

К ГЛАВЕ 75

- ¹ Заголовок этой главы, как он приводится в тексте, совершенно не отражает ее содержания. Как отмечают издатели, в двух или трех рукописях заголовок отсутствует, и мне известно, что в Дополнениях 27, 247, его также нет.

- ² [Суфий Фарид Шакаргандж (известен и как Баба Фарид, Шейх Фарид Шакаргандж; полное имя — Фарид-уд-дин Масуд Ганджишакар; родился в 1173 или 1175 гг., умер в 1265 г.), был первым значительным поэтом, писавшим на *мультиани* — диалекте языка *панджаби*. Он отразил в своих двустишиях острые социальные противоречия и выступал за равенство людей независимо от сословий. Также славился как врачеватель и музыкант.]
- ³ Говорят, что делийский Кутб-минар назван в честь него. [Ходжа Кутб-ад-дин Бахтийяр Уши Каки (умер 27 ноября 1235 г.) родом из Оша (Ферганская долина, ныне Киргизия), был духовным наставником Шамс-ад-дина Илутмиша (1211–1236 гг.), второго султана Делийского султаната.]
- ⁴ *Ке аз китабат бамактуб-у аз накиш банакаши руи аварда буд.* Значение этой фразы не вполне ясно. Возможно, *китабат* означает здесь изучение светской литературы. Упоминание *мактуб*, или священных писаний, связано с тем обстоятельством, что Кутб-ад-дин, согласно Фириште, повторял Коран дважды в день. Цитируемые Абу-л Фазлом добрые советы Кутб-ад-дин дал во время легендарной беседы с Фаридом в Мультиане, когда последний был молод и изучал традиционное богословие. Однако, согласно Фириште, Кутб-ад-дин впоследствии посоветовал Фариду учиться и путешествовать и заметил, что невежественный аскет — шут шайтана.
- ⁵ Рассказ о святом в тексте слишком краток и может ввести в заблуждение. Более подробное и, возможно, более верное повествование смотри в «Аин-и-Акбари», III. Святые Индии. Разница между двумя изложениями столь велика, что с трудом верится: они принадлежат одному автору. Однако, быть может, Абу-л Фазл имел больше сведений, когда писал текст Аина. У Фиришты в конце книги приведена подробная биография Фариды Шакарганджа. Сведения о нем есть также в «Хазина-ал-асфийя», I. 278. Кази Шаиб, о котором говорит Абу-л Фазл, видимо, дед Фариды со стороны отца, однако источники расходятся относительно того, откуда он прибыл в Касур или Котвал близ Мультиана. Нет единого мнения и относительно того, явился из Кабула отец или дед Фариды. У Фиришты сказано, что отец прибыл из Кабула в Мультиан во времена Шихаб-ад-дина Гури. Но, разумеется, это может означать, что он прибыл вместе с дедом. В «Хазина-ал-асфийя» сказано, что отец [Фариды] являлся сыном сестры Махмуда Газневи. Как бы то ни было, семья в конце концов поселилась в Котвале, и там родился Фарид. Его отца звали Джамал-ад-дин Сулейман. Фарид родился около 584 г.х., или 1188 г., а умер в 668 г.х. — 5 сентября 1269 г. Известно, что он восьмой в роду после Фаррух-шаха, царя Кабула до династии Газневидов, и 17-й после знаменитого святого Ибрахима ибн Адхама, изначально бывшего царем Балха. В тексте сказано, что Кази Шаиба принял Султан Малин, и там есть вариант Малбан. Но царя с таким именем найти не удалось. Был некий Белим, или Бехалим, или Бехлим — царский наместник в Лахоре во времена правления Бахрам шаха (1118–1152 гг.), однако, мне кажется, он не может быть названным человеком, ибо никогда не именовался султаном и к тому же погиб еще до рождения Чингиз-хана. Он взбунтовался против своего правителя Бахрам шаха и дважды был им разгромлен. Во второй раз со своими десятью сыновьями утонул в болоте. Это, скорее всего, произошло до 1152 г., а Чингиз родился не ранее 1154 г. С другой стороны, Султан Балбан, то есть Гияс-ад-дин Балбан, на двадцать лет моложе, чем Фарид Шакаргандж, т.к. появился на свет около 605 г.х. (1209 г.), и потому не мог находиться у власти, когда приехал дед [Фариды]. Возможно, Абу-л Фазл перепутал наместника Балима и султана Балбана; возможно даже, что он на своем загадочном языке хочет сказать, что султан Балбан тепло встретил Фариду, а не его деда. Видимо, это и правильно, ибо Фиришта говорит, что Алиф-хан, позже ставший Гияс-ад-дин Балбаном, оказал почести Фариду в то время, когда он (Балбан) служил визирем у Насир-ад-дина, сына Шамс-ад-дина Илутмиша.

- 6 То есть на его пути из Нагаура в Пак Паттан или Аджудхан. На этот раз Абу-л Фазл поместил свой рассказ о святом — шейхе Фариде — до [рассказа о том], как Акбар посетил гробницу.
- 7 В «Аин-и-Акбари», I. 544 (пер. Г. Блохманна) Талонди относится к *саркару Дуаб Речнау*. [Территория дистрикта Сиалкот, провинция Пенджаб, Пакистан.]
- 8 То есть слуги, полагая, что Акбар не может уйти далеко, так как спешился, остались позади, чтобы сторожить убитую дичь.
- 9 Этот стих непонятен, и я не уверен в значении. Здесь я привел трактовку издания Лакхнау.
- 10 [Кабул-хан включен Абу-л Фазлом в список вельмож под № 137. Он завоевал дистрикт Бхимбар на границе Кашмира, но в 1570 г. (978 г.х.) пал от рук восставших, которыми руководил Джалал.]

К ГЛАВЕ 76

- 1 На Востоке говорят о красной сере. Возможно, имеется в виду киноварь, то есть сернистая ртуть.
- 2 Это Пак Паттан в Пенджабе. [Нак Паттан — город в провинции Пенджаб, центр дистрикта Пак Паттан, Пакистан. Как религиозный центр именуется Пак Паттан Шариф.]
- 3 В тексте стоит *бадаст-у-даман гирифта*. Однако нет сомнений, что правилен вариант *дахан* — «рот». Это подтверждается по крайней мере двумя рукописями Британского музея.
- 4 Мухаммад Баки был человеком буйного нрава и, в конце концов, покончил жизнь самоубийством. Он женился на Бача бегим, дочери Нахид бегим, то есть внучке Мах бегим. Но Бача бегим погибла при ночном нападении на лодку Мухаммада Баки, устроенном его братом Джан Бабой. В тексте он назван Хан Бабой, а из «Тарих-и-Масуми» (пер. А. Мале, 135) явствует, что правилен вариант Джан Баба, а Мискин Тархан в тексте — это, на самом деле, Ядгар Мискин. Оба казнены Мухаммадом Баки. Мухаммад Баки и Султан Мухаммад послали своих дочерей к Акбару, но дочь Мухаммада Баки была отвергнута. Акбар сказал правду, объяснив, что не [в том дело, будто] Синдхи бегим дурна характером (Эллиот, I. 283), а в том, что ее отец — убийца (*кхуни*).
- 5 Букв. «В каковой битве время явления замыслов оставалось на арене будущего, и сие время, очевидно, не оказало поддержку — ради великого труда в будущем».
- 6 Шах Хусейн из «Акбар-наме», I. 637, и сын Шах бека, царя Синда. [Речь идет о Шах Хасан беке, сыне Шахбека Аргуна, упомянутом в I томе «Акбар-наме». См.: Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 2. Самара: Агни, 2005. С. 107.]
- 7 В «Икбал-наме» сказано, что он отправил послание со словами и сказал всё это лишь из желания угодить бегим.
- 8 В *саркаре* Мултан, «Аин-и-Акбари», II. 329, и «Тарих-и-Масуми» (пер. А. Мале, 142). [Матила — городок в дистрикте Саргодха, провинция Пенджаб, Пакистан.]
- 9 В «Тарих-и-Масуми» (пер. А. Мале, 142) он назван рабом Султан Махмуда. [*Хель* — у афганцев-пуштунов означает род, состоящий из ряда больших семей. Несколько хелей объединяются в племя, например, афридии и др. *Хасахель* в данном случае означает, что Мубарак-хан и Султан Махмуд были еще и родственниками.]
- 10 «Акбар-наме», III. 91.
- 11 Возможно, это тот случай, о котором говорится в «Аин-и-Акбари», I. 286, когда шесть леопардов, преследуя самку, угодили в одну западню.

¹² В Адждмере.

¹³ В тексте стоит *арбада наги*, однако слово, видимо, — *наки*, и является оно суффиксом к *арбада*, то есть означает «скандальный». В рукописи Британского музея, Дополнения 27, 247, и 7651, стоит *наки*. Повествование о Лашкар-хане см.: Аин-и-Акбари, I. [Титула Лашкар-хан при Акбаре был удостоен Мухаммад Хусейн из Хоросана. Аин-и-Акбари, I. Кн. 2, Аин 30, № 90.]

К ГЛАВЕ 77

¹ В тексте «губы утра», но в издании Лакхнау — «губы бутонов», и это звучит более поэтично.

² Сикандар умер вскоре после этого (Эллиот, V, с. 339).

³ Г. Блохманн, 303. [*Чаупар (чаупад)* — игра в кости, которая имеет общие черты с нардами, но игровое поле не квадратной, а крестообразной формы. Участвуют четыре игрока и фишки четырех цветов. Подробнее см.: Аин-и-Акбари. I. Кн. 2, Аин 29. О развлечениях.]

⁴ Это выражение, кажется, объясняется у Г. Блохманна (304), где говорится, что иногда в этой игре участвовали 200 игроков, и ни одному из них не позволялось уехать, пока не закончит 16 игр, что иногда затягивалось на три месяца! Если Музаффара держали так долго во дворце, неудивительно, что он вышел из себя!

К ГЛАВЕ 78

¹ *Джал Джалала*. Это девиз последователей Божественной веры, см. «Аин-и-Акбари», I [Аин 77], и относится к этой фразе, а не к следующей, в отличие от трактовки в большинстве текстов.

² Видимо, Абу-л Фазл ссылается здесь на текст «Аин-и-Акбари» [провинции Гуджарат посвящен раздел в «Аин-и-Акбари» (I, Аин 15)] Г. Джарретта.

³ *Сиасат-и-азим* — великое наказание. *Сиасат* часто используется в значении «казнь», и поэтому сочетание можно понять так, что Баба-хан Какшала умертвили. Однако из «Аин-и-Акбари», I, сноски на с. 369, явствует, что Баба-хан Какшал не был казнен, а умер мятежником в Бенгалии в 988 г.х.

⁴ Возможно, имя было Читранга, то есть «пятнистое, пестрое тело».

⁵ В тексте — *кош*, но это четвертый день месяца.

⁶ Это Тарагарх. См. «Географический справочник» по Раджпутане, II. 15 и 16. Там сказано, что Сайид Хусейн, слуга Кутб-ад-дина, убит при попытке обороны крепости. Там же, с. 65, приведены дополнительные сведения о Тарагархе. Рассказ о мученике см. также в «Хази́на-аулийя», II. 254. О нем сказано, что он погиб в 610 г.х. [Крепость Тарагарх (или Звездная), цитадель Адждмера, считается одной из наиболее интересных скальных крепостей Индии, построена на холме Тарагарх в 1354 году на месте крепости VII века, заложенной правителями династии Чауханов].

⁷ Это один из «дополнительных» дней, второй или первый из двух, добавленных к концу месяца.

К ГЛАВЕ 79

¹ *Ке иджад-и-мисл ибарат азана́ст*. Отрывок неясен, и я не уверен в его смысле. В большинстве рукописей стоит *иджад-и-мисл*, что, по-моему, означает создание или увеличение аналогов, а именно аналогов Акбара или Бога, в том смысле, что человек был сотворен по Его подобию. В рукописи Британского музея, Дополнения 27, 247, стоит

иджад-и-насл — увеличение рода. В издании Лакхнау приводится противоположное прочтение, которое выглядит приукрашиванием с целью объяснить смутное высказывание. Вместо *иджад-и-мисл* там находим *иджад-и-бани ну-и-инсан* — сотворение сынов человеческих.

- 2 В «Хазина-аулийя» (с. 443) упоминается шейх Даниял Чишти, который умер в 994 г.х. [1585 г.] в возрасте 111 лет.
- 3 [Пхалоди — город в дистрикте Джодхпур, штат Раджастан, Индия. Основан в XV в. как центр на караванных путях в пустыне Тар. До настоящего времени сохранились крепость, индуистские и джайнские храмы, дворцы-*хавели*.]
- 4 Город Адждмир расположен на 74°39'31" восточной долготы и 26°26'30" северной широты, в 677 милях от Бомбея и 232 милях железной дорогой от Агры («Rajputana Gazetteer», II. 66). Долгота и широта, приведенные здесь Абу-л Фазлом, соответствуют тому, что находим в «Аин-и-Акбари» (в пер. Г. Джарретта, III. 59). Долгота высчитана от Канарских островов. [Совр. Адждмер — центр дистрикта Адждмер, штат Раджастан, Индия. Основан в X в. радждой Адждай Палом Чауханом. Наиболее интересные места: храмы озера Пушкар, джайнский храм, построенный в 1153 г., *даргах* — гробница Муин-ад-дина Чишти.]
- 5 Выражение, которое, я думаю, относится к мусульманской традиции не начинать отсчет нового месяца до тех пор, пока не наступит новолуние. Полагаю, что *амр аусат* означает «Высочайший указ». *Аусат* был написан для слова *авсат* на тюркском. [Согласно мусульманской традиции начало месяца отсчитывается со дня первого наблюдения молодой луны на небосводе, а не от астрономического новолуния.]
- 6 *Шимшад бан* — букв. «самшит». Но это также обозначение высокого прямого дерева и красивого мужчины или женщины. Здесь это может относиться к Акбару или матери Данияла.
- 7 [Даниэль, Даниил, Даниял, Данияр — это имена одного святого в иудантской, христианской и мусульманской литературе. Согласно Библии Даниил, что в переводе с еврейского означает «судья Бог», «Бог мой судья», родился в Иерусалиме в 603 году до н.э. и происходил из рода царей Давида и Соломона. Когда Израиль в 586 году до н.э. захватил царь Вавилонии Навуходоносор, Даниил был увезен в Вавилон вместе с другими юношами знатного происхождения. Он проявил себя непреклонным в религиозных убеждениях. Поэтому мудрость Даниила трактуется в Библии как Божья награда за набожность.]
- 8 Так в тексте. Должно быть Бихари Мал. Передача Данияла этой *рани* подразумевает, что мать Данияла являлась ее родственницей. Это также может служить доводом к точке зрения, что дочь *рани* — мать Джахангира. [Дворец-крепость Амбер служил цитаделью радждей династии Каччваха до 1727 г., пока столицу не перенесли в Джайпур. Согласно некоторым источникам Даниял — родной брат принца Салима, будущего императора Джахангира. Их матерью была старшая дочь Бихари Мала Каччвахи, урожденная Радждумари Хира Кунвари Сахиба, получившая титул Мариам-аз-замани и псевдоним Харка Баи.
- 9 В этом месте приводятся два гороскопа, но вследствие ошибки оба принадлежат принцу Мураду. То есть они составлены для родившегося под знаками Козерога и Стрельца, а не Рыб и Овна, под которыми, как нам до этого сообщили, родился Даниял. Источником ошибки стало издание Лакхнау, а редакторы «Bibliotheca Indica» слепо ей последовали. Точные гороскопы принца Данияла приводятся в рукописях Британского музея: Дополнения № 5610, 540 b и 541 a, № 5553, 282, 83, а также в рукописях Королевского Астрономического общества № 114, 116 и 118.

- 10 Это заключение приводится также в третьей части писем Абу-л Фазла и его смешанном труде «Мукатабат-и-Аллами». См.: издательство Невала Кишора, 1280 г.х. (1867 г.), с. 277–297. [Перевод первой тетради на английский язык см.: Haidar, Mansura, Mukatabat-i-'Allami: Insha'i Abu'l Fazl / Edited with Commentary, Perspective and Notes by Mansura Haidar. 1st ed. New Delhi, Munshiram Manoharlal Publishers Pvt. Ltd.: Vol. I. 1998.]
- 11 [Каран (от араб. *карн*) — эпоха, цикл, век; период времени, равный тридцати годам. Абу-л Фазл надеялся, как сам пишет в «Аин-и-Акбари», написать историю четырех каранов жизни Акбара, т.е. до 120 лет. Он твердо верил: Акбару, подобно библейским и кораническим патриархам, суждено прожить не менее 120 лет, что считалось обычной продолжительностью жизни достойных людей, отмеченных Аллахом.]
- 12 Строки принадлежат Файзи, их можно найти в предисловии к рукописи Британского музея, Дополнение № 7794, 3 а.
- 13 Вероятно, имеется в виду следующее: «если рот не способен есть или должен оставаться пустым». Строки принадлежат Фирдоуси и обращены к его предшественнику Дакики. См.: «Шахнаме» под ред. Тернер Макана, изд. III, с. 1104. Кажется, Абу-л Фазл изменил вторую строку.

[В русском переводе Ц.Б. Бану-Лахути:
 «Коль стих твой не звонок, не чист, как ручей,
 Писать недостойн ты книгу царей.
 Без трапезы лучше гостей отпустить,
 Чем пищей негодною их угостить».
 Фирдоуси. Шахнаме. Т. IV М., 1994. С. 125.]
- 14 Вероятно, намек на Фирдоуси. [В «Шахнаме» Фирдоуси, в цикле, посвященном Кейянидам и Рустаму, много строк отведено борьбе героя с дивами Мазандарана.]
- 15 *Канабгирифтиран* — употребляющие гашиш или бханг. Слово в литографиях и в рукописи Британского музея [Дополнения] 27, 247, — *кутубгирифтиран*, то есть педанты или буквоеды, но в рукописи Индийского департамента, № 236, стоит слово *канаб*, что представляется верным. *Канаб* — слово, от которого произошло латинское *sannabis* (конопля). [Возможно, здесь Абу-л Фазл имеет в виду практику достижения экстаза с помощью наркотиков, распространенную, в частности, у исмаилитов.]
- 16 Строки принадлежат Файзи и цитируются в «Акбар-наме», III. 684.
- 17 *Сар амехтаги*. В «Инша» и «Мукатабат» стоит слово *сатрамехтаги* — смесь завесы. Я полагаю, смысл такой: «Почему не действуют твой разум и знания?» [«Инша-и Абу-л Фазл» — название сборника писем Абу-л Фазла различным корреспондентам. Он наряду с письмами Акбара входит в сборник «Мукатабат-и-Аллами». *Ал-макул* — умозрительные дисциплины, которые противопоставлялись *ал-манкул* — богословским, традиционным.]
- 18 *Хушияр дил*. В литографии Мир Хасана стоит слово *шевазабани* — красноречие. А в рукописи Британского музея, Дополнения 5610, стоит *шахсувар дил*. Примечание в книге издательства Невала Кишора гласит, что *хушияр* здесь означает «укоризненный». [*Хушияр* (перс.) — 1) добрый, душевный друг, близкий человек; 2) умный, разумный; трезвый, бдительный, зоркий.]
- 19 *Хал*. Родинка или веснушка. [На Востоке традиционно боялись сглаза, и потому считалось, что родинка на лице красавицы дана Богом для защиты от дурного глаза.]
- 20 Смысл в том, что несовершенства ранних манускриптов были нужны для предотвращения чрезмерного раскрытия Истины и отвода дурного глаза от ее красоты.
- 21 *Халка икбал намамкан джамбанидан* — букв. «передвижение дверного молотка невозможной судьбы». Фраза употребляется Хафизом и цитируется в «Бахар Аджам» (341 а).

- 22 *Ба хеч харсанд.* По манере, в какой эта фраза используется ниже, она кажется насмешливой. Имеются в виду те, кто доволен, хотя и не должен бы, то есть удовлетворен знанием, которое таковым не является.
- 23 [В некоторых суфийских орденах практиковалось безбрачие как одно из условий достижения единения с Богом.]
- 24 [*Электуарий*, кашка лекарственная — в медицине фармацевтический препарат, в котором лекарственное вещество входит внутрь пасты с сиропом или медом.]
- 25 Полагаю, что небесное предостережение заканчивается здесь.
- 26 [*Гуль* (араб.) — мифологический злой дух-оборотень, по поверью обитает в пустынях Средней и Малой Азии, подстерегая одиноких путников, иногда является путникам в образе женщины. Мужской аналог носит название *кутруб*. Ад-Димашки пишет, что *гуль* может принимать облик любого существа, но боится солнечного света и потому охотится по ночам. См.: Ад-Димашки. Выборка времени о диковинках суши и моря // Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. 4. Арабские источники XIII–XIV вв. М.: Восточная литература, 2002. С. 244.]
- 27 То есть небесное воздействие, например звезд, а также земных стихий. Первые считаются отцами, а последние — матерями.
- 28 Это суфийская доктрина. Добро и Зло идентичны, ибо и то и другое — проявление Бога. См.: Ethé H. Morgenland, Stunden 99: «В логичной последовательности Добро и Зло абсолютно одно и то же, следовательно, в действительности оба совсем не существуют, но должны отождествляться с Богом». *Барабар*, однако, может также означать «противопоставленные друг другу». См. описание совершенного человека в «Аин-и-Акбари». Абу-л Фазл говорит, что существуют три человеческих состояния, и третье из них — совершенный человек (*мардам тамам*). Он не рассказывает о людях и, следовательно, не думает о том, хорошие они или плохие. [*Барабар* (перс.) — равный, одинаковый. Речь идет о равенстве категорий Добра и Зла, признаваемой многими суфийскими учеными. Противоречие возникало лишь в том, придерживались ли они постулата *вахдаталь* — *вуджуд* (единство бытия, выражаемое в формуле «Всё есть Бог») или *вахдат аш-шухуд* (единство свидетельства, выражаемое формулой «Всё от Бога».)]
- 29 В рукописи Британского музея и литографиях перед *хаст* стоит слово *наийир* — свет, которое явно должно здесь быть, ибо далее следует метафора возжигания. [Это может быть метафорой, относящейся как к Солнцу, воплощающему свет Господа, так и к *Нур-и Мухаммад* — свету Мухаммада, величайшему первоначальному творению Аллаха, из которого затем были созданы все ангелы, пророки, святые и смертные. Миф говорит, что еще до сотворения всего остального он был создан в качестве восхитительного света, и это духовное существо в народе известно как *Нур-и Мухаммад*, Свет Мухаммада. В исламских преданиях излагается несколько вариантов, но в основе своей они сводятся к тому, что прежде всего Аллах создал свет из вечного мрака, а из него — *Нур-и Мухаммад*. Из него он сотворил сладкую воду и благословил ее. Затем разделил ее на десять частей и из первой создал Великий Трон (*ал-курси*) небес, который установил над водами. Затем он сотворил Перо (*ал-калам*) и приказал ему обходить Трон в течение тысячи лет. Перо увидело имя Мухаммада, начертанное на Троне. Из других частей воды Бог сотворил движущиеся создания. Однако ни одно из этих созданий не получило жизни до тех пор, пока по завершении семидесяти тысяч лет Свет Мухаммада не закончил восхвалять Аллаха.]
- 30 Возможно, только здесь завершается речь небесного собеседника.
- 31 *Худаябан.* Вероятно, аллюзия на пантеистических суфиев, которые отождествляли себя с Богом. [*Худаабал* (перс.) — букв. «богоугодники».]

- 32 В тексте *дания* — мир, но в архиве Индийского департамента, рукопись № 564, и в Британском музее, Дополнения 27, 247, и 27, 248, стоит *дини* — относящееся к вере, и это имеет больше смысла. Имеется в виду, что основоположники и толкователи религиозных учений увидели, что определенные вопросы выходят за пределы человеческого понимания.
- 33 В тексте *нагахан табият гуфт* — «внезапно склад ума сказал». Но в литографиях «Инша» и в рукописях Британского музея и архива Индийского департамента, которые я видел, стоит *на гихан*, то есть не мир, и *табиб гуфт*. И я принял это прочтение. Предложение, однако, имеет смутный смысл, возможно, из-за повреждения текста. Выражение «голодание у дверного молотка» любопытно. Вероятно, оно основано на выражении, употребленном выше, в отношении сотрясения молотков непостижимой судьбы. Предложение станет более прозрачным, если мы предположим, что врач говорит о ложном истолковании качеств Абу-л Фазла. Врач, возможно, имеет в виду самого Абу-л Фазла.
- 34 В тексте *ао* после *хаурсигал*, то есть «его интеллекта, благомыслия», но, кажется, во всех манускриптах пропущено местоимение.
- 35 *Забан-и-гомаго* — язык, что говорит и не говорит, то есть слова должны быть понятны лишь посвященным. [«Таинственный язык» — язык иносказания, который широко использовался в суфийской практике, в том числе и поэзии.]
- 36 Букв. «воркование голубей». [Стихосложение занимало особое место в мусульманском обществе и являлось обязательным элементом образования. Науке о метрике стихов (*аруза*) посвящались научные труды, такие, как «Свод правил персидской поэзии» Шамс-ад-дин Мухаммада ибн Кайс ар-Рази и «Трактат об арузе» Бабура.]
- 37 В литографиях — «памятники поэтов». [Стихотворные вставки в прозаическом произведении были общеприняты в персидской и арабской литературе. Об этом Абу-л Фазл говорит в начале своего повествования. См.: Абу-л Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 1. Самара: Агни, 2003. С. 28.]
- 38 «*Танасаб* — место, где автор объединяет схожие вещи, такие, как солнце и луна, роза и соловей, лук и стрела». Ф. Гладуин, 62, 63. [*Танасуб* — соответствие — обозначает соответствие друг другу однородной лексики в конкретной поэтической фигуре. Подробнее см.: Н.И. Пригорина. Индийский стиль и его место в персидской литературе (вопросы поэтики). М., 1999. С. 96.]
- 39 *Санаат-и-иштикак*. «Буквально означает раскалывать, а в стилистике — место, где сводятся вместе слова, чьи буквы схожи по звучанию, и желательно, чтобы они были однокоренными». Ф. Гладуин, 10. [*Иштикак*, букв. «произведение», в теории персидской поэзии используется в значении «этимология, производность от одного корня», является одним из базовых терминов. См.: Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Кайс ар-Рази. Свод правил персидской поэзии. Ч. II. О науке рифмы и критике поэзии. Пер. с перс., исслед. и коммент. Н.Ю. Чамисовой. М., 1997. С. 376.]
- 40 *Тарси*. «Буквально означает закрепление драгоценных камней на чем-либо, а в сочинении — случай, когда автор в прозе или стихах разделяет свои предложения на четкие части и приписывает каждому слову какое-то другое в соответствии с размером и ритмом». Ф. Гладуин, 6. [*Тарси* — прием в персидской поэзии, когда в двустипхии — бейте каждое слово одной части рифмуется с соответствующим словом другой части фразы, и, более того, совпадает по грамматическому значению.]
- 41 *Таджнис*. «Буквально означает сходство, а в стилистике — случай, когда автор использует две (или более) буквы, напоминающие друг друга при чтении или в речи, но имеющие разные значения, а таких существует семь видов». Ф. Гладуин, 6. [*Таджнис* — омонимичная рифма. Различают полный *таджнис* — *таджнис-и тамм* и составной *таджнис* («сшитый») — *таджнис-и мураккаб*.]

- 42 [Иктибас (араб.) Первоначальное значение этого слова — «заимствовать огонь другого очага». Означает пример, заимствование, цитату.]
- 43 [Истихилал (араб.) — это термин, используемый в исламской юриспруденции, или *фикхе* — для обозначения акта в отношении некоторых действий как допустимых, или *халаал*.]
- 44 *Талмих*. «Буквально означает использование чего-то пикантного, когда автор ссылается на какую-нибудь популярную историю или стихотворение». Ф. Гладуин, 55. [*Талмих* — в персидской поэтологической традиции трактуется как род аллюзии, когда автор отсылает читателя к какому-то известному сюжету или поэтической строке.]
- 45 [В мусульманской литературной традиции были очень популярны жанры *лугз* и *муамма*. *Лугз* (или *чистан*) — это загадка, в которой вопрос задается в аллегорической форме. *Муамма* — сложная стихотворная шарада, загадка, состоящая из 1–2 бейтов, в которой, помимо внешнего смысла, зашифровано еще какое-то слово, обычно имя собственное. Стихи содержат намеки на буквы арабского алфавита, из которых данное имя сложится. Поэтому *муамма* вне арабского шрифта не может быть понята. Труднейшее искусство составления *муамма* получило широкое распространение в XV в. Известный поэт Джами, например, написал руководство по нему.]
- 46 *Итирад*. «Прославление кого-либо вместе с предками в генеалогическом порядке». Ф. Гладуин, 53. [Согласно «Своду правил персидской поэзии» Шамс-и Кайса ар-Рази *итирад* (*итираз*) означает прерывание: «Суть его состоит в том, что поэт вставляет внутрь бейта для довершения стихов слова, в которых значение бейта не нуждается».]
- 47 Есть вариант «украшать», и он предпочтителен. Смысл тогда будет в том, что такие писатели не видят разницы между непривычной невразумительностью и украшательством и приукрашиванием истинного знания.
- 48 *Сайрафиан*. Менялы и ювелиры, а также класс чиновников на монетном дворе. [*Сайрафи* отвечали за чистоту монет, которые чеканились на царском монетном дворе, а также служили пробирщиками на крупных рынках. Поскольку работа *сайрафи* требовала высокой квалификации, нередко так же называли себя менялы и ювелиры, чтобы придать себе солидности.]
- 49 [*Таклид* (араб.) — беспрекословное следование авторитету. Один из способов постижения истины. Некоторые исследователи считают *таклид* предрассудком, закрывающим врата *иджтихада*. *Иджтихад* (араб. «борьба с собой», от того же корня, что и слово *джихад*) — в исламе право человека на субъективное постижение истины. Человек, осуществляющий *иджтихад*, называется *муджтахидом*. Противоположностью *иджтихада* является *таклид* — слепое следование авторитету.]
- 50 Строки Файзи. См.: Аин-и-Акбари, III. 695.
- 51 [Здесь игра слов. *Захмат* (перс.) означает затруднение, беспокойство, но также и труд.]
- 52 Полагаю, имеется в виду Акбар, но, возможно, здесь заканчивается ответ просвещенному другу и подразумевается, что его убедили. Повторение слова *дидавар* указывает на это. В противном случае ответ Абу-л Фазла может растянуться до конца описания четырех классов. В литографиях после *дидавар* стоит *ра*, а в некоторых манускриптах *бавар* вместо *явар*.
- 53 [*Сиях чал* — букв. «черная яма», распространенный на Востоке вид подземной тюрьмы, что часто устраивали в бывших резервуарах для хранения воды. В подобной тюрьме в Тегеране в XIX в. сидел знаменитый Бахаулла, основатель бахаизма.]
- 54 Возможно, это ответ просвещенного друга, но, вполне вероятно, Абу-л Фазла предостерегает его собственная душа.
- 55 Имеется в виду «Акбар-наме».

- 56 [Парниан — название одного из видов шелковых тканей, производимых на территории Ирана и известных примерно с XI в. наряду с другими видами шелка: атлас, диба, зарбаф, гюрчешм и т.д. Уже к XII–XIII вв. сформировались ремесленно-торговые центры, специализировавшиеся на производстве определенных видов тканей и одежды, которые поставлялись в разные страны Востока и Западную Европу.]
- 57 Нахлбанди. Букв. «искусство плетения гирлянд».
- 58 Лафз пахлуджуя. Букв. «слова, ищущие сторону». Объясняются комментаторами словами мухаммал аль-маани — «несение духовного значения», то есть двойственность в хорошем или эзотерическом смысле. [Понятия лафз — форма и маана — смысл относятся к числу базовых в арабо-персидской поэзии. Их соотношению посвящено несколько средневековых трактатов по поэтике.]
- 59 [Отец Абу-л Фазла Шейх Мубарак умер в 1593 г., а старший брат Абу-л Файз Файзи — в 1595 г. Акбар тогда лично пришел в дом друга со словами утешения.]
- 60 Приводимое ниже может быть посланием, что ему доставили в месяце азар, либо это то, что сообщил ему Акбар после смерти Файзи. Логичнее было бы привести это предложение после стихов, а не перед ними.
- 61 Полагаю, он имеет в виду, что его собственные глаза увидели недостатки в его труде.
- 62 [Дастан — своеобразный эпический жанр, представляющий собой литературную обработку различных сказочных сюжетов, народных легенд и преданий любовного или героического содержания. Широко распространен в литературе всего мусульманского Востока.]
- 63 Его брат Файзи. [Имеются в виду стихи Файзи, которыми Абу-л Фазл украсил текст своей книги.]
- 64 Сафири бехушана — бессмысленный свист или шипение. Возможно, это то, на что сослался выше врач, когда сказал, что интеллект голодает у дверного молотка, как сумасшедший. Сафир используется для обозначения печали соловья.
- 65 Лишенный свободы драгоценный камень представлен, как сетующий на свою судьбу.
- 66 Вероятно, год смерти Файзи. См. выражение в «Аин-и-Акбари» (II. 254).
- 67 Нахани банд канад — «зафиксировать свои ногти». Фраза означает «вмешаться, сказать свое слово».
- 68 Кадурат када. Возможно, означает «сердце».
- 69 Тан михрган. Михрган — седьмой месяц персидского года и соответствует сентябрю. Абу-л Фазл имеет в виду, что тело его слабело.
- 70 Сама. Мистический танец дервишей. [Сама — букв. «вслушивание в религиозные песнопения, декламацию». Используется в некоторых суфийских орденах во время службы зикра и сопровождается музыкой и танцами, чтобы помочь войти в состояние экстаза (ваджд), когда участник теряет контроль над собой и начинает совершать экстатические движения в ритме этих песнопений и декламаций. Собрания для проведения сама ведутся авторитетным и компетентным человеком, которого называют закиром. Закир считается знатоком тонкостей духовного пути.]
- 71 Нигде больше не встречается указания, что эти титулы были пожалованы Акбаром. Блохманн говорит, что Абу-л Фазл никогда не принимал титула, а эти эпитеты — такие же титулы, как для Файзи — «придворный поэт». [Надир аль-Калами — букв. «чудесное перо». Титул отражает то значение, которое придавалось владению пером — каламом — на мусульманском Востоке. Оно включало в себя не только совершенное искусство письма одним или несколькими общепризнанными почерками, но и умение четко и красиво излагать свои мысли.]

- ⁷² [*Пеиштак* — в архитектуре мусульманского Востока портал, характерный для средневековых общественных и культовых зданий. Обычно имеет вид вертикально вытянутого прямоугольника, прорезанного большой арочной нишей стрельчатого очертания, в которой расположен вход. В Центральной Азии *пеиштак* известен с X в., наибольшее развитие получил в конце XIV—XVII вв. В это время *пеиштак* представлял собой фактически самостоятельную, часто богато декорированную (резной терракотой, майоликой) часть здания, нередко значительно превосходящую его по высоте. Одним из обязательных элементов его украшения были *шамс* (солнце), которые располагались по обеим сторонам арки.]
- ⁷³ *Лахн сарир*. Означает звук, производимый пером по бумаге. [Соответствует русскому выражению «скрипеть пером»].
- ⁷⁴ Смысл в том, что, будучи лишенным мирских удовольствий, он чувствует себя сиротой или человеком со скорбным желудком, хотя на деле те самые удовольствия его бы не удовлетворили.
- ⁷⁵ *Кар баракна фарахам аид*. В «Инша» и рукописи Британского музея, Дополнения 27, 247, стоит *кар бан рахна*. [Видимо, речь идет о многочисленных ответвлениях суфийских братств. Уже в XIII веке последователями наиболее почитаемых суфийских наставников создаются первые братства (древнейшие — *сухравардийя* и *кадирийя* — возникли в Багдаде). Всего в разное время существовало 12 «материнских» братств и множество их ответвлений. Суфийские братства никогда не являлись сектами и признавали догматику ортодоксального ислама, хотя и делали оговорки для посвященных высших ступеней. Уклад жизни членов братств был очень разнообразным. Более того, среди братств существуют как суннитские, так и шиитские.]
- ⁷⁶ [Биография отца Абу-л Фазла, известного ученого Шейха Мубарака Нагори, излагается в автобиографии Абу-л Фазла, в III томе «Аин-и-Акбари», в разделе «Некоторые замечания об авторе».]
- ⁷⁷ *Сир Мамак* (или *Бабак*) — игра в прятки. См.: Дж.-А. Вуллерс, II. 285b. Вероятно, имеется в виду, что о нем заботились как отец, так и мать. Или, может быть, его отец был ему или автору стихов и отцом и матерью.
- ⁷⁸ [*Илм* (мн. ч. — *улум*) *муктасаб* (араб.) — приобретенное знание. В исламе категории знания разделялись в зависимости от источника получения, содержания и отношения к истине. По источнику знание делилось на «врожденное» (*фитрийя*) и «приобретенное» (*мустахсал*, *муктасаб*, *мустафад*). К врожденному относили «неизбежное знание» (*илм идтирар*), которое человек не волен не иметь. Оно включало знание, которым обладают низшие ступени души (растительная и животная), а также «начала разума» (*аввал ал-акл*), «изначальное знание» (*аввал илм*) — аксиомы, признаваемые всеми людьми в здравом уме и служащие основой для получения прочего знания. Всё прочее знание относили к приобретаемому. Оно, в свою очередь, подразделялось на чувственно постигаемое (*хиссийи*, *махсус*), умопостигаемое (*аклийи*, *макул*) и интуитивное.]
- ⁷⁹ Я принял вариант *рахзани* из рукописи № 236. Рассказ Абу-л Фазла о его обучении см. в «Аин-и-Акбари», III. 443 (пер. Г. Джарретта), а о его ранних заблуждениях см. во II томе «Аин-и-Акбари», в статье Г. Блохманна. [*Рахбар* — букв. «проводник, руководитель, духовный наставник». *Рахбар* считался непрекаемым авторитетом в делах веры. *Рахбар* играет большую роль в Иране. Политическая система современного Ирана устроена таким образом, что оперативное управление страной находится в ведении президента и парламента, которые избираются прямым тайным голосованием, а стратегические решения о путях развития государства принимаются высшим духовным авторитетом — *рахбаром*, который, в свою очередь, контролируется «советом мудрецов». Совет мудрецов — это собрание более чем ста великих *аятолл* — исламских авторитетов, из среды которых избирается *рахбар*.]

- 80 Это парафраз. Абу-л Фазл говорит: «И я был лишен дыхания спокойствия мыслями о смерти». *Баргирифтан*, вероятно, означает «уносить, лишать». См.: текст 344, строку 2. Согласно комментаторам, выражение *дам-и-асаши* — это *хабсдам*, то есть «задержка дыхания», но я думаю, Абу-л Фазл имел в виду совсем не задержку дыхания в подражание йогам, которые, по его словам в «Аин-и-Акбари», могли дышать раз в 12 лет. Вероятно, отрывок подразумевает: «мысли о смерти разрушили (*баргирифт*) спокойствие». См. «Аин-и-Акбари», III. 409, где Абу-л Фазл говорит: «В начале своего обучения я был охвачен печалью при мысли о существовании и в святых местах и благоприятное время молился об освобождении от плоти». Именно из-за этого отрывка текст мною переведен именно так.
- 81 *Ишракиян*, то есть интеллектуалы, но это имя было дано неоплатоникам в Иране. Вероятно, они такие же, как и *сабахи* у Бадауни (пер. У. Лоу, 201), где говорится, что Абу-л Фазл зажег лампу *сабахов*. [Труды Платона и неоплатоников были хорошо известны на Востоке и наряду с идеями Аристотеля оказали большое влияние на развитие мусульманской философии и науки.]
- 82 *Машиаян*. Арабский перевод греческого слова. См. также «Аин-и-Акбари», III. 126, где Абу-л Фазл говорит: «Надеюсь, что исследователи тщательно их (индуистские системы) изучат и сравнят с принципами неоплатоников, перипатетиков, суфиев и догматических теологов (*матакаллам*), и избавившись от разрушений предвзятости, будут искать проявлений, а также, отбросив отчужденность невежества, будут практиковать тщательное исследование и осмотрительность». [Перипатетики (от греч. «прогуливаться, прохаживаться») — ученики и последователи Аристотеля, его философской школы. Распространение идей перипатетиков на мусульманском Востоке часто связывают с именем Ибн Сины, можно также указать на последователей Ибн Сины — Бахманияра (умер в 1065—1067 г.) и ал-Лавкари (ученик Бахманияра). К последователям перипатетизма в арабской философской школе принадлежат арабы аль-Кинди, Ибн Бадджа (Авемпас), Ибн Туфейль (Абубаццер), Башшар ибн Рушд (Аверроэс), таджики и иранцы аль-Фараби, Омар Хайям (ученый, философ и поэт), еврей бен Габироль (Авицеброн) и Маймонид.]
- 83 [Маджаз. К XI в. в мусульманском богословии сформировалось представление о тексте Корана, заключающееся в том, что часть имен, выражений, слов в Коране применяются в буквальном смысле (*хакика*), а часть — в переносном (*маджаз*). Выражения в Коране, относящиеся к Богу, имеют буквальный смысл (*хакика*), а те же выражения, примененные к человеку, обладают метафорическим смыслом (*маджаз*). В последующем слово *маджаз* стало обозначать «перенос, переход или метафору».]
- 84 [*Пир* (букв. «старец») — в исламе имеет несколько значений: 1) глава суфийского братства, титул, равнозначный терминам *шейх*, *муриид*, *устад*, *ишан*, наставник послушников — *мюридов*, которые «вручают ему руку», обязуясь следовать всем его предписаниям и словам; 2) святой, покровитель какого-либо занятия.]
- 85 Эти строки цитируются у Бадауни (пер. У. Лоу, 260) и применяются им к собственному случаю.
- 86 Он явно имеет в виду, что было нечто неверное в его отношении, ибо он так и не излечился от своего отвращения к обществу.
- 87 Подразумевается стремление находиться в мире со всеми людьми.
- 88 Объяснение слова *бабириан* приводится в заключении «Аин-и-Акбари» (III. 412, пер. Г. Джарретта). Оно не означает друзей домочадцев Бабура, ибо эти люди уже давно умерли, а, скорее, людей тюркского происхождения.
- 89 *Рах заданд*. В первом значении — «петь», а здесь означает «существо замороженное или очарованное, а также ограбленное».

- ⁹⁰ *Накхан задан гирифт*. Стучать ногтями и вмешиваться.
- ⁹¹ *Накиш-и-шаидар* — фраза, взятая из игры в нарды, означающая площадку, на которой расположены игроки.
- ⁹² Открытие устрицы, когда к ней применяется сила, сравнивается с улыбкой.
- ⁹³ *Хада парасти*. Вероятно, означает его беспристрастность и то обстоятельство, что его друзья причиняют ему боль своими просьбами о милостях.
- ⁹⁴ *Банакд аз дости*. Вероятно, нужно читать *занг* (ржавчина) вместо *рандж* и перевести как «не могло образоваться ржавчины на монете любви».
- ⁹⁵ Это четверостишие приводится у Бадауни, 170 (пер. У. Лоу, 202). Риску предположить, что Блохмани неправильно понял замечания Бадауни, и последний считает, что Абу-л Фазл применил эти слова относительно себя, а не к *улама*, как он и делает здесь.
- ⁹⁶ Комментатор объясняет, что вторая стадия означает состояние пребывания в мире со всеми — *сулхкул*, третья — любви к каждому — *мухабат кул*, четвертая — единения с Господом (*манзил-и-васул*). Тогда и мыслей не будет о ком-либо, кроме Бога. И тот, кто прибыл туда, освободится от греха превращения кого-либо в соучастника Бога — *амбазири*.
- ⁹⁷ Это молитва о невозможности принять христианство? Или это всего лишь молитва, что он не может считать себя безгрешным? [Вероятно, здесь речь идет о понятии *таухида* (*иттихада*) — одной из основополагающих концепций ислама и суфизма, означающей единобожие, единение с Богом; принцип единства бытия, теомонизм.]
- ⁹⁸ *Имара нависи*. В тексте и Дополнениях 27, 247, стоит *аммара*, в литографиях (*иниша*) — *имара*, и слово расшифровывается как «расплата». Я думаю, местоимение верно, и смысл следующий: в результате человеческого тщеславия они думают, что люди, которые их критикуют, неправы, и потому не прислушиваются, что им говорят, и возвращают многочисленные тайные недостатки, которые выплывают наружу при исходной расплате. Час расплаты — это индуистское поверье и упоминается в «Аин-и-Акбари». Мусульмане также считают, что есть два ангела расплаты — *кираму-л-катибин*, и они ведут учет действий, которые оглашаются в судный день. [В мусульманской мифологии существует несколько классов ангелов, каждый из которых выполняет определенную задачу. Часть ангелов, называемых *мукаррабун*, находятся в постоянном поклонении Аллаху. Ангелы, называемые *кирам-ин катибин* (от *катиб* — писец), ведут счет земным делам людей и скрупулезно записывают в персональную книгу жизни деяния каждого человека. Другие ангелы исполняют роль защитников людей. Их называют *хафаза*. Части ангелов, во главе которых поставлен Азраил, поручено забирать души умерших людей. Их называют *малаика уль-маут*. Еще 2 ангела — Мункар и Накир — задают вопросы умершим, являясь в могилу после погребения. Еще 19 ангелов обязаны служить в аду (*джаханнам*) и называются *забани*.]
- ⁹⁹ Строки принадлежат Файзи, см. «Акбар-наме», III. 677. Комментаторы объясняют смысл стихов так: «Он враждует с самим собой и как же при таком положении дел может получить помощь?»; «Я изорвал свои покровы, возможно, смогу так добраться до собственного истинного «я». В литографии Мир Хасана приводится строка Хафиза о разрывании своего халата. *Даст-у-гарибан*, фраза, означающая близость к кому-то, а также развязывание войны или смуты («Бахар Аджам», 445 а).
- ¹⁰⁰ В тексте *екта шахид-и-ваджуд*, но верное прочтение — *ектаи*, как в литографиях и Дополнениях 27, 247. Литературное выражение, означающее, может быть, «уникальный муж из видимых свидетелей». [Аш-Шахид (Свидетель) — одно из 99 имен Аллаха. Он свидетель происходящего, от которого не может утаиться ни одно событие. *Ваджуд* (*ваджд*) — в суфийской практике особое экстатическое состояние, упоение от близости к Аллаху.]

- ¹⁰¹ В тексте — *досткан базармджуи* — любовник, страждущий почета. В рукописях встречается вариант *достан дар базар-и-размджуи* — друзья на рынке жажды войны.
- ¹⁰² Смысл в том, что его сердце сжимает печаль так же крепко, как Вамик обнимал Азру, и он чувствует то же отвращение к обществу, что и птица Анка, или Симург, когда бежал на Кавказ, и его больше никто никогда не видел. Вамик и Азра — двое известных персидских влюбленных. [Речь идет о героях поэмы Унсури «Вамик и Азра», сюжет которой не был настолько популярен, как сюжет «Фархад и Ширин» или «Лейли и Меджнун». Абу-л Касим Хасан ибн Ахмед Унсури (970 или 980 — 1039 гг.), персидский поэт, выходец из Балха. Впоследствии перебрался в Газну, где добился расположения султана Махмуда Газневи и получил звание царя поэтов (*малик аш-шуара*). Автор трех эпических поэм, две из которых не дошли до нас. В основе сохранившихся фрагментов поэмы «Вамик и Азра» лежит ранний рассказ об Александре Македонском. Из лирики известно примерно 50 касыд, 10 газелей, 70 рубаи. Для творчества Унсури характерны крайняя усложненность формы и обеднение тематики. Анка (перс. Симург) — мифическая птица, живущая в горах, в отдалении от людей. Космограф Аль Казвини в труде «Чудеса творения» утверждает, что Симург—Анка живет семьсот лет, и когда у него подрастает сын, отец разжигает костер и бросается в огонь.]
- ¹⁰³ Орывок о трех состояниях субстанции (*сихтан*) неясен и по-разному интерпретируется двумя комментаторами. В литографии Мир Хасана говорится (с. 293, на полях), что есть три состояния — три вида *нафс*, или духа, а именно: *нафс лавамма* — вспыльчивый дух, *нафс милхама* — вдохновленный дух, *нафс мутмаим* — удовлетворенный дух. Комментатор [книги] издательства Невала Кишора высмеивает эту точку зрения и говорит, что три состояния — это страх, надежда и смирение (см. с. 296, прим. 3). Вероятно, это мнение верно. См. пример Г. Блохманна, где Бадауни цитирует замечание шейха Тадж-ад-дина, а также примечание Г. Блохманна на с. 3, гласящее: «Ислам утверждает: *алиман байн-ул-хауфи варриджа* (вера стоит между страхом и надеждой)». Однако может стать, что *сихтан* — три великих подразделения суфиев, а именно *василан* (прибывшие), *саликан* (странники) и *мукиман* (пребывающие на одном месте). См. также термины суфизма, где названы три стадии — *тарикат*, *марифат* и *хакикат*. [Возможны различные интерпретации этого выражения Абу-л Фазла. А.А. Хисматуллин, например, пишет: «В исламе в целом, а в мусульманском мистицизме в частности существует такое понятие, как «достоверность» (*ал-йакин*). Оно составляет тот фундамент, на котором зиждется знание и, в конечном итоге, вера. Это понятие подразделяется на три составляющих степени достоверности, а именно: знание достоверности (*илм ал-йакин*), око достоверности (*айн ал-йакин*) и истина достоверности (*хакк ал-йакин*)». См.: А.А. Хисматуллин. Суфизм. СПб., 1999.]
- ¹⁰⁴ Комментатор (издательство Невала Кишора) пишет, что Абу-л Фазл имеет в виду многогранность своего состояния.
- ¹⁰⁵ В тексте *хавасмандана* — «подобно сластолюбцу», что совсем непонятно. В рукописи, Дополнениях 27, 247, — *хошмандана*, а в литографиях перед этим словом стоит *на*, и значение становится — как дурак.
- ¹⁰⁶ *Шараб*. Это может означать вино или любой напиток. Также употребляется в мистическом смысле — чистое молоко мира. [*Шараб* (перс.) — вино. Суфизм тесно связан с идеей любви к Богу, которая может принимать характер исступления, «опьянения» Богом (отсюда и метафоры вина и опьянения в суфийской поэзии). Для суфизма вино являлось средством достижения экстаза, в котором растворялась личность, отчуждаясь от всего земного и сливаясь с абсолютным Божественным началом. Образ вина выступает в суфизме предельно полисемантическим: 1) алкоголь как таковой в исходном богатстве

его культурных значений; 2) в мусульманском контексте запрета на винопитие — символ свободы и реализованного индивидуального выбора; 3) в аллегорической системе суфизма категория опьянения символизирует предэкстатическое состояние суфия; 4) в контексте традиционного жанра восточной лирики *хамрийат* («винная поэзия») вино — это средство самовыражения внутренних состояний личности; 5) в контексте идеи вечного круговорота вещества вино, заключенное в глиняный («из праха») сосуд, выступает семантическим аналогом духа, заключенного в бrenное тело.]

- ¹⁰⁷ *Хатима*, или заключение второго тома, только что завершённое, и заключение первого тома имеются в «Инша» и в рукописи Британского музея, Дополнениях 27, 247, лист 237 а, а также в других манускриптах «Акбар-наме», но их нет в издании «Bibliotheca Indica». Оно относится к повествованию сорокового года. На самом же деле Абу-л Фазл не дожил до конца второго *карана*, то есть до шестидесятилетия Акбара. Акбар родился 15 октября 1542 г., а Абу-л Фазл был убит 12 августа 1602 г., на 47-м году правления Акбара, или за два месяца до завершения второго *карана*. И его история не была доведена до окончания 46-го года, то есть марта 1602 г. Вторая *хатима* значительно короче первой, и Абу-л Фазл, должно быть, написал ее в предвидении завершения цикла, в пересчете на солнечные годы. Однако если он считал по лунным годам, то второй цикл завершился 5 раджаба 1009 г.х. (Акбар родился в 949 г.х.), за 20 месяцев до смерти Абу-л Фазла, произошедшей 4 раби ал-аввала 1011 г.х. По расположению *хатимы* в первом томе можно судить, что Абу-л Фазл собирался отсчитывать *караны* по солнечным годам, ибо помещает заключение в середину 17-го года [правления]. Таким образом, тот год начался 25 шаввала 979 г.х. (11 марта 1572 г.), то есть более чем через три месяца после завершения третьего лунного года, значит, после 5 раджаба 979 г.х. Язык Абу-л Фазла в начале второй *хатимы* наводит на мысль, что *каран* не закончился, ибо он говорит, что часть событий второго *карана* была описана. Но это всего лишь может означать, что он описал далеко не всё, что произошло. Из «Акбар-наме», III. 3, видно, что Абу-л Фазлу приказали соотнести начало второго цикла с датой рождения Акбара. [*Хатима* — заключение — согласно сложившейся в исламе литературной традиции было неотъемлемой частью любого исторического труда. Обычно хроника, прежде всего придворная, включала предисловие автора (*дибаче*), введение (*мукаддима*), три или более разделов (*фасл*) и заключение (*хатима*).]

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Аадил**, см. Адил-хан
Аалам Шах Бадахши 137
Аалам-хан, см. Чалма бек
Абд-ал-Каддус Гангуи, шейх 83
Абд-ал-ла (Абдуми), сын Ходжа Мурад бека 135
Абд-ал-лах Султанпури (из Султанпура) 51, 104
Абд-ал-лах Могол (Мугал, Мугул) **мирза** 49
Абд-ал-лах-хан из Турана, см. Убайд-ал-лах-хан Шейбанид
Абд-ал-лах-хан Узбек, Шуджаат-хан 54, 57-60, 62, 63, 87, 107, 221
Абд-ал-Маджид, см. Ходжа Абд-ал-Маджид
Абд-ал-Матлаб (Маталиб, Матлиб)-**хан**, сын Шах Будаг-хана 15, 93, 97, 98, 129
Абд-ар-Рахман бек, сын Мир Тулака Кадими 70
Абд-ар-Рашид, сын Саид-хана Кашгари 21
Абдулла-хан Узбек, см. Убайд-ал-лах-хан Шейбанид
Абд-ун-Наби, шейх 83, 104
Абу-л-маали, см. Шах Абу-л-маали
Абу-л Маали топчи (тупчи) 13
Абу-л-Музаффар Джалал-ад-дин Мухаммад Акбар, см. Акбар
Абу-л Фазл Аллами, сын шейха Мубарака Нагори (1551–1602) 136, 237
Абу-л Файз Файзи (Абу-л Файз ибн Мубарак Нагори Файзи Файзази) (1547–1595) 66, 144, 145, 151, 240, 241, 246, 253
Абу-л Фатх, сын Фазиль бека 9-11, 35
Абу-л Фатх Джалал-ад-дин Мухаммад Акбар, см. Акбар
Аваз-хан 101
Аваз-хан, сын Салим-хана 51
Адил-хан, сын Шах Мухаммада Кандагари 93, 129, 130, 162, 177
Адхам, сын муллы Китабдара 55
Адхар Каятх 42, 43, 45
Азиз Кокалташ, см. Мирза Азиз Кокалташ
Азиз Мухаммад Кокалташ (Азиз Кока, Мирза Кока), сын Атка-хана, см. Мирза Азиз Кокалташ
Азиз Кокалташ 215
Айссар Дас Чохан (Чаухан) 168, 169
Ак Мухаммад 43, 44
Акбар (Акбар шах) (1543–1605) 5, 7-8, 12, 14-34, 35, 42, 43, 47-56, 58-84, 86-88, 90-94, 96-100, 102, 104, 106, 108, 110, 113, 114, 116-120, 122-145, 150-152, 155, 157, 159-188, 190-193, 195-203, 205-218, 220-222, 225, 227-229, 236, 241, 242, 247, 248, 253
Акил Хусейн мирза, сын Мухаммад Султан мирзы 117
Ала-ад-дин, рай 209
Ала-ад-дин Лари, маулана 51
Ала-ад-дин Лоди, см. Султан Ала-ад-дин Лоди
Ала-ад-дин Хильджи, султан 170, 187
Ал-аман (Аламан), сын Хумаюна 77
Алам-хан Лоди, см. Султан Ала-ад-дин Лоди
Али Акбар, отец Хамиды Бану, см. Баба Дост
Али Кули Хан Заман, см. Али Кули Шайбани
Али Кули-хан, см. Али Кули Шайбани
Али Кули Шайбани, сын Хайдара Шайбани 17, 47, 51-53, 77, 84-86, 88, 92, 93-97, 99-104, 106-108, 117, 118, 121-124, 126-140, 172, 173, 220
Али Мухаммад Асп 7, 11, 70
Али Халифа Маргинани (Ходжа Халифа), сын Джунанда 213, 214
Алиф-хан, см. Гияс-ад-дин Балбан
Аман Дас (Аман-хан), сын Арджан Даса 40, 41
Амин-хан Гори 223
Амир Бабус, см. Бабус бек
Амир бек (хан) 85

*Именной и географический указатели приводятся только по тексту источника.

Амир Муртаза, см. Мир Муртаза
 Шарифи
Амир Хамза 56
Амир Хосров Дехлеви, см. Хосров
 Дехлеви
Амир Хусру, см. Хосров Дехлеви
Ананд Кур 126
Анвар, Аухад-ад-дин 153
Араби, см. Ибн Араби
Арджан Дас (Санграм Шахи, Санграм Са)
 40, 411
Арджан Дас Баис 44
Арзани 135
Аристотель 148
Ариф бек 73
Асад-ал-лах-хан 173
Асаф-хан, см. Ходжа Абд-ал-Маджид
Аскар мирза, сын Бабура (1516–1558) 137
Атага-хан, см. Шамс-ад-дин Мухаммад-хан
Атка-хан, см. Шамс-ад-дин Мухаммад-хан
Аттар, Фарид-ад-дин Абу Хамид Мухаммад
 ибн Абу Бакр Ибрахим ибн Исхак Аттар
 Кадкани Нишапури 153
Афлатун, см. Платон
Ахмад бек 27, 28
Ахмад-хан Сур, см. Сикандар-хан Сур
Ахмад-шах, сын Мухаммад-шаха Хилджи
Ахсикети, Асир-ад-дин 153
Аху-и-харама 94
Ашраф-хан, см. Мир Мухаммад Мунши
Баба-хан Какшал, см. Бабаи Какшал
Бабур, см. Захир-ад-дин Мухаммад Бабур
Бабус (Бапус, Амир Бабус) бек 7, 10
Бабаи Какшал 43, 95, 133, 178, 224
Бадх Чанд, раджа 224
Баз Бахадур, сын Суджавал-хана 42, 64,
 207
Байкара мирза, сын Султан Мансура
 мирзы 116
Байкара мирза, сын Омар Шейха мирзы,
 Тимурид 116
Байрам-хан Хан-ханан (ок. 1510–1561)
 25, 49, 52, 99, 106
Баки Какшал 36, 70, 71, 74, 111, 112
Баки Мухаммад-хан Баклани (Баки-хан
 из Баклана) 115, 116, 213

Баки-хан 93, 97
Балбан, см. Гияс-ад-дин Балбан, султан
Балви Соланги, рабат 160
Банда Али Майдани 70
Банси Дас Канбу 134
Бапус, см. Бабус
Бара Мал, см. Бихари Мал
Барсингх Део, дед Рам Чанда 41
Баха-ад-дин Маджзуб 187
Баха-ад-дин-хан 71
Бахадур-хан, сын Вазир-хана 121, 178,
 226
Бахадур-хан, сын Хайдара Шайбани, брат
 Али Кули-хана 51, 52, 85-86, 88, 93, 96,
 97, 100, 102, 103, 121, 123, 124, 126-131,
 133-136, 138, 139, 172
Бахадур-хан Гуджарати, см. Султан
 Бахадур
Бахан Кучин (Каучин) 9
Бахарджи 207
Бахари Мал, см. Бихари Мал
Баязид, см. Шейх Баязид
Баязид бек, см. Шейх Баязид
Баязид (Абу Йазид ал-Бистами) 149
Бек Мухаммад-хан 226
Бек Нур-ад-дин 93
Бек Нури-хан 208, 226
Бек Огли, сын Мубарак-хана 214
Биби (Агаи) Сарв Кад (Сарв Сахи) 93
Биби Фатима (Хани Фатима) 49
Бидаг-хан Каджар (Будаг-хан) 28, 85,
 86, 93, 97, 98, 129, 159, 178, 179, 226
Биджли-хан, сын Бихар-хана 189
Бика Махам Анага, см. Махам Анага
Бипакдас (?) Сакрвал 186
Бир Бар (Бирбар), см. Бирбал
Бир Бахан, сын Барсингх Део 41
Бир Нараян (Вир Нараян, Бир Са) 42
Бир Са, см. Бир Нараян
Бирбал 191, 224
Бихари Мал Качваха (Каччваха), раджа
 229
Бхагван (Бхагвант, Бхагавант) **Дас**
Каччваха, раджа 101, 130, 167, 186, 188,
 208
Бхайя Пуран Мал, см. Пуран Мал

- Бходж**, сын Сурджана 186
Бходж Каитха 46
Вазир-хан, брат Асаф-хана 43, 51, 91, 108, 121, 160, 163
Вазир Джамил 61, 133
Ваис Кибчак (Султан Ваис) 173
Вали Атка, см. Шах Вали Атка
Вали Ниямат, см. Харам бегим
Вали бек Зулкадр 23, 49
Вир Нараян, см. Бир Нараян
Гада Али тулакчи 85
Гази-хан Таннури (Танур, Сур) 5, 6
Галиб, раб 135
Галиб-хан (бек) 71
Гани-хан, сын Муним-хана 7-10, 12
Гити-ситани Фирдус-макани (Завоеватель мира, ожидающий в Раю), см. Захир-ад-дин Мухаммад Бабур
Гияс-ад-дин Али, Асаф-хан 79, 129
Гияс-ад-дин Али из Казвина, см. Гияс-ад-дин Али мирза
Гияс-ад-дин Али мирза, Накиб-хан 93, 94, 179
Гияс-ад-дин Балбан, султан 209
Гобинд Дас Качваха 42
Гурган, см. Тимур
Давлат (Даулат)-хан 97
Далпат Дас, сын Аман Даса 40-42
Дана Кули 28
Даниял, сын Акбара 156, 227, 228
Дарбар-хан (Мулла Инаят) 56, 58, 130, 188, 198
Дарвеш Мухаммад Узбек (Дервиш бек, хан) 25
Дастам-хан 15, 50, 58, 61, 130, 177
Дауд-хан, фаудждар 97
Даулат-хан, см. Давлат-хан
Део султан, сын Дарбар-хана 198
Дервиш Узбек, см. Дарвеш Мухаммад Узбек
Джабар Барди бек 13
Джаббар Кули Дивана 167
Джагмал (Джаймал) 23, 198
Джагман 66
Джаджхар-хан (Джаджхар Санграм) 179
Джай Тавачи 138
Джаймал, см. Джагмал
Джаймал Ратхор 168
Джалал из Бхимбара 210, 211
Джалал-ад-дин Мухаммад Акбар (1543–1605), см. Акбар
Джалал-ад-дин Хизр-хан, см. Хизр-хан
Джалал-хан Сур (Салим-хан, Ислам-хан, Ислам-шах), сын Шер-хана (прав. 1545–1554) 18, 76, 101
Джалал-хан Курчи 107-108, 165
Джамал-хан Билуч (Балуч) 93
Джан Баба 213
Джан Баки-хан 123, 126
Джан бек, брат Шер бека 164
Джан Мухаммад Бахсуди (Бахасуди), султан, хан 19, 72
Джафар султан (Джафар-хан), сын Каззак султана 101
Джаханбани Джаннат-ашияни, см. Хумаюн
Джахангир, см. Салим
Джоги, сын Арджан Даса 41
Джунаид Карарани 104, 122
Дост Мухаммад 99
Дост-хан Сахари 178
Дуду, сын Сурджана 186
Дургавати, см. Рани Дургавати
Дхарм Чанд, см. Рам Чанд Багхела
Зайн-ал-абдин 225
Зарб Али Тувачи 171
Захир, см. Фарьяби
Захир-ад-дин Мухаммад Бабур, Тимурид (1483–1530) 12, 13, 21, 93, 116, 213
Захра Ага 49, 50
Ибн Араби (Абу Баقر Мухаммад бек Али Аш-шайх ал-акбар Мухий-ад-дин Ибн ал-Араби) (1165–1240) 157
Ибрахим Сур 90
Ибрахим-хан Узбек 51, 85-86, 95, 96, 127, 173
Ибрахим Хусейн, сын Мухаммад Султан мирзы 117, 118, 178, 179
Иди Сармаст 11-13, 36
Имад Карарани 104
Имад-ал-мулк Хасахайл 223
Инсан Бахши 58

- Иса** (Иисус) 30
Искандар Афган, см. Искандар-хан Сур
Искандар бек 27, 28
Искандар (Сикандар) **мирза**, сын Улут Мирзы, Улут Мирза 116, 117
Искандар-хан Сур (Ахмад-хан) 138-140
Искандар-хан Узбек 85-88, 93, 97, 98, 103, 107, 117, 123, 127, 129, 130, 162, 166, 220
Ислам-шах (Салим-шах), см. Джалал-хан Сур
Исмаил (из Читора) 166
Исмаил Кули-хан, брат Хусейн Кули-хана 23, 27, 28, 181
Исфандияр 9
Исфаранги, Сайф-ад-дин 153
Итимад-хан 57, 58, 60, 61, 63, 64, 97, 98, 161, 162, 223, 224
Ихтияр-хан, фаудждар 162
Йусуф (Юсуф) (библ. Иосиф) 237
Кабир-хан 162, 164
Кабул-хан 210, 211
Кавим-хан, сын Шуджаат-хана 27
Кадам-хан, см. Катлак Кадам-хан
Кази Али Багдади 162
Кази Имад 72
Кази-хан Бадахши (Кази Низам) 71, 115
Кази Шайб 209
Какар Али-хан 109
Кала Пахар 94
Калмак Бахадур 97
Кама-хан Кабули, котвал 7
Камал-хан Гакхар (Гхаккар), сын Султан Саранга 17-20, 72, 73, 75
Камал-хан, сын Султан Ала-ад-дина Лоди 114
Камал-ад-дин Мухибб Али Халифа, см. Мухибб Али Халифа
Камбар Али Дивана 72-74
Камлавати 47
Канд, маулана 196
Кантх Саджават 187
Канур Кальян Бакхила 46
Капур Део, раджа 19
Кара Бахадур-хан мирза, брат Хайдара Гургана 64
Кара Ятим 70
Карамсан (Карм Чанд) 97
Касим Арслан 68
Касим Машки 173
Касим бек, парванчи 70
Касим-хан, мир барр-у-бахр 82, 101, 163, 166, 185
Касим-хан Кока 213
Катлак Фаулад 31
Катлак (Кутлук) **Кадам-хан** 50, 58, 61, 97, 118, 226
Катлак-хан, см. Катлак Кадам-хан
Кахан, брат Рай Калиян Мала 207
Кахмард бек, см. Мир Хашим
Качак (Кичик) **Али** 95, 173
Кийя бек Джуан, см. Кийя-хан Ганг
Кийя-хан Ганг (Канг) 87, 93, 97, 98, 129
Кир, см. Хусрав
Кирмани, Хаджу (Ходжа) 153
Кису Пури 125
Кули-хан 72, 73
Кули-хан Бирлас (Барлас), см. Мухаммад Кули-хан Барлас
Кулидж-хан 58, 61, 77, 92, 120, 129, 137, 179, 226
Кутб-ад-дин Мухаммад-хан 19, 72, 73, 181
Кутб-ад-дин-хан 72, 75, 113, 114, 124
Кутб-хан 124
Кучак Али-хан, см. Качак (Кичик) Али
Кхарджи 40
Лал-хан Бадахши 173
Лашкари, сын Султан Адама 19, 20
Лашкар-хан, мир бахши 79, 97, 106, 215, 216
Лашкар-хан, см. Султан Али
Лоди 173, 174
Лукман 149
Магис-ад-дин (Мир Магис-ад-дин, Мугис-ад-дин) 8
Маджнун-хан Какшал 51, 85, 86, 95, 101, 122, 127, 129, 131-133, 190
Макбил-хан, см. Муқбил-хан
Максуд Джаухари 72
Малдео (Мал Део, Рай Малдео) 24, 207

- Маллу-хан** 51
Ман Брахман 42
Мангали-хан (Манкали), см. Сулейман Манкали
Мани 155
Марди Мухаммад Майдани 36
Маскин Кучин (Мискин Каучин) 9
Масуд Хусейн мирза, сын Мухаммад Султан мирзы 117
Масум Кабули 11, 110
Масум-хан Фаранхуди 58, 61, 93, 97, 114, 115
Матлаб-хан, см. Абд-ал-Матлаб-хан
Матталиб-хан, см. Абд-ал-Матлаб-хан
Маттар Сен, раджа 97
Маулана Абд-ал-лах, см. Абд-ал-лах Султанпури (из Султанпура)
Маулана Джалал-ад-дин, см. Пир Мухаммад-хан Ширвани
Маулана Джалал-ад-дин Даввани 21
Маулана Пир Мухаммад Ширвани, см. Пир Мухаммад-хан Ширвани
Мах Джуджак (Чучак) бегим 7, 10-12, 34, 35
Махам Анага (Ага, Беги) 30
Махапаттар 90
Махасан-хан, брат Шихаб-ад-дин Ахмад-хана 36
Махаракх Брахман 46
Махди Касим-хан 19, 72, 108, 109, 113, 114, 184
Махди Ходжа, сын Муса Ходжи 38
Махдум-ал-мулк, см. Абд-ал-лах Султанпури
Махмуд Барха 226
Махмуд-хан Лоди, сын Султан Сикандара Лоди, Махмуд султан (1510—1531) 159, 178
Мехтар Сумбул (Сунбул) **Сафдар** (Сабдал)-хан (Михтар Сумбул) 178
Мийян Бхикари Руми 46
Мир Абд-ал-Латиф, см. Абд-ал-Латиф
Мир Азиз-ал-лах, см. Мирза Азиз-ал-лах
Мир Али Акбар 15, 56, 61, 97
Мир Али Кулаби 27
Мир Газнави, см. Шамс-ад-дин Мухаммад
Мир Гесу (Сайид Махмуд Гесу Дараз) 27
Мир Гияс-ад-дин Али, Накиб-хан 56
Мир Дост Мухаммад, см. Дост Мухаммад
Мир Зу-л-нун 214
Мир Китабдар, мулла 55
Мир Муизз-ал-мулк 56, 58, 61, 62, 93, 96, 97, 118
Мир Мунши, см. Мир Мухаммад Мунши
Мир Муртаза (Амир Муртаза), см. Мир Муртаза Шарифи
Мир Муртаза Шарифи 53, 104
Мир Мухаммад Касим, см. Мухаммад Касим-хан из Нишапура
Мир Мухаммад Мунши (Мир Мунши) 57, 58, 61, 85, 95, 100, 102, 103, 178, 179, 226
Мир Мухаммад Нишапури, см. Мухаммад Касим-хан из Нишапура
Мир Мухаммад-хан Калан (Килан), брат Шамс-ад-дина Атки 19, 72, 73, 75, 76, 113, 124, 180, 181, 206, 226
Мир Султан Ваис Кибчак, см. Ваис Кибчак
Мир Тулак Кадими 70
Мир Халифа, см. Али Халифа
Мир Хашим 173
Мир Фарагат, см. Тахир Мухаммад-хан Мир Фарагат
Мир Хади Низам Ака 95
Мир Шах Бадахши 137
Мир-хан 94
Мирак (Мирам) **Бахадур** 11, 23, 164
Мирак Бахадур 164
Мирак Резави (Разави) 104, 123, 126, 137
Мирак-хан Кулаби 164
Миран Мубарик шах 63, 64
Мирза Азиз Кокалташ 15, 57, 61, 67, 109, 120, 130, 132, 181, 221
Мирза Азиз-ал-лах, диван 179
Мирза бек Балуч (Билуч) 164
Мирза бек Какшал 135
Мирза бек, племянник Ходжа Джахана 95
Мирза Иса 115, 213
Мирза Кока, см. Азиз Мухаммад Кокалташ
Мирза Мирак Резави, см. Мирак Резави
Мирза Наджат 101
Мирза Хасан, см. Шах Хусейн

Мирза Хасан-хан, см. Хасан-хан, брат Шихаб-ад-дин Ахмад-хана
Мирза Хизр-хан Хазара, см. Хизр-хан Хазара
Мирза Хусейн, сын Акбара 68
Мирза Шах султан, см. Мухаммад Султан мирза, сын Улут Мирзы
Мирза Шах Хусейн бек, см. Шах Хусейн бек
Мирза Юсуф, см. Юсуф Мирза
Мирзада Али-хан 59, 226
Мириам-макани, см. Хамида Бану
Мискин Кучин, см. Маскин Кучин
Мискин Тархан 213
Михр Али-хан Силдуз 226
Михтар-хан 187
Михтар Сакаи, Фархат-хан (Фархад) 138
Мубараз-хан 172
Мубарак Нагори, шейх, отец Абу-л Фазла 136, 144-146, 231, 246, 253
Мубарак-хан, хасахель 214
Мубарик-хан Билуч 45
Мубариз-хан, см. Мухаммад Адил
Муджахид-хан Мултани 213, 214
Музаффар Али, см. Ходжа Музаффар Али Тарбати
Музаффар Могол 24, 129
Музаффар шах, см. Нанну
Музаффар Хусейн 215
Музаффар-хан, см. Ходжа Музаффар Али Тарбати
Муин-ад-дин Ахмад-хан Фаранхуди, см. Муин-хан Фаранхуди
Муин-ад-дин Чишти, см. Ходжа Муин-ад-дин Чишти
Муин-хан Фаранхуди 24, 87, 104
Мукарраб-хан (Мукарриб) Деккани 63, 118
Мукбил-хан (Макбул, Макбил) 50, 51
Муким мирза 213
Муким-хан, Шуджаат-хан 58, 62
Мукун-хан 61
Мукунд Део, раджа 90
Мулла Абд-ал-лах Султанпури, см. Абд-ал-лах Султанпури
Мулла Нур-ад-дин Мухаммад Тархан, см. Нур-ад-дин Мухаммад Тархан

Муним Мухаммад Касим-хан из Нишапура, см. Мухаммад Касим-хан из Нишапура
Муним-хан, Хан-ханан 13-15, 28, 55, 57, 58, 60, 61, 87, 91, 93-96, 100-102, 104-106, 114-116, 118, 123, 126, 128, 136-138, 172-174, 189, 204-205, 220
Мурад бек 61
Мурад, сын Акбара 156, 205, 215
Мурад Ходжа 70
Муса (Моисей) 155
Муса-хан Фулади 223
Мутталиб-хан 61
Мухаммад Адил (Мубариз-хан, Адали) 71
Мухаммад Амин Дивана 85, 86, 97, 122, 126
Мухаммад Байрам-хан Хан-ханан, см. Байрам-хан Хан-ханан
Мухаммад Баки-хан Баглани, см. Баки Мухаммад-хан Баклани
Мухаммад Касим (Касим-хан), мир бахр, см. Касим-хан
Мухаммад Касим Кохбар (Кухбур) 36, 37
Мухаммад Касим-хан из Нишапура(?) 57-59, 61
Мухаммад Кули-хан Барлас (Бирлас) 12, 72, 118, 129, 138-140, 226
Мухаммад Кули Тукбай (Токбай) 23, 226
Мухаммад Кули Шигали 111, 114, 115
Мухаммад Махди Ходжа, см. Махди Ходжа
Мухаммад Мурад мирза (хан) 43, 159, 178, 179
Мухаммад Садик-хан 23, 27, 28, 178, 179, 208, 226
Мухаммад Салх (Салих) 164
Мухаммад Санджар, сын Хизр-хана Хазара 11
Мухаммад Султан мирза, сын Султан Ваис мирзы, Барлас 116, 141, 159
Мухаммад Султан мирза, сын Улут Мирзы, внук Мухаммад Султан мирзы 117
Мухаммад Талиб 66
Мухаммад Хаким мирза, сын Хумаюна, брат Акбара 7, 9, 10, 12-13, 34-37, 70-72, 74, 75, 110-114, 117, 123, 127, 180, 224
Мухаммад Хусейн, курбеги 58

- Мухаммад Хусейн**, сын Мухаммад Султан мирзы 117, 118, 178
- Мухаммад Яр** 97, 98
- Мухаммад-хан** 72, 172
- Муhib6 Али Халифа**, сын Али Халифы (Муhib6 Али-хан) 43, 132, 173, 213, 214
- Муhib6 Али-хан**, см. Муhib6 Али Халифа
- Назир** (Назр, Назар) Бахадур 43, 133, 134, 144
- Назир Мухаммад** 44
- Назр Бахадур**, см. Назир Бахадур
- Накиб-хан**, см. Мир Гияс-ад-дин Али
- Нанну** 223, 224
- Насир Кули Узбек** (Амир Насир Кули) 97, 98
- Насир-ад-дин Мухаммад Хумаюн**, сын Бабура, отец Акбара (1508–1556), см. Хумаюн
- Насир-ад-дин Ходжа Абдаллах** (Убайд Аллах) Ахрар (Ходжа Ахрар) (?–1498) 20
- Насир-ал-мулк**, см. Пир Мухаммад Ширвани
- Нахид бегим**, дочь Касим-хана Коки 213
- Низам-ад-дин Авлия** (Аулия), шейх (1236–1325) 30
- Низам-ад-дин Али Халифа**, см. Али Халифа
- Низам-ад-дин Дервиш Мухаммад Сарбан**, см. Дарвеш Мухаммад
- Низам-ал-мулк** из Декана 207
- Нур Мухаммад**, сын Шер Мухаммада 122
- Нур-ад-дин Мухаммад Тархан** 99
- Нур-ад-дин Тархан**, см. Нур-ад-дин Мухаммад Тархан
- Нух** (библ. Ной) 150
- Нух ибн Мансур Самани** (976–997) 152
- Пийанда** (Паянда) Мухаммад Панч Бхийя 64
- Пата Сингх Сисодия** 168, 170
- Патр Дас** (Рай Паттар Дас) 61, 97, 139, 162
- Пешрау-хан** (Пешру) 50
- Пир Мухаммад-хан Ширвани** 112
- Платон** (Афлатун-и-Юнани) 246
- Пуран Мал**, раджа 187
- Равал Хар Рай** 207
- Рай Калиян Мал** 207
- Рай Малдео**, см. Малдео
- Рай Пармананд** 90
- Рай Патр** (Паттар) Дас, см. Патр Дас
- Рай Рай Сингх**, сын Рай Калиян Мала 207
- Рай Сал Дарбари** 97
- Рай Сурджан**, см. Сурджан
- Рам Рай**, сын Малдео 24
- Рам Чанд Багхела** 5, 6, 19, 41, 189
- Рана**, сын Рана Санга, см. Удай Сингх
- Рани Дургавати** 40, 42–47, 79
- Рафи-ад-дин Лунбани** 154
- Рахман Кули-хан**, кушбеги 61, 139
- Руми-хан Халаби**, см. Устад Азиз Систани
- Рустам** 152, 180, 244
- Рустам-хан** 179
- Саади Ширази**, Абу Мухаммад Абд-ал-лах Муслех-ад-дин ибн Мушараф-ад-дин 153
- Сабдал-хан**, см. Мехтар Сумбул
- Сад Рахмат Узбек** 97
- Садик-хан**, см. Мухаммад Садик-хан
- Садр-хан**, см. Хизр-хан
- Саид Бадахши** 66
- Саид-хан** 71, 93
- Саид-хан**, см. Султан Саид-хан Кашгари
- Саиф-хан Кока**, сын Ходжа Максуда 15, 130
- Сайид Абд-ал-лах-хан** 59, 226
- Сайид Али Муртаза**, см. Мир Муртаза Шарифи
- Сайид Ахмад Барха** 164, 226
- Сайид Ахмад-хан**, см. Сайид Ахмад Барха
- Сайид Джамал-ад-дин Барха** 130, 164
- Сайид Махмуд Барха**, см. Махмуд Барха
- Сайид Махмуд-хан**, см. Махмуд Барха
- Сайид Мубарак** 223
- Сайид Мухаммад Махди Ходжа**, см. Махди Ходжа
- Сайид Мухаммад Мауджи** 129
- Сайид Хамид**, внук Сайид Мубарака 223
- Сайид Хусейн Ханг-сувар** 225
- Саиф-хан Кокалташ** 61
- Сакат Сингх**, сын раны Удай Сингха 143
- Саки Таранби** 73

- Сакина Бану бегим** 75
- Салим** (тронное имя Джахангир), сын Акбара 156, 195, 203
- Салим-хан**, см. Джалал-хан Сур
- Салим-хан Харвар** 93
- Салим Чишти**, шейх 193, 216, 217
- Сальбахан**, раджа 40
- Саманджи-хан**, сын Чалма бека 59, 178
- Санаани** 149
- Сангин Дас**, сын Кхарджи 40
- Санграм-хан**, см. Джаджхар-хан
- Санграм Са**, см. Аман Дас
- Санграм Шахи**, см. Аман Дас
- Санда Сипахдар** 163
- Сафдар-хан**, см. Мехтар Сумбул
- Сахбан бен Ванль** 150
- Сахиб Каран Кутбу-д-дунья ва-д-дин Амир Тимур Гурган**, Сахиб Карани (Кирани), см. Тимур
- Сахиб-хан Ратхор** 163, 168
- Сеондж Сидхи Махи** 7
- Сикандар Лоди** (прав. 1489—1517) 41
- Сикандар**, сын Мухаммад Санджара 11
- Сикандар мирза**, см. Искандар мирза
- Сикандар-хан**, см. Искандар-хан Узбек
- Сикандар-хан Сур** (Ахмад-хан), см. Искандар-хан Сур
- Сикандар-хан Узбек**, см. Искандар-хан Узбек
- Сиондук** (Сиундук, Сиундак) 11, 70
- Сомнатх** 135
- Суджавал-хан** (Шуджаат-хан) 27, 91, 92, 130, 138, 163, 167, 202
- Сулейман** (библ. Соломон) 147, 154
- Сулейман**, правитель Бенгалии 76
- Сулейман Афган** 220
- Сулейман Карарани** 52, 90, 92, 104, 172-174
- Сулейман Кули** 140
- Сулейман Манкали** 94
- Сулейман мирза**, сын Султан Ваис хана, Чагатанд 37, 38, 70-74, 110-115
- Сулейман Узбек** 220
- Султан Адам Гхаккар** (Гакхар) 14, 17-20
- Султан Ала-ад-дин Лоди**, сын Султан Бахлула Лоди 47
- Султан Ала-ад-дин Хильджи**, см. Ала-ад-дин Хильджи
- Султан Али**, Лашкар-хан 61, 113
- Султан Ахмад из Гуджарата**, см. Султан Махмуд
- Султан Бахадур**, сын Султан Музаффара Гуджерати, Танк (?—1537; прав. 1526—1537) 40
- Султан Ваис Кибчак**, см. Ваис Кибчак
- Султан Ваис мирза**, сын Байкара мирзы 116
- Султан Джалал-ад-дин**, см. Хизр-хан
- Султан Кули Халдар** 85
- Султан Мансур мирза**, сын Байкара мирзы, Тимурид 116
- Султан Махмуд-хан Бакари** (из Бхаккара) 69, 116, 213, 214
- Султан Махмуд** из Гуджарата 223
- Султан Мухаммад Бакари**, см. Султан Махмуд-хан Бакари
- Султан Мухаммад Кабак** 94
- Султан Мухаммад Мираб** 94
- Султан Саид-хан Кашгари**, Чагатаид 21
- Султан Салим**, см. Салим (Джахангир)
- Султан Саранг Гхаккар** (Гакхар) 18, 19
- Султан Сикандар Лоди**, см. Сикандар Лоди
- Султан Сикандар**, см. Искандар-хан Сур
- Султан Сулейман мирза**, см. Сулейман мирза, Чагатанд
- Султан Хусейн мирза**, сын Мансура, Тимурид 116
- Сумбул-хан**, см. Мехтар Сумбул
- Сурджан** (Сарджан) 144, 186, 187
- Сурджан Хара** 184
- Табаси**, Шамс-ад-дин Мухаммад 153
- Тадж-хан Карарани** 172
- Таймур-хан** (Тимур, Таймур) Икка 12, 13, 61, 95
- Тайфур Абу Йазид ибн Иса Бистами**, см. Баязид
- Тайфури**, см. Баязид
- Тангри** (Тингри) Барди, кушбеги 70
- Тарсун Мухаммад-хан** 87
- Тархан Дивана** 23
- Татар-хан** 28, 126
- Татар-хан**, см. Ходжа Тахир Мухаммад

- Тахир Мухаммад-хан Мир Фарагат** 50
Тахмасп I Сефеви (Сафави), шах (1514–1576) 69
 Амир **Тимур Гурган** (Тамерлан) (1336–1405) 116, 151
Тимур Икка, см. Таймур-хан
Тодар Мал, раджа 61, 96, 98, 129, 139, 163, 166, 186
Тулак-хан Кочин (Каучин, Кучин) 8
Туфан Ауджи 71
Убайд-ал-лах-хан Бахадур-хан, Шейбанид (прав. 1533 (факт. 1510)–1539) 213
Удай Сингх, рана 143, 207
Улуг Мирза, сын Мухаммад Султан мирзы 117
Умани, Асир-ад-дин 153
Умед Али 38
Устад Азиз Систани, Руми-хан 28
Устад Йусуф Маудуд 97
Фазил Мухаммад 72, 73
Фазиль бек (Фазил бек), брат Муним-хана 7, 9-11, 35
 аль-**Фараздак**, Абу Фирас Хаммам бин Галиб 154
Фарид-ад-дин Аттар, см. Аттар
Фарид Шакаргандж (Ганджшакар) 208, 209, 212
Фарид Шер-хан (Шер-шах) **Сур** (прав. 1540–1545) 18, 76
Фаридун, дядя Мухаммад Хакима 112, 113
Фаррух (Фаррах) **Хусейн-хан**, сын Салим шаха 101
Фаррух-шах Кабули 209
Фархад (Фархат)-хан, см. Михтар Сакаи
Фарьяби, Захир-ад-дин Абу-л Фазл Тахир 153
Фатту 97, 224
Фатту Афган 93
Фатх-хан Патни (из Патны) 51, 76, 77, 92
Фахри Ниса (Фахру-н-ниса) **бегим**, дочь Хумаюна 35
Фирдоуси, Абу-л Касим 148, 152
Фируз 70, 76
Хабр-хан (Хабар-хан) 122
Хаджи Алтамиш 221
Хаджи бегим (Бега бегим), жена Хумаюна 77, 177, 213
Хаджи Мухаммад-хан Систани 61, 95, 118, 129, 159
Хаджи Углан 139
Хаджи Юсуф 129
Хаджи-хан Систани, см. Хаджи Мухаммад-хан Систани
Хайдар Касим бек Кохбар 11, 12, 36, 37
Хайдар Мухаммад Ахтабеги (Хайдар Мухаммад-хан Атка Беги) 12, 13, 95, 226
Хаки Галлабан 71
Хаким Аин-ал-мулк 30, 61, 63, 107, 193
Хаким-ал-мулк, см. Шамс-ад-дин Хаким-ал-мулк
Хаксар Султан 61
Халифа, см. Али Халифа
Халифа Абд-ал-лах 70
Хамза Араб 8
Хамида Бану бегим, мать Акбара 48
Хамид Бакари (Бхакари) 120, 121
Хан Азам Мирза Азиз Кокалташ, см. Мирза Азиз Кокалташ
Хан Алам, см. Искандар-хан Узбек
Хан Баба, см. Джан Баба
Хан Баки-хан, см. Джан Баки-хан
Хан Джахан, см. Хусейн Кули-хан
Хан Джахан Дакит 46
Ханзада бегим, дочь Омар Шейха, сестра Бабура 38
Ханзада Мухаммад (Шах-и-лаундан) 27, 28
Хан Заман, см. Али Кули Шайбани
Хан Килан, см. Мир Мухаммад-хан Калан
Хан Кули Сарбан 85
Хан Кули Узбек 58, 63, 137
Хан Харрам султан (хан) 58, 61, 226
Хан-ханан Дилавар-хан Лоди, Юсуфхайль 130
Харам (Хуррам) **бегим**, жена Сулейман мирзы 37, 71, 74, 110-111
Харам-хан, см. Хан Харрам султан
Харрам-хан (Харам-хан), см. Хан Харрам султан
Харун Шинвари 72

- Хасан Суфи султан** 72
- Хасан-хан**, брат Шихаб-ад-дин Ахмад-хана 12, 36, 97, 107, 113, 129
- Хасан-хан Патни** (Батани), брат Фатх-хана 51, 77, 92, 94
- Хасан-хан Хазанчи** 64, 90, 162, 207
- Хасан-хан Чагатай** 126, 162
- Хатва Меврах** 130
- Хафиз Ширази**, Шамс-ад-дин Мухаммад ибн Баха-ад-дин 153
- Хаят Султан** 164
- Хизр** (ал-Хади́р) 150
- Хизр-хан Хазара** 10, 11
- Хизр Ходжа-хан** (Хизр-хан Султан) 30
- Хинду бек Могол** 97
- Хисами Каракули Хиссани**, Хассан бин Сабит, Хусами 155
- Ходжа Аалам**, евнух 136, 137
- Ходжа Абд-ал-лах Ансари** 59, 61
- Ходжа Абд-ал-лах**, сын Ходжа Ахрара, см. Ходжаган Ходжа
- Ходжа Абд-ал-лах**, сын Ходжа Мухаммада Закарии 130
- Ходжа Абд-ал-Маджид**, Асаф-хан 39, 40, 42-47, 61, 86, 90-92, 108, 109, 121-122, 127, 129-132, 160, 161, 163, 165, 171
- Ходжа Амин-ад-дин Махмуд**, Ходжа Джахан 62, 87, 94, 95, 101, 106, 130, 188
- Ходжа Гияс-ад-дин Али**, см. Гияс-ад-дин Али
- Ходжа Килан Самани** 13
- Ходжа Кутб-ад-дин Уши** 209
- Ходжа Муаззам** (Муаззам султан), брат Хамиды Бану бегим 48-50, 99
- Ходжа Музаффар Али Тарбати** (Музаффар-хан) 24, 25, 62, 83, 87, 101, 105, 106, 114, 121, 124, 129, 139, 166, 181, 187, 188, 217, 221
- Ходжа Муин**, сын Ходжа Хаванд Махмуда 20, 21
- Ходжа Муин-ад-дин**, см. Ходжа Муин-ад-дин Чишти
- Ходжа Муин-ад-дин Ахмад-хан Фаранхуди**, см. Муин-хан Фаранхуди
- Ходжа Муин-ад-дин Чишти** 171, 172, 176, 199, 200, 205, 209, 215, 225, 228
- Ходжа Мурад бек** из Казвина 135
- Ходжа Низам-ад-дин Али Халифа**, см. Али Халифа
- Ходжа Рашиди**, см. Ходжа Султан Мухаммад Рашиди
- Ходжа Рустам** 13
- Ходжа Султан Мухаммад Рашиди** 48
- Ходжа Тахир Мухаммад** 118
- Ходжа Пхул Малик**, Мухаммад-хан, см. Итимад-хан
- Ходжа Хаванд** (Хонд) **Махмуд** (Ходжа Нур(а)) 20, 21
- Ходжа Хади** (Ходжа Килан) 118
- Ходжа Халифа**, см. Али Халифа
- Ходжа Хас Малик** (Мулк) 7, 11, 36
- Ходжа Хасан Накшбанди** 70, 71, 75, 76, 110, 112
- Ходжа Хусейн** из Мерва 196
- Ходжабек Махмуд** 72
- Ходжаган Ходжа**, сын Ходжа Ахрара 20
- Хосров** (Хусрау) **Дехлеви**, Абу-л Хасан Ямин-ад-дин Хосров 153
- Худа Бар Ятим** 64
- Хумаюн**, Джаханбани Джаннат-ашияни 8, 12, 17, 21, 34, 48, 49, 77, 114, 116, 135, 137, 176, 182, 202
- Хусейн бек** (хан) **Тукрийя** 93, 118
- Хусейн Али бек**, сын Вали бека Зулкадра 23
- Хусейн Кабули** 70
- Хусейн Кули бек** (хан) 23, 161
- Хусейн Кули султан**, см. Хусейн Кули хан
- Хусейн Кули-хан** (бек), мухрдар, Хан Джахан 27, 167, 180, 181, 187, 211, 215, 224
- Хусрав** (Хосров, Кир) 146, 151
- Хуш Хабар-хан**, Ходжа Абд-ал-Маджид 61, 113
- Хушхал бек** 137
- Чагатай-хан** 58, 61
- Чакарман Кхарчали** 46
- Чалма бек** (хан), Кука, Хан Алам 56, 93, 97, 137
- Чалма Тавачи** 85
- Чалма Хисари** 13
- Чандар Сен**, сын Малдео 24, 207
- Чингиз-хан** (1155(63)–1227) 116
- Чингиз-хан** из Гуджарата 63, 107, 159, 161, 178, 179, 207, 224

Чингиз-хан, сын Имад-ал-мулка 223
Чучак (Джуджак) бегим, см. Мах Джуджак бегим
Шагун (Шагуна) Куравал 171
Шагун Мухаммад, сын Карача-хана (бека) 9, 35, 36
Шадман 35
Шамс-ад-дин Мухаммад-хан Атга (Атка-хан) 72
Шамс-ад-дин Хаким-ал-мулк 15, 50
Шамс-хан Мияна 45
Шапур, см. Шах Мухаммад Кандагари
Шараф-ад-дин Хусейн, мирза, сын Ходжа Муина 21-23, 26, 31
Шариф-хан 19, 113, 181
Шах Абу-л-маали (Шах Абу-ал-маали) 26-29, 31, 34-37, 70, 75, 173
Шах Али Ишик Ака 164
Шах Будаг-хан, см. Бидаг-хан Каджар
Шах Вали, см. Шах Вали Атка
Шах Вали Атка 7, 11, 35
Шах Кули-хан Махрам 58, 59, 61, 226
Шах Кули Наранджи (Махрадж) 109
Шах Мирза, сын Мухаммад Султан мирзы 117
Шах Мирза, см. Мухаммад Султан мирзы, сын Улуг Мирзы
Шах Мирза султан, см. Мухаммад Султан мирза, сын Улуг Мирзы
Шах Мурад, см. Мурад, сын Акбара
Шах Мухаммад Кандагари 61, 144, 177
Шах Мухаммад-хан Кандагари, см. Шах Мухаммад Кандагари
Шах Насир Ходжа 138
Шах Тахир Бадахши 85
Шах Фанаи 97
Шах Фахр-ад-дин Машхади 58, 61, 65, 126, 226
Шах Халил-ул-лах 85
Шах Хусейн-хан Никадари 12
Шах Хусейн бек, сын Шахбека Аргуна, Кара Кули 13, 68, 214
Шахам Хан бек Джалаир (Шахам бек, Шахам-хан) 85, 86, 95, 189

Шахбаз-хан 130, 134, 216, 224
Шахрияр Кала (Кул) 94, 134
Шейх Баязид бек Фармули 13, 28, 94, 173, 174
Шейх Мухаммад Бухари 183, 193, 200
Шейх Низам-ад-дин Авлия, см. Низам-ад-дин Авлия
Шейх Санаани, см. Санаани
Шейх Хусейн, маулана 200
Шейх Юсуф Кули 136
Шер бек, есаулбаши 164
Шер Мухаммад Дивана 99
Шер султан 97
Шер-хан Афган, см. Фарид Шер-хан Сур
Шер-хан Сур, см. Фарид Шер-хан Сур
Шер-хан Фулади 207, 223, 224
Шер-шах, см. Фарид Шер-хан Сур
Шимал-хан 15, 50
Шихаб-ад-дин Ахмад (Ахмед)-хан 36, 51, 137, 159, 178, 179, 181
Шихаб-ад-дин Мухаммад Гури (Гори) 225
Шихаб-ад-дин Туркаман 126
Шихаб-ад-дин-хан, см. Шихаб-ад-дин Ахмад-хан
Шихаб-хан, см. Шихаб-ад-дин Ахмад-хан
Шуджаат-хан, см. Суджавал-хан
Шуджаат-хан, см. Муким-хан
Юсуф, сын Сулеймана Узбека 220
Юсуф Мирза султан, хан 107, 129, 224
Юсуф Мухаммад-хан Кокалташ, брат Азиза Кокалташа, сын Атка-хана 15, 56, 87, 109
Юсуф Тагаи 85
Юсуф-хан 67, 127
Ядгар Хусейн 211
Яздан Кули 164
Яр бек, брат Шер бека 164
Яр Али Билуч (Балуч) 27, 137
Яр Мухаммад Ахунд 70, 76
Яри Тавачи 13
Яхия Бахши 137
Яршахи 118

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Агра** 21, 26, 28, 32, 49, 62, 63, 65, 67, 69, 81, 82, 87, 96, 104, 106, 108, 109, 113, 116-118, 121, 123, 124, 128, 135, 136, 138, 140, 162, 177, 181, 188, 194, 198, 199, 202, 217
Аджмир (Аджмер, Хазрат Аджмир) 22, 23, 171, 172, 175, 176, 188, 199, 200, 205, 216, 225-228
Азимпур 117, 118
Алвар (Алвей) 177, 183
Аллахабад 93
Амбер 188, 228
Андари (Индри) 14
Андхиари-бари (Андарибари) 51
Асир 64
Ауд (Аудх, Айодхья) 85, 127, 129, 138-140
Ахмадабад 178, 223, 224
Багдад 56
Баглана 207
Бадаун (Бадаон) 187
Бадахшан 37, 38, 48, 70, 74, 110, 115, 154
Бакар, см. Бхаккар
Баксар 94
Балх 8, 112
Бамиан 9
Бангаш 70
Бандху 6
Баран 71
Бари 142
Барода (Вадодара) 223
Басавал (Ясавал) 71
Басавар 199
Бахра (Панджхар) 112
Баянван (Бапанва) 81
Бенарес (Варанаси) 100-102, 136-138
Бенгалия, Бенгал 52, 90, 172, 174
Берар 63
Биана 118, 216
Биас (Беас) 17
Биканир (Биканер) 207
Бикрам (Беграм, Пешавар, Пешавур) 13, 14, 71, 73, 112
Бихар 51, 76, 172
Бихат, см. Джелам
Бхаккар 49, 213-214
Бхаруч (Броач, Броч) 159, 178, 179, 223
Бхера, см. Бхира
Бхимбара (Бхимбхар) 210
Бхира (Бхера) 113
Бходжпур 126
Гагра (Гогра) 102
Гагрун (Гаграун) 144, 159, 160, 178
Гадха (Гарха) 40, 43, 47, 79, 86, 88, 91, 108, 109, 184
Гадха Катанга, см. Гондвана
Газипур (Гхазипур) 101, 138
Газни (Газна) 10, 70, 71, 75, 152
Ганг (Ганга) 87, 96, 101, 103, 104, 127, 129-132, 138, 174
Гарибхана 71
Гарола 40
Гаур 44
Гвалинар (Гвалияр, Гвалинор) 18, 51, 55, 67, 78, 81, 129, 142, 198
Гондвана 39, 40, 43
Гондвара, см. Гондвана
Горахпур (Горакпур) 140
Горбанд (Горбенд, Гурбанд) 36, 37, 110, 112
Гуджарат 26, 49, 62, 63, 107, 122, 159, 161-162, 178, 179, 222-224, 226
Дабар (Дабра) 224
Дака (Дакка) 71
Дамох 43, 44
Данаки (Дханкакри) 40
Дандука 223
Дахарсу 28
Декан 39, 63, 207
Дели (Дихли) 26, 29, 30, 51, 114, 116, 118, 121, 126, 135, 200, 201, 223
Деохар (Деосар) 40
Дех-Гуламан 12
Дех-Минар 71
Джаганнатх 90
Джагдалик 74

- Джайсалмир** (Джайсалмер) 207, 214
Джалалабад (Джелалабад, Джуи Шахи) 8, 12, 13, 36, 70-74, 112
Джаландхар 14
Джалаур (Джалор, Джалавар) 23, 26, 31
Джалор, см. Джалаур
Джам 154
Джамна (Джумна, Ямуна) 82, 87, 202
Джанджхун (Фатхпур Джанджхун) 28
Джаунпур 47, 53, 77, 88, 90-92, 99-103, 108, 117, 121, 127, 128, 137, 138, 173, 204
Джелалабад, см. Джалалабад
Джелам (Бихат) 119
Джодхпур 24
Джумна, см. Джамна
Джуна 199
Джунагарх 223
Джхак 200
Джхарханд (Джхаркханд, Джаркханд) 39
Дибалпур, см. Дипалпур
Дипалпур (Дибалпур) 215
Диса 199
Дихли, см. Дели
Донганпур 162
Дуаб (Доаб) 117
Дулка 223
Дунгапур 64
Дхандхера 66
Дханури (Данхури) 99
Дхар 58
Дхолпур (Дулпур) 78, 142, 143
Зама 7
Замания (Заманийя) 53, 103, 173
Зухак (Зуххак) 9
Зхала 9
Илахабас 136
Инд 14, 17, 70-72, 112-114
Индия 6, 9, 10, 15, 17, 20, 21, 24, 26, 29, 31, 33, 39, 40, 42, 49, 75, 76, 81-83, 100, 115, 125, 126, 143, 151, 167, 182, 200, 207, 209, 221, 225
Индостан, см. Индия
Ирак 21, 151, 184
Иран (Персия, Фарс) 69, 153
Иса (Исахел) 112
Испахан (Исфахан) 153
Итава, см. Этава
Кабул 7, 9, 11-14, 21, 27-29, 31, 34, 35, 37, 38, 48, 70-76, 110-115, 180
Каджбил 200
Каджли (Коччи, Кочин) 190
Казвин 79
Каир 56
Кайдани 206
Какрали 69, 72, 90, 106, 108-110, 112
Калавали (Караули, Кароли) 199
Калан Зафар, см. Кила-и Зафар
Каланур 14
Калинджар 189
Калпи (Кальпи) 106
Камбей 223
Кампанир, **Чампанир** 62, 63, 159, 178, 179, 223
Канаудж (Каннаудж) 85, 87, 127, 129, 181
Кандагар 184
Кара, см. Карра
Кара Баг (Карабаг) 111
Караппах 72
Кароха 199
Карра (Кара) 40, 47, 85, 86, 105, 106, 121, 127, 129-130, 137, 138
Кархара (Кара) 77, 78, 81
Касур 209
Катанга 40
Катхола (Катхотия) 40
Кашгар (Каши) 20, 21, 35
Кашмир 20, 210
Китай (Катай, Чин, Мачин, Хит) 21
Комбальмир 161
Кота 144
Кох-и-Баран 71
Кукур (Шукр) **Талао** 206
Кулаб (Куляб) 37
Кура 138
Куркхет (Курукшетра) 125
Лакхнау (Лакнау) 18, 85, 87, 127, 184, 220
Лалсот 183
Ламган (Ламганат) 12
Ланджи 40

Лахор 14, 110, 113-115, 118-122, 126, 180, 209, 215
Ливан 157
Ливани 58, 59
Мавераннахр 21, 28, 36
Мадан Бенарес, см. Замания
Мазари-Шариф (Мазра-и-Ашраф) 112
Майдан 36
Малабар 190
Малва (Мальва) 52, 54, 56, 57, 62-64, 107, 118, 141-143, 159, 160, 178, 179, 181
Малер (Малес, Малнер) 99
Мама Хатун 8
Мамура 10
Мамура-и Пай-Минар 9
Мандал 160, 171
Мандла 40
Манду 57, 58, 62, 64, 69, 116, 179
Мандхакур (Мандхакар, Мидхакур) 199, 205
Маникпур 85, 86, 104, 121, 122, 127, 129, 130, 137
Матила 214
Матхура (Махаван, Маттра) 15, 28
Мау (Мау Натбханджан) 102
Махоба 40
Меват 176, 183
Медина (Мадина-ан-Наби) 177
Мекка (Умм аль-Кура) 14, 26, 106, 177
Меос 12
Миртха (Мератх, Мират, Миртра) 23
Мохан 129
Мугда 40
Мугулистан (Моголистан) 21, 35
Муиззабад 200
Мультан (Мултан) 12, 72, 135, 209
Мухаммадабад 101, 102
Нагаркот 224
Нагарчаин (Нагарчин), см. Кақрали
Нагаур 228, 229
Нагор (Нагаур) 21-23, 181, 206, 208, 226
Нарбада 179
Нарвар 54, 55, 67, 77, 78, 81, 85
Нарнул (Нарнаул, Нарнол) 27, 28, 177
Нархана (Нархан) 103
Наушахр 211
Неота 200
Низамабад 103
Нимкар 85, 86, 118
Нишапур 8
Орисса 90, 173, 174
Пак Паттан (Пир Паттан) 208, 212, 215
Палам 182
Палвал 126
Панна 6, 39-42, 189
Парван 74
Парсарур (Парсур) 25
Патан 223, 224
Патна 51, 173, 174
Паттан, см. Пак Паттан
Пенджаб (Панджаб) 14, 19, 72, 113, 117, 122, 124, 128, 180, 181, 208, 224
Персия, см. Иран
Пешавар (Беграм, Бикрам) 71, 72
Пурагадха 47
Пхалуди (Фалуди) 228
Пхулмахал 200
Рави 122
Рай Барели 129
Райсин (Райсен) 40
Райсин (Мальва) 39
Рампур 161
Рануд (Ранод) 57
Рантханбхур (Рантханбхор, Рантанбхор, Рантахпур) 144, 178, 179, 181-185, 188, 189
Ратанпур 39
Ратунпар (Ратун), см. Рантханбхур
Ратха 40
Ротас, см. Рохтас
Рохтас 51, 76, 77
Сакит (Сакита) 129
Сакравал 135
Сакхун (Сакун) 200
Салвани (Силвани) 40
Самана 99
Самарканд 21
Сампат 118
Санбал (Самбал, Самбхал) 116, 117, 181
Санганир 200, 224

- Санджад Дара** (Санджад) 112, 115
Сантвас 118
Сарай Даулат-хана 124
Сарандж (Сарондж) 179
Сарангпур 57, 65, 179
Сарвар, см. Сирвар
Сархарпур 85, 127, 137
Сатладж (Сатледж) 114, 209
Сиви Супар 144
Сикри (Шукри), см. Фатехпур Сикри
Сингаургарбх (Синграур) 130
Синд-Сагар (Синд-Сагари) 72
Синд 34
Сипри 54, 65, 66
Сирвар (Сарвар) 96, 101-103
Сирхарпур, см. Сархарпур
Сихринд (Сирхинд, Сахринд) 124
Сиях Санг 7, 10
Сона (Сон) 51, 173
Соратх 223
Сурат 159, 178, 179, 223
Талонди (Талунди) 209
Тарбат (Тарбат-и Хайдар) 24
Татария 105
Татта (Тхатта) 115, 213, 214
Термез (Термиз) 35
Тода 199
Туран 126, 153, 221
Туркестан 21
Турфан 21
Тус 152
Тханесар (Танессар) 124, 126
Уд (Удх), см. Ауд
Удайпур 161
Удджайн (Уджайн) 57, 65, 118, 159, 178, 179
Умбалла 125
Фарс, см. Иран
Фатехпур, см. Фатехпур Сикри
Фатехпур Сикри (Фатехпур, Фатхпур) 193, 195, 199, 203, 216, 217, 224
Фатхпур 136
Фирузабад-и-Дихли, см. Дели
Хаджипур 23, 27
Хайрабад 14, 93, 97
Хамирпур 41
Ханва 199
Хандеш 63, 179
Хандия 63
Хансвах (Хансва, Хансох) 18
Хансмахал 200
Харанди 199
Харкан (Харакан) 157
Хархари, см. Талонди
Харья (Харрай) 40
Хиджаз 49, 109, 184
Хилан 19
Хиндаун 122
Хиндвара 144
Хиндия 118
Хинду Кох 71, 112
Хиндустан, см. Индостан
Хирар (Хера) 57, 64
Хисар (Гиссар) 215
Хисар Фируза (Хисар, Хиссар) 14, 28, 215
Хита, см. Китай
Ходжа Ривадж (Ходжа Раваш, Риваш) 9, 74
Ходжа Се Яран (Ходжа Сех Яран) 8
Хорасан 21, 116, 151
Чамбал 55, 78
Чарбаг (Баг-и-сафа) 13
Чар-Дивар 115
Чарикаран (Чарикар) 8, 37
Чауза (Джауза) 94
Чаурагарха (Чаурагарх) 40, 46, 47, 86, 88, 91
Чилупара (Джалупара) 102
Читор (Читтор, Читур) 145, 160, 172, 173, 175, 178, 181, 182, 189
Читур, см. Читор
Читури 166
Чунар 99-101, 121
Шакардара 110
Шамс Талао 206
Шахпур 14
Шейхан 130
Шергарх 127
Шираз 21
Этава (Итава) 12, 14, 106, 138

Список миниатюр

1. Акбар с четками. Могольская школа, XVII в. ИВ РАН (СПб.), D 181, л. 35 а.
2. Биджапурский Султан Ибрахим Адил Шах на соколиной охоте. Приписывается Хусейну Фаррух Беку. Декканская школа, Биджапур, начало XVII в. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 2 а.
3. Старцы в горах. Персидская школа, XVII в. РНБ, Дорн 489, л. 24 об.
4. Знатная дама, слушающая музыку. Могольская школа, середина XVII в. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 71 а.
5. Вельможа с молодой женщиной. Могольская школа, середина XVII в. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 17 а.
6. Духовные лица, посланники, прочие гости и артисты на приеме у Шаха Джахана. Приписывается Лал Чанду. Могольская школа, около 1640. ИВ РАН (СПб.), Е 14, л. 13 а.
7. Портрет могольского вельможи. Фрагмент миниатюры «Охота на львов». Могольская школа, конец XVI – XVII вв. РНБ, Дорн 489, л. 72.
8. Знатные дамы на террасе. Могольская школа, XVII в. РНБ, Дорн 489, л. 71 об.
9. Портрет знатной дамы. Фрагмент миниатюры «Охота на львов». Могольская школа, конец XVI – XVII вв. РНБ, Дорн 489, л. 72.
10. Портрет могольского вельможи. Фрагмент миниатюры «Всадник и чтец». Могольская школа, XVII в. РНБ, Дорн 489, л. 77 об.
11. Лев. Могольская школа, XVII в. РНБ, Дорн 489, л. 49.
12. Портрет сефевидского вельможи. Фрагмент миниатюры «Всадник и чтец». Могольская школа, XVII в. РНБ, Дорн 489, л. 77 об.

Содержание

ГЛАВА 46.	Начало 8-го Божественного года с момента священного Восшествия на престол [Его Величества] Шахиншаха — года абан первого цикла	5
ГЛАВА 47.	Назначение Муним-хан Хан-ханана в Кабул и события, последовавшие за этим	7
ГЛАВА 48.	Доблестное завоевание царскими войсками страны гакхаров	16
ГЛАВА 49.	Второе прибытие Шах Абу-л-маали, раздувание им недовольства и последующие скитания в пустыне погибели	26
ГЛАВА 50.	Поход Шахиншаха в Дели и простираение тени зонта удачи над [этим] городом: проникновение шипа в подобные лепесткам розы элементы Шахиншаха и о его превращении в эру благодати, а также о его [Акбара] близости к Божественной защите	29
ГЛАВА 51.	Начало 9-го Божественного года с момента [священного] Восшествия на престол [Его Величества Шахиншаха] — года азар первого цикла	33
ГЛАВА 52.	Завоевание страны Гадха Катанга мечом таланта Ходжа Абдал Маджид Асаф-хана	39
ГЛАВА 53.	Явление света справедливости в возмущении Шахиншаха поведением Ходжа Муаззама	48
ГЛАВА 54.	Экспедиция Его Величества в Мальву, охота на слонов, поход против Абд-ал-лах-хана, победа, вновь охота на слонов и возвращение в столицу	54
ГЛАВА 55.	Попытка мирзы Мухаммад Хакима обрести приют при мироохраняющем Дворе Шахиншаха, отнятие Кабула у мирзы Сулеймана и прочие удачные события	70
ГЛАВА 56.	Прибытие Его Величества Шахиншаха в область Нарвар для охоты на слонов	78
ГЛАВА 57.	Начало 10-го Божественного года [с момента священного Восшествия на престол Его Величества Шахиншаха] — года дай первого цикла	80
ГЛАВА 58.	Поход Шахиншаха для подавления мятежа Али Кули Хан Замана и другие события	84
ГЛАВА 59.	Начало 11-го Божественного года [с момента священного Восшествия на престол Его Величества Шахиншаха] — года бахман первого цикла	105
ГЛАВА 60.	Поход Шахиншаха для подавления мятежа мирзы Мухаммад Хакима и другие благополучные события	110
ГЛАВА 61.	Начало 12-го Божественного года с момента [священного] Восшествия на престол [Его Величества Шахиншаха] — года исфандармаз первого цикла	119

ГЛАВА 62.	Поход Шахиншаха из Агры в Джаунпур и смерть Хан Замана и Бахадур-хана на поле победы	128
ГЛАВА 63.	Поход с целью захвата крепости Читур	141
ГЛАВА 64.	Ода Файзи	147
ГЛАВА 65.	Осада Его Величеством крепости Читур	160
ГЛАВА 66.	Начало 13-го Божественного года [с момента священного Восшествия на престол Его Величества Шахиншаха] — года фарвардин второго цикла	175
ГЛАВА 67.	Поход Шахиншаха с целью завоевания Рантанбхора	182
ГЛАВА 68.	Начало 14-го Божественного года с момента священного Восшествия на престол [Его Величества Шахиншаха] — года ардибихшт второго цикла	185
ГЛАВА 69.	Взятие крепости Калинджар слугами власти	189
ГЛАВА 70.	Благоприятное рождение озаряющей мир жемчужины обители власти и судьбы, блистающего в ночи бриллианта ларца созидания и славы — принца Султан Салима	192
ГЛАВА 71.	Паломничество Его Величества Шахиншаха из столицы в Аджмир, достижение им земного и духовного успеха на полях удачи	199
ГЛАВА 72.	Начало 15-го Божественного года с момента [священного] Восшествия на престол [Его Величества Шахиншаха] — года хурдад второго цикла	201
ГЛАВА 73.	Благословенное рождение принца Шах Мурада	203
ГЛАВА 74.	Поход Шахиншаха в Аджмир и прочие счастливые события	205
ГЛАВА 75.	Краткое повествование о шейхе Фариде Шакаргандже — да святится его могила! Рассказ об охоте Акбара на диких ослов	209
ГЛАВА 76.	Начало 16-го Божественного года с момента [священного] Восшествия на престол [Его Величества Шахиншаха] — года тир второго цикла	212
ГЛАВА 77.	Начало 17-го Божественного года с момента священного Восшествия на престол [Его Величества Шахиншаха] — года амардад второго цикла	219
ГЛАВА 78.	Поход мирозавоевающей армии Шахиншаха для покорения Гуджарата	222
ГЛАВА 79.	Благословенное рождение букета весенней удачи — принца Султан Данияла	227
ПРИМЕЧАНИЯ		254
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ		302
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ		313

Абу-л Фазл Аллами

АКБАР-НАМЕ

Книга четвертая

Главный редактор *Л.И. Агрофенина*
Выпускающий редактор *И.О. Клубкова*
Литературный редактор *О.Н. Зызлаева*
Технический редактор *Л.И. Введенская*
Компьютерная вёрстка — *Л.И. Викторова, И.В. Королёва*
Корректор *О.Н. Костина*

Подписано в печать 04.08.2009. Формат 70 x 100/16
Бумага офсетная и мелованная. Усл. печ. л. 26
Тираж 2 000 экз. Заказ №

© ООО «Издательский дом «Агни», 2009
Телефон (846) 269-77-64

Отдел продаж
Телефоны: (846) 270-23-87, 279-07-06
Факс (846) 270-23-77
E-mail: book@agniart.ru
Интернет-магазин: www.agni.com.ru

Фотоагентство
Телефон (846) 270-32-90
Факс 270-20-11
E-mail: support@agniart.ru
Интернет-магазин: www.agniart.ru

Книга — почтой: 443110, Россия, Самара, а/я 9684

Отпечатано в типографии ООО ПФ «Полиграф-Книга», 2009
160001, Россия, Вологда, ул. Челюскинцев, 3